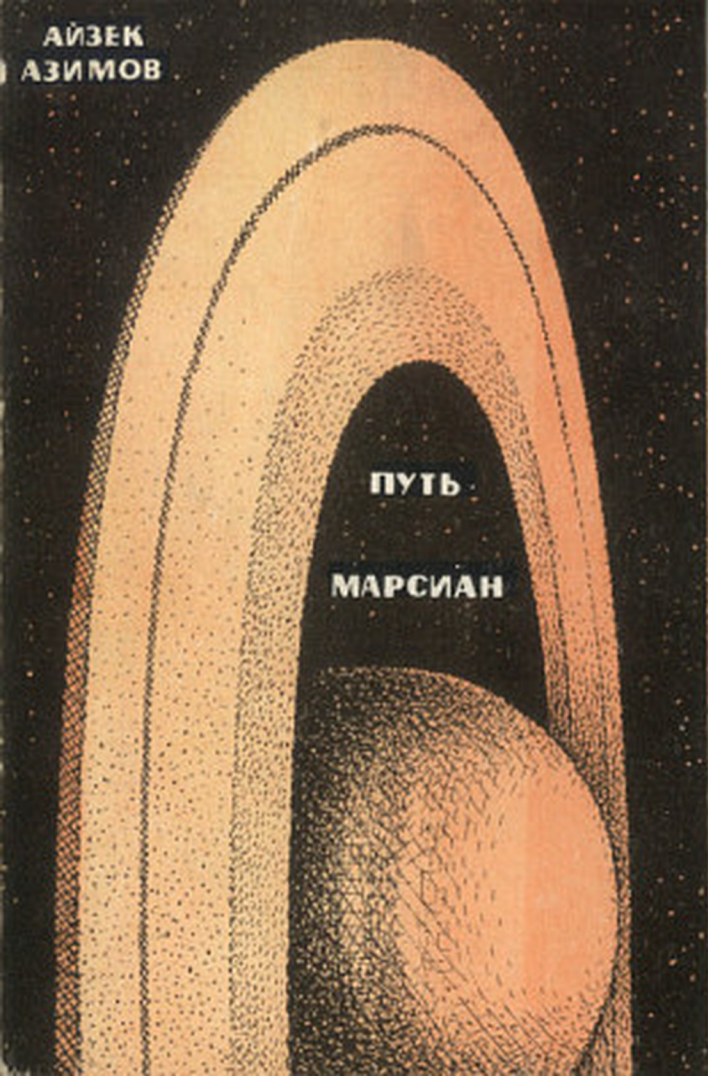
АЙЗЕК АЗИМОВ

ПУТЬ МАРСИАН



ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

Путь марсиан

Айзек Азимов, Аркадий Натанович Стругацкий, Борис Натанович Стругацкий

Аннотация
Зарубежная. Фантастика. Айзек Азимов. ПУТЬ МАРСИАН
ФАНТАСТИКА СЛУЖИТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ. (Айзек Азимов — человек и фантаст)
ПУТЬ МАРСИАН. (Перевод А. Иорданского и Н. Лобачева)
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
ПРИХОД НОЧИ. (Перевод Д. Жукова)
МЕСТО, ГДЕ МНОГО ВОДЫ. (Перевод А. Иордан-

ского)
ПОЮЩИЙ КОЛОКОЛЬЧИК. (Перевод Н. Гвоздаревой)
ВЫХОД ИЗ ПОЛОЖЕНИЯ. (Перевод А. Иорданского)
РОБОТ ЭЛ-76 ПОПАДАЕТ НЕ ТУДА. (Перевод А. Иорданского)
МЕЧТЫ — ЛИЧНОЕ ДЕЛО КАЖДОГО. (Перевод И. Гуровой)
ПРОФЕССИЯ. (Перевод С. Васильевой)
МЕРТВОЕ ПРОШЛОЕ. (Перевод И. Гуровой)
ВЫБОРЫ. (Перевод Н. Гвоздаревой, Н. Явно)
* * *

Аннотация

Один из первых в СССР сборников рассказов американского писателя Айзека Азимова, в который включены разноплановые произведения. С предисловием братьев Стругацких.

Содержание:

*** Аркадий и Борис Стругацкие. Фантастика служит человечеству (предисловие)**

*** Айзек Азимов. Путь марсиан (А. Иорданского, Н. Лобачева)**

*** Айзек Азимов. Приход ночи (перевод Д. Жукова)**

*** Айзек Азимов. Место, где много воды (перевод А. Иорданского)**

*** Айзек Азимов. Поющий колокольчик (перевод** Н. Гвоздаревой**)**

*** Айзек Азимов. Выход из положения (перевод А. Иорданского)**

*** Айзек Азимов. Робот ЭЛ-76 попадает не туда (перевод А. Иорданского)**

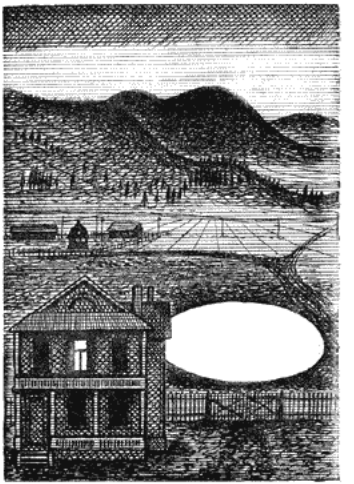
*** Айзек Азимов. Мечты — личное дело каждого (перевод И. Гуровой)**

*** Айзек Азимов. Профессия (перевод С. Васильевой)**

*** Айзек Азимов. Мёртвое прошлое (перевод И. Гуровой)**

*** Айзек Азимов. Выборы (перевод Н. Явно)**

Зарубежная Фантастика
Айзек Азимов
ПУТЬ МАРСИАН



ФАНТАСТИКА СЛУЖИТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ *(Айзек Азимов — человек и фантаст)*

Он родился в России в тысяча девятьсот двадцатом. Когда ему было три года, его родители эмигрировали в Америку. Они поселились в Нью-Йорке, на Лонг-Айленде. Отец открыл торговлю сладостями. Мальчик подрос и стал помогать отцу в лавке. Возвращаясь из школы, он становился за прилавок. Как-то, когда ему было девять лет, в его руки случайно попал выпуск «Эмэйзинг сториз» — первого в США журнала научной фантастики. Он любил и уважал отца и спросил, можно ли читать этот журнал. Отец перелистал страницы скверной бумаги, проглядел иллюстрации и сказал: «Книга полезная. Читай». И мальчик стал запоем читать научную фантастику. Впрочем, не менее увлеченно он читал и детективы.

Он мечтал стать врачом и после школы подал на медицинский факультет, но провалился на вступительных экзаменах. Тогда он подал на химический. Он учился горячо и упорно, но фан-

тастика по-прежнему увлекала его. Собственно, писать он начал в семнадцать лет. В тридцать девятом году все в том же «Эмэйзинг сториз» появилась его первая повесть: «Брошенные на Весте». Он печатался, его заметили. Когда в сорок первом году был опубликован рассказ «Приход ночи», он стал признанным автором. В том же году он получил звание магистра химии, а пять лет спустя его пригласили читать лекции в Колумбийском университете. В сорок девятом он переехал в Бостон и стал преподавателем в старейшем в США Гарвардском университете. Он читал лекции, вел исследования по биохимии и писал. Блестящее воображение и широкая научная эрудиция быстро выдвинули его в первую пятерку американских фантастов. В то же время он получил признание как большой ученый, крупный авторитет в области биохимии. Но ему не хватало времени. Его увлекала научная работа, и вместе с тем он чувствовал, что не писать он не может. В конце концов стремление говорить с миллионным читателем взяло верх: в пятьдесят восьмом году он оставил университет и всецело посвятил себя литературной деятельности. Тогда же, к великому огорчению и удивлению своих читателей, он оставил фантастику, полностью

переключившись на научно-популярную литературу. И его научно-популярные работы, право же, не уступали по блеску его фантастике.

Сейчас он живет в Уэст Ньютоне, штат Массачусетс. Рано утром он завтракает вместе с семьей, провожает в школу сына и дочку, затем поднимается в свой кабинет и садится за пишущую машинку. К пяти часам вечера, когда он устает так, что начинает «мазать» по клавишам, он бросает работу и возвращается к семье. Он слушает как дочка упражняется на пианино, смотрит телевизор, беседует с сыном. Потом до глубокой ночи читает. Это постоянный распорядок его дня, неизменный вот уже много лет. Правда, он не окончательно порвал с университетом. Раз в неделю он посещает свою лабораторию и дважды в год читает лекции. Да и дети частенько вытаскивают его на прогулки. Но в общем-то он законченный и закоренелый домосед, ему неуютно вне кабинета и без пишущей машинки. Особенно ненавидит он переезды. Во время войны по правительственному заданию ему пришлось совершить перелет из Сан-Франциско на Гаваи. Воспоминание об этом до сих пор приводит его в содрогание. Ни до, ни после этого он и близко не подходил к самолету. Не потому ли

Сьюзен Келвин и многие другие его герои терпеть не могут и даже боятся космических перелетов?

Когда его спросили, был ли он на мысе Кеннеди, он отрицательно покачал головой. Он заявил, что однажды вечером видел в небе какой-то искусственный спутник, и этого с него вполне достаточно. Тут же выяснилось, что в телескоп он смотрел всего два раза в жизни, полюбовался Луной и был разочарован. «Обстоятельно поразмыслив, — писал он, — я решил сидеть дома. Я путешествую по различным небесным телам, не отходя от письменного стола… Пишущая машинка расплывается в тумане перед моими глазами и превращается в пульт космического корабля… И мое сердце, в котором нет ни на грош любви к приключениям, тревожно сжимается при этом».

* * *

За двадцать лет работы в жанре фантастики Айзек Азимов написал несколько десятков романов, повестей, рассказов. Говорят, что увлечения детства не проходят даром для человека в зрелом возрасте. Так случилось и с Азимовым-фантастом. Детская любовь к приключенческой фантастике и детективам оставила след в его творчестве. «Установление», «Стальные пе-

щеры», «Нагое солнце», «Течения в космосе» — это авантюрно-детективные романы и повести на фантастической основе. Однако главное направление в творчестве Азимова — это не фантастические приключения, хотя и здесь он стоит на голову выше многих американских фантастов. Подлинно самобытный Азимов, Азимов-новатор, Азимов-социолог и экспериментатор открывается в таких великолепных циклах, как «Я, робот», «Звезды как пыль», «На Земле хватает места» и в грандиозной и мрачной утопии, самом значительном его произведении — «Конец Вечности».

Если в авантюрной фантастике Азимова еще можно обнаружить признаки социального пессимизма, попытки перенести в будущее грехи и язвы современного человечества — свирепые войны, тирании, колониализм, ряженные в космические одежды, беспринципность и безответственность политиков, лютую жестокость генералов, алчность дельцов, ареной действий которых являются галактические империи, то в социологической его фантастике, при всей ее гротескности и парадоксальности, мы видим современность, капиталистическую действительность, моральную, этическую и философскую проблематику человечества се-

годня. «Для человека, привыкшего смотреть на вещи с американской точки зрения, — сказал однажды Азимов, — оптимистическое видение современного общества неприемлемо. Я использую фантастику для критики общества. Так же поступают в общем и все другие американские фантасты». Больше всего из своих произведений Азимов любит рассказ «Уродливый мальчуган». Это рассказ о том, как в ходе эксперимента с машиной времени в нашу современность попал мальчик-неандерталец. По ряду причин мальчика пришлось отправить обратно, хотя к нему очень привязывается один из участников эксперимента, женщина-ученый. Советский читатель знает этот рассказ, и для него это новелла, исполненная грусти и лиризма, построенная на остроумном научно-фантастическом допущении. Но сам Азимов ценит этот рассказ совсем за другое. Он считает, что неандертальский мальчик существует в действительности, каждое общество знает его. В Америке это негр, в других странах — кто-нибудь другой, объект расовой и национальной нетерпимости, когда люди с готовностью ненавидят соседа с иным цветом лица и иной формой носа.

Почему, однако, один из самых выдающихся

фантастов нашего времени вдруг оставил фантастику? Почему с пятьдесят восьмого года он не опубликовал ни одного рассказа, ни одной повести? Почему его так захватила научная популяризация? Некоторые недалекие критики были склонны связать это с началом космической эры: дескать, теперь не осталось больше в мире тем для фантастической литературы. Азимов опровергает это утверждение. «Лунные перелеты всегда были излюбленной темой для фантастов, — сказал он. — Но разве, когда такие перелеты будут осуществлены, фантасты перестанут писать? Мы пишем о будущем с точки зрения настоящего. Несомненно, после лунных перелетов родятся новые темы». И тем не менее «…это правда, что после запуска первого искусственного спутника я перешел на популяризацию науки… Мне стало стыдно, что я до сих пор ни разу не откликнулся в своих книгах на поразительный прогресс науки и техники». Он дает и другое объяснение: «Эмоции, переживания — мое слабое место, я люблю объяснять вещи и явления логически, и поэтому у меня такие произведения получаются плохо». Азимов скромничает, но эмоции и переживания действительно всегда занимали его очень мало, что легко видеть по его произведениям. Впрочем,

сейчас он работает все-таки над новым «космическим детективом», хотя и признается, что гораздо больше его увлекает история науки.

Азимов делит историю американской фантастики на три периода. Первый период — приключенческая фантастика: 1926–1938 годы. Второй период — научно-техническая фантастика: 1938–1950 годы. Наконец, третий период — социальная фантастика: с 1950 года по наши дни. Такая периодизация лишний раз подтверждает главенствующую роль в его творчестве социологического момента. Знакомясь с его произведениями, нетрудно убедиться, что он полностью согласен со словами своего знаменитого соотечественника Рэя Бредбери: «Лучшую фантастику пишут те из нас, кто при столкновении с отвратительными явлениями в нашем обществе тут же воспламеняется негодованием и ненавистью».

Когда Азимов познакомился с переводами советских фантастов, их социальный оптимизм настолько его поразил, что он немедленно сделал два неправильных предположения: либо эти произведения специально написаны для американского читателя в целях пропаганды, либо советские фантасты — наивные простаки,

не понимающие опасностей развития современной науки. Он писал: «Мы считаем, что поразительные достижения современной науки могут привести к уничтожению человека. А вот советская фантастика… полагает, будто прогресс науки рано или поздно приведет человечество к огромному расцвету. Мы думали так лет пятьдесят назад. Я тоже раньше был таким же оптимистом…»

О нелепости первого предположения говорить не приходится. Очевидна ошибка Азимова и во втором предположении. Советская фантастика никогда не полагала, будто прогресс науки сам собой приведет человечество к процветанию. Советская фантастика всегда утверждала, что все дело в том, в чьих руках наука находится.

И, кстати, Азимов не уверен, что не ошибается. «Меня не покидает сложное ощущение, — признается он, — что, живи я в Советском Союзе, я бы тоже писал такие произведения. Это ощущение неотступно преследует меня всякий раз, когда я читаю советское фантастическое произведение…» Эта тоска по оптимизму, которую испытывает человек и писатель Азимов, определяется его идейными принципами. Он достаточно хорошо изложил их в своем послании

к японским читателям:

История достигла точки, когда человечеству больше не разрешается враждовать. Люди на Земле должны дружить. Я всегда старался подчеркнуть это в своих произведениях. Любовь читателя к моим произведениям я считаю признаком того, что он согласен с таким утверждением. Не думаю, что можно заставить всех людей любить друг друга, но я желал бы уничтожить ненависть между людьми. И я совершенно серьезно полагаю, что научная фантастика есть одно из звеньев, которые помогают соединить человечество. Проблемы, которые мы поднимаем в фантастике, становятся насущными проблемами всего человечества. Во время Международного Геофизического Года люди, которые до того понятия не имели друг о друге, сотрудничали на антарктических базах. В результате мы, американцы, поняли, что русские вовсе не внушают ужаса, тогда как русские тоже поняли, что мы не являемся расой варваров. Не устаю надеяться, что в великом

деле покорения Луны это сотрудничество будет продолжаться. А если даже оно не будет иметь места при завоевании Луны, то хоть ко времени исследования Марса человечество наберется здравого смысла, достаточного, чтобы осознать, что это дело всего человечества.

Писатели-фантасты предсказывают этот день, они и пишут для того, чтобы этот день наступил скорее. Писатель-фантаст, читатель фантастики, сама фантастика служат человечеству.

* * *

Рассказы, публикуемые в настоящем сборнике, разумеется, не исчерпывают всех направлений художественного творчества Азимова. Их условно можно разделить на несколько тематических разделов: «космические» рассказы, рассказы о роботах, проблемы воспитания и обучения, рассказы о времени.

Что касается «космического» раздела, то он представлен достаточно полно и разнообразно. Действительно, есть сюжетная повесть о тружениках космоса («Путь марсиан»); показан мир глазами инопланетного разума («Приход ночи»);

есть тема пришельцев, ставшая у хороших фантастов сатирической («Место, где много воды»); есть, наконец, «космический детектив» («Поющий колокольчик»).

Второй раздел сборника — рассказы о роботах. Читателю известен цикл «Я, робот»[1], последовательно излагающий квазиисторию роботехники грядущего. Но Азимов не ограничился этим циклом. Рассказы «Выход из положения» и «Робот ЭЛ-76 попадает не туда» разрабатывают ту же тему. Последний из них сам Азимов включил в сборник «Мой лучший научно-фантастический рассказ».

Третий раздел сборника — социальная проблематика воспитания и обучения — представлен превосходной повестью «Профессия» и рассказом «Мечты — личное дело каждого». Утрируя и доводя до логического предела отдельные тенденции в современном буржуазном обществе, Азимов создает модели будущего, позволяющие вскрыть опасные стороны этих тенденций, в частности разоблачить растлевающее воздействие так называемой «массовой культуры».

Любопытны также рассказ «Мертвое прошлое»,

---

[1] Примечания: 1

«Я, робот», издательство «Знание», 1964

совершенно неожиданно трактующий излюбленную фантастами тему передвижения во времени, и памфлет «Выборы», отличающийся очень точной социальной нацеленностью.

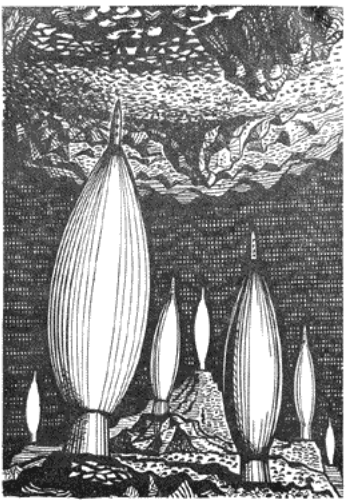
Следует еще раз подчеркнуть, что упомянутые тематические направления ни в малейшей мере не исчерпывают творчество Азимова — даже как основные. Тем не менее состав настоящего сборника следует признать довольно удачным. Он представляет нашему читателю Азимова-фантаста с достаточной (на первый случай) полнотой.

А. Стругацкий,
Б. Стругацкий

ПУТЬ МАРСИАН[2]
(Перевод А. Иорданского и Н. Лобачева)

[2] Примечания: 2
отредактировано 24.03.21

1



Стоя в дверях короткого коридора, соединявшего обе каюты космолета, Марио Эстебан Риос с раздражением наблюдал, как Тед Лонг старательно настраивает видеофон. На волосок по часовой стрелке, на волосок против, но изображение оставалось паршивым.

Риос знал, что лучше не будет. Они были слишком далеко от Земли и в невыгодном положении

— за Солнцем. Но откуда же Лонгу знать это? Риос еще немного постоял в дверях — боком и нагнув голову, чтобы не упереться в притолоку. Затем ворвался в камбуз, словно пробка из бутылочного горлышка.

— Что это вас так заинтересовало? — спросил он.

— Хочу поймать Хильдера, — ответил Лонг.

Присев на край стола, Риос снял с верхней полки коническую жестянку с молоком и надавил на верхушку. Жестянка открылась, издав негромкий хлопок. Слегка взбалтывая молоко, он ждал, пока оно согреется.

— Зачем? — он запрокинул жестянку и с шумом отхлебнул.

— Хотел послушать.

— Лишняя трата энергии.

Лонг взглянул на него и нахмурился.

— Считается, что личными видеофонами можно пользоваться без ограничения.

— В разумных пределах, — возразил Риос.

Они обменялись вызывающими взглядами. Сильная, сухощавая фигура Риоса, его лицо с впалыми щеками сразу же наводили на мысль, что он один из марсианских мусорщиков — космонавтов, которые терпеливо прочесывали про-

странство между Землей и Марсом. Его голубые глаза резко выделялись на смуглом, прорезанном глубокими складками лице, а оно в свою очередь казалось темным пятном на фоне белого синтетического меха, которым был подбит поднятый капюшон его куртки из искусственной кожи.

Лонг выглядел бледнее и слабее. Он был чем-то похож на наземника, хотя, конечно, ни один марсианин второго поколения не мог быть настоящим наземником, таким, как обитатели Земли. Его капюшон был откинут, открывая темно-каштановые волосы.

— Что вы считаете разумными пределами? — сердито спросил Лонг.

Тонкие губы Риоса стали еще тоньше.

— Этот рейс вряд ли окупит даже наши расходы, и, если дальше все пойдет так же, любая трата энергии неразумна.

— Если мы теряем деньги, — сказал Лонг, — то не лучше ли вам вернуться на место? — Ваша вахта.

Риос что-то проворчал, потер заросший подбородок, потом встал и, неслышно ступая в тяжелых мягких сапогах, нехотя направился к двери. Он остановился, чтобы взглянуть на термостат, и в ярости обернулся.

— То-то мне показалось, что здесь жарко. Где, по-вашему, вы находитесь?

— Четыре с половиной градуса — не слишком много!

— Для вас — может быть. Только мы сейчас в космосе, а не в утепленной рудничной конторе.

Риос рывком перевел стрелку термостата вниз до отказа.

— Солнце достаточно греет.

— Но камбуз не на солнечной стороне.

— Прогреется!

Риос шагнул за дверь. Лонг поглядел ему вслед, потом снова повернулся к видеофону. Трогать термостат он не стал. Изображение оставалось неустойчивым, но что-то рассмотреть было можно. Лонг откинул вделанное в стену сиденье. Подавшись вперед, он терпеливо ждал, пока диктор объявлял программу и занавес медленно расплывался. Но вот прожекторы выхватили из темноты знакомое бородатое лицо, оно росло и наконец заполнило весь экран.

— Друзья мои! Сограждане Земли…

2

Входя в рубку, Риос успел заметить вспышку радиосигнала. Ему показалось, что это импульс радара, и у него на мгновение похолодели руки. Но он тут же сообразил, что это иллюзия, порожденная нечистой совестью. Вообще говоря, во время вахты он не должен был выходить из рубки, хотя это делали все мусорщики. И все-таки каждого преследовало кошмарное видение находки, подвернувшейся именно за те пять минут, которые он урвет на чашку кофе, уверенный, что космос чист. И бывали случаи, когда этот кошмар оказывался явью.

Риос включил многополосную развертку. Это требовало лишней энергии, но все-таки лучше убедиться, чтобы не оставалось никаких сомнений.

Космос был чист, если не считать далеких отражений от соседних кораблей в цепи мусорщиков.

Риос включил радиосвязь, и экран заполнила русая голова длинноносого Ричарда Свенсона — второго пилота ближайшего корабля со стороны Марса.

— Привет, Марио, — сказал Свенсон.

— Здоро́во. Что нового?

Ответ раздался через секунду с небольшим: скорость электромагнитных волн не бесконечна.

— Ну и денек!

— Что-нибудь неладно? — спросил Риос.

— Была находка.

— И прекрасно.

— Если бы я ее заарканил, — мрачно ответил Свенсон.

— Что случилось?

— Повернул не в ту сторону, черт подери!

Риос знал, что смеяться нельзя. Он спросил:

— Как же так?

— Я не виноват. Дело в том, что контейнер двигался не в плоскости эклиптики. Представляешь себе кретина пилота, который не смог даже правильно его сбросить? Откуда же мне было знать? Я установил расстояние до контейнера, а его путь просто прикинул, исходя из обычных траекторий. Как всякий нормальный человек. И пошел по самой выгодной кривой перехвата. Только минут через пять гляжу — дистанция увеличивается. Уж очень медленно возвращались импульсы. Тогда я измерил его угловые координаты, и оказалось, что догонять уже поздно.

— Кто-нибудь его поймал?

— Нет. Он далеко от плоскости эклиптики и так там и останется. Меня беспокоит другое. В конце концов, это был всего-навсего малый контейнер. Но как подумаю, сколько топлива я истратил, пока набирал скорость, а потом возвращался на место! Послушал бы ты Канута.

Канут был братом и компаньоном Ричарда Свенсона.

— Взбесился? — спросил Риос.

— Не то слово. Чуть меня не убил! Но ведь мы здесь пять месяцев, и тут уж каждое лыко в строку. Ты же знаешь.

— Знаю.

— А у тебя как, Марио?

Риос сделал вид, что сплюнул.

— Примерно столько за весь рейс. За последние две недели — два контейнера, и за каждым гонялись по шесть часов.

— Большие?

— Смеешься, что ли? Я бы мог дотащить их до Фобоса одной рукой. Хуже рейса у меня еще не было.

— Когда думаешь возвращаться?

— По мне — хоть завтра. Мы здесь всего два месяца, а я уже все время ругаюсь с Лонгом.

Длительность наступившей паузы нельзя было объяснить только запаздыванием радиоволн. Потом Свенсон сказал:

— Ну а как он? Лонг то есть.

Риос оглянулся. Из камбуза доносилось тихое бормотание и треск видеофона.

— Не могу понять. В первую же неделю после начала рейса он меня спрашивает: «Марио, почему вы стали мусорщиком?» Я только поглядел на него и говорю: «Чтобы зарабатывать на жизнь, а то почему же». Что за идиотский вопрос, хотел бы я знать? Почему человек становится мусорщиком? А он мне: «Не в том дело, Марио». Это он мне объяснять будет, представляешь! «Вы — мусорщик, — говорит, — потому что таков Марсианский путь».

— А что он этим хотел сказать? — спросил Свенсон.

Риос пожал плечами.

— Не спрашивал. Вот и сейчас он сидит там и слушает на ультрамикроволнах передачу с Земли. Какого-то наземника Хильдера.

— Хильдера? Он, кажется, политик, член Ассамблеи?

— Как будто. И Лонг все время занимается чем-то таким. Взял с собой килограмм восемь книг, и

все про Землю. Балласт, и больше ничего.

— Ну что ж, он твой компаньон. Кстати, о компаньонах: я, пожалуй, займусь делом. Если прохлопаю еще одну находку, здесь произойдет убийство.

Свенсон исчез, и Риос, откинувшись в кресле, принялся следить за ровной зеленой линией импульсной развертки. На мгновение он включил многополосную развертку. Космос был по-прежнему чист.

Ему стало чуть полегче. Хуже всего, когда тебе не везет, а все вокруг вылавливают контейнер за контейнером и на Фобос, на заводы по переплавке лома, отправляются контейнеры с любыми клеймами, кроме твоего. К тому же он отвел душу, и его раздражение против Лонга немного улеглось.

А вообще он зря связался с Лонгом. Никогда не надо связываться с новичками. Они думают, что тебе необходимы разговоры, особенно Лонг со своими вечными теориями про Марс и его великую роль в прогрессе человечества. Он так и говорил — все с прописной буквы: Прогресс Человечества, Марсианский Путь, Новая Горстка Творцов. А Риосу нужны не разговоры, а находки — два-три контейнера, и ничего больше.

Впрочем, выбора у него, собственно говоря,

не было. Лонг был хорошо известен на Марсе и неплохо зарабатывал. Он был приятелем комиссара Сэнкова и уже принимал участие в одном-двух непродолжительных мусорных рейсах. Нельзя же взять и отказать человеку, не испытав его, как бы странно ни выглядело все дело. Зачем вдруг инженеру, имеющему приличную работу и хороший заработок, понадобилось болтаться в космосе?

Риос не задавал этого вопроса Лонгу. Компаньоны-мусорщики вынуждены жить и работать бок о бок столь долгое время, что любопытство становится нежелательным, а иногда и небезопасным. Но Лонг говорил так много, что в конце концов сам на него ответил. «Я должен был выбраться сюда, Марио, — сказал он. — Будущее Марса не шахты, а космос».

Риос прикинул: а не отправиться ли ему в следующий рейс одному? Все утверждали, что это невозможно. Не говоря уже о находках, которые будут упущены, так как надо спать, надо, помимо наблюдения, выполнять и другие обязанности. Кроме того, всем известно, что, оставаясь в космосе в одиночестве, человек быстро впадает в тяжелую депрессию, а с компаньоном можно пробыть в рейсе шесть месяцев. Лучше бы, конеч-

но, иметь полный экипаж, но на таком большом корабле мусорщику ни черта не заработать. На одном топливе прогоришь!

Впрочем, быть в космосе и вдвоем вовсе не сахар. Обычно приходится каждый раз менять компаньона. С одними можно оставаться в рейсе дольше, чем с другими. Взять хотя бы Ричарда и Канута Свенсонов. Они выходят вместе через пять или шесть рейсов — ведь все-таки они братья. И даже у них каждый раз уже через неделю начинаются трения, и чем дальше, тем хуже… Ну, да ладно!

Космос был чист, и Риос почувствовал, что ему станет легче, если он вернется в камбуз, чтобы загладить свою раздражительность. В конце концов, он старый космический волк и умеет справляться с дурным настроением, которое навевает космос.

Он встал и сделал три шага, которые отделяли его от короткого, узкого коридора между каютами.

3

Риос вновь постоял в дверях. Лонг внимательно смотрел на мерцающий экран видеофона.

— Я включу отопление, — грубовато сказал Риос. — Ничего страшного, энергии у нас хватит.

— Как хотите, — кивнул Лонг.

Риос, поколебавшись, шагнул вперед. Космос чист — какой толк сидеть и смотреть на неподвижную зеленую полоску?

Он спросил:

— О чем говорит этот наземник?

— В основном об истории космических путешествий. Старые штучки, но хорошо подано. Он пустил в ход, что мог: цветные мультипликации, комбинированные фотоснимки, кадры из старых фильмов — ну, все.

Словно в подтверждение слов Лонга, бородатое лицо на экране сменилось изображением космического корабля в разрезе. Хильдер продолжал говорить за кадром, давая объяснения, которые иллюстрировались на схеме различными цветами. Он говорил, и по изображению бежали красные линии, — склады, двигатель с протонным микрореактором, кибернетические схемы…

Затем на экране вновь возник Хильдер.

— Но это лишь капсула корабля. Что же приводит ее в движение? Что поднимает ее с Земли?

Каждый знал, что приводит в движение космический корабль, но голос Хильдера зачаровывал, и слушателям уже казалось, будто сейчас они проникнут в тайну веков, приобщатся к высшему откровению. Даже Риос почувствовал легкое нетерпение, хотя бóльшую часть жизни он провел в космических кораблях.

Хильдер продолжал:

— Ученые называют это по-разному. Иногда законом действия и противодействия. Иногда третьим законом Ньютона. А иногда сохранением количества движения. Но нам не нужны никакие названия. Давайте просто обратимся к здравому смыслу. Когда мы плывем, мы отталкиваем воду назад, а сами продвигаемся вперед. Когда мы идем, мы отталкиваемся от земли и движемся вперед. Когда мы летим на гиролете, мы отталкиваем воздух назад и движемся вперед. Движение вперед возможно только за счет движения назад. Старое правило: «Нельзя получить что-то взамен ничего». Теперь представьте себе, что космический корабль весом сто тысяч тонн поднимается с Земли. Чтобы это произошло,

необходимо что-то отбросить назад. Космолет непомерно тяжел, — значит, надо отбросить назад огромное количество вещества, столь огромное, что и всего корабля не хватит, чтобы вместить его. Для этого необходимо устроить позади специальное хранилище.

Хильдер снова исчез, и на экран вернулось изображение космолета. Оно съежилось, а снизу к нему добавился усеченный конус. Внутри конуса проступили ярко-желтые буквы: «Вещество, которое выбрасывается».

— Но теперь, — сказал Хильдер, — общий вес корабля намного увеличился. Следовательно, и движущая сила должна быть все больше и больше.

Изображение корабля стало еще меньше, к нему прибавился второй контейнер — больше первого, а потом еще один — колоссальных размеров. Собственно космолет — капсула — превратился в крохотное ярко-красное пятнышко.

— Что за черт, да это просто детский лепет, — пробормотал Риос.

— Но не для тех, к кому он обращается, — пояснил Лонг. — Земля, Марио, не Марс. Миллиарды людей на ней, возможно, никогда не видели космолета и не знают даже самых элементарных

вещей.

Хильдер продолжал:

— Когда самый большой контейнер опустеет, его отделяют от корабля. Он тоже выбрасывается.

Громадный контейнер на экране дрогнул и начал удаляться, постепенно уменьшаясь.

— Потом приходит очередь второго, и наконец, если рейс дальний, отделяется и последний.

Теперь космолет превратился в красную точку, позади которой, колыхаясь, исчезали в космосе три контейнера.

— Эти контейнеры, — сказал Хильдер, — не что иное, как сотни тысяч тонн вольфрама, магния, алюминия и стали. Для Земли они потеряны навсегда. Вокруг Марса, на трассах космических полетов, дежурят мусорщики. Они разыскивают пустые контейнеры, ловят их, клеймят и отправляют на Марс. Земля же не получает ни единого цента платы за их использование. Это спасенное имущество, и оно принадлежит кораблю, который его найдет.

— Мы рискуем деньгами, вложенными в это предприятие, — не выдержал Риос. — Если бы не мы, они не достались бы никому. Какой же тут ущерб для Земли?

— Понимаете, — сказал Лонг, — он же говорит о том, что Марс, Венера и Луна истощают Землю и это — лишь еще одна форма потерь.

— Но ведь они получают компенсацию. С каждым годом мы добываем все больше железной руды…

— …бóльшая часть которой вновь возвращается на Марс. Если верить цифрам Хильдера, то Земля вложила в Марс двести миллиардов долларов, а получила взамен железной руды миллиардов на пять. В Луну было вложено пятьсот миллиардов, а получено магния, титана и различных легких металлов немногим более чем на двадцать пять миллиардов долларов; в Венеру Земля вложила 50 миллиардов, не получив взамен ничего. А налогоплательщиков Земли интересует именно это: деньги, которые с них берет государство, пускаются на ветер.

Пока Лонг говорил, на экране замелькали мультипликационные кадры, изображавшие корабли мусорщиков на трассе к Марсу: маленькие, карикатурные корабли хищно выбрасывали во все стороны гибкие, цепкие руки, нащупывали пролетающие мимо пустые контейнеры, хватали их, ставили на них пылающее клеймо «Собственность Марса», а затем сбрасывали на Фобос.

Снова появился Хильдер.

— Они говорят нам, что со временем все вернут. Со временем! Как только станут на ноги! Мы не знаем, когда это произойдет. Через сто лет? Через тысячу? Через миллион? Со временем, говорят они! Ну что ж, поверим им на слово. В один прекрасный день они вернут весь наш металл, сами будут обеспечивать себя продовольствием, будут пользоваться своей собственной энергией, жить своей жизнью. Но есть нечто, чего им не вернуть никогда. Даже через сотню миллионов лет. Это *вода!* На Марсе жалкие капли воды, ибо он слишком мал. На Венере совсем нет воды, ибо там слишком жарко. Луна безводна, так как слишком мала и на ней слишком жарко. Поэтому Земля вынуждена поставлять обитателям космоса не только питьевую воду и воду для мытья, не только воду для промышленности и воду для гидропонных плантаций, которые они якобы создают, но и ту воду, которую они просто выбрасывают в пространство миллионами тонн.

Что заставляет космолет двигаться? Что он отбрасывает назад, чтобы мчаться вперед? Когда-то это были газообразные продукты взрыва. Это обходилось очень дорого. Потом был изобретен протонный микрореактор — источник дешевой

энергии, который может превращать любую жидкость в газ, находящийся под огромным давлением. Какая жидкость всегда под рукой? Какая жидкость самая дешевая? Конечно, вода. Каждый корабль, покидая Землю, уносит с собой около миллиона тонн — не фунтов, а тонн! — воды для одной лишь единственной цели: чтобы он мог передвигаться в пространстве. Наши предки безрассудно и опрометчиво сожгли нефть Земли, уничтожили ее уголь. Мы презираем и осуждаем их за это, но, в конце концов, у них было одно оправдание: они считали, что, если возникнет необходимость, будут найдены заменители. И они оказались правы: у нас есть планктонные фермы и протонные микрореакторы. Но для воды нет заменителя! Нет! И никогда не будет. И когда наши потомки увидят пустыню, в которую мы превратили Землю, какое оправдание найдут они для нас? Когда начнутся засухи, когда они станут все чаще…

Лонг наклонился и выключил видеофон.

— Это мне не нравится, — сказал он. — Проклятый болван умышленно… В чем дело?

Риос вдруг вскочил.

— Я же должен следить за импульсами.

— Ну их к черту!

Лонг тоже встал, прошел вслед за Риосом по узкому коридору и остановился на пороге рубки.

— Если Хильдер добьется своего, если он сумеет сделать из этого животрепещущую проблему… Ого!

Он тоже его увидел. Импульс был первого класса и мчался за исходящим сигналом, как борзая за электрическим кроликом.

Риос, захлебываясь, бормотал:

— Космос был чист, говорю вам, был чист. Марса ради, Тед, не лезьте. Попробуйте поймать его визуально.

Риос действовал быстро и умело: за его плечами был опыт почти двадцатилетней работы мусорщиком. За две минуты он определил дистанцию. Потом, вспомнив неудачу Свенсона, измерил угол склонения и радиальную скорость.

Он крикнул Лонгу:

— Один и семьдесят шесть сотых радиана. Вы легко его отыщете.

Лонг, затаив дыхание, крутил верньер.

— Всего лишь полрадиана от Солнца. Будет освещен только край.

Он быстро и осторожно усилил увеличение, разыскивая ту единственную «звезду», которая будет менять свое положение, расти и приобре-

тать форму, доказывая, что она вовсе не звезда.

— Включаю двигатель, — сказал Риос. — Больше ждать нельзя.

— Вот он, вот он!

Увеличения все еще не хватало, чтобы можно было точно судить о форме светящегося пятнышка, за которым следил Лонг, но оно ритмично мерцало, потому что при вращении контейнера солнечный свет падал то на бóльшую, то на меньшую его часть.

— Держись!

Тонкие струи пара вырвались из выхлопных отверстий оставляя длинные хвосты микрокристаллов льда, туманно сиявших в бледных лучах далекого Солнца. Расходясь, они тянулись за кораблем на сотню миль с лишком. Одна струя, другая, еще одна, и корабль мусорщиков сошел со своей орбиты и взял курс по касательной к пути контейнера.

— Летит, как комета в перигелии! — крикнул Риос. — Эти проклятые пилоты-наземники нарочно так сбрасывают контейнеры. Хотел бы я…

В бессильной злости, ругаясь, он все разгонял и разгонял корабль, так что гидравлическая прокладка кресла осела под ним на целых тридцать сантиметров, а Лонг с большим трудом удержи-

вался за поручень.

— Полегче! — взмолился он.

Но Риос следил только за импульсами.

— Не нравится, так сидели бы себе на Марсе.

Струи пара продолжали глухо реветь.

Заработало радио. Лонг с трудом наклонился — воздух словно превратился в вязкую патоку — и включил экран. На них злобно уставился Свенсон.

— Куда это вы прете? — кричал он. — Через десять секунд вы будете в моем секторе.

— Гонюсь за контейнером, — ответил Риос.

— По моему сектору?

— Мы начали у себя. Тебе его не достать. Выключите радио, Тед.

Корабль с бешеным ревом несся в пространстве, но рев этот можно было услышать только внутри корпуса. Затем Риос выключил двигатели так резко, что Лонга швырнуло вперед. От внезапной тишины в ушах звенело еще больнее, чем от грохота, царившего секунду назад.

Оба прильнули к окулярам. Теперь уже отчетливо был виден усеченный конус. Кувыркаясь с медлительной важностью, он двигался среди звезд.

— Да, контейнер первого класса, — удовлетво-

ренно отметил Риос. «Настоящий гигант, — подумал он. — С ним у нас уже появится прибыль».

Лонг сказал:

— Локатор показывает еще один импульс. Должно быть, Свенсон погнался за нами.

Риос мельком взглянул на экран.

— Не догонит.

Контейнер все рос и рос, пока не заполнил все поле зрения.

Руки Риоса лежали на рычаге сброса гарпуна. Он подождал, дважды с микроскопической точностью выверил угол, вытравил трос на нужную длину. Потом нажал.

Мгновение все оставалось, как было. Затем к контейнеру пополз металлический трос, словно кобра, готовящаяся ужалить. Он коснулся контейнера, но не зацепился за него, иначе он тут же порвался бы, как паутинка. Контейнер вращался; момент его вращения достигал тысяч тонн, и трос должен был только создать мощное магнитное поле, которое затормаживало контейнер.

Вылетел еще один трос, еще и еще… Риос посылал их, нисколько не думая о расходе энергии.

— Этот от меня не уйдет, клянусь Марсом, не уйдет!

Он остановился, только когда между кораблем

и контейнером протянулось десятка два стальных нитей. Энергия вращения контейнера при торможении превратилась в теплоту и до такой степени его раскалила, что излучение улавливали даже приборы космолета.

— Клеймо буду ставить я? — спросил Лонг.

— Ладно. Но только если хотите. Сейчас ведь моя вахта.

— Я с удовольствием.

Лонг влез в скафандр и направился в выходную камеру. Он еще помнил точно, сколько раз побывал в космосе в скафандре, — верный признак новичка. Это был пятый раз.

Ухватившись за трос и перебирая по нему руками, Лонг направился к контейнеру, чувствуя, как вибрирует трос под его металлическими перчатками. Он выжег на гладком металле контейнера их серийный номер. В пустоте космоса нечему было окислять сталь. Она просто плавилась и испарялась, а затем конденсировалась в нескольких футах от излучателя и серой матовой пленкой оседала на поверхность контейнера.

Лонг вернулся в космолет. Войдя внутрь, он снял шлем, который уже успел покрыться толстым слоем инея.

Первое, что услышал Лонг, был почти неузна-

ваемый от ярости голос Свенсона, доносившийся из репродуктора: — …прямо к комиссару. Черт побери, есть же у нас какие-то правила!

Риос невозмутимо сидел в кресле.

— Послушай, ведь он был в моем секторе. Я поздно его заметил, и пришлось ловить в твоем. А ты, если бы погнался за ним, врезался бы в Марс. Только и всего… Вернулись, Лонг?

Он выключил радио. Сигнальная лампочка яростно мигала, но Риос не обращал на нее внимания.

— Он подаст жалобу комиссару? — спросил Лонг.

— И не подумает. Это он просто чтобы развеять скуку. Он прекрасно понимает, что контейнер наш. А как вам понравилась наша добыча, Тед?

— Очень недурна.

— Очень недурна? Да она великолепна! Держитесь! Сейчас я его раскручу.

Боковые сопла извергли струи пара, и корабль начал медленно вращаться вокруг контейнера, который последовал за ним. Через полчаса они представляли собой гигантское боло, крутящееся в пустоте. Лонг определил по «Эфемеридам» положение Деймоса. В точно рассчитанный момент тросы сняли магнитное поле, и контейнер по

касательной вышел на траекторию, по которой примерно через сутки должен был достичь этого спутника Марса и попасть в уловители находящегося там склада.

Риос проводил его довольным взглядом. Потом повернулся к Лонгу.

— Удачный денек.

— А речь Хильдера? — спросил Лонг.

— Кого? Вы о чем? Ах, это-то! Ну, если волноваться из-за болтовни каждого проклятого наземника, никогда не уснешь. Забудьте о нем.

— По-моему, об этом забывать не следует.

— Вот чудак! Да бросьте вы! Лучше поспите.

4

Тед Лонг, как всегда, упивался высотой и шириной главной улицы города.

Прошло уже два месяца с того дня, как комиссар наложил временный запрет на вылавливание контейнеров и отозвал все корабли мусорщиков из космоса, но бодрящее ощущение простора не покидало Лонга. Эту радость не могла омрачить даже мысль о том, что запрет был наложен в связи с намерением Земли провести в жизнь свое недавнее решение экономить воду, а для начала лимитировать ее расход на рейсы мусорщиков.

Крыша улицы была покрыта светящейся светло-голубой краской, — возможно, старомодная попытка имитировать земное небо. Тед точно не знал, так ли это. Витрины магазинов, прорезая стены улицы, освещали их.

Издалека, перекрывая шум транспорта и шаги прохожих, доносились взрывы — это пробивали в коре Марса новые туннели. Всю свою жизнь он слышал эти взрывы. Когда он родился, на месте этой улицы была еще нетронутая скальная порода. Город растет и будет расти и дальше, если ему не помешает Земля.

Лонг свернул в поперечную улицу, более узкую и не так ярко освещенную. Витрины магазинов сменились здесь жилыми домами, фасады которых были прочерчены рядами фонарей. Толпы покупателей и машины уступили место медленно прогуливающимся пешеходам и шумным ребятишкам, которые еще не вняли призывам матерей идти ужинать.

В последнюю минуту Лонг вспомнил о правилах приличия, остановился на углу, у водяной лавки, и протянул флягу:

— Налейте-ка!

Толстый лавочник отвинтил колпачок и заглянул во флягу, затем слегка встряхнул ее — там булькнуло.

— Немного осталось, — весело сообщил он.

— Верно, — согласился Лонг.

Лавочник держал флягу под самым наконечником шланга, чтобы не пролить ни капли воды. Зажужжал счетчик. Лавочник завинтил колпачок.

Лонг расплатился и взял флягу. Теперь она приятно похлопывала его по бедру. В семейный дом не принято приходить без полной фляги. К приятелям, конечно, можно зайти и так, во всяком случае, этому не придается большого значения.

Он вошел в подъезд дома № 27, поднялся на несколько ступенек, приготовился нажать кнопку звонка и остановился.

Из-за двери отчетливо доносились голоса.

Женщина говорила с раздражением:

— Приглашай, приглашай своих дружков мусорщиков! Большое тебе спасибо, что ты целых два месяца в году бываешь дома! На меня, конечно, и пары дней хватит! А потом опять твои мусорщики!

— Но я уже давно дома, — ответил мужской голос. — И потом у нас есть дело. Марса ради, перестань, Дора. Они вот-вот придут.

Лонг решил подождать за дверью: может быть, они перейдут на более безобидную тему.

— И пусть их приходят! — отрезала Дора. — Пусть слушают. По мне, хоть бы навсегда запретили эти полеты. Слышишь?

— А на что мы будем жить? — раздраженно спросил мужчина. — Ответь-ка!

— И отвечу. Ты можешь прилично зарабатывать на самом Марсе, как и все другие. В этом доме только я одна — «мусорная вдова». Вот что я такое — вдова! Да что там, хуже вдовы! Будь я вдовой, то по крайней мере могла бы еще раз выйти замуж. Что ты сказал?

— Да ничего я не говорил.

— О, я знаю, что ты сказал. А теперь послушай меня, Дик Свенсон…

— Да, я сказал! — крикнул Свенсон. — Сказал, что теперь-то я знаю, почему мусорщики обычно не женятся.

— И тебе нечего было жениться! Мне надоело — все соседи жалеют меня, ухмыляются и спрашивают, когда ты вернешься. Другие могут быть горными инженерами, администраторами или, на худой конец, бурильщиками. Во всяком случае, у жен бурильщиков есть нормальная семья, и дети у них как дети, а не беспризорники. У Питера с таким же успехом могло и не быть отца.

— Мама, а что такое беспризорник? — послышался тонкий мальчишеский фальцет. Голос доносился издалека, по-видимому, из другой комнаты.

— Питер! Занимайся уроками! — еще больше повысила голос Дора.

Свенсон тихо произнес:

— Нехорошо вести такие разговоры при ребенке. Что он обо мне подумает?

— Так оставайся дома, чтобы он думал так, как нужно.

Снова раздался голос Питера:

— Знаешь, мама, я, когда вырасту, стану мусорщиком.

Послышались быстрые шаги, на мгновение наступила тишина, а затем раздался пронзительный вопль:

— Мама, ой, мама! Отпусти ухо! Что я сделал? — и снова все затихло — слышно было только обиженное сопение.

Лонг воспользовался паузой и энергично позвонил. Свенсон открыл дверь, приглаживая волосы обеими руками.

— Здравствуйте, Тед, — приглушенным голосом сказал он. Потом громко произнес: — Дора, пришел Тед. Тед, а где Марио?

— Должен скоро прийти, — ответил Лонг.

Из другой комнаты торопливо вышла Дора, маленькая смуглая женщина с приплюснутым носом. Ее чуть тронутые сединой волосы были зачесаны назад.

— Здравствуйте, Тед. Ужинали?

— Да, я сыт, благодарю вас. Но вы, пожалуйста, не обращайте на меня внимания.

— Нет-нет. Мы давно уже кончили. Хотите кофе?

— Не откажусь, — Тед снял с пояса флягу и протянул ей.

— О, что вы, не нужно! У нас много воды.

— Прошу вас.

— Ну, что же…

Она ушла на кухню. Через качающуюся дверь Лонг мельком увидел посуду, стоявшую в «Секотерге» — «…безводная мойка — всасывает и поглощает жир и грязь в одно мгновение. Одной унции воды хватает, чтобы дочиста отмыть два с половиной квадратных метров посуды. Покупайте «Секотерг»! «Секотерг» моет идеально. Не затратив лишней капли, так начистит вам посуду, что под силу только чуду!..»

Назойливая рекламная песенка зазвенела у него в голове, и, чтобы прогнать ее, он спросил:

— Как поживает Пит?

— Отлично. Перешел уже в четвертый класс. Ну, конечно, мне редко приходится его видеть. Так вот, когда я в последний раз вернулся из рейса, он посмотрел на меня и говорит…

Последовало продолжение, которое было вполне терпимо, насколько бывают терпимы рассказы заурядных родителей о выдающихся высказываниях их выдающихся детей.

Прожужжал звонок, вошел хмурый, весь красный Марио.

Свенсон быстро шагнул к нему.

— Послушай, только ни слова о ловле контейнеров. Дора никак не может забыть, как ты захватил первоклассный контейнер на моем участке, а сегодня она вообще не в настроении.

— Только мне и заботы, что говорить о контейнерах.

Риос сорвал с себя подбитую мехом куртку, швырнул ее на спинку кресла и сел.

Вошла Дора и деланно улыбнулась новому гостю.

— Привет, Марио. Будешь пить кофе?

— Угу, — ответил он, машинально потянувшись к своей фляге.

— Возьмите воды из моей фляги, Дора, — быстро проговорил Лонг. — Он мне потом отдаст.

— Угу, — повторил Риос.

— Что случилось, Марио? — спросил Лонг.

— Валяйте! Говорите, что вы же меня предупреждали, — мрачно буркнул Риос. — Год назад, после речи Хильдера. Ну, говорите, говорите!

Лонг с недоумением пожал плечами.

Риос продолжал:

— Установлен лимит. Об этом объявили четверть часа назад.

— Ну?

— Пятьдесят тысяч тонн воды на рейс.

— Что? — вспыхнул Свенсон. — Да с этим и с Марса не поднимешься!

— Так оно и есть. Это обдуманный удар. — Сбору мусора пришел конец.

Дора принесла кофе и расставила чашки.

— Что это вы говорили? Конец сбору мусора? — она села с решительным видом, и Свенсон беспомощно взглянул на нее.

— По-видимому, — сказал Лонг. — С этого дня вводится лимит в пятьдесят тысяч тонн, а это значит, что мы не сможем больше летать.

— Ну и что из этого? — Дора отхлебнула кофе и весело улыбнулась. — Если хотите знать мое мнение, так это очень хорошо. Пора бы всем вам, мусорщикам, найти постоянную работу на Марсе. Я не шучу. Это не жизнь — рыскать по космосу…

— Дора, прошу тебя, — сказал Свенсон.

Риос что-то злобно буркнул. Дора подняла брови.

— Я просто высказываю свое мнение.

— Ваше полное право, — сказал Лонг. — Но я имею в виду другое. Пятьдесят тысяч тонн — это только начало. Мы знаем, что Земля — или по крайней мере партия Хильдера — хочет нажить себе политический капитал на кампании за экономию воды, так что наше дело плохо. Мы

должны как-то раздобыть воду, не то они совсем нас прикроют, верно?

— Ну да, — сказал Свенсон.

— Но весь вопрос в том — как? Правильно?

— Если дело только в воде, — неожиданно разразился Риос, — то есть лишь один выход, и вы его знаете. Если наземники решат не давать нам воды, мы ее возьмем. То, что когда-то их сопливые тру́сы отцы и деды побоялись оставить свою тепленькую планету, еще не делает их хозяевами воды. Вода принадлежит всем людям, где бы они ни находились. Мы — люди, значит, вода и наша тоже. Мы имеем на нее право.

— А как вы предлагаете ее забрать? — спросил Лонг.

— Очень просто! У них на Земле целые океаны воды. Не могут же они поставить по сторожу на каждой квадратной миле! Мы можем в любое время, когда нам вздумается, сесть на ночной стороне планеты, заправить все контейнеры и улететь. Хотел бы я знать, как они нам помешают?

— Десятком способов, Марио. Как вы находите контейнеры в космосе на расстоянии до сотни тысяч миль? Тонкий металлический корпус, затерянный в бескрайнем пространстве? Как? С

помощью радара. Неужели вы думаете, что на Земле нет радаров? Неужели вы думаете, если на Земле догадаются, что мы крадем воду, они там не сумеют установить сеть радаров и обнаруживать приближающиеся корабли еще в космосе?

Дора с возмущением перебила Лонга:

— Вот что я тебе скажу, Марио Риос. Мой муж никогда не будет участвовать в грабительских налетах, чтобы добывать воду для мусорных рейсов.

— Дело не только в мусорных рейсах, — сказал Марио. — Завтра они прижмут нас во всем остальном. Их нужно остановить теперь же.

— Да не нужна нам их вода, — сказала Дора. — Тут же не Луна и не Венера. Полярные шапки вполне обеспечивают нас водой. У нас даже в квартире есть водопровод. В этом квартале у всех есть.

— На личные потребности расходуется наименьшая часть воды, — сказал Лонг. — Вода нужна для рудников. А как быть с гидропонными бассейнами?

— Это верно, — сказал Свенсон. — Как быть с гидропонными бассейнами, Дора? Им необходима вода, и пора бы нам выращивать для себя свежие овощи вместо этой конденсированной

дряни, которую нам присылают с Земли.

— Только послушайте его, — презрительно бросила Дора. — Что ты понимаешь в свежих овощах? Ты же никогда их не пробовал.

— Нет, пробовал, и не раз! Помнишь, один раз я достал моркови?

— Ну и что в ней было особенного? На мой взгляд, хорошо поджаренная протопища куда лучше. И полезнее. Просто сейчас вошло в моду болтать о свежих овощах, потому что из-за этой гидропоники повышают налоги. И вообще все обойдется.

— Не думаю, — сказал Лонг. — Во всяком случае, не обойдется само собой. Хильдер, вероятно, будет следующим Координатором, и вот тогда дело может обернуться совсем скверно. Если они сократят еще и поставки продовольствия…

— Ну, ладно! — воскликнул Риос. — Что же нам делать? Я говорю — воду надо брать. Брать, и все тут!

— А я говорю, что нельзя, Марио. Неужели вы не понимаете, что это Земной путь, путь наземников? Вы цепляетесь за пуповину, которая связывает Марс с Землей. Неужели вы не можете порвать ее? Неужели не видите Марсианского пути?

— Нет, не вижу. Может быть, вы объясните?

— Да, объясню, если будете слушать. Что мы имеем в виду, когда говорим о Солнечной системе? Меркурий, Венеру, Землю, Луну, Марс, Фобос и Деймос. Семь небесных тел, и все. Но ведь это меньше одного процента Солнечной системы. И мы, марсиане, ближе всех к остальным девяноста девяти процентам. Там, по ту сторону Марса, дальше от Солнца, несметные запасы воды!

Все с недоумением уставились на него. Свенсон неуверенно спросил:

— Вы говорите о ледяных оболочках Юпитера и Сатурна?

— Не только о них, но, согласитесь, и это вода. Слой в тысячу миль толщиной — это немало воды.

— Но он ведь покрыт аммиаком или… или еще чем-то, а? — спросил Свенсон. — И потом, мы не можем садиться на большие планеты.

— Знаю, — ответил Лонг. — Но я не их имел в виду. На больших планетах свет клином не сошелся. Есть же еще астероиды и спутники! Например, Веста — астероид диаметром двести миль и почти сплошной кусок льда. Одна из лун Сатурна — тоже. Что вы скажете на это?

— Разве вы не бывали в космосе, Тед? — спро-

сил Риос.

— Вы же знаете, что был. Что вы имеете в виду?

— Да, знаю, но вы все еще говорите, как наземник. А вы подумали о расстояниях? В среднем астероиды не подходят к Марсу ближе чем на сто двадцать миллионов миль. Это вдвое больше, чем от Марса до Венеры, а вы знаете, что даже лайнеры почти никогда не совершают этого рейса в один прием. Обычно они делают остановку на Земле или на Луне. В конце-то концов, сколько времени, по-вашему, человек может находиться в космосе?

— Не знаю. А как по-вашему?

— Вы и сами знаете. Нечего меня спрашивать. Шесть месяцев. Загляните в любой справочник. Пробудьте в космосе больше шести месяцев, и вам одна дорога — к психиатру. Так ведь, Дик?

Свенсон кивнул.

— И это только астероиды, — продолжал Риос. — От Марса же до Юпитера триста тридцать миллионов миль, а до Сатурна — семьсот миллионов. Кто сумеет преодолеть такие расстояния? Представьте себе, что вы летите с обычной скоростью или, для круглого счета, делаете даже двести тысяч миль в час. Это займет… погодите,

надо еще учесть ускорение и торможение… это займет месяцев шесть-семь до Юпитера и почти год до Сатурна. Конечно, теоретически можно разогнаться и до миллиона миль в час, но где вы возьмете для этого воду?

— Ух ты! — произнес тонкий голосок, обладатель которого с чумазым носом и округлившимися глазами стоял тут же. — Сатурн!

Дора резко обернулась.

— Питер, марш в свою комнату!

— Ну, ма-ам!

— Не нукай на меня!

Она привстала, и Питер исчез.

— Послушай, Дора, — сказал Свенсон, — посидика с ним немного, а? Ему трудно не отвлекаться, когда мы все тут разговариваем.

Дора упрямо фыркнула и не сдвинулась с места.

— Я никуда не уйду, пока не узнаю, что задумал Тед Лонг. Скажу вам прямо: мне это не очень нравится.

— Ну, ладно, — сказал Свенсон, — оставим в покое Юпитер и Сатурн. Тед, конечно, на них и не рассчитывает. А Веста? Мы могли бы добраться туда за десять-двенадцать недель, и столько же на обратный путь. Двести миль в диаметре — это

четыре миллиона кубических миль льда!

— Ну и что? — сказал Риос. — А что мы будем делать на Весте? Добывать лед? Строить рудники? Послушайте, вы представляете, сколько времени это займет?

— Я имел в виду именно Сатурн, а не Весту, — возразил Лонг.

— Ему говорят, что до Сатурна семьсот миллионов миль, а он все свое!

— Ладно, — сказал Лонг, — скажите-ка мне, Марио, откуда вы знаете, что в космосе можно оставаться не больше шести месяцев?

— Черт возьми, это всем известно!

— Только потому, что так написано в «Руководстве по космическим полетам». Этот предел был установлен земными учеными на основе опыта земных пилотов и космонавтов. Вы рассуждаете, как наземник, а не как марсианин.

— Марсианин может быть марсианином, но он остается человеком.

— Откуда такая слепота? Сколько раз вы сами бывали в рейсе больше шести месяцев и без всяких последствий?

— Это совсем не то, — сказал Риос.

— Потому что вы марсиане? Потому что вы профессиональные мусорщики?

— Нет. Потому что мы не в дальнем рейсе и знаем, что можем вернуться на Марс, как только захотим.

— Но вы этого не хотите. Об этом я и говорю. Земляне строят огромные космолеты с библиотеками микрофильмов, с экипажем из пятнадцати человек, не считая пассажиров. И все-таки они могут находиться в полете максимум шесть месяцев. У марсианских мусорщиков корабли на две каюты и только один сменщик. Но мы можем выдержать в космосе больше шести месяцев.

— Вы, кажется, не прочь прожить в корабле год и полететь на Сатурн? — заметила Дора.

— А почему бы и нет, Дора? — сказал Лонг. — Мы можем это сделать. Неужели вы не понимаете? Земляне не могут. Они живут в настоящем мире. У них открытое небо и свежая пища, у них сколько угодно воздуха и воды. И, попадая на корабль, они оказываются в чуждой и тягостной обстановке. Вот почему шесть месяцев для них предел. Но марсиане — дело другое. Мы всю жизнь живем словно на борту корабля! Ведь Марс — это большой корабль диаметром в четыре с половиной тысячи миль, а в нем — крохотное помещение, где живут пятьдесят тысяч человек. Мы здесь закупорены, как в корабле. Мы дышим привозным

воздухом и пьем привозную воду, которую без конца очищаем и снова пьем… Мы едим то же самое, что едят на корабле. И когда мы оказываемся в космолете, то продолжаем привычную жизнь. Если понадобится, мы способны продержаться гораздо больше года.

— И Дик тоже? — спросила Дора.

— Мы все.

— Так вот, только не Дик. Вы, Тед Лонг, и этот Марио, который крадет чужие контейнеры, можете сколько угодно болтать о том, как вы год проторчите в космосе. Вы холостяки. А Дик женат. У него жена и сын, и этого с него хватит. Он может получить постоянную работу и здесь, на Марсе. Бог мой, а представьте себе, что вы прилетите на Сатурн и не найдете там никакой воды. Как тогда вы вернетесь? А если у вас и останется вода, так кончится продовольствие. Ничего нелепее я еще не слыхала.

— Погодите, — напряженно произнес Лонг. — Я все обдумал. Я говорил с комиссаром Сэнковом, он поможет. Но нам нужны корабли и люди. Мне их не подобрать. Меня никто и слушать не станет. Я новичок. Вас же знают и уважают. Вы ветераны. Если вы меня поддержите — можете сами не лететь, если вы просто поможете мне

убедить остальных, найти добровольцев…

— Прежде всего, — ворчливо прервал его Риос, — вам придется объяснить еще кое-что. Ну, ладно, прилетим мы на Сатурн, а где там вода?

— В этом-то все дело, — ответил Лонг. — Для того и нужно лететь именно на Сатурн. Вода там просто летает в космосе и ждет, пока за ней явятся!

5

Когда Хэмиш Сэнков прибыл на Марс, марсиан по рождению не существовало. Теперь здесь насчитывалось двести с лишним младенцев марсиан третьего поколения, чьи деды родились на Марсе.

Сэнкову тогда не было и двадцати. Колония на Марсе представляла собой всего лишь кучку приземлившихся кораблей, связанных между собой герметизированными подземными тоннелями. В течение многих лет на его глазах под поверхностью планеты разрастались здания, высовывая тупые носы в разреженную, негодную для дыхания атмосферу. На его глазах появлялись товарные пакгаузы, вмещавшие целые корабли вместе со всем грузом. На его глазах из ничего возникло грандиозное переплетение шахт, источившее кору Марса. А население Марса увеличилось с пятидесяти человек до пятидесяти тысяч.

Из-за этих воспоминаний Сэнков чувствовал себя стариком. Из-за этих и еще более давних воспоминаний, навеянных присутствием землянина. Гость всколыхнул в его памяти давно

забытые отрывочные картины теплого, уютного мира, лелеющего человечество, как материнское лоно.

Землянин, казалось, только что покинул это лоно. Не очень высокий, не очень худой, скорее, пожалуй, полный. Темные волосы с аккуратно уложенной волной, аккуратные усики, тщательно вымытая кожа. На нем был модный костюм, такой свежий и аккуратный, каким только может быть костюм из пластика.

Одежда, которую носил Сэнков, была изготовлена здесь, на Марсе. Она была опрятна и удобна, но безнадежно старомодна. По его суровому лицу пролегла густая сеть морщин, волосы давно побелели, и, когда он говорил, его кадык подергивался.

Землянина звали Майрон Дигби, он был членом Генеральной Ассамблеи Земли. Сэнков был комиссаром Марса.

Сэнков сказал:

— Все это тяжелый удар для нас.

— Для большинства из нас тоже.

— Гм… Тогда я должен честно признаться, что ничего не понимаю. Конечно, я не претендую на то, чтобы разбираться в земных проблемах, хотя и родился на Земле. На Марсе жить нелегко, и вам

следует это уяснить. Только для того, чтобы обеспечить нас пищей, водой и сырьем, на кораблях требуется много места. А для книг и кинохроники места почти не остается. Даже видеопрограммы доходят до нас только в месяц противостояния, но тогда здесь все слишком заняты, чтобы их смотреть. Я, как комиссар, получаю от агентства «Межпланетная пресса» еженедельную сводку, но обычно у меня не бывает времени, чтобы внимательно с ней ознакомиться. Можете назвать нас провинциалами — вы будете правы. Так что, когда случается нечто подобное, мы только беспомощно переглядываемся.

— Не хотите же вы сказать, — медленно произнес Дигби, — что вы здесь, на Марсе, ничего не слышали о кампании против расточительства, которую проводит Хильдер?

— Кое-что слышал. Один молодой мусорщик, сын моего большого друга, который погиб в космосе, — Сэнков задумчиво потер рукой шею, — очень любит читать об истории Земли и тому подобное. Когда он бывает в рейсе, он ловит видеопередачи, и он слушал этого Хильдера. Насколько я могу понять, это была первая речь Хильдера о расточителях. Молодой человек пришел с этим ко мне. Я, естественно, не при-

нял его рассказы всерьез. Впрочем, после этого я стал как-то просматривать сводки новостей «Межпланетной прессы», но там почти ничего не говорилось о Хильдере, а то, что было, представляло его довольно-таки нелепой фигурой.

— Да, комиссар, — сказал Дигби, — вначале все это было похоже на шутку.

Сэнков вытянул длинные ноги и заложил их одну за другую.

— Сдается мне, что и до сих пор это во многом остается шуткой. Какие доводы он приводит? Мы тратим воду? А поинтересовался ли он цифрами? У меня они все есть. Я велел их приготовить к прибытию вашей комиссии.

Океаны Земли содержат четыреста миллионов кубических миль воды, а каждая кубическая миля весит четыре с половиной миллиарда тонн. Это не так уж мало! Часть этой громады мы тратим на полеты. Разгон происходит в основном в пределах поля тяготения Земли, значит, выбрасываемая вода возвращается в океаны. Этого Хильдер не учитывает. Когда он говорит, что за полет расходуется миллион тонн воды, он *лжет*. Меньше ста тысяч тонн! Теперь допустим, что на год приходится пятьдесят тысяч полетов. Этого, конечно, не бывает — их и полутора тысяч не

наберется. Но, допустим, пятьдесят тысяч. Ведь со временем число полетов, безусловно, увеличится. При пятидесяти тысячах полетов в год в космосе будет невозвратимо теряться одна кубическая миля воды. Это значит, что за миллион лет Земля потеряет четверть процента своих водных запасов!

Дигби развел руками.

— Комиссар, «Межпланетные сплавы» попробовали использовать подобные цифры в борьбе против Хильдера. Но разве можно сухой математикой победить мощное эмоциональное движение? Хильдер пустил в ход словечко «расточители». Понемногу он сделал из него символ гигантского заговора банды алчных, жестоких негодяев, грабящих Землю ради своей минутной выгоды. Хильдер обвинил правительство в том, что оно почти все состоит из подобных людей, Ассамблею — в том, что она им подчиняется, прессу — в том, что она им принадлежит. К сожалению, все это не кажется нелепостью среднему человеку. Он прекрасно знает, что могут сделать эгоисты с богатствами Земли. Он знает, например, что случилось с нефтью в Смутные времена, знает, как погубили плодородие почв. Когда наступает засуха, фермера не интересует, что на космические

полеты расходуется лишь крохотная капелька по сравнению с общими водными запасами Земли. Хильдер назвал ему виновников, а в несчастье нет лучшего утешения, чем знать, кого винить. И ради каких-то цифр он от этого утешения не откажется.

— Вот этого я и не понимаю, — сказал Сэнков. — Может быть, я просто не знаю, как живет Земля, но мне кажется, что, кроме напуганных засухой фермеров, там есть и другие люди. Насколько я понимаю из сводок новостей, сторонников Хильдера меньшинство. Почему же вся Земля идет за горсткой фермеров и сумасбродных подстрекателей?

— Потому, комиссар, что у людей есть обыкновение беспокоиться о своем личном благополучии, о своем личном будущем. Сталелитейные компании видят, что эпоха космических полетов требует все больше легких сплавов, в которые не входит железо. Профсоюзы горняков опасаются внеземной конкуренции. Каждый землянин, которому не удается получить алюминий для какой-нибудь своей постройки, уверен, что алюминий идет на Марс. Я знаю одного профессора археологии, который выступает против «расточителей» только потому, что не может получить

от правительства денег на свои раскопки. Он убежден, что все государственные фонды расходуются на ракетные исследования и космическую медицину, и это его возмущает.

— Все это показывает, — заметил Сэнков, — что земляне не очень-то отличаются от нас, марсиан. Но как же Генеральная Ассамблея? Почему ей приходится идти на поводу у Хильдера?

Дигби кисло усмехнулся.

— Не так уж приятно объяснять тонкости политики. Хильдер внес законопроект об организации нашей комиссии для расследования расточительства в космических полетах. Пожалуй, не менее трех четвертей Генеральной Ассамблеи было против такого расследования, как вредного и ненужного бюрократического мероприятия, каковым оно и является. Но какой законодатель рискнет возражать против расследования случаев расточительства? Немедленно создалось бы впечатление, будто он сам чего-то боится, что-то скрывает. Будто он сам извлекает какую-то выгоду из расточительства. Хильдер не стесняется выдвигать подобные обвинения, и, справедливы они или нет, они могут подействовать на избирателей во время следующих выборов. И законопроект прошел. Потом встал вопрос о на-

значении членов комиссии. Те, кто был против Хильдера, не захотели в нее войти, потому что это заставило бы их принимать компрометирующие решения. Держась в стороне, легче не попасть под огонь Хильдера. В результате я оказался единственным членом комиссии, открыто осуждающим Хильдера, и это может стоить мне мандата на следующих выборах.

— Надеюсь, до этого не дойдет, — сказал Сэнков. Оказывается, у Марса меньше друзей, чем мы думали. И нам не хотелось бы потерять одного из них. Но чего Хильдер вообще хочет?

— По-моему, это очевидно, — сказал Дигби. — Он хочет занять пост Всемирного Координатора.

— По-вашему, это ему удастся?

— Если ничто его не остановит, — да.

— И тогда он прекратит кампанию против расточительства?

— Не знаю. Возможно, он еще не думал, что будет делать потом, когда станет Координатором. Впрочем, если вас интересует мое мнение, он не сможет прекратить кампанию, сохранив при этом популярность. Движение это уже вышло из-под его контроля.

Сэнков почесал шею.

— Ну, что ж! В этом случае я хочу попросить

у вас совета. Что мы, жители Марса, можем сделать? Вы знаете Землю. Вы знаете ситуацию там. Мы не знаем. Скажите, что нам делать?

Дигби встал и подошел к окну. Он взглянул на низкие купола соседних зданий, на разделяющую их совершенно безжизненную равнину, усеянную красными скалами, на лиловое небо и съежившееся солнце. Не поворачивая головы, он спросил:

— А вам в самом деле нравится здесь, на Марсе?

Сэнков улыбнулся.

— Большинство из нас просто не знает ничего другого, и Земля, наверное, покажется нам после этого чем-то странным и непривычным.

— Но неужели вы к ней не привыкнете? После Марса на Земле не может не понравиться. Неужели вашим людям не будет приятно свободно дышать свежим воздухом под открытым небом? Вы же когда-то жили на Земле. Вы помните, какая она.

— Смутно. И все-таки это трудно объяснить. Земля просто существует. Она приспособлена для людей, и люди к ней приспособлены. Они воспринимают Землю такой, какая она есть. На Марсе все иначе. Он не обжит, не приспособлен

для людей. Его приходится переделывать. Здесь люди строят свой мир, а не получают его готовым. Марс пока еще не бог весть что, но мы строим, и, когда кончим, получится то, что нам нужно. Это по-своему замечательное чувство — знать, что ты сам строишь мир. После этого на Земле будет, пожалуй, скучновато.

— Ну, не все же марсиане настолько философы, чтобы довольствоваться невыносимо тяжелой жизнью ради будущего, которого, может быть, никто из них не увидит, — возразил Дигби.

— Нет, не совсем так.

Сэнков закинул левую ногу на правое колено и, поглаживая лодыжку, продолжал:

— Я говорил, что марсиане очень похожи на землян. Они люди, а люди не так уж склонны к философии. И все-таки жить в растущем мире — это что-то да значит, даже если ты об этом не думаешь. Когда я только приехал на Марс, я переписывался с отцом. Он был бухгалтером и так им и остался. Когда он умер, Земля была почти такой же, как тогда, когда он родился. Он не видел никаких перемен. Один день был неотличим от другого, жить для него означало просто коротать время до самой смерти. На Марсе все иначе. Здесь каждый день приносит что-то новое: город растет,

расширяется система вентиляции, протягивают водопровод с полюсов. Сейчас мы собираемся организовать собственную ассоциацию кинохроники. Она будет называться «Марсианская пресса». Если вы не жили в таком месте, где все вокруг непрерывно растет и меняется, вы никогда не поймете, как это замечательно. Нет, Марс, конечно, суровая и скудная планета, и Земля куда уютнее, но все-таки, мне кажется, если вы заберете наших ребят на Землю, они будут несчастны. Большинство, возможно, и не поймет почему, но они будут чувствовать себя потерянными, потерянными и ненужными. Боюсь, что многие так и не смогут к этому привыкнуть.

Дигби отвернулся от окна, и гладкая розовая кожа на его лбу собралась в хмурые морщины.

— В таком случае, комиссар, мне жаль вас. Всех вас.

— Почему?

— Потому что я не думаю, чтобы вы, марсиане, смогли что-нибудь изменить. И вы, и жители Луны и Венеры. Это случится еще не сегодня; может быть, пройдет еще год-два, может быть, даже пять. Но очень скоро всем придется вернуться на Землю, если только…

Седые брови Сэнкова почти закрыли глаза.

— Ну?

— Если только вы не найдете другого источника воды, кроме планеты Земля.

Сэнков покачал головой.

— Вряд ли нам это удастся, верно?

— Да, пожалуй.

— А другого выхода, по-вашему, нет?

— Нет.

Дигби ушел. Сэнков долго сидел, глядя прямо перед собой, потом набрал местный видеофонный номер.

Через некоторое время перед ним появилось лицо Теда Лонга.

— Ты был прав, сынок, — сказал Сэнков. — Они бессильны. Даже те, кто на нашей стороне, не видят выхода. Как ты догадался?

— Комиссар, — ответил Лонг, — когда прочтешь все, что только можно, о Смутном времени, особенно о двадцатом веке, перестаешь удивляться самым неожиданным капризам политики.

— Возможно. Так или иначе, сынок, Дигби сочувствует нам, искренне сочувствует, но и только. Он говорит, что нам придется покинуть Марс или же найти воду где-нибудь еще. Только он считает, что мы ее нигде найти не сможем.

— Но вы-то знаете, что сможем, комиссар?

— Знаю, что могли бы, сынок. Это страшный риск.

— Если я соберу достаточно добровольцев, это уж наше дело.

— Ну, и как там у вас?

— Неплохо. Кое-кто уже на моей стороне. Я уговорил, например, Марио Риоса, а вы знаете, что он из лучших.

— Вот именно — добровольцами будут наши лучшие люди. Очень мне не хочется разрешать вам это.

— Если мы вернемся, весь риск будет оправдан.

— Если! Словечко, над которым задумаешься.

— Но и дело, на которое мы идем, стоит того, чтобы о нем подумать.

— Хорошо. Я обещал, что, если Земля нам не поможет, я распоряжусь, чтобы водохранилища Фобоса дали вам столько воды, сколько понадобится. Желаю удачи!

6

В полумиллионе миль над Сатурном Марио Риос крепко спал, паря в пустоте. Понемногу пробуждаясь, он долго лежал в скафандре, считал звезды и мысленно соединял их линиями.

Сначала, в первые недели, полет почти ничем не отличался от обычного «мусорного» рейса, если бы не тоскливое сознание, что с каждой минутой еще тысячи миль ложатся между ними и всем человечеством.

Они полетели по крутой кривой, чтобы выйти из плоскости эклиптики, проходя Пояс астероидов. Это потребовало большого расхода воды и, возможно, не было так уж необходимо. Хотя десятки тысяч крохотных миров на фотоснимках в двумерной проекции кажутся густым скоплением насекомых, в действительности они настолько редко разбросаны по квадрильонам кубических миль пространства, охватываемых их общей орбитой, что столкновение с одним из них могло быть результатом только нелепейшего случая. Но они все-таки обошли Пояс.

Кто-то подсчитал вероятность встречи с частицей вещества, достаточно большой, чтобы

столкновение с ней могло стать опасным. Полученная величина оказалась столь ничтожной, что кому-нибудь неизбежно должна была прийти в голову мысль о парении в космосе.

Медленно тянулись долгие дни — их было слишком много. Космос был чист, в рубке мог дежурить один человек. И эта мысль родилась как-то сама собой.

Первый храбрец решился выйти из корабля минут на пятнадцать. Второй провел в космосе полчаса. Со временем, еще до того, как они окончательно миновали астероиды, свободный от вахты член экипажа постоянно висел в космосе на конце троса.

Это было очень просто. Ка́бель — один из предназначаемых для работ в конце полета — сперва магнитно закрепляется на скафандре. Потом вы выбираетесь через камеру на корпус корабля и прикрепляете другой конец там. Некоторое время вас удерживают на металлической обшивке корабля электромагниты башмаков. Потом вы выключаете их и делаете еле заметное мускульное усилие.

Медленно-медленно вы отрываетесь от корабля, и еще медленнее большая масса корабля уходит от вас на пропорционально меньшее

расстояние вниз. И вы повисаете в невесомости в густой черноте, испещренной светлыми точками. Когда корабль отодвинулся на достаточное расстояние, вы чуть сжимаете кабель рукой в перчатке. Без рывка — иначе вы поплывете назад, к кораблю, а корабль — к вам. При правильной же хватке трение вас остановит. Так как скорость вашего движения равна скорости движения корабля, корабль кажется неподвижным, будто нарисованным на невиданном фоне, а ка́бель между вами свивается кольцами, которые ничто не заставляет расправиться.

Вы видите только половину корабля, ту сторону, которая освещена Солнцем, далеким, но все еще слишком ярким, чтобы смотреть на него без надежной защиты поляризованного фильтра гермошлема. Теневая сторона корабля невидима — черное на черном.

Космос смыкается вокруг вас, и это похоже на сон. В скафандре тепло, воздух автоматически очищается, в специальных контейнерах хранится пища и вода, и вы посасываете их, почти не поворачивая головы. Но всего лучше — восхитительное, блаженное чувство невесомости.

Никогда еще вы не чувствовали себя так хорошо. Дни уже не кажутся чрезмерно длинными,

они проходят слишком быстро, их слишком мало.

Пересекли орбиту Юпитера, на протяжении многих месяцев он был для них самым ярким небесным телом, если не считать сияющей белой горошины, в которую превратилось Солнце. Когда они были ближе всего к нему, кое-кто даже уверял, что видит не точку, а крохотный шарик, выщербленный с одного бока ночной тенью. Потом, месяц за месяцем, Юпитер бледнел, а новая светлая точка росла и росла, пока не стала ярче его. Это был Сатурн — вначале сверкающая точка, затем сияющее овальное пятно.

(«Почему овальное?» — спросил кто-то, и через некоторое время ему ответили: «Кольца, конечно». Ну, конечно же, — кольца!)

До самого конца полета каждый парил в космосе все свободное время, не спуская глаз с Сатурна.

(«Эй, ты, обормот, валяй назад! Твоя вахта!» — «Чья вахта? У меня еще пятнадцать минут по часам». — «Ты перевел стрелки назад. И потом, я тебе вчера одолжил двадцать минут». — «Ты и своей бабушке двух минут не одолжил бы». — «Возвращайся, черт возьми, я все равно выхожу!» — «Ладно, иду. Сколько шуму из-за какой-то

паршивой минуты!» Но все это не всерьез — в космосе серьезной ссоры не получалось. Слишком уж хорошо было.)

Сатурн все рос, пока наконец не сравнялся с Солнцем, а потом не превзошел его. Кольца, расположенные почти под прямым углом к траектории полета, величественно охватывали планету, которая заслоняла лишь небольшую их часть. День ото дня кольца раскидывались все шире, одновременно сужаясь, по мере того как уменьшался угол их наклона. В небе, словно мерцающие светлячки, уже виднелись самые большие луны Сатурна. Марио Риос был рад, что проснулся и теперь снова видит все это.

Сатурн закрывал полнеба — весь в оранжевых полосах, с расплывчатой границей ночной тени, отрезавшей его правую четверть. Два маленьких круглых пятнышка на его яркой поверхности были тенями двух лун. Слева и сзади (Риос оглянулся через левое плечо, и, когда он это сделал, его тело слегка сдвинулось вправо, сохраняя угловое количество движения) белым алмазом сверкало Солнце.

Больше всего Риосу нравилось разглядывать кольца. Слева они выходили из-за Сатурна плотной, яркой тройной полосой оранжевого света.

Справа они уходили в ночную тень и от этого казались ближе и шире. Ближе к нему они расширялись, как сверкающий раструб горна, становились все более туманными и расплывчатыми, пока наконец не заполняли все небо, теряясь в нем.

Там, где находились корабли мусорщиков, внутри внешнего кольца, у самого его наружного края, кольца, казалось, распадались и выглядели тем, чем они были на самом деле, — феноменальным скоплением твердых обломков, а не сплошными, плотными полосами света.

Милях в двадцати под Риосом, или, вернее, там, куда были направлены его ноги, находился один из таких обломков. Он казался большим пятном неправильной формы, нарушавшим симметрию космоса. Три четверти его были освещены, а остальное обрезано, как ножом, ночной тенью. Поодаль виднелись другие обломки, сверкавшие, точно звездная пыль. Чем дальше, тем слабее казался их свет, а они сами как будто сближались, пока вновь не сливались в кольцо.

Планетоиды эти были неподвижны, но так казалось лишь потому, что корабли двигались по той же орбите, что и внешний край колец.

Накануне Риос вместе с двумя десятками своих

товарищей работал на ближайшем обломке, придавая ему нужную форму. Завтра он снова будет работать там.

Сегодня… Сегодня он парит в космосе.

— Марио? — вопросительно прозвучало в его наушниках.

Риос на мгновение рассердился. К черту, сейчас ему хочется побыть одному!

— Слушаю, — буркнул он.

— Я так и думал, что это твой корабль. Как дела?

— Прекрасно. Это ты, Тед?

— Да, — ответил Лонг.

— Что-нибудь случилось на обломке?

— Ничего. Просто парю.

— Это ты-то?

— И меня иногда тянет. Красиво, правда?

— Хорошо, — согласился Риос.

— Знаешь, в земных книгах…

— В книгах наземников, ты хочешь сказать?

Риос зевнул и обнаружил, что ему не удалось произнести слово «наземник» с должным презрением.

— …мне приходилось читать, как люди лежат на траве, — продолжал Лонг. — Знаешь, на такой зеленой штуке, вроде тонких, длинных полосок

бумаги, которой покрыта там вся почва. Они лежат и глядят вверх, в голубое небо с облаками. Ты когда-нибудь видел это в фильмах?

— Конечно. Только мне не понравилось. Того гляди замерзнешь.

— На самом деле там вовсе не холодно. В конце концов, Земля совсем близко к Солнцу, и говорят, у нее достаточно плотная атмосфера, чтобы удерживать тепло. Признаться, мне бы тоже не хотелось оказаться под открытым небом в одной одежде. Но, по-моему, им это нравится.

— Все наземники — сумасшедшие!

— Знаешь, там еще говорится о деревьях — таких больших бурых стеблях, и о ветре — движении воздуха.

— Ты хочешь сказать — о сквозняках? Этим тоже пусть наслаждаются сами.

— Неважно. Они пишут об этом так красиво, с любовью. Но я часто задумывался: на что же это похоже, на самом-то деле? Могу я это когда-нибудь испытать или это доступно только землянам? Мне все казалось, что я упускаю что-то очень важное. Теперь я знаю, на что это должно быть похоже. Вот на это — глубокий покой в центре Вселенной, напоенной красотой!

— Им бы это не понравилось, — сказал Риос. —

Наземникам, я хочу сказать. Они так привыкли к своему паршивому крохотному миру, что им просто не понять, до чего же хорошо парить в космосе, глядя на Сатурн.

Он сделал легкое движение и начал медленно, спокойно покачиваться.

Лонг сказал:

— Да, я тоже так думаю. Они рабы своей планеты. Даже если они прилетают на Марс, только дети их освобождаются от этого. Когда-нибудь будут построены звездолеты — невообразимо огромные корабли, которые будут вмещать тысячи людей и смогут десятилетиями, может быть, даже столетиями существовать как замкнутые системы. Человечество расселится по всей Галактике. Но людям придется всю жизнь проводить на борту кораблей, пока они не найдут новых способов межзвездного полета. И, значит, марсиане, а не привязанные к своей планете земляне колонизируют Вселенную. Это неизбежно. Так должно быть. Это — Путь марсиан.

Но Риос не ответил. Он снова задремал, мягко покачиваясь, в полумиллионе миль над Сатурном.

7

Работа на планетоиде оказалась оборотной стороной медали. О блаженном покое и уединении свободного парения в пространстве приходилось забыть. Правда, осталась невесомость, но в новых условиях она была уже не райским блаженством, а настоящей пыткой. Попробуйте поработать хотя бы обычным стационарным тепловым излучателем. Его можно было легко поднять: несмотря на то что он был двух метров в высоту и столько же в ширину и сделан почти целиком из металла, здесь он весил считанные граммы. Но инерция его ничуть не уменьшилась, поэтому стоило толкнуть его слишком сильно, и чтобы его остановить приходилось включать искусственное поле тяготения скафандра. Керальский слишком неосторожно увеличил силу искусственного поля и вместе с излучателем опустился на планетоид слишком резко. Ему перебило лодыжку — это был первый несчастный случай в экспедиции.

Риос ругался яростно и почти беспрерывно. Его все время тянуло вытереть пот со лба рукой. Раза два он не выдержал, и в результате метал-

лическая перчатка ударялась о силиконовый шлем с грохотом, отдававшимся в скафандре, но не приносившим ощутимой пользы. Осушители внутри скафандра работали на полную мощность и, конечно, собирали влагу, регенерировали ее с помощью ионообмена, а затем, восстановив нужное содержание соли, сливали в специальное хранилище.

— Черт побери, Дик, жди, пока я не скажу, слышишь? — рявкнул Риос.

В его наушниках прогремел голос Свенсона:

— И долго мне тут сидеть?

— Пока не скажу, — огрызнулся Риос.

Он увеличил поле искусственного тяготения и немного приподнял излучатель. Потом снял тяготение, предварительно убедившись, что излучатель все равно останется на месте в течение нескольких минут, даже если его не держать. Отодвинув ногой кабель, который уходил за близкий горизонт к невидимому отсюда источнику энергии, он включил излучатель.

Вещество, из которого состоял обломок, закипело под тепловым лучом и стало исчезать. Края огромной выемки — тоже его работа, — расплавляясь, становились все более округлыми.

— Ну, давай! — крикнул Риос.

Свенсон находился в корабле, висевшем почти над головой Риоса.

— Все в порядке? — спросил Свенсон.

— Говорю тебе, давай!

Из переднего сопла корабля вылетела слабая струйка пара. Космолет медленно опускался на обломок. Еще одна струйка — и боковой дрейф корабля прекратился. Теперь он опускался точно. Третья — из кормы, и его движение стало едва заметным.

Риос напряженно следил за ним.

— Давай, давай! Получается, говорю тебе.

Корма вошла в выемку, почти целиком заполнив отверстие. Раздутое брюхо корабля все больше приближалось к его краям. Раздался скрежет, космолет содрогнулся и замер.

Теперь проклятиями разразился Свенсон.

— Не входит!

Риос в ярости отшвырнул излучатель и взмыл вверх. Излучатель поднял целую тучу белой кристаллической пыли, как и Риос, когда он вернулся, включив поле тяготения.

— Ты криво вошел, тупоголовый наземник!

— Нет, я вошел точно, неумытая ты деревенщина!

Обращенные назад боковые сопла корабля вы-

пустили струи пара, и Риос отскочил в сторону.

Космолет, царапая бока, выбрался из ямы и взлетел вверх на полмили, прежде чем заработавшие передние сопла успели его остановить.

— Еще раз, и мы сорвем с обшивки полдюжины плит. Сделай наконец все как надо!

— Я-то сделаю! Не беспокойся. Только ты входи правильно.

Риос подпрыгнул и поднялся метров на триста, чтобы взглянуть на выемку сверху. Борозды, оставленные на ее стенках кораблем, отсюда были видны ясно. Больше всего их было в одном месте, примерно на половине ее глубины. Сейчас он это уберет.

Стены начали оплавляться под пламенем излучателя.

Через полчаса корабль аккуратно вошел в выемку, и Свенсон, облачившись в скафандр, присоединился к Риосу.

— Если хочешь, я займусь вмораживанием, а ты иди на корабль и сбрось скафандр, — сказал он.

— Ничего, — ответил Риос, — я лучше посижу здесь и посмотрю на Сатурн.

Он уселся на край выемки. Между ним и корпусом космолета было около двух метров свободного пространства. В других местах зазор составлял

примерно полметра, а кое-где — всего несколько сантиметров. Лучше вручную и не сделаешь. Теперь оставалось осторожно расплавить лед, чтобы вода замерзла между стенками выемки и корпусом космолета.

Сатурн заметно для глаза перемещался по небу, огромной глыбой медленно уползая за горизонт.

— Сколько еще кораблей осталось встроить? — спросил Риос.

— В последний раз говорили — одиннадцать. У нас готово, значит, только десять. Из тех, что уже встали на место, семь вморожены, а на двух или трех уже приступили к снятию двигателей.

— Дело идет на лад.

— Работы много, — возразил Свенсон. — Ведь еще надо поставить главные двигатели с другой стороны. А кабели, а силовая проводка? Иногда я начинаю сомневаться, удастся ли нам это. Когда мы летели сюда, меня это как-то мало беспокоило. Но вот сейчас я сидел в рубке и твердил: «Не выйдет. Мы так и просидим здесь и умрем с голоду под этим Сатурном». Я чувствую, что просто…

Он так и не объяснил, что именно чувствует. Просто сидел и молчал.

— Уж очень много ты стал задумываться, — заметил Риос.

— Тебе что, — ответил Свенсон. — А я вот все думаю о Пите и о Доре.

— Зачем? Она ведь позволила тебе лететь, верно? Комиссар потолковал с ней о патриотизме и как ты станешь героем и будешь обеспечен на всю жизнь, когда вернешься, и она сказала, что ты можешь лететь. Ты ведь не сбежал тайком, как Адамс.

— Адамс — другое дело. Его жену следовало бы пристрелить, как только она родилась. И могут же некоторые женщины испортить человеку жизнь, а? Она не хотела, чтобы он летел, но, наверное, будет только рада, если он не вернется, а ей назначат за него пенсию.

— Ну, так чего же ты хнычешь? Дора ведь ждет твоего возвращения?

Свенсон вздохнул.

— Я всегда вел себя с ней как свинья.

— Ты, по-моему, отдавал ей все жалованье. Я бы не сделал этого ни для одной женщины. Сколько заслужила, столько и получай, и ни цента больше.

— Дело не в деньгах. Я тут начал задумываться. Женщине нужен друг. А малышу нужен отец. И что я тут делаю?

— Делаешь все, чтобы поскорее добраться до

дому.

— Эх, ничего ты не понимаешь!

8

Тед Лонг бродил по неровной поверхности обломка, и в его душе царил такой же ледяной холод, как и вокруг него. Там, на Марсе, все казалось абсолютно логичным, но то был Марс. Мысленно он рассчитал все так тщательно, так безукоризненно последовательно. Он и сейчас еще точно помнил ход своих рассуждений.

Для приведения в движение тонны веса корабля совсем не обязательно требовалась именно тонна воды. Тут не масса равнялась массе, а произведение массы корабля на его скорость — произведению массы воды на ее скорость. Другими словами, все равно, выбросить ли тонну воды со скоростью одну милю в секунду или пятьдесят килограммов воды со скоростью двадцать миль в секунду, — корабль получал одну и ту же конечную скорость.

Это значило, что сопла становились все у́же, а температура пара выше. Но тут появились трудности. Чем у́же сопла, тем больше энергии теряется на трение и завихрения. Чем выше температура пара, тем более жароупорным должно быть сопло и тем короче его жизнь. Предел в этом

направлении был быстро достигнут.

Стремление получить выгоду, то есть корабль перевозящий больший полезный груз с большей скоростью, за счет увеличения количества отбрасываемой воды (второго сомножителя произведения), приводило к увеличению объема контейнера для воды и, соответственно, лайнеры становились все массивнее и крупнее, а их постройка все сложнее. И скоро предел в этом направлении также был уже достигнут.

И тогда Тед, как ему казалось, нащупал ошибочную предпосылку: почему-то считалось обязательным, что рабочее тело реактивного двигателя должно находиться внутри корабля, что миллионы тонн воды нужно заключать в металл.

Зачем? Ведь вода — это не обязательно вода. Это может быть лед, а ледяной глыбе можно придать любую форму. Во льду можно проплавлять отверстия. В него можно вставить капсулу и двигатели. А жестко удерживать вместе головную часть корабля и двигатели будет магнитное силовое поле, которое создаст система соединяющих их ка́белей.

Поверхность, по которой шел Лонг, ритмично вибрировала. Он находился неподалеку от места

работы, где десяток кораблей вгрызался в лед, и обломок содрогался от непрерывных ударов.

Добывать лед не потребовалось — он плавал кусками нужного размера в кольцах Сатурна. Вернее сказать, сами кольца представляли собой вращающиеся вокруг Сатурна глыбы почти чистого льда. Так говорила спектроскопия, так оказалось на самом деле. Сейчас Лонг стоял на одной из этих глыб длиной в две мили с лишком и толщиной почти с милю. Примерно полмиллиарда тонн воды, все в одном куске — и он стоит на нем.

И теперь Лонг лицом к лицу столкнулся с действительностью. Он никогда не говорил товарищам, сколько именно времени, по его мнению, потребуется им, чтобы превратить обломок в космический корабль, но про себя считал, что дня два, не больше. Однако прошла уже неделя, а он даже не осмеливался прикинуть, сколько еще остается. Теперь он даже не был уверен, что их план вообще осуществим. Смогут ли они с достаточной точностью управлять двигателями с помощью кабелей, переброшенных через две мили ледяной поверхности, когда им придется преодолевать мощное притяжение Сатурна? Питьевой воды оставалось мало, но, правда, они

всегда могли растопить лед. Однако и продовольствие подходило к концу.

Лонг остановился и внимательно всмотрелся в небо. Действительно ли этот обломок увеличивается? Надо бы измерить расстояние до него. Но сейчас у него просто не хватило духа добавить к остальным неприятностям еще и эту. Мысли его вернулись к более насущным проблемам.

Хорошо хоть, что настроение у всех просто великолепное. По-видимому, его спутники очень рады, что достигли орбиты Сатурна. Ведь они первые люди, забравшиеся так далеко, первые, кто прошел Пояс астероидов, первые, кто невооруженным глазом смог увидеть Юпитер как шар, первые, кто увидел Сатурн — вот таким!

Ему и в голову не приходило, что пятьдесят практичных, прошедших огонь и воду мусорщиков окажутся способными испытывать подобные чувства. Но это было так. И они были горды собой.

Он продолжал идти, и из-за отодвигавшегося горизонта выросли две фигуры около полузарытого космолета.

Лонг бодро окликнул их:

— Эй, ребята!

— Это ты, Тед? — ответил Риос.

— Он самый. А кто с тобой? Дик?

— Ну, да. Иди-ка, присядь. Мы как раз готовимся вмораживать корабль и только и думаем, как бы остаться здесь подольше.

— Только не я! — немедленно возразил Свенсон. — Когда мы вылетаем, Тед?

— Как только закончим. Это не ответ, верно?

— Но другого-то ответа и нет, — уныло согласился Свенсон.

Лонг поглядел вверх, на светлое пятно неправильной формы.

Риос проследил его взгляд.

— В чем дело?

Лонг промолчал. Небо было черное, и обломки кольца казались на его фоне оранжевой пылью. Сатурн больше чем на три четверти ушел за горизонт, а с ним и кольца. В полумиле от них из-за ледяного края их обломка в небо стремительно выскочил корабль, блеснул в оранжевом свете Сатурна и тут же исчез. Лед под их ногами задрожал.

— Что-нибудь неладно с Призраком? — спросил Риос.

Так они называли ближайший к ним обломок. Он был совсем близко, если учесть, что они находились у внешнего края колец, где обломки были

разбросаны относительно редко. От Призрака их отделяло миль двадцать. Это была четко рисовавшаяся в небе зубчатая глыба.

— Вы ничего не замечаете?

Риос пожал плечами.

— Не вижу ничего особенного. Все нормально.

— Вам не кажется, что он увеличивается?

— С чего бы это?

— А все-таки? — настаивал Лонг.

Риос и Свенсон внимательно посмотрели на Призрак.

— Пожалуй, он действительно стал больше, — сказал Свенсон.

— Ты нам это внушил, — возразил Риос. — Ведь если он становится больше, значит он приближается сюда.

— Но ведь это же вполне возможно.

— Нет, потому что у этих обломков стабильные орбиты.

— Были, когда мы только прилетели сюда, — сказал Лонг. — Вот, чувствуете?

Лед под ними снова задрожал.

— Мы долбим наш обломок уже неделю. Сначала на него сели двадцать пять кораблей, что сразу изменило его скорость. Чуть-чуть, разумеется, но изменило. Потом мы расплавляли лед,

наши корабли садились и взлетали — и все это к тому же на одном конце обломка. За неделю мы вполне могли немного изменить его орбиту. Два обломка, наш и Призрак, возможно, начали сближаться.

— Ну, пока еще ему хватит места проскочить мимо, — сказал Риос, посмотрев вверх. — К тому же раз мы не можем даже сказать с уверенностью, что он увеличивается, то разве у него может быть большая скорость? Относительно нас, конечно.

— Ему и не надо иметь большую скорость. Его масса не меньше нашей, и, как бы слабо мы ни столкнулись, он собьет нас с орбиты, возможно в сторону Сатурна. А это нам вовсе ни к чему. К тому же у льда очень низкая прочность и оба обломка могут разлететься в пыль.

Свенсон встал.

— Черт возьми, уж если я могу точно определить, как движется сброшенный контейнер в тысяче миль от меня, то и подавно могу узнать, как ведет себя эта гора всего в двадцати милях отсюда.

Он направился к кораблю. Лонг его не остановил.

— Нервничает парень, — заметил Риос.

Призрак поднялся к зениту, прошел над ними и

начал заходить. Через двадцать минут горизонт напротив того места, где исчез Сатурн, загорелся оранжевым заревом — там всходил Призрак.

Риос окликнул по радио:

— Эй, Дик, ты еще жив?

— Проверяю, — донесся глухой ответ.

— Движется? — спросил Лонг.

— Да.

— К нам?

Наступило молчание. Потом раздался испуганный голос Свенсона:

— Прямо в лоб, Тед. Орбиты пересекутся через три дня.

— Да ты рехнулся! — крикнул Риос.

— Проверял четыре раза, — сказал Свенсон.

«Что же теперь делать?» — растерянно подумал Лонг.

9

Часть команды мучилась с кабелями. Их необходимо было проложить идеально точно, чтобы магнитное поле достигло максимальной мощности. В космосе и даже в воздухе это не имело бы значения. Кабели сами расположились бы как надо, как только по ним пошел бы ток. Здесь было иначе. По поверхности обломка прокладывались канавки, в которые предстояло уложить кабель. Если бы при этом была допущена ошибка всего в несколько минут от расчетного направления, возникло бы скручивающее усилие, приложенное ко всему обломку, что привело бы к неизбежной потере драгоценной энергии. Тогда пришлось бы заново прокладывать канавки, переносить кабели и снова вмораживать их.

Усталые люди занимались этой однообразной работой, когда вдруг услышали:

— Все на монтаж двигателей!

Не следует забывать, что мусорщики отнюдь не принадлежат к людям, которым по вкусу дисциплина. Приказ был встречен громким ворчанием и руганью: ведь предстояло демонтировать оставшиеся двигатели, перенести их на другой

конец обломка, впаять в лед в нужных местах и протянуть к ним провода.

Так что прошли почти сутки, прежде чем кто-то, глянув на небо, произнес: «Ух ты!» — и еще одно словечко, не подходящее для печати.

Его сосед посмотрел туда же и ахнул:

— Будь я проклят!

Вслед за ними в небо уставились и все остальные. Такого поразительного зрелища им еще не приходилось видеть!

— Взгляните-ка на Призрак!

Он разрастался по всему небу, как гнойная язва. Все с удивлением обнаружили, что он стал вдвое больше прежнего, и не могли понять, каким образом никто не заметил этого раньше.

Работа была брошена. Все столпились вокруг Теда Лонга.

Он сказал:

— Улететь мы не можем. У нас нет горючего, чтобы вернуться на Марс, и нет снаряжения, чтобы захватить другой обломок. Значит, нам придется остаться тут. Призрак приближается к нам, так как взрывные работы изменили нашу орбиту. Мы можем вновь изменить орбиту, продолжая взрывы. Но взрывать больше нельзя! — это опасно для корабля, который мы строим.

Давайте попробуем другой вариант.

Они вернулись к работе над реактивными двигателями с бешеной энергией.

Их пыл подогревался каждые полчаса, когда Призрак вырастал на горизонте, все более огромный и грозный.

Лонг отнюдь не был уверен, что у них что-нибудь выйдет. Даже если реактивные двигатели будут работать нормально при дистанционном управлении, даже если не подведет система подачи воды к двигателям из резервуара, встроенного прямо в ледяные недра обломка, с установленными там испарителями, — все равно не было никакой уверенности, что планетоид, не скрепленный магнитным полем, не рассыплется под воздействием разрушительных напряжений огромной силы.

— Готово! — услышал Лонг по радио.

— Готово! — повторил Лонг и включил контакт.

Он почувствовал, как все вокруг заколебалось. Россыпь звезд на экране, настроенном на дальний конец обломка, задрожала, и вдали возник пенный хвост стремительно несущихся ледяных кристаллов.

— Работают! — послышался крик.

Выключить двигатели Лонг не осмеливался.

Целых шесть часов они извергали кипящие струи, обращая в пар и выбрасывая в пространство лед, в который были встроены.

Призрак приблизился настолько, что все бросили работу, как завороженные глядя на гору, занявшую все небо, — более эффектную, чем даже сам Сатурн. Каждая выбоина и трещина на поверхности Призрака была видна совершенно четко. Но, когда он пересек орбиту их обломка, то уже успел проскочить на полмили вперед.

Лонг сгорбился в кресле и прикрыл глаза рукой. Он не ел уже двое суток. Впрочем, сейчас он мог бы и поесть. Все остальные обломки кольца были так далеко, что не могли доставить им новых неприятностей, даже если бы какой-нибудь из них и начал к ним приближаться.

А снаружи Свенсон говорил:

— Все время, пока я следил, как эта проклятая скала наваливается на нас, я твердил про себя: «Этого не случится. Мы этого не допустим».

— Черт побери, — сказал Риос. — Мы все понервничали. Ты видел Джима Дэвиса? Он прямо позеленел. Да и мне было не по себе.

— Дело не в том. Смерть… это само собой. Но я все время вспоминал — знаю, что это смешно, но

ничего не могу поделать, — все время вспоминал, как Дора сказала, что, если я наконец допрыгаюсь и погибну, она мне это припомнит. Глупо — в такую минуту, а?

— Послушай, — сказал Риос, — ты хотел жениться, и ты женился. Ну, так не ищи у меня сочувствия.

10

Слитая в единое целое флотилия возвращалась, преодолевая необозримо громадное пространство, отделявшее Сатурн от Марса. Каждый день она покрывала расстояние, на которое по пути сюда требовалось девять дней. Лонг объявил аврал. Синхронизация работы двигателей двадцати пяти кораблей, встроенных в кусок льда из колец Сатурна и лишенных возможности двигаться и маневрировать самостоятельно, была невероятно трудной задачей.

И в первый же день полета начались беспорядочные рывки, которые чуть не вытрясли из них душу. Впрочем, стремительное возрастание скорости положило конец этой тряске. К концу второго дня они перевалили за отметку 100 000 миль в час, но стрелка продолжала упорно двигаться, достигла отметки «1 000 000» и преодолела ее.

Корабль Лонга служил носом ледяного сооружения, и только с него было возможно вести наблюдение во всех направлениях. Лонг ловил себя на том, что напряженно наблюдает за космосом, почему-то ожидая, что звезды вот-вот

начнут скользить назад и замелькают по бокам их составного корабля — так колоссальна была их скорость.

Но этого, конечно, не случилось. Звезды оставались пригвожденными к черному занавесу космоса, недвижно взирая на людей с таких расстояний, которые сводили на нет любую скорость, какой только мог добиться человек.

Через несколько дней начались жалобы. Дело было не только в том, что команда лишилась возможности парить в космосе. Всех измучила сила тяжести, намного превышавшая обычное искусственное поле тяготения кораблей, — это был результат свирепого ускорения, которому они подверглись. Лонг, неумолимой силой прижатый к гидравлической прокладке кресла, и сам чувствовал смертельную усталость.

Пришлось каждые три часа выключать на час двигатели, и Лонга это сердило.

Ведь с того дня, когда он в последний раз видел в иллюминаторе своего (тогда еще самостоятельного) корабля медленно исчезающий Марс, прошло уже больше года.

Что случилось за это время? Существует ли еще колония?

Тревожась все больше и больше, Лонг еже-

дневно, используя объединенную энергию всех кораблей, посылал к Марсу радиосигналы. Ответа не было. Да он его и не ждал. Марс и Сатурн сейчас находились по разные стороны от Солнца, и помехи были слишком велики: оставалось ждать того дня, когда корабли поднимутся над эклиптикой достаточно высоко.

За внешним краем Пояса астероидов они достигли максимальной скорости. Короткие струи из одного бокового двигателя, потом из другого повернули огромный корабль кормой вперед. Вновь мощно взревел составной задний двигатель, но теперь он уже тормозил их движение. Они прошли в ста миллионах миль от Солнца и по кривой направились к Марсу.

В неделе пути от Марса впервые были услышаны ответные сигналы — отрывочные, еле слышные и неразборчивые. Но они доносились с Марса! Земля и Венера находились в другом направлении, так что сомневаться не приходилось.

Лонг немного успокоился. Во всяком случае, на Марсе все еще есть люди.

В двух днях пути от Марса сигналы стали сильными и отчетливыми. Их вызывал Сэнков.

Сэнков сказал:

— Здравствуй, сынок. У нас сейчас три часа

утра. Никакого уважения к старику — вытащили меня прямо из постели.

— Мне очень жаль, сэр…

— И зря! Я сам так велел. Я боюсь спрашивать, сынок. Есть раненые? Может быть, кто-нибудь погиб?

— Погибших нет, сэр. Ни единого.

— А… а как с водой? Что-нибудь осталось?

Лонг, пытаясь придать голосу оттенок безразличия, ответил:

— Хватит.

— В таком случае возвращайтесь домой как можно скорее. Разумеется, без лишнего риска.

— Значит, дело плохо?

— Да так себе. Когда вы достигнете Марса?

— Через два дня. Столько вы продержитесь?

— Продержусь.

Сорок часов спустя Марс вырос в ярко-оранжевый шар, заполнивший все иллюминаторы, и ледяной корабль вышел на последнюю спираль перед посадкой. «Спокойно, — твердил про себя Лонг, — спокойно!» Даже разреженная атмосфера Марса могла стать для них крайне опасной, если бы они вошли в нее на слишком большой скорости.

Сначала под ними пронеслась одна белая по-

лярная шапка, затем другая, поменьше, летнего полушария, снова большая, опять меньшая — промежутки все увеличивались.

Планета приближалась. Вскоре уже стали отчетливо видны отдельные черты ландшафта.

— Приготовиться к посадке! — скомандовал Лонг.

11

Сэнков старался сохранить невозмутимый вид, что было нелегко: все-таки экспедиция едва не опоздала. Впрочем, теперь все устроилось наилучшим образом.

Всего несколько дней назад он не был даже уверен, что они живы. Казалось вероятным, даже почти неизбежным, что где-то в непроторенных пространствах между Марсом и Сатурном носятся их замерзшие трупы — новые небесные тела, которые когда-то были живыми существами.

Последние месяцы он всячески торговался с комиссией по мелочам. Им нужна была его подпись для соблюдения законности. Однако Сэнков понимал, что, откажи он им наотрез, и они будут действовать односторонне, махнув рукой на формальности. Победа Хильдера на выборах казалась несомненной, и его сторонники могли даже пойти на риск вызвать сочувствие к Марсу. Поэтому Сэнков всячески затягивал переговоры, давая комиссии основание полагать, что он вот-вот капитулирует.

Но после разговора с Лонгом Сэнков тут же согласился на все условия.

В тот же день, несколько часов спустя, перед ним уже лежали документы, и он, поглядывая на журналистов, обратился к комиссии с последним заявлением. Он говорил:

— Общий импорт воды с Земли составляет двадцать миллионов тонн в год. Он сокращается, по мере того как мы совершенствуем собственную водопроводную систему. Если я подпишу, дав тем самым согласие на эмбарго, наша промышленность будет парализована, исчезнет всякая возможность дальнейшего ее развития. Не может быть, чтобы это входило в намерения Земли. Не так ли?

Он посмотрел на членов комиссии, но их взгляд не смягчился. Дигби давно вывели из комиссии, а все остальные не симпатизировали Марсу.

Председатель комиссии раздраженно заметил:

— Вы все это уже говорили.

— Знаю, но раз я готов подписать, то хочу, чтобы все было ясно. Так, значит, Земля твердо решила покончить с нами?

— Конечно, нет. Земля заинтересована лишь в сохранении своих не возобновляемых водных ресурсов, только и всего.

— На Земле полтора квинтильона тонн воды.

— Мы не можем поделиться своей водой, — от-

резал председатель комиссии.

И Сэнков подписал.

Именно такие заключительные слова и были ему нужны. — Земля имеет полтора квинтильона тонн воды и не может ею поделиться.

И вот сейчас, полтора дня спустя, члены комиссии и журналисты ждали в куполе космопорта. За толстыми выгнутыми стенками виднелась голая, пустынная территория марсианского космодрома.

Председатель комиссии спросил с досадой:

— Долго ли еще ждать? И позвольте наконец узнать, чего мы ждем?

— Кое-кто из наших ребят побывал в космосе, — ответил Сэнков, — за астероидами.

Председатель комиссии снял очки и протер их белоснежным платком.

— И они возвращаются?

— Да.

Председатель пожал плечами и, повернувшись к репортерам, выразительно поднял брови.

У другого окна в соседнем помещении тесной кучкой стояли женщины и дети. Сэнков повернулся и взглянул на них. Он предпочел бы быть вместе с ними, разделять их волнение и ожидание. Как и они, он ждал больше года. Как и они,

он снова и снова думал, что те, кого они ждали, погибли.

— Видите? — сказал Сэнков, указывая в окно.

— Эге! — воскликнул какой-то журналист. — Да это корабль!

Из соседней комнаты донеслись возбужденные крики.

Это был еще не корабль, а яркая точка, светившаяся сквозь зыбкое белое облачко. Облачко росло. Оно простерлось по небу двойной полосой, нижние концы которой расходились в стороны и загибались вверх. Облачко приблизилось, и яркая точка на его верхнем конце превратилась в подобие цилиндра. Поверхность цилиндра была неровной и скалистой, а там, где на нее падал солнечный свет, она отбрасывала ослепительные блики.

Цилиндр снижался с тяжеловесной медлительностью космолета. Он повис на мгновение, покоясь на многотонной отдаче отбрасываемых струй пара, как усталый человек в кресле.

В куполе воцарилась тишина. Женщины и дети в одной комнате, члены комиссии и журналисты в другой, окаменев, не веря своим глазам, смотрели вверх. Посадочные ноги цилиндра под нижними соплами коснулись поверхности,

погрузились в зыбучую гальку, и корабль застыл неподвижно. Рев двигателей смолк.

В куполе по-прежнему стояла тишина.

С огромного корабля спускались люди — им предстояло карабкаться вниз мили две в ботинках с шипами и с ледорубами в руках. На фоне слепящей поверхности они казались муравьями.

— Что это? — сорвавшимся голосом спросил один из журналистов.

— Это, — спокойно ответил Сэнков, — глыба вещества, которая вращалась вокруг Сатурна в составе его колец. Наши ребята снабдили ее капсулой и двигателями и доставили на Марс. Видите ли, кольца Сатурна состоят из огромных глыб чистого льда.

И в мертвой тишине он продолжал:

— Эта глыба, похожая на корабль, — всего лишь гора твердой воды. Если бы она стояла вот так на Земле, она растаяла бы, а может быть, рассыпалась бы под действием собственной тяжести. На Марсе холоднее, а сила тяжести меньше, поэтому тут ей это не грозит. Разумеется, когда мы как следует наладим дело, мы заведем водные станции и на лунах Сатурна и Юпитера, и на астероидах. Мы будем собирать такие кусочки в кольцах Сатурна и отправлять на эти станции.

Наши мусорщики это хорошо умеют. У нас будет столько воды, сколько понадобится. Объем глыбы, которую вы видите, чуть меньше кубической мили — примерно столько же Земля послала бы нам за двести лет. Ребята истратили довольно много воды, возвращаясь с Сатурна. По их словам, на весь путь понадобилось пять недель и они израсходовали около ста миллионов тонн воды. Но в этой горе даже щербинки не видно. Вы записываете?

Он повернулся к репортерам. О да, они записывали!

— И вот еще что. Земля опасается, что ее водные запасы истощаются. Она располагает всего-навсего какими-нибудь полутора квинтильонами тонн воды. Она не может уделить нам из них ни одной тонны. Так запишите, что мы, жители Марса, опасаемся за судьбу Земли и не хотим, чтобы с ее обитателями случилась беда. Запишите, что мы будем продавать воду Земле по миллиону тонн за умеренную плату. Запишите, что через десять лет мы рассчитываем продавать воду кубическими милями. Запишите, что Земля может не волноваться: Марс продаст Земле столько воды, сколько ей понадобится.

Председатель комиссии уже ничего не слы-

шал. Он чувствовал, как на него обрушивается будущее. Как в тумане, он видел, что репортеры усмехаются, продолжая бешено строчить.

Усмехаются!

Он знал, что на Земле эта усмешка превратится в громовой хохот, едва там узнают, как Марс побил антирасточителей их же собственным оружием. Он слышал, как разражаются хохотом целые континенты, когда до них доходит известие об этом позорном фиаско. И еще он видел пропасть — глубокую и черную, как космос, пропасть, куда навсегда проваливаются все политические надежды Джона Хильдера и любого из оставшихся на Земле противников космических полетов, включая, конечно, и его самого.

В соседней комнате плакала от радости Дора, а Питер, успевший подрасти сантиметров на пять, прыгал и кричал:

— Папа! Папа!

Ричард Свенсон только что ступил на землю и зашагал к куполу. Его лицо было хорошо видно сквозь прозрачный силиконовый гермошлема.

— Ты когда-нибудь видел, чтобы человек выглядел таким счастливым? — спросил Тед Лонг. — Может, в этой семейной жизни и на самом деле что-то есть?

— Брось! Просто ты слишком долго был в космосе, — ответил Риос.

ПРИХОД НОЧИ
(Перевод Д. Жукова)

Если бы звезды являлись нам раз в тысячу лет, как веровали бы в них люди, как почитали бы их, передавая из поколения в поколение память о граде Божьем!

Эмерсон.

Атон 77, ректор Сароского университета, воинственно оттопырил нижнюю губу и в бешенстве уставился на молодого журналиста.

Теремон 762 и не ждал ничего другого. Когда он еще только начинал и статьи, которые теперь перепечатывали десятки газет, были только безумной мечтой желторотого юнца, он уже специализировался на «невозможных» интервью. Это стоило ему кровоподтеков, синяков и переломов, но зато он научился сохранять хладнокровие и уверенность в себе при любых обстоятельствах.

Поэтому он опустил протянутую руку, которую так демонстративно отказались пожать, и спокойно ждал, пока гнев престарелого ректора остынет. Все астрономы — чудаки, а Атон, если

судить по тому, что он вытворял последние два месяца, чудак из чудаков.

Атон 77 снова обрел дар речи, и, хотя голос прославленного астронома дрожал от сдерживаемой ярости, говорил он по своему обыкновению размеренно, тщательно подбирая слова.

— Явившись ко мне с таким наглым предложением, сэр, вы проявили дьявольское нахальство…

— Но, сэр, в конце концов… — облизнув пересохшие губы, робко перебил его Бини 25, широкоплечий телефотограф обсерватории.

Ректор обернулся, одна седая бровь поползла кверху.

— Не вмешивайтесь, Бини. Я готов поверить, что вы привели сюда этого человека, руководствуясь самыми добрыми намерениями, но сейчас я не потерплю никаких пререканий.

Теремон решил, что ему пора принять участие в этом разговоре.

— Ректор Атон, если вы дадите мне возможность договорить…

— Нет, молодой человек, — возразил Атон, — все, что вы могли сказать, вы уже сказали за эти последние два месяца в своих ежедневных статьях. Вы возглавили широкую газетную кам-

панию, направленную на то, чтобы помешать мне и моим коллегам подготовить мир к угрозе, которую теперь уже нельзя предотвратить. Вы не остановились перед сугубо личными оскорбительными нападками на персонал обсерватории и старались сделать его посмешищем.

Ректор взял со стола экземпляр сароской «Хроники» и свирепо взмахнул им.

— Даже такому известному наглецу, как вы, следовало бы подумать, прежде чем являться ко мне с просьбой, чтобы я разрешил именно вам собирать здесь материал для статьи о том, что произойдет сегодня. Именно вам из всех журналистов!

Атон швырнул газету на пол, шагнул к окну и сцепил руки за спиной.

— Можете идти, — бросил он через плечо. Он угрюмо смотрел на горизонт, где садилась Гамма, самое яркое из шести солнц планеты. Светило уже потускнело и пожелтело в дымке, затянувшей даль, и Атон знал, что если увидит его вновь, то лишь безумцем.

Он резко обернулся.

— Нет, погодите! Идите сюда! — сделав властный жест, сказал Атон. — Я дам вам материал.

Журналист, который и не собирался уходить,

медленно подошел к старику. Атон показал рукой на небо.

— Из шести солнц в небе осталась только Бета. Вы видите ее?

Вопрос был излишним. Бета стояла почти в зените; по мере того как сверкающие лучи Гаммы гасли, красноватая Бета окрашивала все кругом в непривычный оранжевый цвет. Бета находилась в афелии. Такой маленькой Теремон ее еще никогда не видел. И только она одна светила сейчас на небе Лагаша.

Собственное солнце Лагаша, Альфа, вокруг которого обращалась планета, находилось по другую ее сторону, так же как и две другие пары дальних солнц. Красный карлик Бета (ближайшая соседка Альфы) осталась в одиночестве, в зловещем одиночестве.

В лучах солнца лицо Атона казалось багровым.

— Не пройдет и четырех часов, — сказал он, — как наша цивилизация кончит свое существование. И это произойдет потому, что Бета, как вы видите, осталась на небе одна. — Он угрюмо улыбнулся. — Напечатайте это! Только некому будет читать.

— Но если пройдет четыре часа… и еще четыре… и ничего не случится? — вкрадчиво спросил

Теремон.

— Пусть это вас не беспокоит. Многое случится.

— Не спорю! И все же… если ничего не случится?

Бини 25 рискнул снова заговорить:

— Сэр, мне кажется, вы должны выслушать его.

— Не следует ли поставить этот вопрос на голосование, ректор Атон? — сказал Теремон.

Пятеро ученых (остальные сотрудники обсерватории), до этих пор сохранявшие благоразумный нейтралитет, насторожились.

— В этом нет необходимости, — отрезал Атон. Он достал из кармана часы. — Раз уж ваш друг Бини так настаивает, я даю вам пять минут. Говорите.

— Хорошо! Ну, что изменится, если вы дадите мне возможность описать дальнейшее, как очевидцу? Если ваше предсказание сбудется, мое присутствие ничему не помешает: ведь в таком случае моя статья так и не будет написана. С другой стороны, если ничего не произойдет, вы должны ожидать, что над вами в лучшем случае будут смеяться. Так не лучше ли, чтобы этим смехом дирижировала дружеская рука?

— Это свою руку вы называете дружеской? — огрызнулся Атон.

— Конечно! — Теремон сел и закинул ногу за ногу. — Мои статьи порой бывали резковаты, но каждый раз я оставлял вопрос открытым. В конце концов, сейчас не тот век, когда можно проповедовать Лагашу «приближение конца света». Вы должны понимать, что люди больше не верят в Книгу откровений и их раздражает, когда ученые поворачивают на сто восемьдесят градусов и говорят, что хранители Культа были все-таки правы…

— Никто этого не говорит, молодой человек, — перебил его Атон. — Хотя многие сведения были сообщены нам хранителями Культа, результаты наших исследований свободны от культового мистицизма. Факты суть факты, а так называемая «мифология» Культа, бесспорно, опирается на определенные факты. Мы их объяснили, лишив былой таинственности. Заверяю вас, хранители Культа теперь ненавидят нас больше, чем вы.

— Я не питаю к вам никакой ненависти. Я просто пытаюсь доказать вам, что широкая публика настроена скверно. Она раздражена.

Атон насмешливо скривил губы.

— Ну и пусть себе раздражается.

— Да, но что будет завтра?

— Никакого завтра не будет.

— Но если будет? Предположим, что будет… Только подумайте, что произойдет. Раздражение может перерасти во что-нибудь серьезное. Ведь, как вам известно, деловая активность за эти два месяца пошла на убыль. Вкладчики не очень-то верят, что наступает конец мира, но все-таки предпочитают пока держать свои денежки при себе. Обыватели тоже не верят вам, но все же откладывают весенние покупки… так, на всякий случай. Вот в чем дело. Как только все это кончится, биржевые воротилы возьмутся за вас. Они скажут, что раз сумасшедшие… прошу прощения… способны в любое время поставить под угрозу процветание страны, изрекая нелепые предсказания, то планете следует подумать, как их унять. И тогда будет жарко, сэр.

Ректор смерил журналиста суровым взглядом.

— И какой же выход из положения предлагаете вы?

Теремон улыбнулся.

— Я предлагаю взять на себя освещение вопроса в прессе. Я могу повернуть дело так, что оно будет казаться только смешным. Конечно, выдержать это будет трудно, так как я сделаю вас скопищем

идиотов, но, если я заставлю людей смеяться над вами, их гнев остынет. А взамен мой издатель просит одного — не давать сведений никому, кроме меня.

— Сэр, — кивнув, выпалил Бини, — все мы думаем, что он прав. За последние два месяца мы предусмотрели все, кроме той миллионной доли вероятности, что в нашей теории или в наших расчетах может крыться какая-то ошибка. Это мы тоже должны предусмотреть.

Остальные одобрительно зашумели, и Атон поморщился так, будто во рту у него была страшная горечь.

— В таком случае можете оставаться, если хотите. Однако, пожалуйста, постарайтесь не мешать нам. Помните также, что здесь руководитель я, и, какой бы точки зрения вы ни придерживались в своих статьях, я требую содействия и уважения к…

Он говорил, заложив руки за спину, и его морщинистое лицо выражало твердую решимость. Он мог бы говорить бесконечно долго, если бы его не перебил новый голос.

— Ну-ка, ну-ка, ну-ка! — раздался высокий тенор, и пухлые щеки вошедшего растянулись в довольной улыбке. — Почему у вас такой

похоронный вид? Надеюсь, все сохраняют спокойствие и твердость духа?

Атон недоуменно нахмурился и спросил раздраженно:

— Какого черта вам тут понадобилось. Ширин? Я думал, вы собираетесь остаться в Убежище.

Ширин рассмеялся и плюхнулся на стул.

— Да провались оно, это Убежище! Оно мне надоело. Я хочу быть здесь, в центре событий. Неужто, по-вашему, я совершенно нелюбопытен? Я хочу увидеть Звезды, о которых без конца твердят хранители Культа. — Он потер руки и добавил уже более серьезным тоном: — На улице холодновато. Ветер такой, что на носу повисают сосульки. Бета так далеко, что совсем не греет.

Седовласый ректор вдруг вспылил:

— Почему вы изо всех сил стараетесь делать всякие нелепости, Ширин? Какая польза от вас тут?

— А какая польза от меня там? — В притворном смирении Ширин развел руками. — В Убежище психологу делать нечего. Там нужны люди действия и сильные, здоровые женщины, способные рожать детей. А я? Для человека действия во мне лишних фунтов сто, а рожать детей я вряд ли сумею. Так зачем там нужен лишний рот? Здесь

я чувствую себя на месте.

— А что такое Убежище? — деловито спросил Теремон.

Ширин как будто только теперь увидел журналиста. Он нахмурился и надул полные щеки.

— А вы, рыжий, кто вы такой?

Атон сердито сжал губы, но потом неохотно пробормотал:

— Это Теремон 762, газетчик. Полагаю, вы о нем слышали.

Журналист протянул руку.

— А вы, конечно, Ширин 501 из Сароского университета. Я слышал о вас. — И он повторил свой вопрос: — Что такое Убежище?

— Видите ли, — сказал Ширин, — нам все-таки удалось убедить горстку людей в правильности нашего предсказания… э… как бы это поэффектнее выразиться… рокового конца, и эта горстка приняла соответствующие меры. В основном это семьи персонала обсерватории, некоторые преподаватели университета и кое-кто из посторонних. Всех вместе их сотни три, но три четверти этого числа составляют женщины и дети.

— Понимаю! Они спрятались там, где Тьма и эти… э… Звезды не доберутся до них, и останутся поэтому целы, когда весь остальной мир

сойдет с ума. Если им удастся, конечно. Ведь это будет нелегко. Человечество потеряет рассудок, большие города запылают — в такой обстановке выжить будет трудновато. Но у них есть припасы, вода, надежный приют, оружие…

— У них есть не только это, — сказал Атон. — У них есть все наши материалы, кроме тех, которые мы соберем сегодня. Эти материалы жизненно необходимы для следующего цикла, и именно они должны уцелеть. Остальное неважно.

Теремон протяжно присвистнул и задумался. Люди, стоявшие у стола, достали доску для коллективных шахмат и начали играть вшестером. Ходы делались быстро и молча. Все глаза были устремлены на доску.

Теремон несколько минут внимательно следил за игроками, а потом встал и подошел к Атону, который сидел в стороне и шепотом разговаривал с Ширином.

— Послушайте, — сказал он. — Давайте пойдем куда-нибудь, чтобы не мешать остальным. Я хочу спросить вас кое о чем.

Престарелый астроном нахмурился и угрюмо посмотрел на него, но Ширин ответил весело:

— С удовольствием. Мне будет только полезно немного поболтать. Атон как раз рассказывал

мне, какой реакции, по вашему мнению, можно ожидать, если предсказание не исполнится… и я согласен с вами. Кстати, я читаю ваши статьи довольно регулярно и взгляды ваши мне в общем нравятся.

— Прошу вас. Ширин… — проворчал Атон.

— Что? Хорошо-хорошо. Мы пойдем в соседнюю комнату. Во всяком случае, кресла там помягче.

Кресла в соседней комнате действительно были мягкими. На окнах там висели тяжелые красные шторы, а на полу лежал палевый ковер. В красновато-кирпичных лучах Беты и шторы и ковер приобрели цвет запекшейся крови.

Теремон вздрогнул.

— Я отдал бы десять бумажек за одну секунду настоящего, белого света. Жаль, что Гаммы или Дельты нет на небе.

— О чем вы хотели нас спросить? — перебил его Атон. — Пожалуйста, помните, что у нас мало времени. Через час с четвертью мы поднимемся наверх, и после этого разговаривать будет некогда.

— Ну, так вот, — сказал Теремон, откинувшись на спинку кресла и скрестив руки. — Вы все здесь так серьезны, что я начинаю верить вам. И я бы хотел, чтобы вы объяснили мне, в чем, собствен-

но, все дело?

Атон вспылил:

— Уж не хотите ли вы сказать, что вы осыпали нас насмешками, даже не узнав как следует, что мы утверждаем?

Журналист смущенно улыбнулся.

— Ну, не совсем так, сэр. Общее представление я имею. Вы утверждаете, что через несколько часов во всем мире наступит Тьма и все человечество впадет в буйное помешательство. Я только спрашиваю, как вы объясняете это с научной точки зрения.

— Нет, так вопрос не ставьте, — вмешался Ширин. — В этом случае, если Атон будет расположен ответить, вы утонете в море цифр и диаграмм. И так ничего и не поймете. А вот если вы спросите меня, то услышите объяснение, доступное для простых смертных.

— Ну, хорошо, считайте, что я спросил об этом вас.

— Тогда сначала я хотел бы выпить.

Он потер руки и взглянул на Атона.

— Воды? — ворчливо спросил Атон.

— Не говорите глупостей!

— Это вы не говорите глупостей! Сегодня никакого спиртного! Мои сотрудники могут не устоять

перед искушением и напиться. Я не имею права рисковать.

Психолог что-то проворчал. Обернувшись к Теремону, он устремил на него пронзительный взгляд и начал:

— Вы, конечно, знаете, что история цивилизации Лагаша носит цикличный характер… Повторяю, цикличный!

— Я знаю, — осторожно заметил Теремон, — что это распространенная археологическая гипотеза. Значит, теперь ее считают абсолютно верной?

— Пожалуй. В этом нашем последнем столетии она получила общее признание. Этот цикличный характер является… вернее, являлся одной из величайших загадок. Мы обнаружили ряд цивилизаций — целых девять, но могли существовать и другие. Все эти цивилизации в своем развитии доходили до уровня, сравнимого с нашим, и все они, без исключения, погибали от огня на самой высшей ступени развития их культуры. Никто не может сказать, почему это происходило. Все центры культуры выгорали дотла, и не оставалось ничего, что подсказало бы причину катастроф.

Теремон внимательно слушал.

— А разве у нас не было еще и каменного века?

— Очевидно, был, но практически о нем из-

вестно лишь то, что люди тогда ненамного отличались от очень умных обезьян. Таким образом, его можно не брать в расчет.

— Понимаю. Продолжайте.

— Прежние объяснения этих повторяющихся катастроф носили более или менее фантастический характер. Одни говорили, что на Лагаш периодически проливались огненные дожди, другие утверждали, что Лагаш время от времени проходит сквозь солнце, третьи — еще более нелепые вещи. Но существовала теория, совершенно отличающаяся от остальных, она дошла до нас из глубины веков.

— Я знаю, о чем вы говорите. Это миф о Звездах, который записан в Книге откровений хранителей Культа.

— Совершенно верно, — с удовлетворением отметил Ширин. — Хранители Культа утверждают, будто каждые две с половиной тысячи лет Лагаш попадал в колоссальную пещеру, так что все солнца исчезали и на весь мир опускался полный мрак. А потом, говорят они, появлялись так называемые Звезды, которые отнимали у людей души и превращали их в неразумных скотов, так что они губили цивилизацию, созданную ими же самими. Конечно, хранители Культа разбавляют

все это невероятным количеством религиозной мистики, но основная идея такова.

Ширин помолчал, переводя дух.

— А теперь мы подходим к Теории Всеобщего Тяготения.

Он произнес эту фразу так, словно каждое слово начиналось с большой буквы, — и тут Атон отвернулся от окна, презрительно фыркнул и сердито вышел из комнаты.

Ширин и Теремон посмотрели ему вслед.

— Что случилось? — спросил Теремон.

— Ничего особенного, — ответил Ширин. — Еще двое его сотрудников должны были явиться сюда несколько часов назад, но их все еще нет. А у него каждый человек на счету: все, кроме самых нужных специалистов, ушли в Убежище.

— Вы думаете, они дезертировали?

— Кто? Фаро и Йимот? Конечно, нет. И все же, если они не появятся в течение часа, это усложнит ситуацию. — Он неожиданно вскочил на ноги, и его глаза весело блеснули. — Однако раз уж Атон ушел…

Подойдя на цыпочках к ближайшему окну, он присел на корточки, вытащил бутылку из шкафчика, встроенного под подоконником, и встряхнул ее — красная жидкость в бутылке со-

блазнительно булькнула.

— Я так и знал, что Атону про это не известно, — заметил он, поспешно возвращаясь к своему креслу. — Вот! У нас только один стакан — его, поскольку вы гость, возьмете вы. Я буду пить из бутылки. — И он осторожно наполнил стаканчик.

Теремон встал, собираясь отказаться, но Ширин смерил его строгим взглядом.

— Молодой человек, старших надо уважать.

Журналист сел с мученическим видом.

— Тогда продолжайте рассказывать, старый плут.

Психолог поднес ко рту горлышко бутылки, и кадык его задергался. Затем он довольно крякнул, чмокнул губами и продолжал:

— А что вы знаете о тяготении?

— Только то, что оно было открыто совсем недавно, и теория эта почти не разработана, а формулы настолько сложны, что на Лагаше постигнуть ее способны всего двенадцать человек.

— Чепуха! Ерунда! Я изложу сущность этой теории в двух словах. Закон всеобщего тяготения утверждает, что между всеми телами Вселенной существует связующая сила и что величина силы, связующей два любых данных тела, пропорци-

ональна произведению их масс, деленному на квадрат расстояния между ними.

— И все?

— Этого вполне достаточно! Понадобилось четыре века, чтобы открыть этот закон.

— Почему же так много? В вашем изложении он кажется очень простым.

— Потому что великие законы не угадываются в минуты вдохновения, как это думают. Для их открытия нужна совместная работа ученых всего мира в течение столетий. После того как Генови 41 открыл, что Лагаш вращается вокруг солнца Альфа, а не наоборот (а это произошло четыреста лет назад), астрономы поработали очень много. Они наблюдали, анализировали и точно определили сложное движение шести солнц. Выдвигалось множество теорий, их проверяли, изменяли, отвергали и превращали во что-то еще. Это была чудовищная работа.

Теремон задумчиво кивнул и протянул стаканчик. Ширин нехотя наклонил бутылку, и на донышко упало несколько рубиновых капель.

— Двадцать лет назад, — продолжал он, промочив горло, — было наконец доказано, что закон всеобщего тяготения точно объясняет орбитальное движение шести солнц. Это была великая

победа.

Ширин встал и направился к окну, не выпуская из рук бутылки.

— А теперь мы подходим к главному. За последнее десятилетие орбита, по которой Лагаш обращается вокруг солнца Альфа, была вновь рассчитана на основе этого закона, и оказалось, что полученные результаты не соответствуют реальной орбите, хотя были учтены все возмущения, вызываемые другими солнцами. Либо закон не был верен, либо существовал еще один, неизвестный фактор.

Теремон подошел к Ширину, который стоял у окна и смотрел на шпили Саро, кроваво пылавшие на горизонте за лесистыми склонами холмов. Бросив взгляд на Бету, журналист почувствовал возрастающую неуверенность и тревогу. Ее крохотное красное пятнышко зловеще рдело в зените.

— Продолжайте, сэр, — тихо сказал он.

— Астрономы целые годы топтались на месте, и каждый предлагал теорию еще более несостоятельную, чем прежние, пока… пока Атон по какому-то наитию не обратился к Культу. Глава Культа, Сор 5, располагал сведениями, которые значительно упростили решение проблемы.

Атон пошел по новому пути. А что, если существует еще одно, не светящееся планетное тело, подобное Лагашу? В таком случае оно, разумеется, будет сиять только отраженным светом, и если поверхность этого тела сложена из таких же голубоватых пород, как и большая часть поверхности Лагаша, то в красном небе вечное сияние солнц сделало бы его невидимым… как бы поглотило его.

Теремон присвистнул.

— Что за нелепая мысль!

— По-вашему, нелепая? Ну, так слушайте. Предположим, что это тело вращается вокруг Лагаша на таком расстоянии, по такой орбите и обладает такой массой, что его притяжение в точности объясняет отклонения орбиты Лагаша от теоретической… Вы знаете, что бы тогда случилось?

Журналист покачал головой.

— Время от времени это тело заслоняло бы собой какое-нибудь солнце, — сказал Ширин и залпом допил бутылку.

— И наверно, так и происходит, — решительно сказал Теремон.

— Да! Но в плоскости его обращения лежит только одно солнце, — он показал пальцем на маленькое солнце, — Бета! И было установлено,

что затмение происходит, только когда из солнц над нашим полушарием остается лишь Бета, находящаяся при этом на максимальном расстоянии от Лагаша. А луна в этот момент находится от него на минимальном расстоянии. Видимый диаметр луны в семь раз превышает диаметр Беты, так что тень ее закрывает всю планету и затмение длится половину суток, причем на Лагаше не остается ни одного освещенного местечка. И ТАКОЕ ЗАТМЕНИЕ СЛУЧАЕТСЯ КАЖДЫЕ ДВЕ ТЫСЯЧИ СОРОК ДЕВЯТЬ ЛЕТ!

На лице Теремона не дрогнул ни один мускул.

— Это и есть материал для моей статьи?

Психолог кивнул.

— Да, тут все. Сначала затмение (оно начнется через три четверти часа)… потом всеобщая Тьма и, быть может, пресловутые Звезды… потом безумие и конец цикла.

Ширин задумался и добавил угрюмо:

— У нас в распоряжении было только два месяца (я говорю о сотрудниках обсерватории) — слишком малый срок, чтобы доказать Лагашу, какая ему грозит опасность. Возможно, на это не хватило бы и двух столетий. Но в Убежище хранятся наши записи, и сегодня мы сфотографируем затмение. Следующий цикл с самого начала

будет знать истину, и, когда наступит следующее затмение, человечество наконец будет готово к нему. Кстати, это тоже материал для вашей статьи.

Теремон открыл окно, и сквозняк всколыхнул шторы. Холодный ветер трепал волосы журналиста, а он смотрел на свою руку, освещенную багровым солнечным светом. Внезапно он обернулся и сказал возмущенно:

— Почему вдруг я должен обезуметь из-за этой Тьмы?

Ширин, улыбаясь какой-то своей мысли, машинально вертел в руке пустую бутылку.

— Молодой человек, а вы когда-нибудь бывали во Тьме?

Журналист прислонился к стене и задумался.

— Нет. Пожалуй, нет. Но я знаю, что это такое. Это… — он неопределенно пошевелил пальцами, но потом нашелся: — Это просто когда нет света. Как в пещерах.

— А вы бывали в пещере?

— В пещере? Конечно, нет!

— Я так и думал. На прошлой неделе я попытался — чтобы проверить себя… Но попросту сбежал. Я шел, пока вход в пещеру не превратился в пятнышко света, а кругом все было черно. Мне

и в голову не приходило, что человек моего веса способен бежать так быстро.

— Ну, если говорить честно, — презрительно кривя губы, сказал Теремон, — на вашем месте я вряд ли побежал бы.

Психолог, досадливо хмурясь, пристально посмотрел на журналиста.

— А вы хвастунишка, как я погляжу. Ну-ка, попробуйте задернуть шторы.

Теремон с недоумением посмотрел на него.

— Для чего? Будь в небе четыре или пять солнц, может быть, и стоило бы умерить свет, но сейчас и без того его мало.

— Вот именно. Задерните шторы, а потом идите сюда и сядьте.

— Ладно.

Теремон взялся за шнурок с кисточкой и дернул. Медные кольца просвистели по палке, красные шторы закрыли окно, и комнату сдавил красноватый полумрак.

В тишине глухо прозвучали шаги Теремона. Но на полпути к столу он остановился.

— Я вас не вижу, сэр, — прошептал он.

— Идите ощупью, — напряженным голосом посоветовал Ширин.

— Но я не вижу вас, сэр, — тяжело дыша, сказал

журналист. — Я ничего не вижу.

— А чего же вы ожидали? — угрюмо спросил Ширин. — Идите сюда и садитесь!

Снова раздались медленные, неуверенные шаги. Слышно было, как Теремон ощупью ищет стул. Журналист сказал хрипло:

— Добрался. Я… все нормально.

— Вам это нравится?

— Н-нет. Это отвратительно. Словно стены… — Он замолк. — Словно стены сдвигаются. Мне все время хочется раздвинуть их. Но я не схожу с ума! Да и вообще это ощущение уже слабеет.

— Хорошо. Теперь отдерните шторы.

В темноте послышались осторожные шаги и шорох задетой материи. Теремон нащупал шнур, и раздалось победное з-з-з отдергиваемой портьеры. В комнату хлынул красный свет, и Теремон радостно вскрикнул, увидев солнце.

Ширин тыльной стороной руки стер пот со лба и дрожащим голосом сказал:

— А это была всего-навсего темнота в комнате.

— Вполне терпимо, — беспечно произнес Теремон.

— Да, в комнате. Но вы были два года назад на Выставке столетия в Джонглоре?

— Нет, как-то не собрался. Ехать за шесть тысяч

миль, даже ради того, чтобы посмотреть выставку, не стоит.

— Ну, а я там был. Вы, наверное, слышали про «Таинственный туннель», который затмил все аттракционы… во всяком случае, в первый месяц?

— Да. Если не ошибаюсь, с ним связан какой-то скандал.

— Не ошибаетесь, но дело замяли. Видите ли, этот «Таинственный туннель» был обыкновенным туннелем длиной в милю… но без освещения. Человек садился в открытый вагончик и пятнадцать минут ехал через Тьму. Пока это развлечение не запретили, оно было очень популярно.

— Популярно?

— Конечно. Людям нравится ощущение страха, если только это игра. Ребенок с самого рождения инстинктивно боится трех вещей: громкого шума, падения и отсутствия света. Вот почему считается, что напугать человека внезапным криком — это очень остроумная шутка. Вот почему так любят кататься на досках в океанском прибое. И вот почему «Таинственный туннель» приносил большие деньги. Люди выходили из Тьмы, трясясь, задыхаясь, полумертвые от страха, но продолжали платить деньги, чтобы попасть

в туннель.

— Погодите-ка, я, кажется, припоминаю. Несколько человек умерли, находясь в туннеле, верно? Об этом ходили слухи после того, как туннель был закрыт.

— Умерли двое-трое, — сказал психолог пренебрежительно. — Это пустяки! Владельцы туннеля выплатили компенсацию семьям умерших и убедили муниципалитет Джонглора не принимать случившееся во внимание: в конце концов, если людям со слабым сердцем вздумалось прокатиться по туннелю, то они сделали это на свой страх и риск, ну, а в будущем этого не повторится! В помещении кассы с тех пор находился врач, осматривавший каждого пассажира, перед тем как тот садился в вагончик. После этого билеты и вовсе расхватывались!

— Так какой же вывод?

— Видите ли, дело этим не исчерпывалось. Некоторые из побывавших в туннеле чувствовали себя прекрасно и только отказывались потом заходить в помещения — в любые помещения: во дворцы, особняки, жилые дома, сараи, хижины, шалаши и палатки.

Теремон воскликнул с некоторой брезгливостью:

— Вы хотите сказать, что они отказывались уходить с улицы? Где же они спали?

— На улице.

— Но их надо было заставить войти в дом.

— О, их заставляли! И у этих людей начиналась сильнейшая истерика, и они изо всех сил старались расколотить себе голову о ближайшую стену. В помещении их можно было удержать только с помощью смирительной рубашки и инъекции морфия.

— Просто какие-то сумасшедшие!

— Вот именно. Каждый десятый из тех, кто побывал в туннеле, выходил оттуда таким. Власти обратились к психологам, и мы сделали единственную возможную вещь. Мы закрыли аттракцион.

Ширин развел руками.

— А что же происходило с этими людьми? — спросил Теремон.

— Примерно то же, что с вами, когда вам казалось, будто в темноте на вас надвигаются стены. В психологии есть специальный термин, который обозначает инстинктивный страх человека перед отсутствием света. Мы называем этот страх клаустрофобией, потому что отсутствие света всегда связано с закрытыми помещениями и бояться

одного — значит бояться другого. Понимаете?

— И люди, побывавшие в туннеле?..

— И люди, побывавшие в туннеле, принадлежали к тем несчастным, чья психика не может противостоять клаустрофобии, которая овладевает ими во Тьме. Пятнадцать минут без света — это много; вы посидели без света всего две-три минуты и, если не ошибаюсь, успели утратить душевное равновесие. Эти люди заболевали так называемой «устойчивой клаустрофобией». Их скрытый страх перед Тьмой и помещениями вырывался наружу, становился активным и, насколько мы можем судить, постоянным. Вот к чему могут привести пятнадцать минут в темноте.

Наступило долгое молчание. Теремон нахмурился.

— Я не верю, что дело обстоит так скверно.

— Вы хотите сказать, что не желаете верить, — отрезал Ширин. — Вы боитесь поверить. Поглядите в окно.

Теремон поглядел в окно, а психолог продолжал:

— Вообразите Тьму повсюду. И нигде не видно света. Дома, деревья, поля, земля, небо — одна сплошная чернота и вдобавок еще, может быть,

Звезды… какими бы они там ни были. Можете вы представить себе это?

— Да, могу, — сердито заявил Теремон.

Ширин с неожиданной горячностью стукнул кулаком по столу.

— Вы лжете! Представить себе этого вы не можете. Ваш мозг устроен так, что в нем не укладывается это понятие, как не укладывается понятие бесконечности или вечности. Вы можете только говорить об этом. Крохотная доля этого уже угнетает вас, и, когда оно придет по-настоящему, ваш мозг столкнется с таким явлением, которое не сможет осмыслить. И вы сойдете с ума, полностью и навсегда! Это несомненно!

И он грустно добавил:

— И еще два тысячелетия отчаянной борьбы окажутся напрасными. Завтра на всем Лагаше не останется ни одного неразрушенного города.

Теремон немного успокоился.

— Почему вы так считаете? Я все еще не понимаю, отчего я должен сойти с ума только потому, что на небе нет солнца. Но даже если бы это случилось со мной и со всеми, то каким образом от этого пострадали бы города? Мы будем их взрывать, что ли?

Но Ширин рассердился и вовсе не был склонен

шутить.

— Находясь во Тьме, чего бы вы жаждали больше всего? Чего бы требовали ваши инстинкты? Света, черт вас побери, света!

— Ну?

— А как бы вы добыли свет?

— Не знаю, — признался Теремон.

— Каков единственный способ получить свет, если не считать солнца?

— Откуда мне знать?

Они стояли лицом к лицу.

— Вы бы что-нибудь сожгли, уважаемый! — сказал Ширин. — Вы когда-нибудь видели, как горит лес? Вы когда-нибудь отправлялись в далекие прогулки и варили обед на костре? А ведь горящее дерево дает не только жар. Оно дает свет, и люди знают это. А когда темно, им нужен свет, и они ищут его.

— И для этого жгут дерево?

— И для этого жгут все, что попадет под руку. Им нужен свет. Им надо что-то сжечь, и, если нет дерева, они жгут что попало. Свет во что бы то ни стало… и все населенные центры погибают в пламени!

Они смотрели друг на друга так, словно все дело было в том, чтобы доказать, чья воля сильнее, а

затем Теремон молча опустил глаза. Он дышал хрипло, прерывисто и вряд ли заметил, что за закрытой дверью, ведущей в соседнюю комнату, раздался шум голосов.

— По-моему, это голос Йимота, — сказал Ширин, стараясь говорить спокойно. — Наверно, они с Фаро вернулись. Пойдемте узнаем, что их задержало.

— Хорошо, — пробормотал Теремон. Он глубоко вздохнул и как будто очнулся.

Напряжение рассеялось.

В соседней комнате было очень шумно. Ученые сгрудились возле двух молодых людей, которые снимали верхнюю одежду и одновременно пытались отвечать на град вопросов, сыпавшийся на них.

Атон протолкался к ним и сердито спросил:

— Вы понимаете, что осталось меньше получаса? Где вы были?

Фаро 24 сел и потер руки. Его щеки покраснели от холода.

— Йимот и я только что закончили небольшой сумасшедший эксперимент, который мы предприняли на свой страх и риск. Мы пытались создать устройство, имитирующее появление Тьмы и Звезд, чтобы заранее иметь представление,

как все это выглядит.

Эти слова вызвали оживление вокруг, а во взгляде Атона вдруг появился интерес.

— Вы об этом раньше ничего не говорили. Ну, и что вы сделали?

— Мы с Йимотом обдумывали это уже давно, — сказал Фаро, — и готовили эксперимент в свободное время. Йимот присмотрел в городе одноэтажное низкое здание с куполообразной крышей… по-моему, там когда-то был музей. И вот мы купили этот дом…

— А где вы взяли деньги? — бесцеремонно перебил его Атон.

— Мы забрали из банка все свои сбережения, — буркнул Йимот 70. — У нас было около двух тысяч. — И добавил, оправдываясь: — Ну и что? Завтра наши две тысячи превратились бы в пачку бесполезных бумажек.

— Конечно, — подтвердил Фаро. — Мы купили дом и затянули все внутри черным бархатом, чтобы создать наибольшую возможную Тьму. Потом мы проделали крохотные отверстия в потолке и крыше и прикрыли их металлическими заслонками, которые можно было сдвинуть одновременно, нажав кнопку. Вернее сказать, мы делали это не сами, а наняли плотника, элек-

трика и других рабочих — денег мы не жалели. Важно было добиться того, чтобы свет, проникая через отверстия в крыше, создавал звездоподобный эффект.

Все слушали, затаив дыхание. Атон сказал сухо:

— Вы не имели права делать самостоятельные…

— Я знаю, сэр, — смущенно сказал Фаро, — но, откровенно говоря, мы с Йимотом думали, что эксперимент может оказаться опасным. Если бы эффект действительно сработал, то, по теории Ширина, мы должны были бы лишиться рассудка. Мы думали, что это весьма вероятно. И мы хотели взять на себя весь риск. Возможно, нам удалось бы, — конечно, в том случае, если бы мы сохранили рассудок, — выработать у себя иммунитет против того, что должно произойти — и тогда мы обезопасили бы этим способом всех вас. Но эксперимент вообще не получился…

— Но что же произошло?

На этот раз ответил Йимот.

— Мы заперлись там и дали своим глазам возможность привыкнуть к темноте. Это совершенно ужасное ощущение — в полной Тьме кажется, будто на тебя валятся стены и потолок.

Но мы преодолели это чувство и привели в действие механизм. Заслонки отодвинулись, и по всему потолку засверкали пятнышки света…

— Ну?

— Ну… и ничего. Вот что самое обидное. Ничего не произошло. Это была просто крыша с дырками, и только так мы ее и воспринимали. Мы проделывали опыт снова и снова… потому мы и задержались… но никакого эффекта не получилось.

Потрясенные услышанным, все молча повернулись к Ширину, который слушал с открытым ртом, словно окаменев.

Первым заговорил Теремон.

— Ширин, вы понимаете, какой удар это наносит вашей теории? — облегченно улыбаясь, сказал он.

Но Ширин нетерпеливо поднял руку.

— Нет, погодите. Дайте подумать. — Он щелкнул пальцами, поднял голову, и в его глазах уже не было выражения неуверенности или удивления. — Конечно…

Но он не договорил. Откуда-то сверху донесся звон разбитого стекла, и Бини, пробормотав: «Что за черт?», бросился вверх по лестнице.

Остальные последовали за ним.

Дальнейшее произошло очень быстро. Оказавшись в куполе, Бини с ужасом увидел разбитые фотографические пластинки и склонившегося над ними человека; в бешенстве бросившись на незваного гостя, он мертвой хваткой вцепился ему в горло. Они покатились по полу, но тут в купол вбежали остальные сотрудники обсерватории и незнакомец оказался буквально погребенным под десятком навалившихся на него разъяренных людей.

Последним в купол поднялся запыхавшийся Атон.

— Отпустите его! — сказал он.

Все неохотно подались назад, и незнакомца поставили на ноги. Он хрипло дышал, лоб у него был в синяках, а одежда порвана. Его рыжеватая бородка была тщательно завита по обычаю хранителей Культа.

Бини схватил его за шиворот и с ожесточением потряс.

— Что ты задумал, мерзавец? Эти пластинки…

— Я пришел сюда не ради них, — холодно сказал хранитель Культа. — Это была случайность.

Бини увидел, куда направлен его злобный взгляд, и зарычал:

— Понятно. Тебя интересовали сами фотоап-

параты. Твое счастье, что ты уронил пластинки. Если бы ты коснулся «Моментальной Берты» или какой-нибудь другой камеры, ты бы у меня умер медленной смертью. Ну, а теперь…

Он занес кулак, но Атон схватил его за рукав.

— Прекратите! Отпустите его! — приказал он.

Молодой инженер заколебался и нехотя опустил руку. Атон оттолкнул его и стал перед незваным гостем.

— Вас ведь зовут Латимер?

Хранитель Культа слегка поклонился и показал символ на своем бедре.

— Я Латимер 25, помощник третьего класса его святости Сора 5.

Седые брови Атона поползли вверх.

— И вы были здесь с его святостью, когда он посетил меня неделю назад?

Латимер поклонился во второй раз.

— Так чего же вы хотите?

— Того, что вы мне не дадите добровольно.

— Наверно, вас послал Сор 5… Или это ваша собственная инициатива?

— На этот вопрос я отвечать не буду.

— Мы должны ждать еще посетителей?

— И на этот вопрос я не отвечу.

Атон посмотрел на свои часы и нахмурился.

— Что вашему господину понадобилось от меня? Свои обязательства я выполнил.

Латимер едва заметно улыбнулся, но ничего не ответил.

— Я просил его, — сердито продолжал Атон, — сообщить мне сведения, которыми располагает только Культ, и эти сведения я получил. За это спасибо. В свою очередь я обещал доказать, что догма Культа в существе своем истинна.

— Доказывать это нет нужды, — гордо возразил Латимер. — Книга откровений содержит все необходимые доказательства.

— Да. Для горстки верующих. Не делайте вид, что вы меня не понимаете. Я предложил обосновать ваши верования научно. И я это сделал!

Глаза хранителя Культа злобно сузились.

— Да, вы сделали это… но с лисьим лукавством, ибо ваши объяснения, якобы подтверждая наши верования, в то же время устранили всякую необходимость в них. Вы превратили Тьму и Звезды в явления природы, и они лишились своего подлинного значения. Это кощунство!

— В таком случае это не моя вина. Существуют объективные факты. И мне остается только констатировать их.

— Ваши «факты» — заблуждение и обман.

Атон сердито топнул ногой.

— Откуда вы это знаете?

— Знаю! — последовал ответ, исполненный слепой веры.

Ректор побагровел, и Бини что-то настойчиво зашептал ему на ухо. Но Атон жестом потребовал, чтобы он замолчал.

— И чего же хочет от нас Сор 5? Наверно, он все еще думает, что, пытаясь уговорить мир принять меры против угрозы безумия, мы мешаем спасению бесчисленных душ. Если это так важно для него, то пусть знает, что нам это не удалось.

— Сама попытка уже принесла достаточный вред, и вашему нечестивому стремлению получить сведения с помощью этих дьявольских приборов необходимо воспрепятствовать. Мы выполняем волю Звезд, и я жалею только о том, что из-за собственной неуклюжести не успел разбить ваши проклятые приборы.

— Это вам дало бы очень мало, — возразил Атон. — Все собранные нами данные, кроме тех, которые мы получим сегодня путем непосредственного наблюдения, уже надежно спрятаны, и уничтожить их невозможно. — Он угрюмо улыбнулся. — Но это не меняет того факта, что вы проникли сюда как взломщик, как преступник! — Он

обернулся к людям, стоявшим позади. — Вызовите кто-нибудь полицию из Саро.

— Черт возьми, Атон! — поморщившись, воскликнул Ширин. — Что с вами? У нас нет на это времени. — Он торопливо протолкался вперед. — Его я беру на себя.

Атон высокомерно посмотрел на психолога.

— Сейчас не время для ваших выходок, Ширин. Будьте так добры, не вмешивайтесь в мои распоряжения. Вы здесь совершенно посторонний человек, не забывайте.

Ширин выразительно скривил губы.

— С какой стати пытаться вызвать полицию сейчас, когда до затмения Беты остались считанные минуты, а этот молодой человек готов дать честное слово, что он не уйдет отсюда и будет вести себя тихо.

— Я не дам никакого слова, — немедленно заявил Латимер. — Делайте что хотите, но я откровенно предупреждаю вас, что как только у меня появится возможность, я сделаю то, ради чего я здесь. Если вы рассчитываете на мое честное слово, то лучше зовите полицию.

— Вы решительный малый, — дружелюбно улыбаясь, сказал Ширин. — Ладно, я вам кое-что разъясню. Видите молодого человека у окна?

Он очень силен и умеет работать кулаками, а кроме того, он тут посторонний. Когда начнется затмение, ему нечего будет делать, кроме как присматривать за вами. К тому же я и сам… хоть я и толстоват для драки, но помочь ему сумею.

— Ну и что? — холодно вопросил Латимер.

— Выслушайте меня и все узнаете, — ответил Ширин. — Как только начнется затмение, мы с Теремоном посадим вас в чуланчик без окон и с дверью, снабженной хорошим замком. И вы будете сидеть там, пока все не кончится.

— А потом, — тяжело дыша, сказал Латимер, — меня некому будет выпустить. Я не хуже вас знаю, что значит появление Звезд… я знаю это куда лучше вас! Все вы потеряете рассудок, и меня никто не освободит. Вы предлагаете мне смерть от удушья или голодную смерть. Чего еще можно ждать от ученых? Но слова своего я не дам. Это дело принципа, и говорить об этом я больше не намерен.

Атон, по-видимому, смутился. В его блеклых глазах была тревога.

— И в самом деле, Ширин, запирать его…

Ширин замахал на него руками.

— Погодите! Я вовсе не думаю, что дело может зайти так далеко. Латимер попробовал — до-

вольно ловко — обмануть нас, но я психолог не только потому, что мне нравится звучание этого слова. — Он улыбнулся хранителю Культа. — Неужели вы думаете, что я способен прибегнуть к столь примитивной угрозе, как голодная смерть? Дорогой Латимер, если я запру вас в чулане, то вы не увидите Тьмы, не увидите Звезд. Самого поверхностного знакомства с догмами Культа достаточно, чтобы понять, что, спрятав вас, когда появятся Звезды, мы лишим вашу душу бессмертия. Так вот, я считаю вас порядочным человеком. Я поверю вам, если вы дадите честное слово не предпринимать никаких попыток мешать нам.

На виске Латимера задергалась жилка, и он, как-то весь сжавшись, хрипло сказал:

— Даю! — И затем яростно добавил: — Но меня утешает то, что все вы будете прокляты за ваши сегодняшние дела.

Он резко повернулся и зашагал к высокому табурету у двери.

Ширин кивнул журналисту и сказал:

— Сядьте рядом с ним, Теремон… так, формальности ради. Эй, Теремон!

Но журналист не двигался с места. Он побелел как полотно.

— Смотрите.

Палец его, показывавший на небо, дрожал, а голос звучал сипло и надтреснуто.

Они поглядели в направлении вытянутого пальца и ахнули. Несколько секунд все не дыша смотрели на небо.

Край Беты исчез!

Клочок наползавшей на солнце черноты был шириной всего, пожалуй, с ноготь, но смотревшим на него людям он казался тенью Рока. Все стояли неподвижно лишь какое-то мгновение, потом началась суматоха. Она прекратилась еще быстрее и сменилась четкой лихорадочной работой: каждый занялся своим делом. В этот критический момент было не до личных чувств. Теперь это были ученые, поглощенные своей работой. Даже Атон уже не замечал, что происходит вокруг.

— Затмение началось, по-видимому, минут пятнадцать назад, — деловито сказал Ширин — Немного рановато, но достаточно точно, если принять во внимание приблизительность расчетов.

Он поглядел вокруг, подошел на цыпочках к Теремону, который по-прежнему смотрел в окно, и легонько потянул его за рукав.

— Атон разъярен, — прошептал он. — Держи-

тесь от него подальше. Он проглядел начало из-за возни с Латимером. И, если вы подвернетесь ему под руку, он велит выбросить вас в окно.

Теремон кивнул и сел. Ширин посмотрел на него с удивлением.

— Черт возьми! — воскликнул он. — Вы дрожите.

— А? — Теремон облизал пересохшие губы и попытался улыбнуться. — Я действительно чувствую себя не очень хорошо.

Психолог прищурил глаза.

— Немножко струсили?

— Нет! — с негодованием крикнул Теремон. — Дайте мне прийти в себя. В глубине души я так и не верил в этот вздор… до последней минуты. Дайте мне время свыкнуться с этой мыслью. Вы же подготавливались больше двух месяцев.

— Вы правы, — задумчиво сказал Ширин. — Послушайте! У вас есть семья — родители, жена, дети?

Теремон покачал головой.

— Вы, наверно, имеете в виду Убежище? Нет, не беспокойтесь. У меня есть сестра, но она живет в двух тысячах миль отсюда и я даже не знаю ее точного адреса.

— Ну, а вы сами? У вас еще есть время добраться

туда. У них все равно освободилось одно место, поскольку я ушел. В конце концов, здесь вы не нужны, зато там можете очень пригодиться…

Теремон устало посмотрел на Ширина.

— Вы думаете, у меня дрожат коленки? Так слушайте же, вы! Я газетчик, и мне поручено написать статью. И я напишу ее.

Психолог едва заметно улыбнулся.

— Я вас понимаю. Профессиональная честь, не так ли?

— Можете называть это и так. Но я отдал бы сейчас правую руку за бутылку спиртного, пусть даже она будет наполовину меньше той, что вы вылакали. Никогда еще так не хотелось выпить…

Он внезапно умолк, так как Ширин подтолкнул его локтем.

— Вы слышите? Послушайте!

Теремон посмотрел туда, куда ему показал Ширин, и увидел хранителя Культа, который, забыв обо всем на свете, стоял лицом к окну и в экстазе что-то бормотал.

— Что он говорит? — прошептал журналист.

— Он цитирует Книгу откровений, пятую главу, — ответил Ширин и добавил сердито: — Молчите и слушайте!

«И случилось так, что солнце Бета в те дни все дольше и дольше оставалось в небе совсем одно, а потом пришло время, когда только оно, маленькое и холодное, светило над Лагашем.

И собирались люди на площадях и дорогах, и дивились люди тому, что видели, ибо дух их был омрачен. Сердца их были смущены, а речи бессвязны, ибо души людей ожидали пришествия Звезд.

И в городе Тригоне, в самый полдень, вышел Вендрет 2, и сказал он людям Тригона: „Внемлите, грешники! Вы презираете пути праведные, но пришла пора расплаты. Уже грядет Пещера, дабы поглотить Лагаш и все, что на нем!“

Он еще не сказал слов своих, а Пещера Тьмы уже заслонила край Беты и скрыла его от Лагаша. Громко кричали люди, когда исчезал свет, и велик был страх, овладевший их душами.

И случилось так, что Тьма Пещеры пала на Лагаш, и не было света на всем Лагаше. И люди стали как слепые, и никто не видел соседа, хотя и чувствовал его дыхание на лице своем.

И в этот миг души отделились от людей, а их покинутые тела стали как звери, да, как звери лесные; и с криками рыскали они по темным улицам городов Лагаша.

А со Звезд пал Небесный Огонь, и где он коснулся Лагаша, там обращались в пепел города его, и ни от человека, ни от дел его не осталось ничего.

И в час тот...»

Что-то изменилось в голосе Латимера. Он продолжал неотрывно смотреть в окно и все же почувствовал, с каким вниманием его слушают Ширин и Теремон. Легко, не переводя дыхания, он чуть изменил тембр голоса, и его речь стала более напевной.

Теремон даже вздрогнул от удивления. Слова казались почти знакомыми. Однако акцент неуловимо изменился, сместились ударения — ничего больше, но понять Латимера было уже нельзя.

— Он перешел на язык какого-то древнего цикла, — хитро улыбнувшись, сказал Ширин, — может быть, на язык их легендарного второго цикла. Именно на этом языке, как вы знаете, была первоначально написана Книга откровений.

— Это все равно, с меня достаточно. — Теремон отодвинул свой стул и пригладил волосы пальцами, которые уже не дрожали. — Теперь я чувствую себя гораздо лучше.

— Неужели? — немного удивленно спросил Ширин.

— Несомненно. Хотя несколько минут назад и перепугался. Все эти ваши рассказы о тяготении, а потом начало затмения чуть было совсем не выбили меня из колеи. Но это... — Он презрительно ткнул пальцем в сторону рыжебородого хранителя Культа, — это я слышал еще от няньки. Я всю жизнь посмеивался над этими сказками. Пугаться их я не собираюсь и теперь.

Он глубоко вздохнул и добавил с нервной усмешкой:

— Но чтобы опять не потерять присутствия духа, я лучше отвернусь от окна.

— Прекрасно, — сказал Ширин. — Только лучше говорите потише. Атон только что оторвался от своего прибора и бросил на вас убийственный взгляд.

— Я забыл про старика, — с гримасой сказал Теремон.

Он осторожно переставил стул, сел спиной к окну и, с отвращением посмотрев через плечо,

добавил:

— Мне пришло в голову, что очень многие должны быть невосприимчивы к этому звездному безумию.

Психолог ответил не сразу. Бета уже прошла зенит, и кроваво-красное квадратное пятно, повторявшее на полу очертания окна, переползло теперь на колени Ширина. Он задумчиво поглядел на этот тусклый багрянец, потом нагнулся и взглянул на само солнце.

Чернота уже поглотила треть Беты. Ширин содрогнулся, и, когда он снова выпрямился, его румяные щеки заметно побледнели.

Со смущенной улыбкой он тоже сел спиной к окну.

— Сейчас в Саро, наверно, не менее двух миллионов людей возвращаются в лоно Культа, который переживает теперь свое великое возрождение, — заметил Ширин. — Культу предстоит целый час небывалого расцвета, — добавил он иронически. — Думаю, что его хранители извлекают из этого срока все возможное. Простите, вы сейчас что-то сказали?

— Вот что: каким образом хранители Культа умудрялись передавать Книгу откровений из цикла в цикл и каким образом она была вообще

написана? Значит, существует какой-то иммунитет — если все сходили с ума, то кто же все-таки писал эту книгу?

Ширин грустно посмотрел на Теремона.

— Ну, молодой человек, очевидцев, которые могли бы ответить на этот вопрос, не существует, но мы довольно точно представляем себе, что происходило, Видите ли, имеется три группы людей — они пострадают по сравнению с другими не так сильно. Во-первых, это те немногие, которые вообще не увидят Звезд; к ним относятся слепые и те, кто напьется до потери сознания в начале затмения и протрезвится, когда все уже кончится. Этих мы считать не будем, так как, в сущности, они не очевидцы. Затем дети до шести лет, для которых весь мир еще слишком нов и неведом, чтобы они испугались Звезд и Тьмы. Они просто познакомятся с еще одним явлением и без того удивительного мира. Согласны?

Теремон неуверенно кивнул.

— Пожалуй.

— И, наконец, тугодумы, слишком тупые, чтобы лишиться своего неразвитого рассудка… например, старые, замученные работой крестьяне. Ну, у детей остаются только отрывочные воспоминания, и вкупе с путаной, бессвязной болтовней

полусумасшедших тупиц они-то и легли в основу Книги откровений. Естественно, первый вариант книги был основан на свидетельствах людей, меньше всего годившихся в историки, то есть детей и полуидиотов; но потом ее, наверно, тщательно редактировали и исправляли в течение многих циклов.

— Вы думаете, — сказал Теремон, — они пронесли книгу через циклы тем же способом, которым мы собираемся передать следующему циклу секрет тяготения?

Ширин пожал плечами.

— Возможно. Не все ли равно, как они это делают. Как-то умудряются. Я хочу только сказать, что эта книга полна всяческих искажений, хотя в основу ее и легли действительные факты. Например, вы помните эксперимент Фаро и Йимота с дырками в крыше, который не удался?..

— Да.

— А вы знаете, почему он не…

Он замолчал и в тревоге поднялся со стула: к ним подошел Атон. На его лице застыл ужас.

— Что случилось? — почти крикнул Ширин.

Атон взял Ширина под локоть и отвел в сторону. Психолог чувствовал, как дрожат пальцы Атона.

— Говорите тише! — хрипло прошептал Атон. —

Я только что получил известие из Убежища.

— У них что-нибудь неладно? — испуганно спросил Ширин.

— Не у них, — сказал Атон, сделав ударение на местоимении. — Они только что заперлись и выйдут наружу только послезавтра. Им ничто не грозит. Но город, Ширин… в городе кровавый хаос. Вы не представляете себе…

Он говорил с трудом.

— Ну? — нетерпеливо перебил его Ширин. — Ну и что? Будет еще хуже. Почему вы так дрожите? — И, подозрительно посмотрев на Атона, он добавил: — А как вы себя чувствуете?

При этом намеке в глазах Атона мелькнул гнев, но тут же вновь сменился мучительной тревогой.

— Вы не понимаете. Хранители Культа не дремлют. Они призывают людей напасть на обсерваторию, обещая им немедленное отпущение грехов, обещая спасение души, обещая все, что угодно. Что нам делать, Ширин?

Ширин опустил голову и отсутствующим взглядом долго смотрел на носки своих башмаков. Задумчиво постучав пальцем по подбородку, он наконец поднял глаза и сказал решительно:

— Что делать? А что вообще можно сделать?.

Ничего! Наши знают об этом?

— Конечно, нет!

— Хорошо! И не говорите им. Сколько времени осталось до полного затмения?

— Меньше часа.

— Нам остается только рискнуть. Чтобы организовать действительно опасную толпу, понадобится время, и сюда они не скоро дойдут. До города добрых миль пять…

Он посмотрел в окно на поля, спускавшиеся по склонам холмов к белым домам пригорода, на столицу, которая в тусклых лучах Беты казалась туманным пятном на горизонте.

— Понадобится время, — повторил он, не оборачиваясь. — Продолжайте работать и молитесь, чтобы полное затмение опередило толпу.

Теперь Бета была разрезана пополам и выгнутая граница черноты вторгалась на вторую, еще светлую половину. Словно гигантское веко наискосок смыкалось над источником вселенского света.

Психолог уже не слышал приглушенных звуков кипевшей вокруг работы и ощущал только мертвую тишину, опустившуюся на поля за окном. Даже насекомые испуганно замолчали, и все вокруг потускнело.

Над ухом Ширина раздался чей-то голос. Он вздрогнул.

— Что-нибудь случилось? — спросил Теремон.

— Что? Нет. Садитесь. Мы мешаем работать.

Они вернулись в свой угол, но психолог некоторое время молчал. Он пальцем оттянул воротник и повертел головой, но легче от этого не стало. Вдруг он взглянул на Теремона.

— А вам не трудно дышать?

Журналист широко открыл глаза и сделал несколько глубоких вдохов.

— Нет. А что?

— Наверно, я слишком долго смотрел в окно. И на меня подействовал полумрак. Затруднение дыхания — один из первых симптомов приступа клаустрофобии.

Теремон сделал еще один глубокий вдох.

— Ну, на меня он еще не подействовал. Смотрите, кто-то идет.

Между ними и окном, заслоняя тусклый свет, встал Бини, и Ширин испуганно взглянул на него.

— А, Бини!

Астроном переступил с ноги на ногу и слабо улыбнулся.

— Вы не будете возражать, если я немного по-

сижу тут с вами? Мои камеры подготовлены, и до полного затмения мне делать нечего.

Он замолчал и посмотрел на Латимера, который минут за пятнадцать перед тем достал из рукава маленькую книгу в кожаном переплете и углубился в чтение.

— Этот мерзавец вел себя тихо?

Ширин кивнул. Расправив плечи и напряженно хмурясь, он заставлял себя ровно дышать.

— Бини, а вам не трудно дышать? — спросил он.

Бини в свою очередь глубоко вздохнул.

— Мне не кажется, что здесь душно.

— У меня начинается клаустрофобия, — виновато объяснил Ширин.

— А-а-а! Со мной дело обстоит по-другому. У меня такое ощущение, будто что-то случилось с глазами. Все кажется таким неясным и расплывчатым… И холодно.

— Да, сейчас действительно холодно. Уж это-то не иллюзия, — поморщившись, сказал Теремон. — У меня так замерзли ноги, будто их только что доставили сюда в вагоне-холодильнике.

— Нам необходимо, — вмешался Ширин, — говорить о чем-нибудь нейтральном. Я же объяснил вам, Теремон, почему эксперимент Фаро с дырка-

ми в крыше окончился неудачей…

— Вы только начали, — откликнулся Теремон. Обняв руками колено, он уперся в него подбородком.

— Ну, так вот: они слишком уж буквально толковали Книгу откровений. Вероятно, вовсе не следует считать Звезды физическим феноменом. Дело в том, что полная Тьма, возможно, заставляет мозг, так сказать, творить свет. Наверно, Звезды и есть эта иллюзия света.

— Другими словами, — добавил Теремон, — Звезды, по вашему мнению, результат безумия, а не его причина? Зачем же тогда Бини фотографировать небо?

— Хотя бы для того, чтобы доказать, что Звезды — это иллюзия. Или чтобы доказать обратное — я ведь ничего не утверждаю наверное. Или, наконец…

Но его перебил Бини, подвинувший свой стул поближе:

— Я рад, что вы заговорили об этом, — оживленно сказал он, сощурив глаза и подняв вверх палец. — Я думал об этих Звездах и пришел к довольно любопытным выводам. Конечно, все это построено на песке, но кое-что интересное, как мне кажется, в этом есть… Хотите послушать?

Бини, видимо, тут же пожалел о сказанном, но Ширин, откинувшись на спинку стула, попросил:

— Говорите. Я слушаю.

— Так вот: предположим, что во Вселенной есть другие солнца, — смущенно произнес Бини. — То есть такие солнца, которые находятся слишком далеко от нас и потому почти не видны. Наверно, вам кажется, что я начитался научной фантастики…

— Почему же? Но разве подобная возможность не опровергается тем фактом, что по закону тяготения об их существовании должно было бы свидетельствовать их притяжение?

— Оно не скажется, если эти солнца достаточно далеко, — ответил Бини, — хотя бы на расстоянии четырех световых лет от нас или еще дальше. Мы не можем заметить такие возмущения, потому что они слишком малы. Предположим, что на таком расстоянии от нас имеется много солнц… десяток или даже два…

Теремон переливчато присвистнул.

— Какую статью можно было бы соорудить из этого для воскресного приложения! Два десятка солнц во Вселенной на расстоянии восьми световых лет друг от друга. Конфетка! Таким образом,

наша Вселенная превращается в пылинку! Читатели будут в восторге.

— Это ведь только предположение, — улыбнулся Бини, — а вывод из него такой: во время затмения эти два десятка солнц стали бы видимы, исчез бы солнечный свет, в блеске которого они тонут. Поскольку они очень далеко, то будут казаться маленькими, как камешки. Конечно, хранители Культа говорят о миллионах Звезд, но это явное преувеличение. Миллион Звезд просто не уместится во Вселенной — они касались бы друг друга!.

Ширин слушал Бини со все возрастающим интересом.

— В этом что-то есть, Бини. Преувеличение… именно это и случается. Наш мозг, как вы, очевидно, знаете, не способен сразу осознать точное число предметов, если их больше пяти; для большего числа у нас существует понятие «много». А десяток таким же образом превращается в миллион. Чертовски интересная мысль!

— Мне пришло в голову еще одно любопытное соображение, — продолжал Бини. — Вы когда-нибудь задумывались над тем, как упростилась бы проблема тяготения, если бы мы имели дело с относительно несложной системой? Представьте

себе Вселенную, в которой у планеты только одно солнце. Планета обращалась бы по правильной эллиптической орбите, и точная природа силы тяготения была бы очевидной и без доказательств. Астрономы такого мира открыли бы тяготение, пожалуй, даже прежде, чем изобрели бы телескоп. Оказалось бы достаточным простое наблюдение невооруженным глазом.

— Но была бы такая система динамически стабильна? — усомнился Ширин.

— Конечно! Это так называемый «случай двух тел». Математически это было исследовано, но меня интересует философская сторона вопроса.

— Как приятно оперировать такими изящными абстракциями, — признал Ширин, — вроде идеального газа или абсолютного нуля.

— Разумеется, — продолжал Бини, — беда в том, что жизнь на такой планете была бы невозможна. Она не получала бы достаточно тепла и света, и, если бы она вращалась, на ней была бы полная тьма половину каждых суток, так что жизнь, первым условием существования которой является свет, не могла бы там развиваться.

— Атон принес светильники, — перебил его Ширин, вскочив так резко, что стул упал.

Бини осекся. Обернувшись, он улыбнулся с

таким облегчением, что рот его растянулся до ушей.

В руках Атона был десяток стержней длиной с фут и толщиной с дюйм. Он свирепо взглянул поверх стержней на собравшихся вокруг сотрудников обсерватории.

— Немедленно возвращайтесь на свои места! Ширин, идите сюда, помогите мне!

Ширин подбежал к старику, и в полной тишине они принялись вставлять стержни в самодельные металлические держатели, висевшие на стенах.

С таким видом, словно он приступал к свершению главного таинства какого-нибудь священного ритуала, Ширин чиркнул большой неуклюжей спичкой и, когда она, брызгая искрами, загорелась, передал ее Атону, который поднес пламя к верхнему концу одного из стержней.

Пламя сначала тщетно лизало конец стержня, но затем неожиданная желтая вспышка ярко осветила сосредоточенное лицо Атона. Он отвел спичку в сторону, и в комнате раздался такой восторженный вопль, что зазвенели стекла.

Над стержнем поднимался шестидюймовый колеблющийся язычок пламени! Один за другим были зажжены остальные стержни, и десять

огней залили желтым светом даже дальние углы комнаты.

Свет был тусклый, уступавший даже лучам потемневшего солнца. Пламя металось, рождая пьяные, раскачивающиеся тени. Факелы отчаянно чадили, и в комнате пахло, словно на кухне в неудачный для хозяйки день. Но они давали желтый свет.

Желтый свет показался особенно приятным после того, как в небе уже четыре часа тускнела угрюмая Бета. Даже Латимер оторвался от книги и с удивлением смотрел на светильник.

Ширин грел руки у ближайшего огонька, не обращая внимания на то, что кожу уже покрывал сероватый слой копоти.

— Прелестно! Прелестно! Никогда не думал, что желтый цвет так красив, — бормотал он в восторге.

Но Теремон глядел на факелы с подозрением. Морщась от едкой вони, он спросил:

— Что это за штуки?

— Дерево, — коротко ответил Ширин.

— Ну, нет. Они же не горят. Обуглился только конец, а пламя продолжает вырываться из ничего.

— В этом-то вся и прелесть. Это очень эффек-

тивный механизм для получения искусственного света. Мы изготовили их несколько сотен, но большая часть, конечно, отнесена в Убежище. — Тут Ширин повернулся и вытер платком почерневшие руки. — Принцип такой: берется губчатая сердцевина тростника, высушивается и пропитывается животным жиром. Потом она зажигается, и жир понемногу горит. Эти факелы будут гореть безостановочно почти полчаса. Остроумно, не правда ли? Это изобретение одного из молодых ученых Сароского университета.

Вскоре оживление в куполе угасло. Латимер поставил свой стул прямо под факелом и, шевеля губами, продолжал монотонно читать молитвы, обращенные к Звездам. Бини опять отошел к своим камерам, а Теремон воспользовался возможностью пополнить свои заметки для статьи, которую он собирался на другой день написать для «Хроники». Последние два часа он занимался этим аккуратно, старательно и, как он хорошо понимал, бесцельно.

Однако (это, видимо, заметил и Ширин, поглядывавший на него с усмешкой) это занятие помогало ему не думать о том, что небосвод постепенно приобретает отвратительный красновато-лиловый оттенок свежеочищенной

свеклы, — и таким образом оправдывало себя.

Воздух, казалось, стал плотнее. Сумрак, как осязаемая материя, вползал в комнату, и танцующий круг желтого света все резче выделялся, среди сгущающейся мглы. Пахло дымом, потрескивали факелы; кто-то осторожно, на цыпочках обошел стол, за которым работали; время от времени кто-нибудь сдержанно вздыхал, стараясь сохранять спокойствие в мире, уходящем в тень.

Первым услышал шум Теремон. Он даже не услышал, а смутно почувствовал какие-то звуки, которых никто не заметил бы, если бы в куполе не стояла мертвая тишина.

Журналист выпрямился и спрятал записную книжку. Затаив дыхание, он прислушался, а потом, пробравшись между соларoскопом и одной из камер Бини, нехотя подошел к окну.

Тишину расколол его внезапный крик:

— Ширин!

Все бросили работу. В одну секунду психолог очутился рядом с журналистом. Затем к ним подошел Атон. Даже Йимот 70, который примостился на маленьком сиденье высоко в воздухе, возле окуляра громадного соларoскопа, опустил голову и поглядел вниз.

От Беты остался только тлеющий осколок, бро-

савший последний отчаянный взгляд на Лагаш. Горизонт на востоке, где находился город, был поглощен Тьмой, а дорога от Саро к обсерватории стала тускло-красной полоской, по обе стороны которой тянулись рощицы. Отдельных деревьев уже нельзя было различить, они слились в сплошную темную массу.

Но именно дорога приковала к себе внимание всех, потому что на ней грозно кипела другая темная масса.

— Сумасшедшие из города! Они уже близко! — крикнул прерывающимся голосом Атон.

— Сколько осталось до полного затмения? — спросил Ширин.

— Пятнадцать минут, но… но они будут здесь через пять.

— Неважно. Проследите, чтобы все продолжали работать. Мы их не пустим. У этого здания стены, как у крепости. Атон, на всякий случай не спускайте глаз с нашего незваного гостя. Теремон, идемте со мной.

Теремон выбежал из комнаты вслед за Ширином. Лестница крутой спиралью уходила вниз, в сырой и жуткий сумрак.

Не задерживаясь ни на секунду, они по инерции успели еще спуститься ступенек на сто, но

тусклый, дрожащий желтый свет, падавший из двери купола, исчез и со всех сторон сомкнулась густая зловещая тень.

Ширин остановился и схватился пухлой рукой за грудь. Глаза его выкатились, а голос напоминал сухой кашель:

— Я не могу… дышать… ступайте вниз… один. Заприте все двери…

Теремон спустился на несколько ступенек и обернулся.

— Погодите! Вы можете продержаться минуту? — крикнул он.

Он и сам задыхался. Воздух набирался в легкие очень медленно и был густ, словно патока, а при мысли, что надо одному спуститься в таинственную Тьму, он ощутил панический страх.

Значит, все-таки темнота внушала ужас и ему.

— Стойте здесь, — сказал он. — Я сейчас вернусь.

Перескакивая через ступеньки, он помчался наверх. У него бешено колотилось сердце — и не только от физических усилий. Он ворвался в купол и выхватил из подставки факел. Факел вонял, дым слепил глаза, но Теремон, радостно сжимая его в руке, уже мчался вниз по лестнице.

Когда Теремон склонился над Ширином, тот

открыл глаза и застонал. Теремон сильно встряхнул его.

— Ну, возьмите себя в руки! У нас есть свет!

Он поднял факел как можно выше и, поддерживая спотыкающегося психолога под локоть, направился вниз, стараясь держаться в середине спасительного кружка света.

В кабинеты на первом этаже еще проникал тусклый свет с улицы, и Теремону стало легче.

— Держите, — грубо сказал он и сунул факел Ширину. — Слышите их?

Они прислушались. До них донеслись бессвязные, хриплые вопли.

Ширин был прав: обсерватория напоминала крепость. Воздвигнутое в прошлом веке, когда безобразный неогавотский стиль достиг наивысшего расцвета, здание ее отличалось не красотой, а прочностью и солидностью постройки.

Окна были защищены железными решетками из толстых прутьев, глубоко утопленных в бетонную облицовку. Каменные стены были такой толщины, что их не могло бы сокрушить даже землетрясение, а парадная дверь представляла собой массивную дубовую доску, обитую железом. Теремон задвинул засовы.

В другом конце коридора тихо ругался Ширин.

Он показал на дверь черного хода, замок которой был аккуратно выломан.

— Вот каким образом Латимер проник сюда, — сказал он.

— Ну, так не стойте столбом! — нетерпеливо крикнул Теремон. — Помогите мне тащить мебель… И уберите факел от моих глаз. Этот дым меня задушит.

Говоря это, журналист с грохотом волок к двери тяжелый стол; за две минуты он соорудил баррикаду, которой не хватало красоты и симметрии, что, однако, с избытком компенсировалось ее массивностью.

Откуда-то издалека донесся глухой стук кулаков по парадной двери; слышались вопли, но все это было как в полусне.

Толпой, которая бросилась сюда из Саро, руководили только стремление разрушить обсерваторию, чтобы обрести обещанное Культом спасение души, и безумный страх, лишавший ее рассудка. Не было времени подумать о машинах, оружии, руководстве и даже организации. Люди бросились к обсерватории пешком и пытались разбить дверь голыми руками.

Когда они достигли обсерватории, Бета сократилась до последней рубиново-красной капли

пламени, слабо мерцавшей над человечеством, которому оставался только всеобъемлющий страх…

— Вернемся в купол! — простонал Теремон.

В куполе только один Йимот продолжал сидеть на своем месте, у соларoскопа. Все остальные сгрудились у фотоаппаратов. Хриплым, напряженным голосом Бини давал последние указания.

— Пусть каждый уяснит себе… Я снимаю Бету в момент наступления полного затмения и меняю пластинку. Каждому из вас поручается одна камера. Вы все знаете время выдержки…

Остальные шепотом подтвердили это.

Бини провел ладонью по глазам.

— Факелы еще горят? Хотя… я и сам вижу.

Он крепко прижался к спинке стула.

— Запомните, не… не старайтесь получить хорошие снимки. Не тратьте времени, пытаясь снять одновременно две звезды. Одной достаточно. И… и если кто-нибудь почувствует, что с ним началось это, пусть немедленно отойдет от камеры!

— Отведите меня к Атону. Я не вижу его, — шепнул Теремону Ширин.

Журналист откликнулся не сразу. Он уже не

видел людей, а только расплывчатые смутные тени: желтые пятна факелов над головой почти не давали света.

— Темно, — пожаловался он.

Ширин вытянул вперед руку и сказал:

— Атон.

Он неуверенно шагнул вперед.

— Атон!

Теремон взял его за локоть.

— Погодите, я отведу вас.

Кое-как ему удалось пересечь комнату. Он зажмурил глаза, отказываясь видеть Тьму, отказываясь верить, что им овладевает смятение. Никто не услышал их шагов, не обратил на них никакого внимания. Ширин наткнулся на стену.

— Атон!

Психолог почувствовал, как его коснулись дрожащие руки, и услышал шепот:

— Это вы, Ширин?

— Атон! — сказал Ширин, стараясь дышать ровно. — Не бойтесь толпы. Она сюда не ворвется.

Латимер, хранитель Культа, встал — его лицо искажала гримаса отчаяния. Он дал слово, и нарушить его значило подвергнуть свою душу смертельной опасности. Но ведь слово вырвали у него силой, он не давал его добровольно. Вскоре

появятся Звезды; он не может стоять в стороне и позволить… И все же… слово было дано.

Лицо Бини, подставленное под последний луч Беты, казалось темно-багровым, и Латимер, увидев, как он склонился над фотоаппаратом, принял решение. От волнения ногти его впились в мякоть ладони.

Шатаясь из стороны в сторону, он бросился вперед. Перед ним не было ничего, кроме теней; даже сам пол под ногами, казалось, перестал быть материальным. А затем кто-то набросился на него, повалил и вцепился ему в горло.

Латимер согнул ногу и изо всех сил ударил противника коленом.

— Пустите меня, или я убью вас!

Теремон вскрикнул, затем, превозмогая волны мучительной боли, пробормотал:

— Ах, ты, подлая крыса!

Его сознание, казалось, воспринимало все сразу. Он услышал, как Бини прохрипел: «Есть! К камерам, все!», и тут же каким-то образом осознал, что последний луч солнечного света истончился и исчез.

Одновременно он услышал, как перехватило дыхание у Бини, как странно вскрикнул Ширин, как оборвался чей-то истерический смешок… и

как снаружи наступила тишина, странная, мертвая тишина.

Теремон почувствовал, что разжимает руки, но и тело Латимера вдруг обмякло и расслабилось. Заглянув в глаза хранителя Культа, он увидел в них остекленевшую пустоту, в которой отражались желтые кружочки факелов. Он увидел, что на губах Латимера пузырится пена, услышал тихое звериное повизгивание.

Оцепенев от страха, он медленно приподнялся на одной руке и посмотрел на леденящую кровь черноту в окне.

За окном сияли Звезды!

И не каких-нибудь жалких три тысячи шестьсот слабеньких звезд, видных невооруженным глазом с Земли. Лагаш находился в центре гигантского звездного роя. Тридцать тысяч могучих солнц сияли с потрясающим душу великолепием, еще более холодным и устрашающим в своем жутком равнодушии, чем жестокий ветер, пронизывавший холодный, уродливо сумрачный мир.

Теремон, шатаясь, вскочил на ноги; горло его сдавило так, что невозможно было дышать; от невыносимого ужаса все мускулы тела свело судорогой. Он терял рассудок и знал это, а последние проблески сознания еще мучительно сопротив-

лялись, тщетно пытаясь противостоять волнам черного ужаса. Было очень страшно сходить с ума и знать, что сходишь с ума… знать, что через какую-то минуту твое тело будет по-прежнему живым, но ты сам, настоящий ты, исчезнешь навсегда, погрузишься в черную пучину безумия. Ибо это был Мрак… Мрак, Холод и Смерть. Светлые стены Вселенной рухнули, и их страшные черные обломки падали, чтобы раздавить и уничтожить его.

Теремон споткнулся о какого-то человека, ползущего на четвереньках, и едва не упал. Прижимая руки к сведенному судорогой горлу, Теремон заковылял к пламени факелов, заслонившему от его безумных глаз весь остальной мир.

— Свет! — закричал Теремон.

Где-то, как испуганный ребенок, захлебывался плачем Атон.

— Звезды… все Звезды… мы ничего не знали. Мы совсем ничего не знали. Мы думали шесть звезд это Вселенная что-то значит для Звезд ничего Тьма во веки веков и стены рушатся а мы не знали что мы не могли знать и все…

Кто-то попытался схватить факел — он упал и погас. И сразу же страшное великолепие равнодушных Звезд совсем надвинулось на людей.

А за окном на горизонте, там, где был город Саро, поднималось, становясь все ярче, багровое зарево, но это не был свет восходящего Солнца.

Снова пришла долгая ночь.

МЕСТО, ГДЕ МНОГО ВОДЫ (Перевод А. Иорданского)

Мы никогда не побываем в далеком космосе. Мало того, на нашей планете никогда не побывают обитатели иных миров — то есть никогда больше.

Собственно говоря, космические полеты вполне возможны, а обитатели иных миров уже побывали на Земле. Я это знаю точно. Космические корабли, несомненно, бороздят пространство между миллионами миров, но наших среди них никогда не будет. Это я тоже знаю точно. И все из-за одного нелепого недоразумения.

Сейчас я объясню подробнее.

В этом недоразумении виноват Барт Камерон, и, следовательно, вам надо узнать, что за человек Барт Камерон. Он шериф Твин Галча, штат Айдахо, а я его помощник. Барт Камерон — человек раздражительный, и особенно легко он раздражается, когда ему приходится подсчитывать свой подоходный налог. Видите ли, кроме того, что он шериф, он еще держит лавку, является совладельцем овцеводческого ранчо, получает пенсию

как инвалид войны (у него повреждено колено) и имеет еще кое-какие доходы. Ну, и, конечно, ему нелегко подсчитать, сколько с него причитается налога.

Все бы ничего, если бы только он позволил налоговому инспектору помочь ему в этих подсчетах. Но Барт желает делать все сам, а в результате становится совсем невменяемым. Когда подходит 14 апреля, лучше держаться от него подальше.

И надо же было этому летающему блюдцу приземлиться здесь именно 14 апреля 1956 года!

Я видел, как оно приземлилось. Я сидел в кабинете шерифа, откинувшись со стулом к стене, и глядел на звезды за окном; читать журнал мне было лень, и я взвешивал, что делать дальше: завалиться ли спать или остаться тут и слушать, как Камерон непрестанно ругается, в сто двадцать седьмой раз проверяя длинные столбики цифр.

Сначала блюдце показалось мне падающей звездой. Потом светящаяся полоска расширилась, раздвоилась и превратилась в нечто вроде вспышек ракетного двигателя. Блюдце приземлилось уверенно и совсем бесшумно. Даже сухой лист, падая, зашуршал бы громче. Из блюдца вышли двое.

Я лишился дара речи и окаменел. Я был не в силах произнести ни слова даже пальцем пошевелить не мог. Не мог даже моргнуть. Я просто продолжал сидеть, как сидел.

А Камерон? Он и глаз не поднял.

Раздался стук в незапертую дверь. Она отворилась, и вошли двое с летающего блюдца. Если бы я не видел, как оно приземлилось среди кустов, я принял бы их за приезжих из большого города: темно-серые костюмы, белые рубашки и палевые галстуки, а ботинки и шляпы черные. Сами они были смуглые, с черными кудрявыми волосами и карими глазами. Вид у них был очень серьезный, а ростом каждый был метр восемьдесят! Они казались похожими как две капли воды.

Черт, как я перепугался!

А Камерон только покосился на дверь, когда она отворилась, и нахмурился. В другое время он, наверное, хохотал бы до упаду, увидев такие костюмы в Твин Галче, но теперь он был так поглощен своим подоходным налогом, что даже не улыбнулся.

— Чем могу быть вам полезен, ребята? — спросил он, похлопывая рукой по бумагам, чтобы показать, как он занят.

Один из двоих выступил вперед и сказал:

— В течение долгого времени мы наблюдали за вашими сородичами.

Он старательно отчеканивал каждое слово.

— Моими сородичами? — спросил Камерон. — Нас же только двое — я и жена. Что она такое натворила?

Тот продолжал:

— Мы выбрали для первого контакта это место потому, что оно достаточно уединенное и спокойное. Мы знаем, что вы — здешний руководитель.

— Я шериф, если вы это имеете в виду, так что валяйте. В чем дело?

— Мы тщательно скопировали то, как вы одеваетесь, и даже вашу внешность.

— Значит, по-вашему, я одеваюсь вот так? — Камерон только сейчас заметил, какие на них костюмы.

— Мы хотим сказать — то, как одевается ваш господствующий общественный класс. Кроме того, мы изучили ваш язык.

Было видно, что Камерона наконец осенило.

— Так вы, значит, иностранцы? — сказал он.

Камерон недолюбливал иностранцев, так как встречался с ними преимущественно пока служил в армии, но он всегда старался быть беспристрастным.

Человек с летающего блюдца сказал:

— Иностранцы? О да. Мы из того места, где много воды, — по-вашему, мы венерианцы. (Я едва собрался с духом, чтобы моргнуть, но тут снова оцепенел. Я же видел летающее блюдце. Я видел, как оно приземлилось. Я не мог этому не поверить! Эти люди — или эти существа — прилетели с Венеры!) Но Камерон и бровью не повел. Он сказал:

— Ладно. Вы — в Соединенных Штатах Америки. Здесь у всех нас равные права независимо от расы, вероисповедания, цвета кожи, а также национальности. Я к вашим услугам. Чем могу вам помочь?

— Мы хотели бы, чтобы вы немедленно связались с ведущими деятелями ваших Соединенных Штатов Америки, как вы их называете, чтобы они прибыли сюда для совещания, имеющего целью присоединение вашего народа к нашей великой организации.

Камерон медленно побагровел.

— Значит, присоединение нашего народа к вашей организации! А мы и так уже члены ООН и бог весть чего еще. И я, значит, должен вытребовать сюда президента, а? Сию минуту? В Твин Галч? Сказать ему, чтобы поторапливался?

Он поглядел на меня, как будто ожидая увидеть на моем лице улыбку. Но я был в таком состоянии, что вышиби из-под меня стул — я бы даже упасть не смог.

Человек с летающего блюдца ответил:

— Да, промедление нежелательно.

— А Конгресс вам тоже нужен? А Верховный суд?

— В том случае, если они могут помочь, шериф.

И тут Камерон взорвался. Он стукнул кулаком по своим бумагам и заорал:

— Так вот, вы мне помочь не можете, и мне некогда возиться со всякими остряками, которым взбредет в голову явиться сюда, да еще к тому же иностранцами. И если вы сейчас же не уберетесь отсюда, то я засажу вас за нарушение общественного порядка и никогда не выпущу!

— Вы хотите, чтобы мы уехали? — спросил человек с Венеры.

— И сейчас же! Проваливайте туда, откуда приехали, и не возвращайтесь! Я не желаю вас здесь видеть, и никто вас здесь видеть не желает.

Те двое переглянулись — их лица как-то странно подергались. Потом тот, кто говорил до этого, произнес:

— Я вижу в вашем мозгу, что вы в самом деле желаете, и очень сильно, чтобы вас оставили в покое. Мы не навязываем себя и свою организацию тем, кто не хочет иметь дела с нами или с ней. Мы не хотим вторгаться к вам насильно, и мы улетим. Мы больше не вернемся. Мы окружим ваш мир предостерегающими сигналами. Здесь больше никто не побывает, а вы никогда не сможете, покинуть свою планету.

Камерон сказал:

— Послушайте, мистер, мне эта болтовня надоела. Считаю до трех…

Они повернулись и вышли. А я-то знал, что все их слова — чистая правда. Понимаете, я-то слушал их, а Камерон — нет, потому что он все время думал о своем подоходном налоге, а я как будто слышал, о чем они думали. Я знал, что вокруг Земли будет устроено что-то вроде загородки и мы будем заперты внутри и не сможем выйти, и никто не сможет войти. Я знал, что так и будет.

И, как только они вышли, ко мне вернулся голос — слишком поздно! Я завопил:

— Камерон, ради бога, они же из космоса! Зачем ты их выгнал?

— Из космоса? — он уставился на меня.

— Смотри! — крикнул я. Не знаю, как мне это

удалось — он на двенадцать килограммов тяжелее меня, — но я схватил его за шиворот и подтащил к окну, так что у него на рубашке отлетели все пуговицы до единой.

От удивления он даже не сопротивлялся, а когда опомнился и хотел было сбить меня с ног, то заметил, что происходит за окном, и тут уж захватило дух у него.

Эти двое садились в летающее блюдце. Блюдце стояло там же, большое, круглое, сверкающее и мощное. Потом оно взлетело. Оно поднялось легко, как перышко. Одна его сторона засветилась красновато-оранжевым сиянием, которое становилось все ярче, а сам корабль — все меньше, пока снова не превратился в падающую звезду, медленно погасшую вдали.

И тут я сказал:

— Шериф, зачем ты их прогнал? Им действительно надо было встретиться с президентом. Теперь они уже больше не вернутся.

Камерон ответил:

— Я думал, они иностранцы. Сказали же они, что выучили наш язык. И говорили они как-то чудно.

— Ах, вот как. Иностранцы!

— Они же так и сказали, что иностранцы, а

сами похожи на итальянцев. Ну, я и подумал, что они итальянцы.

— Почему итальянцы? Они же сказали, что они венерианцы. Я слышал — они так и сказали.

— Венерианцы? — он выпучил глаза.

— Да, они это сказали. Они сказали, что прибыли из места, где много воды. А на Венере воды очень много.

Понимаете, это было просто недоразумение, дурацкая ошибка, какую может сделать каждый. Только теперь люди Земли никогда не полетят в космос, мы никогда не доберемся даже до Луны, и у нас больше не побывает ни одного венерианца. А все из-за этого осла Камерона с его подоходным налогом!

Ведь он прошептал:

— Венерианцы! А когда они заговорили про это место, где много воды, я решил, что они венецианцы!

ПОЮЩИЙ КОЛОКОЛЬЧИК
(Перевод Н. Гвоздаревой)

Луис Пейтон никогда никому не рассказывал о способах, какими ему удавалось взять верх над полицией Земли в многочисленных хитроумных поединках, когда порой уже казалось, что его вот-вот подвергнут психоскопии, и все-таки каждый раз он выходил победителем.

Он не был таким дураком, чтобы раскрывать карты, но порой, смакуя очередной подвиг, он возвращался к давно взлелеянной мечте: оставить завещание, которое вскроют только после его смерти, и в нем показать всему миру, что природный талант, а вовсе не удача, обеспечивал ему неизменный успех.

В завещании он написал бы: «Ложная закономерность, созданная для маскировки преступления, всегда несет в себе следы личности того, кто ее создает. Поэтому разумнее установить закономерность в естественном ходе событий и приспособить к ней свои действия.»

И убить Альберта Корнуэлла Пейтон собирался, следуя именно этому правилу.

Корнуэлл, мелкий скупщик краденого, в первый раз завел с Пейтоном разговор о деле, когда тот обедал в ресторане Гриннела за своим обычным маленьким столиком. Синий костюм Корнуэлла в этот день, казалось, лоснился по-особенному, морщинистое лицо ухмылялось по-особенному, выцветшие усы топорщились по-особенному.

— Мистер Пейтон, — сказал он, здороваясь со своим будущим убийцей без тени зловещих предчувствий, — рад вас видеть. Я уж почти всякую надежду потерял — всякую!

Пейтон не выносил, когда его отвлекали от газеты за десертом, и ответил резко:

— Если у вас ко мне дело, Корнуэлл, вы знаете, где меня найти.

Пейтону было за сорок, его черные волосы уже начали седеть, но годы еще не успели его согнуть, он выглядел молодо, глаза не потускнели, и он умел придать своему голосу особую резкость, благо тут у него имелась немалая практика.

— Не то, что вы думаете, мистер Пейтон, — ответил Корнуэлл. — Совсем не то. Я знаю один тайник, сэр, тайник с… Вы понимаете, сэр.

Указательным пальцем правой руки он словно слегка постучал по невидимой поверхности, а

левую ладонь на миг приложил к уху.

Пейтон перевернул страницу газеты, еще хранившей влажность телераспределителя, сложил ее пополам и спросил:

— Поющие колокольчики?

— Тише, мистер Пейтон, — произнес Корнуэлл испуганным шепотом.

Пейтон ответил:

— Идемте.

Они пошли парком. У Пейтона было еще одно нерушимое правило — обсуждать тайны только на вольном воздухе. Любую комнату можно взять под наблюдение с помощью лучевой установки, но никому еще не удавалось обшаривать все пространство под небосводом.

Корнуэлл шептал:

— Тайник с поющими колокольчиками… накоплены за долгий срок, неотшлифованные, но первый сорт, мистер Пейтон.

— Вы их видели?

— Нет, сэр, но я говорил с одним человеком, который их видел. И он не врал, сэр, я проверил. Их там столько, что мы с вами сможем уйти на покой богатыми людьми. Очень богатыми, сэр.

— Кто этот человек?

У Корнуэлла в глазах зажегся хитрый огонек,

словно чадящая свеча, от которой больше копоти, чем света, и его лицо приобрело отвратительное масленое выражение.

— Он был старателем на Луне и умел отыскивать колокольчики в стенках кратеров. Как именно — он мне не рассказывал. Но колокольчиков он насобирал около сотни и припрятал на Луне, а потом вернулся на Землю, чтобы здесь их пристроить.

— И, видимо, погиб?

— Да. Несчастный случай. Ужасно, мистер Пейтон, — упал с большой высоты. Прискорбное происшествие. Разумеется, его деятельность на Луне была абсолютно противозаконной. Власти Доминиона строго преследуют контрабандную добычу колокольчиков. Так что, возможно, его постигла божья кара… Как бы то ни было, у меня его карта.

Пейтон с выражением холодного безразличия ответил:

— Меня не интересуют подробности вашей сделки. Я хочу знать только, почему вы обратились ко мне?

— Видите ли, мистер Пейтон, — сказал Корнуэлл, — там хватит на двоих, и каждому из нас найдется что делать. Я, например, знаю, где на-

ходится тайник, и могу раздобыть космический корабль. А вы…

— Ну?

— Вы умеете управлять кораблем, и у вас такие связи, что пристроить колокольчики будет легко. Очень справедливое разделение труда, мистер Пейтон, ведь так?

Пейтон на секунду задумался о естественном ходе своей жизни — ее существующей закономерности: концы, казалось, сходились с концами.

Он сказал:

— Мы вылетаем на Луну десятого августа.

Корнуэлл остановился.

— Мистер Пейтон, сейчас ведь еще только апрель.

Пейтон продолжал идти, и Корнуэллу пришлось рысцой пуститься за ним вдогонку.

— Вы расслышали, что я сказал, мистер Пейтон?

Пейтон повторил:

— Десятого августа. Я своевременно свяжусь с вами и сообщу, куда доставить корабль. До тех пор не пытайтесь увидеться со мной. До свидания, Корнуэлл.

Корнуэлл спросил:

— Прибыль пополам?

— Да, — ответил Пейтон. — До свидания.

Дальше Пейтон пошел один, раздумывая о закономерностях своей жизни. Когда ему было двадцать семь лет, он купил в Скалистых горах участок земли с домом; один из прежних владельцев построил дом как убежище на случай атомной войны, которой все опасались два столетия назад и которой так и не суждено было разразиться. Однако дом сохранился — памятник стремлению к полной безопасности, стремлению существовать без какой-либо связи с внешним миром, порожденному смертельным страхом.

Здание было выстроено из стали и бетона в одном из самых уединенных уголков Земли; оно стояло высоко над уровнем моря, и почти со всех сторон его защищали горы, поднимавшиеся еще выше. Дом располагал собственной электростанцией и водопроводом, который питали горные потоки, холодильными камерами, вмещавшими сразу десяток коровьих туш; подвал напоминал крепость с целым арсеналом оружия, предназначенного для того, чтобы сдерживать напор обезумевших от страха толп, которые так и не появились. Установка для кондиционирования воздуха могла очищать воздух до бесконечности, пока из него не будет вычищено все, кроме ра-

диоактивности (увы, человек несовершенен!).

И в этом спасительном убежище Пейтон, убежденный холостяк, из года в год проводил весь август. Он раз и навсегда отключил средства сообщения с внешним миром — телевизионную установку, телераспределитель газет. Он окружил свои владения силовым полем и установил сигнальный механизм в том месте, где ограда пересекала единственную горную тропу, по которой можно было добраться до его дома.

Ежегодно в течение месяца Пейтон оставался наедине с самим собой. Его никто не видел, до него никто не мог добраться. Лишь в полном одиночестве он по-настоящему отдыхал от одиннадцати месяцев пребывания в человеческом обществе, к которому не испытывал ничего, кроме холодного презрения.

Даже полиция (тут Пейтон усмехнулся) знала, как строго он блюдет это правило. Однажды он даже махнул рукой на большой залог и, рискуя подвергнуться психоскопии, все-таки уехал в Скалистые горы, чтобы провести август, как всегда.

Пейтон подумал, что, пожалуй, включит в свое завещание еще один афоризм: самое лучшее доказательство невиновности — это полное отсутствие алиби.

Тридцатого июля, как и ежегодно в этот день, Луис Пейтон в 9 часов 15 минут утра сел в Нью-Йорке на антигравитационный реактивный стратолет и в 12 часов 30 минут прибыл в Денвер. Там он позавтракал и в 1 час 45 минут отправился на полуантигравитационном автобусе в Хампс-Пойнт, откуда Сэм Лейбмен на старинном наземном автомобиле (не антигравитационном) довез его до границы его усадьбы. Сэм Лейбмен невозмутимо принял на чай десять долларов, которые получал всегда, и приложил руку к шляпе, что вот уже пятнадцать лет проделывал тридцатого июля.

Тридцать первого июля, как каждый год в этот день, Луис Пейтон вернулся в Хампс-Пойнт на своем антигравитационном флиттере и заказал в универсальном магазине все необходимое на следующий месяц. Заказ был самым обычным. По сути дела, это был дубликат заказов предыдущих лет.

Макинтайр, управляющий магазином, внимательно проверил заказ, передал его на Центральный склад Горного района в Денвере, и через час все требуемое было доставлено по линии масс-транспортировки. Пейтон с помощью Макинтайра погрузил припасы во флиттер, оставил,

как обычно, десять долларов на чай и возвратился домой.

Первого августа в 12 часов 01 минуту Пейтон включил на полную мощность силовое поле, окружавшее его участок, и оказался полностью отрезанным от внешнего мира.

И тут привычный ход событий был нарушен. Пейтон расчетливо оставил в своем распоряжении восемь дней. За это время он тщательно и без спешки уничтожил столько припасов, сколько могло ему потребоваться на весь август. Тут ему помогли мусорные камеры, предназначенные для уничтожения отбросов, — это была последняя модель, с легкостью превращавшая что угодно, в том числе металлы и силикаты, в мельчайшую молекулярную пыль, которую никакими средствами нельзя было обнаружить. Избыток энергии, выделявшейся при этом процессе, он спустил в горный ручей, который протекал возле дома. Всю эту неделю вода в ручье была на пять градусов теплее обычного.

Девятого августа Пейтон спустился на аэрофлиттере в условленное место в штате Вайоминг, где Альберт Корнуэлл уже ждал его с космическим кораблем. Корабль сам по себе, конечно, делал весь план уязвимым, поскольку о нем

знали те, кто его продал, и те, кто доставил его сюда и помог готовить к полету. Но все эти люди имели дело только с Корнуэллом, а Корнуэлл, подумал Пейтон с тенью усмешки, скоро будет нем как могила.

Десятого августа космический корабль, которым управлял Пейтон, оторвался от поверхности Земли, имея на борту одного пассажира — Корнуэлла (конечно с картой). Антигравитационное поле корабля оказалось превосходным. При включении на полную мощность корабль весил меньше унции. Микрореакторы вырабатывали энергию безотказно и бесшумно, и корабль беззвучно прошел атмосферу — такой не похожий на грохочущие, окутанные пламенем ракеты прошлого, — превратился в крошечную точку и скоро совсем исчез.

Вероятность того, что кто-нибудь увидит взлетающий корабль, была ничтожно мала. И его действительно никто не увидел.

* * *

Два дня в космическом пространстве, и вот уже две недели на Луне. Чутье с самого начала подсказало Пейтону, что понадобятся именно две недели. Он не питал никаких иллюзий относи-

тельно самодельных карт, составленных людьми, которые ничего не смыслят в картографии. Такая карта могла помочь только самому составителю — ему приходила на помощь память. Для всех остальных такая карта — сложный ребус.

В первый раз Корнуэлл показал Пейтону карту уже в полете. Он подобострастно улыбался.

— В конце концов, сэр, ведь это мой единственный козырь.

— Вы сверили ее с картами Луны?

— Я ведь в этом ничего не смыслю, мистер Пейтон. Целиком полагаюсь на вас.

Пейтон смерил его холодным взглядом и вернул карту. Сомнения на ней не вызывал только кратер Тихо Браге, где находился подземный лунный город.

Хоть в чем-то, однако, астрономия сыграла им на руку. Кратер Тихо Браге находился на освещенной стороне Луны, следовательно, патрульные корабли вряд ли будут нести там дежурство, так что у них были все шансы остаться незамеченными.

Пейтон совершил рискованно быструю антигравитационную посадку в холодной тени, отбрасываемой склоном кратера. Солнце уже прошло зенит, и тень не могла стать меньше.

Корнуэлл помрачнел.

— Какая жалость, мистер Пейтон. Мы ведь не можем начать поиски, пока стоит лунный день.

— У него тоже бывает конец, — оборвал его Пейтон. — Солнце будет здесь приблизительно сто часов. Это время мы используем, чтобы акклиматизироваться и как следует изучить карту.

Загадку Пейтон разгадал быстро; оказалось, что у нее несколько ответов. Он долго изучал лунные карты, тщательно вымеряя расстояния и стараясь определить, какие именно кратеры изображены на самодельной карте, дававшей им ключ… к чему?

Наконец он сказал:

— Колокольчики могут быть спрятаны в одном из трех кратеров — ГЦ-3, ГЦ-5 или МТ-10.

— Как же нам быть, мистер Пейтон? — спросил Корнуэлл расстроенно.

— Осмотрим все три, — сказал Пейтон. — Начнем с ближайшего.

Место, где они находились, пересекло терминатор, и их окутала ночная мгла. После этого они все дольше оставались на лунной поверхности, постепенно привыкая к извечной тьме и тишине, к резким точкам звезд и к полосе света над краем кратера — это в него заглядывала Земля. Они

оставляли глубокие бесформенные следы в сухой пыли, которая не поднималась кверху и не осыпалась. Пейтон в первый раз заметил эти следы, когда они выбрались из кратера на яркий свет, отбрасываемый горбатым полумесяцем Земли. Это случилось на восьмой день их пребывания на Луне.

Лунный холод не позволял надолго покидать корабль. Каждый день, однако, им удавалось удлинять этот промежуток. На одиннадцатый день они убедились, что в ГЦ-5 поющих колокольчиков нет.

На пятнадцатый день холодная душа Пейтона согрелась жаром отчаяния. Они непременно должны обнаружить тайник в ГЦ-3. МТ-10 слишком далеко. Они не успеют добраться до него и исследовать: ведь вернуться на Землю необходимо не позже тридцать первого августа.

Однако в тот же день отчаяние рассеялось: тайник с колокольчиками был найден.

Осторожно, в ладонях, они переносили колокольчики на корабль, укладывали их в мягкую стружку и возвращались за новыми. Им трижды пришлось проделать путь, который на Земле оставил бы их без сил. Но на Луне с ее незначительным тяготением такое расстояние почти не

утомляло.

Корнуэлл передал последний колокольчик Пейтону, который осторожно размещал их в выходной камере.

— Отодвиньте их подальше от люка, мистер Пейтон, — сказал он, и его голос в наушниках показался Пейтону слишком громким и резким. — Поднимаюсь.

Корнуэлл пригнулся, готовясь к лунному прыжку — высокому и замедленному, посмотрел вверх и застыл в ужасе. Его лицо, ясно видное за выпуклым лузилитовым иллюминатором шлема, исказилось предсмертной гримасой.

— Нет, мистер Пейтон! Нет!

Пальцы Пейтона сомкнулись на рукоятке бластера, последовал выстрел. Непереносимо яркая вспышка — и Корнуэлл превратился в бездыханный труп, распростертый среди клочьев скафандра и покрытый брызгами замерзающей крови.

Пейтон угрюмо поглядел на мертвеца, но это длилось какое-то мгновение. Затем он уложил последние колокольчики в приготовленные для них контейнеры, снял скафандр, включил сначала антигравитационное поле, затем микрореакторы и, став миллиона на два богаче, чем

за полмесяца до этого, отправился в обратный путь на Землю.

* * *

Двадцать девятого августа корабль Пейтона бесшумно приземлился кормой вниз в Вайоминге на той же площадке, с которой взлетел десятого августа. Пейтон недаром так заботливо выбирал это место. Его аэрофлиттер по-прежнему спокойно стоял в расселине, которыми изобиловало это каменистое плато.

Контейнеры с поющими колокольчиками Пейтон отнес в дальний конец расселины и аккуратно присыпал их землей. Затем он вернулся на корабль, чтобы включить приборы и сделать последние приготовления. Через две минуты после того, как он снова спустился на землю, сработала автоматическая система управления.

Бесшумно набирая скорость, корабль устремился ввысь, он слегка отклонился в полете к западу под воздействием вращения Земли. Пейтон следил за ним, приставив руку козырьком к прищуренным глазам, и уже почти за пределами видимости заметил крошечную вспышку света и облачко на фоне синего неба.

Его рот искривился в усмешке. Он рассчитал

правильно. Стоило только отвести в сторону кадмиевые стержни поглотителя, и микрореакторы вышли из режима; корабль исчез в жарком пламени ядерного взрыва.

Двадцать минут спустя Пейтон был дома. Он устал, все мышцы у него болели — сказывалось земное тяготение. Спал он хорошо.

Двенадцать часов спустя, на рассвете, явилась полиция.

* * *

Человек, который открыл дверь, сложил руки на круглом брюшке и несколько раз приветливо кивнул головой. Человек, которому открыли дверь, Сетон Дейвенпорт из Земного бюро расследований, огляделся, чувствуя себя крайне неловко.

Комната, куда он вошел, была очень большая и тонула в полутьме, если не считать яркой лампы видеоскопа, установленной над комбинированным креслом — письменным столом. По стенам тянулись полки, уставленные кинокнигами. В одном углу были развешаны карты Галактики, в другом на подставке мягко поблескивал «Галактический объектив».

— Вы доктор Уэнделл Эрт? — спросил Дейвен-

порт так, словно этому трудно было поверить. Дейвенпорт был коренаст и черноволос. На щеке, рядом с длинным тонким носом, виднелся звездообразный шрам — след нейронного хлыста, однажды чуть-чуть задевшего его.

— Я самый, — ответил доктор Эрт высоким тенорком. — А вы — инспектор Дейвенпорт.

Инспектор показал свое удостоверение и объяснил:

— Университет рекомендовал мне вас как специалиста в области экстратеррологии.

— Да, вы мне это уже говорили полчаса назад, когда звонили, — любезно ответил доктор Эрт. Черты лица у него были расплывчатые, нос — пуговкой. Сквозь толстые стекла очков глядели выпуклые глаза.

— Я сразу перейду к делу, доктор Эрт. Вы, вероятно, бывали на Луне…

Доктор Эрт, который успел к этому времени вытащить из-за груды кинокниг бутылку с красной жидкостью и две почти не запыленные рюмки, сказал с неожиданной резкостью:

— Я никогда не бывал на Луне, инспектор, и не собираюсь. Космические путешествия — глупое занятие. Я их не одобряю.

Потом добавил, уже мягче:

— Присаживайтесь, сэр, присаживайтесь. Выпейте рюмочку.

Инспектор Дейвенпорт выпил рюмочку и сказал:

— Но вы же не…

— Экстратерролог. Да. Меня интересуют другие миры, но это вовсе не значит, что я должен их посещать. Господи, да разве обязательно быть путешественником во времени, чтобы получить диплом историка?

Он сел, его круглое лицо вновь расплылось в улыбке, и он спросил:

— Ну, а теперь расскажите, что вас, собственно, интересует?

— Я пришел, — сказал инспектор, нахмурив брови, — чтобы проконсультироваться с вами относительно одного убийства.

— Убийства? А что я понимаю в убийствах?

— Это убийство, доктор Эрт, совершено на Луне.

— Поразительно!

— Более чем поразительно. Беспрецедентно, доктор Эрт. За пятьдесят лет существования Доминиона Луны были случаи, когда взрывались корабли или скафандры давали течь. Люди сгорали на солнечной стороне, замерзали на теневой

и погибали от удушья на обеих. Некоторые даже ухитрялись умереть, упав со скалы, что не так-то просто сделать, принимая во внимание лунное тяготение. Но за все это время ни один человек на Луне не стал жертвой преднамеренного акта насилия со стороны другого человека… Это случилось впервые.

— Как было совершено убийство? — спросил доктор Эрт.

— Выстрелом из бластера. Благодаря счастливому стечению обстоятельств представители закона оказались на месте преступления менее чем через час. Патрульный корабль заметил вспышку света на лунной поверхности. Вы ведь представляете себе, насколько далеко может быть видна вспышка на теневой стороне. Пилот сообщил об этом в Лунный город и пошел на посадку. Делая вираж, он разглядел в свете Земли взлетающий корабль — он клянется, что не ошибся. Высадившись, он обнаружил обгоревший труп и следы.

— Вы считаете, что эта вспышка была выстрелом из бластера? — заметил доктор Эрт.

— Несомненно. Убийство было совершено совсем недавно. Труп еще не успел промерзнуть. Следы принадлежали двум разным людям. Тща-

тельные измерения показали, что углубления в пыли имеют два различных диаметра; другими словами, сапоги, их оставившие, были разных размеров. Следы в основном вели к кратерам ГЦ-3 и ГЦ-5. Это два…

— Мне известна официальная система обозначения лунных кратеров, — любезно объяснил доктор Эрт.

— Гм-м. Одним словом, следы в ГЦ-3 вели к расселине на склоне кратера, внутри которой были обнаружены обломки затвердевшей пемзы. Рентгеноанализ показал…

— Поющие колокольчики, — перебил экстратерролог в сильном волнении. — Неужели это ваше убийство связано с поющими колокольчиками?

— А что, если это так? — спросил инспектор растерянно.

— У меня есть один колокольчик. Его нашла университетская экспедиция и подарила мне в благодарность за… Нет, я должен его вам показать, инспектор.

Доктор Эрт вскочил с кресла и засеменил через комнату, сделав знак своему гостю следовать за ним. Дейвенпорт с досадой повиновался.

Они вошли в соседнюю комнату, значительно

большую, чем первая. Там было еще темнее и царил совершенный хаос. Дейвенпорт в удивлении воззрился на самые разнообразные предметы, сваленные вместе без малейшего намека на какой-либо порядок.

Он разглядел кусок синей глазури с Марса, которую неизлечимые романтики считали переродившимися останками давно вымерших марсиан, затем небольшой метеорит, модель одного из первых космических кораблей и запечатанную бутылку с жидкостью — на этикетке значилось «Океан Венеры».

Доктор Эрт с довольным видом сообщил:

— Я превратил свой дом в музей. Одно из преимуществ холостяцкой жизни. Конечно, надо еще многое привести в порядок. Вот как-нибудь выберется свободная неделька-другая…

С минуту он озирался в недоумении, потом, вспомнив, отодвинул схему развития морских беспозвоночных — высшей формы жизни на Арктуре V — и сказал:

— Вот он. К сожалению, он с изъяном.

Колокольчик висел на аккуратно впаянной в него тонкой проволочке. Изъян заметить было нетрудно: примерно на середине колокольчик опоясывала вмятинка, так что он напоминал два

косо слепленных шарика. И все-таки его любовно отполировали до неяркого серебристо-серого блеска; на бархатистой поверхности виднелись те крошечные оспинки, которые не удавалось воспроизвести ни в одной лаборатории, пытавшейся синтезировать искусственные колокольчики.

Доктор Эрт продолжал:

— Я немало экспериментировал, пока подобрал к нему подходящее било. Колокольчики с изъяном капризны. Но кость подходит. Вот! — он поднял что-то вроде короткой широкой ложки, сделанной из серовато-белого материала, — это я сам вырезал из берцовой кости быка… Слушайте.

С легкостью, которой трудно было ожидать от его толстых пальцев, он стал ощупывать поверхность колокольчика, стараясь найти место, где при ударе возникал самый нежный звук. Затем он повернул колокольчик, осторожно его придержав. Потом отпустил и слегка ударил по нему широким концом костяной ложки.

Казалось, где-то вдали запели миллионы арф. Пение нарастало, затихало и возвращалось снова. Оно возникало словно нигде. Оно звучало в душе у слушателя, небывало сладостное, и грустное, и трепетное.

Оно медленно замерло, но ученый и его гость еще долго молчали.

Доктор Эрт спросил:

— Неплохо, а?

И легким ударом пальца раскачал колокольчик.

Дейвенпорт с тревогой посмотрел на него.

— Осторожно! Не разбейте!

Хрупкость хороших колокольчиков давно вошла в поговорку.

Доктор Эрт сказал:

— Геологи утверждают, что колокольчики — это всего-навсего затвердевшие под большим давлением полые кусочки пемзы, в которых свободно перекатываются маленькие камешки. Так они утверждают. Но, если этим все и исчерпывается, почему же мы не в состоянии изготовлять их искусственно? И ведь по сравнению с колокольчиком без изъяна этот звучит, как губная гармоника.

— Верно, — согласился Дейвенпорт, — и на Земле вряд ли найдется хотя бы десяток счастливцев, обладающих колокольчиком безупречной формы. Сотни людей, музеев и учреждений готовы отдать за такой колокольчик любые деньги, ни о чем при этом не спрашивая. Запас колокольчи-

ков стоит убийства!

Экстратерролог обернулся к Дейвенпорту и пухлым указательным пальцем поправил очки на носу-пуговке.

— Я не забыл про убийство, из-за которого вы пришли. Пожалуйста, продолжайте.

— Все можно рассказать в двух словах. Я знаю, кто убийца.

Они вернулись в библиотеку, и, снова опустившись в кресло, доктор Эрт сложил руки на объемистом животе, а потом спросил:

— В самом деле? Тогда что же вас затрудняет, инспектор?

— Знать и доказать — не одно и то же, доктор Эрт. К сожалению, у него нет алиби.

— Вероятно, вы хотели сказать «к сожалению, у него есть алиби»?

— Я хочу сказать то, что сказал. Будь у него алиби, я сумел бы доказать, что оно фальшивое, потому что оно было бы фальшивым. Если бы он представил свидетелей, готовых показать, что они видели его на Земле в момент совершения убийства, их можно было бы поймать на лжи. Если бы он представил документы, можно было бы обнаружить, что это подделка или еще какое-нибудь жульничество. К сожалению, ни на что

подобное преступник не ссылается.

— А на что же он ссылается?

Инспектор Дейвенпорт подробно описал имение Пейтона в Колорадо и сказал в заключение:

— Он всегда проводит август там в полнейшем одиночестве. Даже ЗБР вынуждено было бы это подтвердить. И присяжным придется сделать вывод, что он этот август провел у себя в имении, если только мы не представим убедительных доказательств того, что он был на Луне.

— А почему вы думаете, что он действительно был на Луне? Может быть, он и не виновен.

— Виновен! — Дейвенпорт почти кричал. — Вот уже пятнадцать лет я напрасно пытаюсь собрать против него достаточно улик. Но преступления Пейтона я теперь нюхом чую. Говорю вам, на всей Земле только у Пейтона хватит наглости попробовать сбыть контрабандные колокольчики — и к тому же он знает нужных людей. Известно, что он первоклассный космический пилот. Известно, что у него были какие-то дела с убитым, хотя последние несколько месяцев они не виделись. К сожалению, все это еще не доказательства.

Доктор Эрт спросил:

— А не проще ли прибегнуть к психоскопии, ведь теперь это узаконено.

Дейвенпорт нахмурился, и шрам у него на щеке побелел.

— Разве вам не известен закон Конского-Хиакавы, доктор Эрт?

— Нет.

— Он, по-моему, никому не известен. Внутренний мир человека, заявляет государство, свободен от посягательств. Прекрасно, но что отсюда вытекает? Человек, подвергнутый психоскопии, имеет право на такую компенсацию, какой он только сумеет добиться от суда. Недавно один банковский кассир получил 25 000 долларов возмещения за психоскопическую проверку по поводу необоснованного обвинения в растрате. А косвенные улики, которые как будто указывали на растрату, в действительности оказались связанными с любовной интрижкой. Кассир подал иск, указывая, что он лишился места, был вынужден принимать меры предосторожности, так как оскорбленный муж грозил ему расправой, и, наконец, его выставили на посмешище, поскольку газетный репортер узнал и описал результаты психоскопической проверки, проведенной судом.

— Мне кажется, у этого кассира были основания для иска.

— Конечно. В том-то и беда. А кроме того, следует помнить еще один пункт: человек, один раз подвергнутый психоскопии по какой бы то ни было причине, не может быть подвергнут ей вторично. Нельзя дважды подвергать опасности психику человека, гласит закон.

— Не слишком-то удобный закон.

— Вот именно. Психоскопию узаконили два года назад, и за это время все воры и аферисты старались пройти психоскопию из-за карманной кражи, чтобы потом спокойно приниматься за крупные дела. Таким образом, наше Главное управление разрешит подвергнуть Пейтона психоскопии, только если против него будут собраны веские улики. И не обязательно веские с точки зрения закона — лишь бы поверило мое начальство. Самое скверное, доктор Эрт, что мы не можем передать дело в суд, не проведя психоскопической проверки. Убийство — слишком серьезное преступление, и, если обвиняемый не будет подвергнут психоскопии, даже самый тупой присяжный решит, что обвинение не уверено в своих позициях.

— Так что же вам нужно от меня?

— Доказательство того, что в августе Пейтон побывал на Луне. И оно мне нужно немедленно.

Пейтон арестован по подозрению, и долго держать его под стражей я не могу. А если об этом убийстве кто-нибудь проведает, мировая пресса взорвется, как астероид, угодивший в атмосферу Юпитера. Ведь это же сенсационное преступление — первое убийство на Луне.

— Когда именно было совершено убийство? — тон Эрта внезапно стал деловитым.

— Двадцать седьмого августа.

— Когда вы арестовали Пейтона?

— Вчера, тридцатого августа.

— Значит, если Пейтон — убийца, у него должно было хватить времени вернуться на Землю.

— Времени у него было в обрез. — Дейвенпорт сжал губы. — Если бы я не опоздал на день, если бы оказалось, что его дом пуст…

— Как по-вашему, сколько они всего пробыли на Луне, убийца и убитый?

— Судя по количеству следов, несколько дней. Не меньше недели.

— Корабль, на котором они летели, был обнаружен?

— Нет, и вряд ли он будет обнаружен. Часов десять назад обсерватория Денверского университета сообщила об увеличении радиоактивного фона, возникшем позавчера в шесть вечера

и державшемся несколько часов. Ведь совсем нетрудно, доктор Эрт, установить приборы на корабле так, чтобы он взлетел без экипажа и взорвался примерно в пятидесяти милях от Земли от короткого замыкания в микрореакторах.

— На месте Пейтона, — задумчиво проговорил доктор Эрт, — я убил бы сообщника на борту корабля и взорвал бы корабль вместе с трупом.

— Вы не знаете Пейтона, — мрачно ответил Дейвенпорт. — Он упивается своими победами над законом. Он их смакует. Труп, оставленный на Луне, это вызов нам.

— Вот как! — Эрт погладил себя по животу и добавил:

— Что ж, возможно, мне это и удастся.

— Доказать, что он был на Луне?

— Составить свое мнение на этот счет.

— Теперь же?

— Чем скорее, тем лучше. Если, конечно, мне можно будет побеседовать с мистером Пейтоном.

— Это я устрою. Меня ждет антигравитационный реактивный самолет. Через двадцать минут мы будем в Вашингтоне.

На толстой физиономии экстратерролога выразилось глубочайшее смятение. Он вскочил и

бросился в самый темный угол своей загроможденной вещами комнаты, подальше от агента ЗБР.

— Ни за что!

— В чем дело, доктор Эрт?

— Я не полечу на реактивном самолете. Я им не доверяю.

Дейвенпорт озадаченно уставился на доктора Эрта и пробормотал, запинаясь:

— А монорельсовая дорога?

— Я не доверяю никаким средствам передвижения, — отрезал доктор Эрт. — Не доверяю. Только пешком. Пешком — пожалуйста.

Потом он вдруг оживился.

— А вы не могли бы привезти мистера Пейтона в наш город, куда-нибудь поблизости? В здание муниципалитета, например? До муниципалитета мне дойти не трудно.

Дейвенпорт растерянно обвел глазами комнату. Кругом стояли бесчисленные тома, повествующие о световых годах. В открытую дверь соседнего зала виднелись сувениры далеких миров. Он перевел взгляд на доктора Эрта, который побледнел от одной только мысли о реактивном самолете, и пожал плечами.

— Я привезу Пейтона сюда. В эту комнату. Это

вас устроит?

Доктор Эрт испустил вздох облегчения.

— Вполне.

— Надеюсь, у вас что-нибудь получится, доктор Эрт.

— Я сделаю все, что в моих силах, мистер Дейвенпорт.

Луис Пейтон брезгливо осмотрел комнату и смерил презрительным взглядом толстяка, любезно ему кивавшего. Он покосился на предложенный стул и, прежде чем сесть, смахнул с него рукой пыль. Дейвенпорт сел рядом, поправил кобуру бластера.

Толстяк с улыбкой уселся и стал поглаживать свое округлое брюшко, словно он только что отлично поел и хочет, чтобы об этом знал весь мир.

— Добрый вечер, мистер Пейтон, — сказал он. — Я доктор Уэнделл Эрт, экстратерролог.

Пейтон снова взглянул на него.

— А что вам нужно от меня?

— Я хочу знать, были ли вы в августе на Луне.

— Нет.

— Однако ни один человек на Земле не видел вас между первым и тридцатым августа.

— Я проводил август, как обычно. В этом месяце

меня никогда не видят. Спросите хоть у него.

И Пейтон кивнул в сторону Дейвенпорта.

Доктор Эрт усмехнулся.

— Ах, если бы у вас был какой-нибудь объективный критерий! Если бы между Луной и Землей существовали какие-то физические различия. Скажем, мы сделали бы анализ пыли с ваших волос и сказали: «Ага, лунные породы». К сожалению, это невозможно. Лунные породы ничем не отличаются от земных. Да если бы даже они и отличались, у вас на волосах все равно не найти ни одной пылинки, разве что вы выходили на лунную поверхность без скафандра, а это маловероятно.

Пейтон слушал его, сохраняя полнейшее равнодушие.

Доктор Эрт продолжал, благодушно улыбаясь и поправляя рукой очки, которые плохо держались на его крохотном носике:

— Человек в космосе или на Луне дышит земным воздухом, ест земную пищу. И на корабле, и в скафандре он остается в земных условиях. Мы разыскиваем человека, который два дня летел на Луну, пробыл на Луне по крайней мере неделю и еще два дня потратил на возвращение на Землю. Все это время он сохранял вокруг себя земные

условия, что очень усложняет нашу задачу.

— Мне кажется, — сказал Пейтон, — вы могли бы ее облегчить, если бы отпустили меня и начали поиски настоящего убийцы.

— Это не исключено, — сказал доктор Эрт. — Вы когда-нибудь видели что-либо подобное?

Он пошарил пухлой рукой на полу возле кресла и поднял серый шарик, который отбрасывал приглушенные блики.

Пейтон улыбнулся.

— Я бы сказал, что это поющий колокольчик.

— Да, это поющий колокольчик. Убийство было совершено ради поющих колокольчиков… Как вам нравится этот экземпляр?

— По-моему, он с большим изъяном.

— Рассмотрите его повнимательнее, — сказал доктор Эрт и внезапно бросил колокольчик Пейтону, который сидел от него в двух метрах.

Дейвенпорт вскрикнул и приподнялся на стуле. Пейтон вскинул руки и успел поймать колокольчик.

— Идиот! Кто же их так бросает, — сказал Пейтон.

— Вы относитесь к поющим колокольчикам с почтением, не правда ли?

— Со слишком большим почтением, чтобы их

разбивать. И это по крайней мере не преступление.

Пейтон тихонько погладил колокольчик, потом поднял его к уху и слегка встряхнул, прислушиваясь к мягкому шороху осколков лунолита — маленьких кусочков пемзы, сталкивающихся в пустоте.

Затем, подняв колокольчик за вделанную в него проволочку, он уверенным и привычным движением провел ногтем большого пальца по выпуклой поверхности. И колокольчик запел. Звук был нежный, напоминающий флейту, задрожав, он медленно замер, вызывая в памяти картину летних сумерек.

Несколько секунд все трое завороженно слушали.

А потом доктор Эрт сказал:

— Бросьте его мне, мистер Пейтон. Скорее!

И он повелительно протянул руку.

Машинально Луис Пейтон бросил колокольчик. Он описал короткую дугу и, не долетев до протянутой руки доктора Эрта, с горестным звенящим стоном вдребезги разбился на полу.

Дейвенпорт и Пейтон, охваченные одним чувством, молча смотрели на серые осколки и толком не расслышали, как доктор Эрт спокойно

произнес:

— Когда будет обнаружен тайник, где преступник укрыл неотшлифованные колокольчики, я хотел бы получить безупречный и правильно отшлифованный экземпляр в качестве возмещения за разбитый и в качестве моего гонорара.

— Гонорара? За что же? — сердито спросил Дейвенпорт.

— Но ведь теперь все очевидно. Хотя несколько минут назад в моей маленькой речи я не упомянул об этом, но тем не менее одну земную особенность космический путешественник взять с собой не может… Я имею в виду силу земного притяжения. Мистер Пейтон очень неловко бросил столь ценную вещь, а это неопровержимо доказывает, что его мышцы еще не приспособились вновь к земному притяжению. Как специалист, мистер Дейвенпорт, я утверждаю: арестованный последнее время находился вне Земли. Он был либо в космическом пространстве, либо на какой-то планете, значительно уступающей Земле в размерах, например на Луне.

Дейвенпорт с торжеством вскочил на ноги.

— Будьте добры, дайте мне письменное заключение, — сказал он, положив руку на бластер, — и его будет достаточно, чтобы получить санкцию

на применение психоскопии.

Луис Пейтон и не думал сопротивляться. Оглушенный случившимся, он сознавал только одно: в завещании ему придется упомянуть, что его блистательный путь завершился полным крахом.

ВЫХОД ИЗ ПОЛОЖЕНИЯ (Перевод А. Иорданского)

Три закона роботехники:
1. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.
2. Робот должен повиноваться всем приказам, которые отдает человек, кроме тех случаев, когда эти законы противоречат Первому закону.
3. Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в какой это не противоречит Первому и Второму законам.

Из «Справочника по роботехнике»
56-е изд., 2058 год

Когда Сьюзен Кэлвин, главный робопсихолог компании «Ю. С. Роботс энд мекэникл мэн, инкорпорэйтед», вернулась с Гипербазы, ее ждал бывший руководитель научного отдела компании Альфред Лэннинг. Старик никогда не говорил о своем возрасте, но все знали, что ему уже за

семьдесят пять. Тем не менее его ум сохранил свою остроту, и, хотя Лэннинг в конце концов согласился стать Почетным научным руководителем, а отдел возглавил Богерт, это не мешало старику ежедневно являться в свой кабинет.

— Как там у них дела с гиператомным двигателем? — поинтересовался он.

— Не знаю, — с раздражением ответила Сьюзен. — Я не спрашивала.

— Гм... Хоть бы они поторопились. Иначе их может опередить «Консолидэйтед». И нас тоже.

— «Консолидэйтед»? А при чем тут они?

— Ну, ведь вычислительные машины есть и у других. Правда, у нас они позитронные, но это не значит, что они лучше. Завтра Робертсон созывает по этому поводу большое совещание. Он ждал только вашего возвращения.

* * *

Робертсон, сын основателя «Ю. С. Роботс энд мекэникл мэн, инкорпорэйтед», повернул свое худое носатое лицо к управляющему компании. Его кадык дернулся, и он сказал:

— Начинайте. Пора разобраться в этом.

Управляющий поспешно начал:

— Вот как обстоят дела, шеф. Месяц назад «Кон-

солидэйтед роботс» доставили сюда тонн пять расчетов, уравнений и прочего в этом духе и обратились к нам со странным предложением. Понимаете, есть одна задача, и они хотят получить на нее ответ от нашего Мозга. Условия такие…

Он начал загибать толстые пальцы.

— Мы получаем сто тысяч, если решения не существует и мы сможем указать им, каких факторов не хватает. Двести тысяч если решение существует, плюс стоимость постройки машины, о которой идет речь, плюс четверть всей прибыли, которую она принесет. Задача связана с разработкой двигателя звездолета…

Робертсон нахмурился, и его худая фигура напряглась.

— Несмотря на то что у них есть своя собственная думающая машина. Так?

— Поэтому-то все предложение и кажется таким подозрительным, шеф. Леввер, продолжайте.

Эйб Леввер, сидевший на дальнем конце стола, встал и поскреб щетину на подбородке. Улыбнувшись, он начал:

— Дело вот в чем, сэр. У «Консолидэйтед» была думающая машина. Она сломалась.

— Что? — Робертсон даже привстал.

— Да, сломалась. Капут! Никто не знает почему, но у меня есть кое-какие довольно интересные догадки. Например, они могли дать ей разработать звездолет на основе той же информации, которую предлагают нам, и это вывело их машину из строя. Сейчас от нее осталась просто груда железного лома, не больше.

— Понимаете, шеф? — управляющий торжествовал. — Понимаете? Нет такой научно-промышленной группы, которая не пыталась бы разработать двигатель, искривляющий пространство, а «Консолидэйтед» и «Ю. С. Роботс» опередили всех благодаря тому, что у каждой был робот-супермозг. А теперь, когда они ухитрились поломать свой, у нас больше нет конкурентов. Вот в чем соль, вот… гм… их мотив. Раньше чем через шесть лет им не построить новый Мозг, и они пропали, если только им не удастся сломать и наш на той же задаче.

Президент «Ю. С. Роботс» широко раскрыл глаза.

— Вот мерзавцы!

— Подождите, шеф. Это еще не все. — Он взмахнул рукой. — Лэннинг, продолжайте!

Доктор Альфред Лэннинг созерцал происходящее с легким презрением, которое всегда

вызывала у него деятельность производственного отдела и отдела сбыта, где платили куда больше. Он нахмурил свои седые брови и бесстрастно начал:

— С научной точки зрения положение хотя и не совсем ясно, но поддается логическому анализу. Проблема межзвездных перелетов при современном состоянии физической теории… гм… весьма туманна. Вопрос довольно неопределенный, и информация, которую «Консолидэйтед» задала своей машине, если судить по тому, что они предлагают нам, тоже не слишком определенна. Наш математический сектор подверг ее тщательному рассмотрению, и можно сказать, что она всеобъемлюща. Представленный материал включает все известные данные по теории искривления пространства Франчиакки, а также, по-видимому, все необходимые сведения по астрофизике и электронике. Это не так уж мало.

Тут Робертсон, слушавший с большой тревогой, прервал его:

— Столько, что Мозг может с ней не справиться?

Лэннинг решительно покачал головой.

— Нет. Насколько мы можем судить, возможностям Мозга предела нет. Дело не в этом, а в

законах роботехники. Например, Мозг никогда не сможет решить поставленную перед ним задачу, если это будет связано с гибелью людей или причинит им какой-нибудь ущерб. Для Мозга она будет неразрешима. Если же такая задача будет сопровождаться крайне настоятельным требованием ее решить, то вполне возможно, что Мозг, который, в конце концов, всего лишь робот, окажется перед дилеммой, не будучи в состоянии ни дать ответ, ни отказать в ответе. Может быть, что-то в этом роде и произошло с машиной «Консолидэйтед».

Он замолчал, но управляющий не был удовлетворен.

— Продолжайте, доктор Лэннинг. Объясните, как вы объясняли мне.

Лэннинг плотно сжал губы и, подняв брови, кивнул в сторону доктора Сьюзен Кэлвин, которая сидела, разглядывая свои руки, чинно сложенные на коленях. Подняв глаза, она заговорила тихо и без всякого выражения:

— Характер реакции робота на поставленную дилемму поразителен, — начала она. — Наши знания о психологии роботов далеки от совершенства, могу вас в этом заверить как специалист, но она поддается качественному

исследованию, потому что, каким бы сложным ни было устройство позитронного мозга робота, его создает человек, и создает в соответствии со своими представлениями. Человек же, попадая в безвыходное положение, часто стремится бежать от действительности: он или уходит в мир иллюзий, или запивает, или заболевает истерией, или бросается с моста в воду. Все это сводится к одному — он не желает или не может взглянуть в лицо фактам. Так же и у роботов. В лучшем случае дилемма разрушит половину его реле, а в худшем — сожжет все его позитронные мозговые связи, так что починить его будет уже невозможно.

— Понимаю, — сказал Робертсон, хотя ничего не понял. — Ну, а информация, которую предлагает нам «Консолидэйтед»?

— Несомненно, она связана с подобной запретной проблемой, — ответила доктор Кэлвин. — Но наш Мозг сильно отличается от робота «Консолидэйтед».

— Это верно, шеф. Это верно, — энергично перебил ее управляющий. — Я хочу, чтобы вы это запомнили, потому что в этом все дело.

Глаза Кэлвин блеснули под очками, но она терпеливо продолжала:

— Видите ли, сэр, в машины, которые есть у

«Консолидэйтед», и в том числе в их «Супермыслителя», не вкладывается индивидуальность. Они предпочитают функционализм, что вполне понятно, поскольку основные патенты на мозговые связи, определяющие эмоции, принадлежат «Ю.С. Роботс». Их «Мыслитель» просто грандиозная счетная машина, и дилемма выводит ее из строя немедленно. В то же время наш Мозг наделен индивидуальностью — индивидуальностью ребенка. Это в высшей степени дедуктивный мозг, но он чем-то напоминает ученого дурака. Он не понимает по-настоящему, что делает, — он просто это делает. И, поскольку это, в сущности, ребенок, он более жизнеспособен. Он не слишком серьезно относится к жизни, если можно так выразиться.

Сьюзен Кэлвин продолжала:

— Вот что мы собираемся сделать. Мы разделили всю информацию «Консолидэйтед» на логические единицы. Мы будем вводить их в Мозг по одной и очень осторожно. Как только будет введен фактор, создающий дилемму, инфантильная индивидуальность Мозга некоторое время будет колебаться. Его способность к обобщениям и оценкам еще несовершенна. Пока он осознает дилемму, как таковую, пройдет ощутимый про-

межуток времени. А за этот промежуток времени Мозг автоматически отвергнет данную единицу информации, прежде чем его связи успеют прийти в движение и выйти из строя.

Кадык Робертсона задрожал.

— А вы уверены в этом?

Доктор Кэлвин подавила раздражение.

— Я понимаю, что в популярном изложении это не очень убедительно, но приводить математические формулы было бы бессмысленно. Уверяю вас, что все именно так, как я говорила.

Управляющий не замедлил воспользоваться паузой и разразился потоком слов:

— Таково положение, шеф. Если мы согласимся, то дальше сделаем вот так: Мозг скажет нам, в какой части информации заложена дилемма, а мы тогда сможем определить, в чем она состоит. Верно, доктор Богерт? Ну, вот, шеф. А доктор Богерт ведь самый лучший математик на свете. Мы отвечаем «Консолидэйтед», что задача неразрешима, отвечаем с полным основанием, и получаем сто тысяч. У них остается поломанная машина, у нас — целая. Через год, может быть через два, у нас будет двигатель, искривляющий пространство, или, как его иногда называют, гиператомный мотор. Но как его ни называй, а

это же величайшая вещь!

Робертсон ухмыльнулся и протянул руку.

— Давайте контракт. Я его подпишу.

* * *

Когда Сьюзен Кэлвин вошла в строжайше охраняемое подземелье, где находился Мозг, один из дежурных техников только что задал ему вопрос: «Если полтора цыпленка за полтора дня снесут полтора яйца, то сколько яиц снесут девять цыплят за девять дней?»

Мозг только что ответил: «Пятьдесят четыре». И техник только что сказал другому технику: «Видишь, дубина?»

Сьюзен Кэлвин кашлянула, и сразу же вокруг закипела суматошная, бесцельная деятельность. Сьюзен сделала нетерпеливый жест и осталась наедине с Мозгом.

Мозг представлял собой просто шестидесяти сантиметровый шар, заполненный гелиевой атмосферой строго определенного состава: пространство, совершенно изолированное от каких бы то ни было вибраций, колебаний и излучений. А внутри было заключено переплетение позитронных связей неслыханной сложности, которое и было Мозгом. Все остальное помеще-

ние было тесно уставлено приспособлениями, служившими посредниками между Мозгом и внешним миром — его голосом, его руками, его органами чувств.

Доктор Кэлвин тихо произнесла:

— Ну, как поживаешь, Мозг?

Мозг ответил тонким, радостным голосом:

— Очень хорошо, мисс Сьюзен. А я знаю — вы хотите меня о чем-то спросить. Вы всегда приходите с книжкой в руках, когда хотите меня о чем-нибудь спросить.

Доктор Кэлвин мягко улыбнулась.

— Ты угадал, но это немного погодя. Мы зададим тебе один вопрос. Он будет таким сложным, что мы будем задавать его в письменном виде. Но это немного позже. Я думаю, мне сначала нужно с тобой поговорить.

— Хорошо. Я люблю разговаривать.

— Так вот, Мозг, через некоторое время сюда придут с этим сложным вопросом доктор Лэннинг и доктор Богерт. Мы будем задавать его тебе понемногу и очень медленно, потому что мы хотим, чтобы ты был очень осторожен. Мы попросим тебя сделать на основе этой информации кое-какие выводы, если ты сумеешь, но я должна сейчас тебя предупредить, что решение может

быть связано… гм… с опасностью для человека.

— Ух, ты! — тихо вырвалось у Мозга.

— Поэтому будь начеку. Когда ты получишь карточку, которая означает опасность для человека и, может быть, даже смерть, — не волнуйся. Видишь ли, Мозг, в данном случае для нас это не так уж важно — даже смерть; для нас это вовсе не так важно. Поэтому, когда ты дойдешь до этой карточки, просто остановись и выдай ее назад — вот и все. Понимаешь?

— Само собой. Только — смерть людей… Ох, ты!

— Ну, Мозг, вон идут доктор Лэннинг и доктор Богерт. Они расскажут тебе, в чем состоит задача, и мы начнем. А ты будь умницей…

Карточка за карточкой в Мозг постепенно вводилась информация. После каждой некоторое время слышались странные тихие звуки, похожие на довольное бормотание: Мозг принимался за работу. Потом наступала тишина, означавшая, что Мозг готов к введению следующей карточки. За несколько часов в Мозг было введено такое количество математической физики, что для ее изложения потребовалось бы примерно семнадцать пухлых томов.

Постепенно люди начали хмуриться. Лэннинг

что-то сердито бормотал про себя. Богерт сначала задумчиво разглядывал свои ногти, потом начал их рассеянно грызть. Когда исчезла последняя карточка из толстой кипы, побелевшая Кэлвин произнесла:

— Что-то неладно.

Лэннинг с трудом выговорил:

— Не может быть. Он… погиб?

— Мозг? — Сьюзен Кэлвин дрожала. — Ты слышишь меня, Мозг?

— А? — раздался рассеянный ответ. — Я вам нужен?

— Решение…

— И только-то! Это я могу. Я построю вам весь корабль, это просто, только дайте мне роботов. Хороший корабль. На это понадобится месяца два.

— У тебя не было… никаких затруднений?

— Пришлось долго вычислять, — ответил Мозг.

Доктор Кэлвин попятилась. Краска так и не вернулась на ее впалые щеки. Она сделала остальным знак уйти.

* * *

У себя в кабинете она сказала:

— Не понимаю. Информация, которую мы ему дали, несомненно, содержит дилемму, возможно,

даже гибель людей. Если что-то не так…

Богерт ответил спокойно:

— Машина говорит, и говорит разумно. Значит, для нее дилеммы нет.

Но психолог горячо возразила:

— Бывают дилеммы и дилеммы. Существуют разные пути бегства от действительности. Представьте себе, что Мозг поврежден лишь слегка, скажем, настолько, что ошибочно считает себя способным решить задачу, хотя на самом деле он не сможет этого сделать. Или представьте себе, что сейчас он, возможно, на грани чего-то действительно ужасного, так что его погубит малейший толчок.

— А представьте себе, — сказал Лэннинг, — что дилеммы не существует. Представьте, что машину «Консолидэйтед» вывела из строя другая задача или что это чисто механическая поломка.

— Все равно мы не можем рисковать, — настаивала Кэлвин. — Слушайте. С этого момента пусть никто и близко не подходит к Мозгу. Я буду дежурить у него сама.

— Ладно, — вздохнул Лэннинг, — дежурьте. А пока пусть Мозг строит свой корабль. И, если он его построит, мы должны будем его испытать.

Он задумчиво закончил:

— Для этого понадобятся наши лучшие испытатели.

* * *

Майкл Донован яростно пригладил свою рыжую шевелюру, не обратив никакого внимания на то, что она немедленно вновь встала дыбом.

Он сказал:

— Хватит, Грег. Говорят, корабль готов. Неизвестно, что это за корабль, но он готов. Пошли, Грег. Мне не терпится добраться до кнопок.

Пауэлл устало произнес:

— Брось, Майк. Твои шуточки вообще не поражают свежестью, а здешний спертый воздух им и вовсе не идет на пользу.

— Нет, послушай! — Донован еще раз тщетно провел рукой по волосам. — Меня не так уж беспокоит наш чугунный гений и его жестяной кораблик. Но у меня же пропадает отпуск! А скучища-то какая! Мы ничего не видим, кроме бород и цифр. И почему нам поручают такие дела?

— Потому что если они нас лишатся, — мягко ответил Пауэлл, — то потеря будет невелика. Ладно, успокойся! Сюда идет Лэннинг.

Действительно, к ним шел Лэннинг. Его седые брови были по-прежнему пышными, а сам он,

несмотря на годы, держался все так же прямо и был полон сил. Вместе с испытателями он, ничего не говоря, поднялся по откосу на площадку, где безмолвные роботы без всякого участия человека строили корабль.

Нет, неверно. Построили корабль!

Лэннинг сказал:

— Роботы стоят. Сегодня ни один не пошевелился.

— Значит, он готов? Окончательно? — спросил Пауэлл.

— Откуда я знаю? — сварливо ответил Лэннинг, его брови так сдвинулись, что совсем закрыли глаза. — Кажется, готов. Никаких лишних деталей вокруг не валяется, а внутри все отполировано до блеска.

— Вы были внутри?

— Только заглянул. Я не космонавт. Кто-нибудь из вас разбирается в теории двигателей?

Донован взглянул на Пауэлла, тот — на Донована. Потом Донован ответил:

— У меня есть диплом, сэр, но когда я его получал, еще и помину не было о гипердвигателях или о навигации с искривлением пространства. Обычные детские игрушки в трех измерениях.

Альфред Лэннинг поглядел на него, недовольно

фыркнул и ледяным тоном произнес:

— Что ж, у нас есть специалисты по двигателям.

Он повернулся, чтобы уйти, но Пауэлл схватил его за локоть.

— Простите сэр, вход на корабль все еще воспрещен?

Старик постоял в нерешительности, потирая переносицу.

— Пожалуй, нет. Во всяком случае, не для вас двоих.

Донован проводил его взглядом и пробормотал короткую, но выразительную фразу. Потом он повернулся к Пауэллу:

— Хотел бы я сказать ему, кто он такой, Грег.

— Пошли, Майк.

Достаточно было одного взгляда, чтобы понять: внутри корабль готов — насколько это вообще возможно. Человек никогда не смог бы так любовно отполировать все его поверхности, как это сделали роботы.

Углов в корабле не было: стены, полы и потолки плавно переходили друг в друга, и в холодном, металлическом сиянии скрытых ламп человек видел вокруг себя шесть холодных отражений своей собственной растерянной персоны.

В главный коридор — узкий, гулкий проход — выходили совершенно одинаковые каюты.

Пауэлл сказал:

— Наверное, мебель встроена в стены. А может, нам вообще не положено ни сидеть, ни спать.

Однообразие было нарушено только в последнем помещении, ближайшем к носу корабля. Здесь металл впервые прорезало изогнутое окно из неотражающего стекла, а под ним располагался единственный большой циферблат с единственной неподвижной стрелкой, стоявшей точно на нуле.

— Гляди! — сказал Донован, показывая на единственное слово, видневшееся над мелкими делениями шкалы.

Оно гласило: «Парсеки», а у правого конца шкалы, изогнувшейся дугой, стояла цифра «1 000 000».

В комнате было два кресла: тяжелые, с широко расставленными ручками, без обивки. Пауэлл осторожно присел и обнаружил, что кресло соответствует форме тела и очень удобно.

— Ну, что скажешь? — спросил Пауэлл.

— Держу пари, что у этого Мозга воспаление мозга. Пошли отсюда.

— Неужели ты не хочешь его посмотреть?

— Уже осмотрел. Пришел, увидел и ушел.

Рыжие волосы на голове Донована ощетинились.

— Грег, пойдем отсюда. Я подал в отставку пять секунд назад, а посторонним сюда вход воспрещен.

Пауэлл самодовольно улыбнулся и погладил усы.

— Ладно, Майк, закрой кран и не выпускай себе в кровь столько адреналина. Мне тоже вначале стало не по себе, но теперь все в порядке.

— Все в порядке, да? Это как же все в порядке? Взял еще один страховой полис?

— Майк, этот корабль не полетит.

— Откуда ты знаешь?

— Мы с тобой обошли весь корабль, верно?

— Да, как будто.

— Поверь мне, весь. А ты видел здесь что-нибудь похожее на рубку управления, если не считать этого единственного иллюминатора и этой единственной шкалы в парсеках? Ты видел какие-нибудь ручки?

— Нет.

— А двигатель ты видел?

— И верно — не видел!

— То-то. Пойдем, Майк, доложим Лэннингу.

Чертыхаясь, они направились к выходу по однообразным коридорам и в конце концов наугад выбрались в короткий проход, который вел к выходной камере.

Донован вздрогнул.

— Это ты запер, Грег?

— И не думал. Нажми-ка на рычаг!

Рычаг не подавался, хотя лицо Донована исказилось от натуги. Пауэлл сказал:

— Я не заметил никаких аварийных люков. Если что-то здесь неладно, им придется добираться до нас с автогеном.

— Ну да, а нам придется ждать, пока они не обнаружат, что какой-то идиот запер нас здесь, — вне себя от ярости добавил Донован.

— Пойдем в ту каюту с иллюминатором. Это единственное место, откуда мы можем подать сигнал.

Но подать сигнал им так и не пришлось.

Иллюминатор в носовой каюте уже не был небесно-голубым. Он был черным, а яркие желтые точки звезд говорили о том, что за ним — космос.

Два тела с глухим стуком упали в два кресла.

* * *

Альфред Лэннинг встретил доктора Кэлвин у своего кабинета. Он нервно закурил сигару и открыл дверь.

— Так вот, Сьюзен, мы зашли очень далеко, и Робертсон нервничает. Что вы делаете с Мозгом?

Сьюзен Кэлвин развела руками.

— Нельзя торопиться. Стоимость Мозга больше любой неустойки, которую нам придется заплатить.

— Но вы допрашиваете его уже два месяца.

Голос робопсихолога не изменился, и все-таки в нем прозвучала угроза:

— Вы хотите заняться этим сами?

— Ну, вы же знаете, что? я хотел сказать.

— Да, пожалуй. — Доктор Кэлвин нервно потерла ладони. — Это нелегко. Я пробовала так и эдак, но еще ничего не добилась. У него ненормальные реакции. Он отвечает как-то странно. Но до сих пор мне не удалось установить ничего определенного. А ведь вы понимаете, что, пока мы не узнаем, в чем дело, мы должны продвигаться очень осторожно. Я не могу предвидеть, какой простой вопрос, какое замечание могут… подтолкнуть егоза грань, и тогда… и тогда мы

останемся с совершенно бесполезным Мозгом. Вы хотите пойти на такой риск?

— Но не может же он нарушить Первый закон!

— Я и сама так думала, но…

— Вы и в этом не уверены? — Лэннинг был потрясен до глубины души.

— О, я ни в чем не уверена, Альфред…

С пугающей внезапностью загремел сигнал тревоги. Лэннинг судорожным движением включил связь и замер на месте, услышав задыхающийся голос.

Потом Лэннинг произнес:

— Сьюзен… вы слышали?.. Корабль взлетел. Полчаса назад я послал туда двух испытателей. Вам нужно еще раз поговорить с Мозгом.

Сьюзен Кэлвин заставила себя спокойно задать вопрос:

— Мозг, что случилось с кораблем?

— С тем, что я построил, мисс Сьюзен? — весело переспросил мозг.

— Да. Что с ним случилось?

— Да ничего. Те два человека, что должны были его испытывать, вошли внутрь, все было готово. Вот я взял и отправил их.

— А… Что ж, это хорошо. — Она дышала с трудом. — Ты думаешь, с ними ничего не случится?

— Конечно, ничего, мисс Сьюзен. Я обо всем подумал. Это замеча-а-тельный корабль.

— Да, Мозг, корабль замечательный, но как ты думаешь, у них хватит еды? Они не будут терпеть никаких неудобств?

— Еды хватит.

— Все это может на них сильно подействовать, Мозг. Понимаешь, это так неожиданно.

Но Мозг возразил:

— Ничего с ними не случится. Им же должно быть интересно.

— Интересно? Почему?

— Просто интересно, — лукаво ответил Мозг.

— Сьюзен, — лихорадочно прошептал Лэннинг, — спросите его, связано ли это со смертью. Спросите, какая им может грозить опасность.

Лицо Сьюзен Кэлвин исказилось от ярости.

— Молчите!

Дрожащим голосом она обратилась к Мозгу:

— Мы можем связаться с кораблем, не правда ли, Мозг?

— О, они вас смогут услышать по радио. Я это предусмотрел.

— Спасибо. Пока все.

Как только они вышли, Лэннинг набросился на нее:

— Господи, Сьюзен, если об этом узнают, мы все пропали. Мы должны вернуть этих людей. Почему вы не спросили прямо, грозит ли им смерть?

— Потому что это именно то, о чем я не должна говорить, — устало ответила Кэлвин. — Если существует дилемма, то она связана со смертью. А если внезапно поставить Мозг перед дилеммой, это может погубить его. И какую пользу это нам принесет? А теперь вспомните: он сказал, что мы можем с ними связаться. Давайте сделаем это, узнаем, где они находятся, вернем их назад. Возможно, они не могут сами управлять кораблем: Мозг, вероятно, управляет им дистанционно. Пойдемте!

* * *

Прошло немало времени, пока Пауэлл наконец взял себя в руки.

— Майк, — пробормотал он похолодевшими губами. — Ты почувствовал какое-нибудь ускорение?

Донован тупо посмотрел на него.

— А? Нет… нет.

Потом он, стиснув кулаки, в неожиданном лихорадочном возбуждении вскочил с кресла и приник к холодному изогнутому стеклу. За ним

ничего не было видно — кроме звезд.

Донован обернулся.

— Грег, они должны были включить машины, пока мы были внутри. Грег, здесь дело нечисто. Они с роботом подстроили все так, чтобы заставить нас быть испытателями, на случай если мы вздумаем отказаться.

— Что ты болтаешь? — ответил Пауэлл. — Какой толк посылать нас, если мы не умеем управлять кораблем? Как мы повернем его обратно? Нет, этот корабль взлетел сам, и без всякого заметного ускорения.

Он встал и медленно зашагал по комнате. Звук его шагов гулко отражался от стен. Он глухо произнес:

— Майк, это самое неприятное положение из всех, в какие мы попадали.

— Это для меня новость, — с горечью ответил Донован. — А я-то радовался и веселился, пока ты меня не просветил.

Пауэлл пропустил его слова мимо ушей.

— Без ускорения — это значит, что корабль работает по совершенно неизвестному принципу.

— Не известному нам, во всяком случае.

— Не известному никому. Здесь нет двигателей, которыми можно было бы управлять вручную.

Может быть, они встроены в стены. Может быть, поэтому стены тут такие толстые.

— Что ты там бормочешь? — спросил Донован.

— А ты бы послушал. Я говорю, что, какие бы машины ни приводили в движение этот корабль, они скрыты и, очевидно, не требуют надзора. Корабль управляется дистанционно.

— Мозгом?

— А почему бы и нет?

— Значит, по-твоему, мы тут останемся до тех пор, пока Мозг не вернет нас обратно?

— Возможно. Если так, давай спокойно ждать. Мозг — робот. Он обязан соблюдать Первый закон. Он не может причинить вред человеку.

Донован медленно опустился в кресло.

— Ты так думаешь? — он тщательно пригладил волосы. — Слушай! Эта тарабарщина насчет искривления пространства вывела из строя робота «Консолидэйтед», и математики объяснили это так: межзвездный перелет смертелен для человека. Какому же роботу мы должны верить? У нашего, насколько я понимаю, были те же данные.

Пауэлл бешено закручивал усы.

— Не притворяйся, Майк, что не знаешь робототехники. Прежде чем робот обретет физическую

возможность нарушить Первый закон, в нем так много должно поломаться, что он десять раз успеет превратиться в кучу лома. Вероятно, все объясняется очень просто.

— О, конечно! Попроси дворецкого, чтобы он разбудил меня вовремя. Все это так просто, что мне незачем волноваться, и я буду спать как дитя.

— Ради Юпитера, Майк, чем ты сейчас недоволен? Мозг о нас заботится. Здесь тепло. Светло. Есть воздух. А стартового ускорения не хватило бы даже на то, чтобы растрепать твои волосы, если бы они были достаточно для этого приглажены.

— Да? А что мы будем есть? Что мы будем пить? Где мы? Как мы вернемся? А если авария, к какому выходу и в каком скафандре мы должны бежать — бежать, а не идти шагом? Я даже не видел здесь ванной и тех мелких удобств, которые бывают рядом с ней. Конечно, о нас заботятся, и неплохо!

Голос, прервавший речь Донована, принадлежал не Пауэллу. Он не принадлежал никому. Он висел в воздухе — громовой и ошеломляющий:

— Грегори Пауэлл! Майкл Донован! Грегори Пауэлл! Майкл Донован! Просим сообщить ваше местонахождение. Если корабль поддается

управлению, просим вернуться на базу. Грегори Пауэлл! Майкл Донован!..

Эти слова с механической размеренностью повторялись снова и снова, разделенные неизменными четкими паузами.

— Откуда это? — спросил Донован.

— Не знаю, — напряженно прошептал Пауэлл. — Откуда здесь свет? Откуда здесь все?

— Но как же нам отвечать?

Они переговаривались во время пауз, разделявших гулкие повторяющиеся призывы.

Стены были голы — настолько, насколько может быть голой гладкая, ничем не прерываемая, плавно изгибающаяся металлическая поверхность.

— Покричим в ответ, — предложил Пауэлл.

Так они и сделали. Они кричали сначала по очереди, потом хором:

— Местонахождение неизвестно! Корабль не управляется! Положение отчаянное!

Они охрипли. Короткие деловые фразы начали перемежаться воплями и бранью, а холодный, зловещий голос неустанно продолжал, и продолжал, и продолжал свои призывы.

— Они нас не слышат, — задыхаясь, проговорил Донован. — Здесь нет передатчика. Только

приемник.

Невидящими глазами он уставился на стену.

Медленно, постепенно гулкий голос становился все тише и глуше. Когда он превратился в шепот, они снова принялись кричать и попробовали еще раз, когда наступила полная тишина.

Минут пятнадцать спустя Пауэлл без всякого выражения сказал:

— Пойдем, пройдемся по кораблю еще раз. Должна же здесь быть какая-нибудь еда.

В его голосе не слышалось никакой надежды. Он был готов признать свое поражение.

Они вышли в коридор; один стал осматривать помещения по левую сторону, другой — по правую. Они слышали гулкие шаги друг друга и время от времени встречались в коридоре, обменивались свирепыми взглядами и вновь пускались на поиски.

Неожиданно Пауэлл нашел то, что искал. В тот же момент до него донесся радостный возглас Донована:

— Эй, Грег! Здесь есть все удобства! Как это мы их не заметили?

Минут через пять Донован, поплутав немного, разыскал Пауэлла.

— Душ пока не отыскался... — начал он и осек-

ся. — Еда!

Часть стены, скользнув вниз, открыла проем неправильной формы с двумя полками. Верхняя была уставлена разнообразными жестянками без этикеток. Эмалированные банки на нижней полке были одинаковыми, и Донован почувствовал, как по ногам потянуло холодком. Нижняя полка охлаждалась.

— Как?.. Как?..

— Раньше этого не было, — коротко ответил Пауэлл. — Эта часть стены отодвинулась, как только я вошел.

Он уже ел. Жестянка оказалась самоподогревающейся, с ложкой внутри, и в помещении уютно запахло печеными бобами.

— Бери-ка банку, Майк!

Донован заколебался.

— А что в меню?

— Почем я знаю? Ты стал очень разборчив?

— Нет, но в полетах я только и ем, что бобы. Мне бы что-нибудь другое.

Он провел рукой по рядам банок и выбрал сверкающую плоскую овальную жестянку, в каких упаковывают лососину и другие деликатесы. Он нажал на крышку, и она открылась.

— Бобы! — взвыл Донован и потянулся за но-

вой. Пауэлл ухватил его за штаны.

— Лучше съешь эту, сынок. Запасы ограничены, а мы можем пробыть здесь очень долго.

Донован нехотя отошел от полок.

— И больше ничего нет? Одни бобы?

— Возможно.

— А что на нижней полке?

— Молоко.

— Только молоко? — возмутился Донован.

— Похоже.

В ледяном молчании они пообедали бобами и молоком, а когда они направились к двери, панель скользнула на место, и стена снова стала сплошной.

Пауэлл вздохнул.

— Все делается автоматически. От сих и до сих. Никогда еще не чувствовал себя таким беспомощным. Где, говоришь, твои удобства?

— Вон там. И их тоже не было, когда мы смотрели в первый раз.

Через пятнадцать минут они уже снова сидели в своих креслах в кающе с иллюминатором и мрачно глядели друг на друга.

Пауэлл угрюмо покосился на единственный циферблат. Там по-прежнему было написано «Парсеки», цифры все еще кончались на 1 000

000, а стрелка все так же неподвижно стояла на нулевом делении.

* * *

В святая святых «Ю.С. Роботс энд мекэникл мэн, инкорпорэйтед» Альфред Лэннинг устало промолвил:

— Они не отвечают. Мы перебрали все волны, все диапазоны — и широковещательные и частные, передавали и кодом и открытым текстом и даже попробовали эти субэфирные новинки. А Мозг все еще ничего не говорит?

Этот вопрос был обращен к доктору Кэлвин.

— Он не хочет говорить подробнее на эту тему, Альфред, — отрезала она. — Он утверждает, что они нас слышат... а когда я пытаюсь настаивать, он начинает... ну, упрямиться, что ли. А этого не должно быть. Упрямый робот? Невозможно.

— Скажите, чего вы все-таки добились, Сьюзен, — попросил Богерт.

— Пожалуйста! Он признался, что сам полностью управляет кораблем. Он не сомневается, что они останутся целы и невредимы, но подробнее говорить не хочет. Настаивать я не решаюсь. Тем не менее все эти отклонения как будто сосредоточиваются вокруг идеи межзвездного прыжка.

Мозг определенно засмеялся, когда я коснулась этого вопроса. Есть и другие признаки ненормальности, но это наиболее явный.

Поглядев на остальных, она добавила:

— Я имею в виду истерию. Я тут же заговорила о другом и надеюсь, что не успела ничему повредить, но это дало мне ключ. С истерией я справлюсь. Дайте мне двенадцать часов! Если я смогу привести его в норму, он вернет корабль.

Богерт вдруг побледнел.

— Межзвездный прыжок?

— В чем дело? — одновременно воскликнули Кэлвин и Лэннинг.

— Расчеты двигателя, которые выдал Мозг… Погодите… Мне кое-что пришло в голову.

Он выбежал из комнаты. Лэннинг поглядел ему вслед и отрывисто сказал:

— Займитесь своим делом, Сьюзен.

Два часа спустя Богерт возбужденно говорил:

— Уверяю вас, Лэннинг, дело именно в этом. Межзвездный прыжок не может быть мгновенным — ведь скорость света конечна. В искривленном пространстве не может существовать жизнь… Не могут существовать ни вещество, ни энергия как таковые. Я не знаю, какую форму это может принять, но дело именно в этом. Вот что

убило робота «Консолидэйтед»!

* * *

Донован выглядел измученным, да и чувствовал себя так же.

— Всего пять дней?

— Всего пять дней. Я уверен, что не ошибаюсь.

Донован в отчаянии огляделся. Сквозь стекло были видны звезды — знакомые, но бесконечно равнодушные. От стен веяло холодом; лампы, только что вновь ярко вспыхнувшие, светили ослепительно и безжалостно; стрелка на циферблате упрямо показывала на нуль, а во рту Донован ощущал явственный вкус бобов. Он сказал злобно:

— Мне нужно помыться.

Пауэлл взглянул на него и ответил:

— Мне тоже. Можешь не стесняться. Но если только ты не хочешь купаться в молоке и остаться без питья…

— Нам все равно придется скоро остаться без него. Грег, когда начнется этот межзвездный прыжок?

— А я почем знаю? Может быть, мы так и будем лететь. Со временем мы достигнем цели. Не мы — так наши рассыпавшиеся скелеты. Но ведь,

собственно говоря, возможность нашей смерти и заставила Мозг свихнуться.

Донован сказал не оборачиваясь:

— Грег, я вот о чем подумал. Дело плохо. Нам нечем себя занять — ходи взад-вперед или разговаривай сам с собой. Ты слышал про то, как ребята терпели аварии в полете? Они сходили с ума куда раньше, чем умирали с голоду. Не знаю, Грег, но с того времени, как снова загорелся свет, со мной творится что-то неладное.

Наступило молчание, потом послышался тихий голос Пауэлла:

— Со мной тоже. Ты что чувствуешь?

Рыжая голова повернулась.

— Что-то неладно внутри. Все напряглось и как будто что-то колотится. Трудно дышать. Я не могу стоять спокойно.

— Гм-м… А вибрацию чувствуешь?

— Какую вибрацию?

— Сядь на минуту и послушай. Ее не слышишь, а чувствуешь — как будто что-то бьется где-то, и весь корабль, и ты вместе с ним. Слушай…

— Да, правильно. Что это, как ты думаешь, Грег? Может быть, дело в нас самих?

— Возможно. — Пауэлл медленно провел рукой по усам. — А может быть, это двигатели корабля.

Возможно, они готовятся.

— К чему?

— К межзвездному прыжку. Может быть, он скоро начнется, и черт его знает, что это будет.

Донован задумался. Потом сказал гневно:

— Если так, то пусть. Но хоть бы мы могли бороться! Унизительно ждать этого.

Примерно через час Пауэлл поглядел на свою руку, лежавшую на металлическом подлокотнике кресла, и с ледяным спокойствием произнес:

— Дотронься до стены, Майк.

Донован приложил ладонь к стене и ответил:

— Она дрожит, Грег.

Даже звезды как будто превратились в туманные пятнышки. Где-то за стенами, казалось, набирала силу гигантская машина, накапливая все больше и больше энергии для могучего прыжка.

Это началось внезапно, с режущей боли. Пауэлл весь напрягся и судорожным движением привскочил в кресле. Он еще успел взглянуть на Донована, а потом у него в глазах потемнело, в ушах замер тонкий, всхлипывающий вопль товарища. Внутри него что-то, корчась, пыталось прорваться сквозь ледяной покров, который становился все толще и толще.

Что-то вырвалось и завертелось в искрах мерцающего света и боли. Упало…

…и завертелось…

…и понеслось вниз…

…в безмолвие!

Это была смерть!

Это был мир без движения и без ощущений. Мир тусклого, бесчувственного сознания — сознания тьмы, и безмолвия, и бесформенной борьбы.

И главное — сознания вечности.

От него остался лишь ничтожный белый клочок — его «я», закоченевшее и перепуганное…

Потом проникновенно зазвучали слова, раскатившиеся над ним морем громового гула:

— На вас плохо сидит ваш гроб? Почему бы не попробовать эластичные гробы фирмы «Трупа С.Кадавра»? Их научно разработанные формы соответствуют естественным изгибам тела и обогащены витамином В1. Пользуйтесь гробами Кадавра — они удобны. Помните — вы — будете — мертвы — долго — долго!..

Это был не совсем звук, но, что бы это ни было, оно замерло в отдалении, перейдя во вкрадчивый, раскатистый шепот.

Ничтожный белый клочок, который, возможно, когда-то был Пауэллом, тщетно цеплялся

за неощутимые тысячелетия, окружавшие его со всех сторон, и беспомощно свернулся, когда раздался пронзительный вопль ста миллионов призраков ста миллионов сопрано, который рос и усиливался:

— Мерзавец ты, как хорошо, что ты умрешь!

— Мерзавец ты, как хорошо, что ты умрешь!

— Мерзавец ты…

Вверх и вверх по сумасшедшей спиральной гамме поднялся этот вопль, перешел в душераздирающий ультразвук, вырвался за пределы слышимости «я», снова полез все выше и выше…

* * *

Белый клочок снова и снова сотрясала болезненная судорога. Потом он тихо напрягся…

Послышались обычные голоса — много голосов. Шумела толпа, крутящийся людской водоворот, который несся сквозь него, и мимо, и вокруг, несся сломя голову, роняя зыбкие обрывки слов:

— Куда тебя, приятель? Ты весь в дырках…

— В геенну, должно быть, но у меня…

— Я было добрался до рая, да ключник Святой Пит…

— Не-е-т, он у меня в кулаке. Делал я с ним всякие дела…

— Эй, Сэм, сюда!..

— Можешь замолвить словечко? Вельзевул говорит…

— Пошли, любезный бес? Меня ждет Са…

А над всем этим бухал все тот же раскатистый рев:

— СКОРЕЕ! СКОРЕЕ! СКОРЕЕ! Шевелись, не задерживайся очередь ждет. Приготовьте документы и не забудьте при выходе поставить печать у Петра. Не попадите к чужому входу. Огня хватит на всех. ЭЙ, ТЫ, ЭЙ, ТЫ ТАМ! ВСТАНЬ В ОЧЕРЕДЬ, А НЕ ТО…

Белый клочок, который когда-то был Пауэллом, робко пополз назад, пятясь от надвигавшегося крика, чувствуя, как в него больно тычет указующий перст. Все смешалось в радугу звуков, осыпавшую осколками измученный мозг.

* * *

Пауэлл снова сидел в кресле. Он чувствовал, что весь дрожит.

Донован открыл глаза — два выпученных шара, как будто облитых голубой глазурью.

— Грег, — всхлипнул он, — ты умирал?

— Я… чувствовал, что умер.

Он не узнал своего охрипшего голоса. Донован

сделал попытку встать, но она не увенчалась успехом.

— А сейчас мы живы? Или будет еще?

— Я… чувствую, что жив.

Пауэлл все еще хрипел. Он осторожно спросил:

— Ты… что-нибудь слышал, когда… когда был мертв?

Донован помолчал, потом медленно кивнул.

— А ты?

— Да. Ты слышал про гробы… и женское пение… и как шла очередь в ад? Слышал?

Донован покачал головой.

— Только один голос.

— Громкий?

— Нет. Тихий, но такой шершавый, как напильником по кончикам пальцев. Это была проповедь. Про геенну огненную. Он рассказывал о муках… ну, ты знаешь. Я как-то слышал такую проповедь, почти такую.

Он был весь мокрый от пота.

Они осознали, что сквозь иллюминатор проникает солнечный свет — слабый, но бело-голубой — и исходит он от далекой сверкающей горошинки, которая не была родным Солнцем.

А Пауэлл дрожащим пальцем показал на единственный циферблат. Стрелка неподвижно и

гордо стояла у деления, где было написано: «300 000 парсеков».

— Майк, — сказал Пауэлл, — если это правда, то мы вообще за пределами Галактики.

— Черт! — ответил Донован. — Значит, мы первыми вышли за пределы Солнечной системы, Грег!

— Да, именно! Мы улетели от Солнца. Мы вырвались за пределы Галактики. Майк, этот корабль решает проблему! Это свобода для всего человечества — свобода переселиться на любую звезду, на миллионы, и миллиарды, и триллионы звезд!

И тут он тяжело упал в кресло.

— Но как же мы вернемся, Майк?

Донован неуверенно улыбнулся.

— Ерунда! Корабль привез нас сюда, корабль отвезет нас обратно. А я, пожалуй, съел бы бобов.

— Но, Майк… постой. Если он отвезет нас обратно тем же способом, что и привез сюда…

Донован, не успев подняться, снова рухнул в кресло. Пауэлл продолжал:

— Нам придется… снова умирать, Майк.

— Что же, — вздохнул Донован. — Придется так придется. По крайней мере это не навечно. Не очень навечно…

* * *

Теперь Сьюзен Кэлвин говорила медленно. Уже шесть часов она медленно допрашивала Мозг — шесть бесплодных часов. Она устала от этих повторений, от этих обиняков, устала от всего.

— Так вот, Мозг, еще один вопрос. Ты должен особенно постараться и ответить на него просто. Ты ясно представлял себе этот межзвездный прыжок? Очень далеко он их заведет?

— Куда они захотят, мисс Сьюзен. С искривлением пространства это не фокус, честное слово.

— А по ту сторону что они увидят?

— Звезды и все остальное. А вы что думали?

И неожиданно для себя она спросила:

— Значит, они будут живы?

— Конечно!

— И межзвездный прыжок им не повредит?

Она замерла. Мозг молчал. Вот оно! Она коснулась больного места.

— Мозг! — тихо взмолилась она. — Мозг, ты меня слышишь?

Раздался слабый, дрожащий голос Мозга:

— Я должен отвечать? Насчет прыжка?

— Нет, если тебе не хочется. Конечно, это было бы интересно… Но только если тебе хочется.

Сьюзен Кэлвин старалась говорить как можно веселее.

— Ну-у-у… Вы все мне испортили.

Она внезапно вскочила — ее озарила догадка.

— О боже! — У нее перехватило дыхание. — Боже!

Она почувствовала, как все напряжение этих часов и дней мгновенно разрядилось.

Позже она сказала Лэннингу:

— Уверяю вас, все хорошо. Нет, сейчас оставьте меня в покое. Корабль вернется, и вместе с людьми, а я хочу отдохнуть. Я должна отдохнуть. Теперь уйдите.

* * *

Корабль вернулся на Землю так же тихо и плавно, как и взлетел. Он сел точно на прежнее место. Открылся главный люк, и из него осторожно вышли двое, потирая заросшие густой щетиной подбородки.

И рыжий медленно встал на колени и звонко поцеловал бетонную дорожку.

Они еле отделались от собравшейся толпы и от двух ретивых санитаров, которые выскочили с носилками из подлетевшей санитарной машины.

Грегори Пауэлл спросил:

— Где тут ближайший душ?

Их увели.

Потом все собрались вокруг стола. Здесь был весь цвет «Ю.С. Роботс энд мекэникл мэн, инкорпорэйтед».

Пауэлл и Донован кончили свой краткий, но захватывающий рассказ.

Наступившее молчание прервала Сьюзен Кэлвин. За прошедшие несколько дней к ней вернулось обычное ледяное, несколько ядовитое спокойствие — и все-таки она казалась немного смущенной.

— Строго говоря, — сказала она, — во всем виновата я. Когда мы впервые поставили эту задачу перед Мозгом, я, как кое-кто из вас, надеюсь, помнит, всячески старалась внушить ему, чтобы он выдал обратно ту часть информации, которая способна создать дилемму. При этом я сказала ему примерно такую фразу: «Пусть тебя не волнует гибель людей. Для нас это вовсе не важно. Просто выдай карточку обратно и забудь о ней».

— Гм, — произнес Лэннинг. — Ну и что же произошло?

— Самые очевидные вещи. Когда эта информация вошла в его расчеты и он вывел уравнение,

определявшее минимальный промежуток времени, необходимый для межзвездного прыжка, стало ясно, что для людей это означает смерть. Тут-то и сломалась машина «Консолидэйтед». Но я добилась того, что гибель человека представлялась Мозгу не такой уж существенной — не то чтобы допустимой, потому что Первый закон нарушен быть не может, — но достаточно неважной, так что Мозг успел еще раз оценить это уравнение. И понять, что после этого интервала люди вернутся к жизни — точно так же как возобновится существование вещества и энергии самого корабля. Другими словами, эта так называемая «смерть» оказалась сугубо временным явлением. Понимаете?

Она огляделась. Все внимательно слушали.

— Поэтому он принял эту информацию, — продолжала она, — хотя и не совсем безболезненно. Несмотря на то что смерть должна была быть временной, несмотря на то что она представлялась не очень существенной, все же этого было достаточно, чтобы слегка вывести его из равновесия.

Она спокойно закончила:

— У него появилось чувство юмора — видите ли, это тоже выход из положения, один из путей частичного бегства от действительности. Мозг

сделался шутником.

Пауэлл и Донован вскочили на ноги.

— Что?! — воскликнул Пауэлл.

Донован выразился гораздо цветистее.

— Да, это так, — ответила Кэлвин. — Он заботился о вас, обеспечил вашу безопасность, но вы не могли ничем управлять, потому что управление предназначалось не для вас, а для расшалившегося Мозга. Мы смогли связаться с вами по радио, но вы не могли ответить. У вас было достаточно пищи, но это были только бобы и молоко. Потом вы, так сказать, умерли и воскресли, но эта ваша временная смерть была сделана… ну… не скучной. Хотела бы я знать, как это ему удалось. Это была коронная шуточка Мозга, но намерения у него были добрые.

— Добрые! — задыхаясь, прохрипел Донован. — Ну, будь у этого милого шутника шея…

Лэннинг предостерегающе поднял руку, и Донован умолк.

— Ну, хорошо, это было неприятно, но все позади. Что мы делаем дальше?

— Что ж, — спокойно произнес Богерт, — очевидно, нам предстоит усовершенствовать двигатель для искривления пространства. Наверняка есть какой-нибудь способ обойти этот

интервал, необходимый для прыжка. Если такой способ существует, мы его найдем — ведь только у нас имеется грандиозный суперробот. А там — межзвездные полеты окажутся в руках «Ю.С. Роботс», а человечество получит возможность покорить Галактику.

— А как же «Консолидэйтед»? — спросил Лэннинг.

— Эй, — внезапно прервал его Донован. — У меня есть предложение. Они устроили «Ю.С. Роботс» порядочную пакость. Хоть все кончилось не так плохо, как они рассчитывали, и даже хорошо, но намерения у них были самые черные. А больше всего досталось нам с Грегом. Так вот, они хотели получить ответ, и они его получат. Перешлите им этот корабль с гарантией, и «Ю.С. Роботс» получит свои двести тысяч плюс стоимость постройки. А в случае если они захотят его испытать… Что, если позволить Мозгу еще немного пошалить, прежде чем отрегулировать его?

— Мне кажется, это честно и справедливо, — невозмутимо сказал Лэннинг.

А Богерт рассеянно добавил:

— И строго отвечает условиям контракта…

РОБОТ ЭЛ-76 ПОПАДАЕТ НЕ ТУДА (Перевод А. Иорданского)

Озабоченно щуря глаза за стеклами очков без оправы, Джонатан Куэлл распахнул дверь, на которой было написано «Управляющий». Он швырнул на стол сложенную бумажку и, задыхаясь, произнес:

— Взгляните-ка, шеф!

Сэм Тоб перекатил сигару из одного угла рта в другой, взглянул на бумажку и потер рукой небритый подбородок.

— Какого черта! — взорвался он. — Что они такое болтают?

— Они доказывают, что мы выслали пять роботов серии ЭЛ, — объяснил Куэлл, хотя в этом не было никакой необходимости.

— Мы послали шесть! — сказал Тоб.

— Конечно, шесть! Но они получили только пять. Они передали их номера — не хватает ЭЛ-76.

Стул Тоба отлетел к стене, и тучный управляющий унесся за дверь, как будто на хорошо смазанных колесах. А пять часов спустя, когда

весь завод, от сборочной до вакуумных камер, был уже перевернут вверх дном, когда все двести рабочих до единого были уже подвергнуты допросу с пристрастием, взмокший, растрепанный Тоб послал срочную телеграмму на центральный завод в Скенектади.

Тогда и там началась паника. Дело было не только в том, что закон строго запрещал любому роботу находиться на Земле за пределами заводов корпорации, имеющих специальную лицензию. Закон всегда можно было обойти. Точнее всего ситуацию определил один математик из исследовательского отдела. Он сказал:

— Этот робот спроектирован для работ с «Дезинто» на Луне. Его позитронный мозг рассчитан на лунные, и только лунные, условия. На Земле он подвергнется воздействию миллионов сенсорных раздражителей, к которым совершенно не подготовлен. Предсказать его реакцию невозможно. Совершенно невозможно!

И математик вытер рукой внезапно вспотевший лоб.

Не прошло и часа, как на завод в Виргинию вылетел стратоплан. Указания были несложными:

— Разыскать этого робота, не теряя ни минуты!

* * *

ЭЛ-76 был в полной растерянности. Более того, его сложный позитронный мозг сознавал только одно: он в растерянности. Это началось в тот момент, когда он оказался в незнакомой обстановке. А как это произошло, он уже не знал. Все перепуталось.

Под ногами было что-то зеленое, кругом поднимались бурые столбы, тоже с зеленью наверху. Небо, которое должно быть черным, оказалось голубым. Солнце было таким, как полагалось, — круглым, желтым и горячим. Но где же пыльная, похожая на пемзу порода, которая должна быть под ногами? Где же огромные скалистые кольца кратеров?

Под ногами у него была одна только зелень, а над головой — голубое небо. Окружавшие его звуки тоже были незнакомыми. Он пересек поток воды, доходившей ему до пояса. Вода была голубая, холодная и мокрая. А люди, которые время от времени попадались ему на пути, были без скафандров, хотя им полагалось быть в скафандрах. Увидев его, они что-то кричали и убегали.

Один из них навел на него ружье — пуля просвистела над самой его головой — и тоже бросился

бежать.

Робот не имел ни малейшего представления, сколько времени он так бродил, пока в двух милях от городка Хэннафорда не наткнулся на хижину Рэндольфа Пэйна. Сам Рэндольф Пэйн с отверткой в одной руке и трубкой в другой сидел в дверях, зажав между коленями изувеченные останки пылесоса.

Пэйн что-то напевал себе под нос, потому что был человеком веселым и беспечным, во всяком случае, пока находился в этой хижине. У него было и более респектабельное жилище в Хэннафорде, но это жилище заполонила в основном его жена, о чем он про себя искренне сожалел. Вот почему он чувствовал такое облегчение и такую свободу, когда ему удавалось выбраться в свою «личную конуру-люкс», где он мог, мирно покуривая, предаваться любимому занятию — починке бытовых приборов, давно отслуживших свой срок.

Это было не бог весть какое развлечение, но порой кто-нибудь приносил ему приемник или будильник, и деньги, которые Пэйн получал за то, что перетряхивал их внутренности, поступали в его бесконтрольное распоряжение, а не проходили через скаредные руки его супруги,

пропускавшие лишь жалкие гроши.

Например, этот вот пылесос обещал верных шесть долларов.

При этой мысли Пэйн замурлыкал чуть громче, поднял взгляд — и его бросило в пот. Мурлыканье оборвалось, и глаза Пэйна полезли на лоб. Он попытался было встать, чтобы пуститься наутек, но ноги его не слушались.

ЭЛ-76 присел рядом с ним на корточки и спросил:

— Послушайте, почему все остальные убегали?

Пэйн прекрасно понимал, почему они убегали, но те нечленораздельные звуки, которые ему удалось издать, не внесли ясности в положение. Он попробовал отодвинуться от робота.

ЭЛ-76 продолжал обиженным тоном:

— Один из них даже выстрелил в меня. На дюйм левее — и он поцарапал бы мне облицовку на груди.

— Д-должно быть, п-псих, — заикаясь, пробормотал Пэйн.

— Возможно. — Голос робота зазвучал более доверительно. — Послушайте, почему вообще все не так, как должно быть?

Пэйн поспешно огляделся. Ему пришло в голову, что этот металлический гигант зверского

вида разговаривает весьма кротко. Кроме того, он как будто где-то слышал, что устройство мозга не позволяет роботам причинять вред человеку, и ему стало легче.

— Все так, как должно быть.

— Разве? — ЭЛ-76 неодобрительно посмотрел на него. — Вот вы, например. Где ваш скафандр?

— У меня его нет.

— Тогда почему вы не умерли?

— Ну… не знаю, — ответил ошарашенный Пэйн.

— Вот видите! — торжествующе сказал робот. — Я же говорю, что все не так, как должно быть. Где кратер Коперника? Где Лунная станция № 17? А где мой «Дезинто»? Я хочу приняться за работу, очень хочу. — Голос его дрожал от недоумения и обиды. — Я уже много часов ищу кого-нибудь, кто сказал бы мне, где мой «Дезинто», но все разбегаются. Я уже, наверное, отстал от графика, и начальник участка совсем взбесится. Ничего себе положение!

Пэйн медленно собрался с мыслями и произнес:

— Послушай, как тебя зовут?

— Мой номер ЭЛ-76.

— Ладно, сойдет и ЭЛ. Так вот, Эл, если тебе нуж-

на Лунная станция № 17, так это на Луне. Ясно?

ЭЛ-76 кивнул тяжелой головой.

— Ну, конечно. Но я же ее искал…

— Но она на Луне. А это не Луна.

Теперь пришла очередь робота растеряться. Он некоторое время задумчиво смотрел на Пэйна, а потом медленно произнес:

— То есть как это — не Луна? Конечно же, это Луна. Если это не Луна, то что же это тогда такое? А? Скажите-ка.

Пэйн издал какой-то невнятный звук и тяжело задышал. Он погрозил роботу пальцем:

— Послушай, — начал он, но тут его осенила величайшая идея века, и он закончил полупридушенным голосом: — Ух, ты!

ЭЛ-76 строго взглянул на него.

— Это не ответ. По-моему, я имею право на вежливый ответ, если задаю вежливый вопрос.

Но Пэйн не слушал. Он все еще поражался собственной находчивости. Конечно же, все ясно как день. Этот робот был построен для Луны, но каким-то образом заблудился на Земле. Немудрено, что он совсем запутался, потому что его позитронный мозг рассчитан исключительно на лунные условия и понять земную обстановку он не в состоянии.

Только бы задержать робота здесь, пока он не свяжется с заводом в Питерсборо! Ведь роботы стоят огромных денег. Не меньше 50 000 долларов, как он где-то слышал, а иногда и миллионы. Какое же можно получить вознаграждение!

Ты только подумай, Рэндольф Пэйн! И все, до последнего цента, — твои собственные деньги. А Миранде — ни единого ломаного медного гроша! Ни единого, черт возьми!

Тут ему наконец удалось встать на ноги.

— Эл, — сказал он. — Мы с тобой друзья. Приятели! Я люблю тебя, как брата.

Он протянул руку.

— Давай лапу!

Его рука утонула в металлической ладони робота, который осторожно пожал ее. Робот не совсем понимал, что происходит.

— Значит ли это, что вы скажете мне, как попасть на Лунную станцию № 17?

Пэйн был слегка озадачен.

— Н-нет, не совсем. В общем, ты мне так нравишься, что я хочу, чтобы ты на некоторое время остался здесь, со мной.

— О нет, я не могу. Я должен приняться за работу. — Он угрюмо добавил: — Представьте себе, что это вы час за часом, минута за минутой не

выполняете норму! Я хочу работать. Я должен работать!

Пэйн с легким отвращением подумал, что вкусы бывают разные, и сказал:

— Ладно, тогда я тебе кое-что объясню. Я вижу, что ты неглуп. Твой начальник участка приказал мне задержать тебя здесь на некоторое время. В общем, пока он за тобой не пришлет.

— Зачем? — подозрительно спросил ЭЛ-76.

— Сам не знаю. Это государственная тайна.

«Господи, только бы он поверил!» — мысленно взывал Пэйн. Он знал, что роботы чертовски умны, но этот смахивал на раннюю модель.

А пока он молился, ЭЛ-76 обдумывал положение. Его мозг, предназначенный для работы с «Дезинто» на Луне, не слишком годился для абстрактных размышлений. Впрочем, ЭЛ-76 обнаружил, что с тех пор, как он заблудился, его мыслительные процессы протекают как-то странно. На него явно подействовала чуждая обстановка.

Во всяком случае, его следующие слова свидетельствовали об известной проницательности. Он спросил лукаво:

— А как зовут моего начальника участка?

Пэйн поперхнулся, но быстро нашелся и отве-

тил обиженно:

— Эл, и тебе не стыдно? Я же не могу сказать тебе, как его зовут. У деревьев бывают уши.

ЭЛ-76 невозмутимо осмотрел соседнее дерево и возразил:

— У них нет ушей.

— Знаю. Я хотел сказать, здесь могут быть шпионы.

— Шпионы?

— Ну да. Знаешь, такие нехорошие люди, которые хотят уничтожить Лунную станцию № 17.

— Зачем?

— Потому что они нехорошие. И они хотят уничтожить тебя тоже, и вот почему тебе нужно на некоторое время остаться здесь — чтобы они тебя не нашли.

— Но… но мне нужен «Дезинто». Я не должен отставать от графика.

— Будет тебе «Дезинто». Будет, — лихорадочно пообещал Пэйн, так же лихорадочно проклиная про себя устройство робота, который способен носиться только с одной-единственной идеей. — Завтра сюда пришлют «Дезинто». Да, завтра.

А до этого времени сюда уже явятся люди с завода, и он получит заветные охапки зеленых стодолларовых бумажек.

Но под раздражающим воздействием незнакомого мира робот ЭЛ-76 становился все более упрямым.

— Нет, — ответил он. — «Дезинто» нужен мне сейчас же.

Расправив свои металлические суставы, он встал.

— Я лучше пойду еще его поищу.

Пэйн бросился за ним и вцепился в холодный, жесткий локоть.

— Послушай! — закричал он. — Ты должен остаться!..

Тут в мозгу робота что-то щелкнуло.

Все необычное, окружавшее его, собралось в одну точку, его мозг осветился яркой вспышкой и заработал с необычайной эффективностью. Робот энергично повернулся к Пэйну:

— Вот что! Я могу построить «Дезинто» прямо здесь — и тогда я смогу с ним работать.

Пэйн неуверенно помолчал.

— Не думаю, чтобы я смог его построить.

Притворяться, что он умеет строить какие-то неведомые «Дезинто», явно не стоило.

— Неважно. — ЭЛ-76 почти ощущал, как позитронные связи в его мозгу перестраиваются по-новому, и испытывал успокоительное возбуж-

дение. — Я сам могу построить «Дезинто».

Он заглянул в конуру-люкс и сказал:

— У вас здесь есть все, что мне нужно.

Рэндольф Пэйн окинул взглядом хлам, которым была завалена его хижина: выпотрошенные радиоприемники, холодильник без дверцы, ржавые автомобильные двигатели, сломанная газовая плита, несколько миль разлохмаченного провода — в общем тонн пятьдесят самого разнообразного железного лома, от которого с презрением отвернулся бы любой старьевщик.

— Разве? — слабым голосом спросил он.

Два часа спустя практически одновременно произошли два события. Во-первых, Сэму Тобу, управляющему филиалом «Ю.С. Роботс энд мекэникл мэн, инкорпорэйтед» в Питерсборо, позвонил по видеофону некий Рэндольф Пэйн из Хэннафорда. Дело касалось пропавшего робота. Тоб, издав утробное рычание, отключился и приказал, чтобы впредь все подобные звонки переадресовывали шестому помощнику вице-президента, ведающему дырками для пуговиц.

Его можно было понять. Всю последнюю неделю, хотя робот ЭЛ-76 бесследно исчез, на завод непрерывно поступали сообщения о его местонахождении, приходившие со всей страны. Порой

— по четырнадцать в день, причем из четырнадцати разных штатов.

Тоб был этим сыт по горло, не говоря уже о том, что он вообще дошел до исступления. Делом как будто намеревалась заняться комиссия Конгресса, хотя известнейшие специалисты по роботехнике и математической физике все до единого давали голову на отсечение, что робот совершенно безопасен.

Не удивительно, что управляющий только через три часа задумался над тем, а откуда Рэндольф Пэйн мог узнать, что робот предназначался для Лунной станции № 17? И вообще откуда он узнал, что номер робота ЭЛ-76? Эти подробности компания никому не сообщала.

Минуты полторы он размышлял, а потом взялся за дело.

Однако за те три часа, которые прошли со времени звонка Пэйна, успело произойти второе событие. Рэндольф Пэйн, который совершенно правильно истолковал нежелание управляющего продолжать разговор как признак общего недоверия к своим словам, вернулся в хижину с фотоаппаратом. Пусть-ка попробуют не поверить фотографии! Ну, а оригинал он им черта с два покажет, пока они не выложат денежки на бочку.

Все это время ЭЛ-76 занимался своим делом. Половина содержимого хижины Пэйна была разбросана на пространстве примерно в два акра, а посередине сидел на корточках робот, возясь с радиолампами, кусками железа, медной проволокой и прочим хламом. Он не обратил никакого внимания на Пэйна, который, распластавшись на животе, готовился сделать прекрасный снимок.

Именно в этот момент из-за поворота дороги вышел Лемюэл Оливер Купер и замер на месте, потрясенный открывшейся перед ним картиной. Пришел он сюда потому, что захандривший электрический тостер усвоил дурную привычку швыряться ломтиками хлеба, не потрудившись их поджарить. Удалился же Купер отсюда по куда более очевидной причине. Сюда он шел не спеша, в самом приятном, весеннем расположении духа. Обратно он устремился с такой скоростью, что любой тренер университетской легкоатлетической команды, увидев его, только широко раскрыл бы глаза и одобрительно причмокнул губами.

Не снижая скорости, Купер — уже без шляпы и тостера — ворвался в кабинет шерифа Сондерса и остановился, только налетев на стену. Дружеские руки подняли его, и в течение тридцати секунд он

пытался что-то сказать, разумеется безуспешно, так как не успел еще отдышаться. Его поили виски, его обмахивали платком, и, когда он наконец заговорил, получилось примерно следующее: «Чудовище… семь футов росту… раскидало всю хижину… бедный Рэнни Пэйн…» — и так далее.

Постепенно удалось выяснить и подробности: что у хижины Рэндольфа Пэйна сидело огромное металлическое чудовище ростом футов семь, а может быть, и все восемь или девять; что сам Рэндольф Пэйн лежал ничком и весь в крови, бедняга, изувеченный до неузнаваемости; что чудовище усердно разносило в клочья хижину, удовлетворяя свою страсть к разрушению; что оно бросилось на Лемюэла Оливера Купера и ему, Куперу, еле удалось ускользнуть из его лап.

Шериф Сондерс затянул потуже пояс, охватывавший его обширную талию, и сказал:

— Это тот самый механический человек, который удрал с завода в Питерсборо. Нас об этом предупреждали в прошлую субботу. Эй, Джейк, нацепи-ка на каждого хэннафордца, если только он умеет стрелять, по значку помощника шерифа. И чтоб в полдень они были тут! Да, вот что, Джейк, сначала загляни к вдове Пэйн и намекни ей о несчастье, только поосторожнее!

Говорят, что Миранда Пэйн, узнав о случившемся, помедлила лишь минуту, чтобы проверить, на месте ли страховой полис ее «покойного» мужа, и выразить в двух словах свое мнение о поразительной глупости, помешавшей ему застраховаться на вдвое большую сумму, — и тут же испустила такой душераздирающий, горестный вопль, какой сделал бы честь любой самой респектабельной вдове.

* * *

Несколько часов спустя Рэндольф Пэйн, ничего не зная о постигших его тяжких увечьях и ужасной смерти, с удовлетворением разглядывал только что проявленные негативы. Трудно было бы представить более исчерпывающую серию изображений трудящегося робота. Так и напрашивались названия: «Робот, задумчиво разглядывающий радиолампу», «Робот, сращивающий два провода», «Робот, размахивающий отверткой», «Робот, разносящий вдребезги холодильник» и так далее.

Оставался пустяк — напечатать фотографии, и Пэйн вышел из-за занавески, которая отгораживала импровизированную темную комнату, чтобы покурить и поболтать с роботом.

При этом он пребывал в блаженном неведении того, что окружающие леса кишат перепуганными фермерами, вооруженными чем попало, начиная от старинного мушкета — реликвии колониальных времен — и кончая ручным пулеметом самого шерифа. Не подозревал он и о том, что полдюжины роботехников во главе с Сэмом Тобом в этот момент мчатся по шоссе из Питерсборо, делая больше ста двадцати миль в час, только для того, чтобы иметь удовольствие познакомиться с ним.

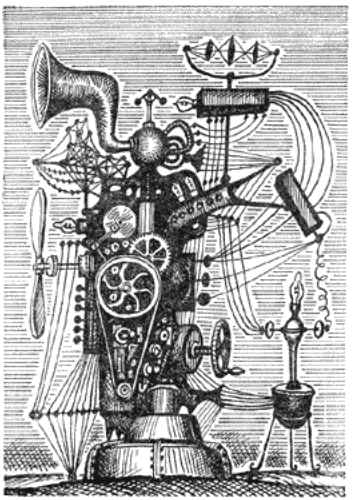
И вот, пока приближалась развязка, Рэндольф Пэйн удовлетворенно вздохнул, чиркнул спичку о сиденье своих штанов, задымил трубкой и со снисходительной усмешкой поглядел на робота ЭЛ-76.

Уже довольно давно стало ясно, что робот основательно свихнулся. Рэндольф Пэйн понимал толк в самодельных приспособлениях, так как и сам соорудил на своем веку несколько аппаратов, от которых шарахнулась бы даже самая флегматичная лошадь, но ему никогда и не снилось ничего похожего на то чудовищное сооружение, которое состряпал ЭЛ-76.

Если бы Руб Голдберг был еще жив, он умер бы от зависти; Пикассо бросил бы живопись,

почувствовав, что его превзошли — и как превзошли! А если бы в радиусе полумили отсюда оказалась корова, то в этот вечер она доилась бы простоквашей.

Да, это было нечто жуткое!



Над массивным основанием из ржавого железа (Пэйн припомнил, что когда-то оно было частью подержанного трактора) вкривь и вкось поднималась поразительная путаница проводов, колес, ламп и неописуемых ужасов — без числа и названия. Все это завершалось наверху чем-то

вроде раструба самого зловещего вида.

Пэйну захотелось было заглянуть в раструб, но он воздержался. Ему доводилось видеть, как внезапно взрывались куда более приличные на вид машины.

Он сказал:

— Послушай-ка, Эл!

Робот лежал на животе, прилаживая на место тонкую металлическую полоску. Он поднял голову.

— Что вам нужно, Пэйн?

— Что это такое?

Таким тоном мог бы задать подобный вопрос человек, глядя на полуразложившуюся гнусную падаль, которую он брезгливо держал бы на кончике трехметрового шеста.

— Это «Дезинто», который я строю, чтобы приступить к работе. Усовершенствованная модель.

Робот встал, с лязгом почистил стальные колени и с гордостью взглянул на свое сооружение.

Пэйн содрогнулся. Усовершенствованная модель! Немудрено, что оригинал прячут в лунных пещерах. Бедный спутник Земли! Бедный безжизненный спутник! Пэйну давно хотелось узнать, какая судьба может быть хуже смерти. Теперь он это понял.

— А работать эта штука будет? — спросил он.

— Конечно.

— Откуда ты знаешь?

— А как же иначе! Ведь я его построил, разве нет? Мне нужна еще только одна деталь. Есть у вас фонарик?

— По-моему, где-то есть.

Пэйн исчез в хижине и тут же вернулся.

Робот отвинтил крышку фонарика и снова принялся за работу. Через пять минут он кончил, отступил на несколько шагов и произнес:

— Готово. Теперь я принимаюсь за работу. Можете смотреть, если хотите.

Наступила пауза, пока Пэйн пытался по достоинству оценить столь великодушное предложение.

— А это не опасно?

— С ним управится и ребенок.

— А! — Пэйн криво улыбнулся и спрятался за самое толстое дерево из всех, что были поблизости. — Валяй, — сказал он. — Я в тебя верю.

ЭЛ-76 указал на кошмарную груду лома и произнес:

— Смотрите!

Потом его руки пришли в движение…

* * *

Бравые фермеры графства Хэннафорд, штат Виргиния, медленно стягивали кольцо вокруг хижины Пэйна. Они крались от дерева к дереву, а кровь героических предков колониальных времен играла в их жилах и по спинам ползли мурашки.

Шериф Сондерс передал по цепи приказ:

— Стрелять по моему сигналу — и целить в глаза.

К нему подошел Джекоб Линкер, Тощий Джейк, как называли его друзья, и помощник шерифа, как именовал себя он сам.

— А ну как этот механический человек смылся?

Как он ни старался, в его голосе прозвучала тихая надежда.

— Почём я знаю, — проворчал шериф. — Да навряд ли. Мы бы тогда наткнулись на него в лесу, а так он нам не попадался.

— Уж очень что-то тихо, а до хижины вроде бы рукой подать.

Джейк мог бы и не упоминать об этом — в горле шерифа Сондерса давно стоял такой большой комок, что глотать его пришлось в три приема.

— Вернись на место, — приказал он. — И держи палец на спусковом крючке.

Они уже подошли к самой поляне, и шериф Сондерс выглянул из-за дерева одним уголком плотно зажмуренного глаза. Ничего не увидев, он подождал, потом попробовал снова, на этот раз открыв глаза.

Эта попытка, естественно, оказалась более успешной.

Он увидел следующее: какой-то громадный механический человек, стоя спиной к нему, склонялся над каким-то леденящим душу корявым устройством неясного происхождения и еще более неясного назначения. Таким образом, шериф не заметил только дрожащую фигуру Рэндольфа Пэйна, который нежно обнимал узловатый ствол всего за три дерева от него к северо-северо-западу.

Шериф Сондерс выступил вперед и поднял свой ручной пулемет. Робот, по-прежнему стоявший к нему широкой металлической спиной, произнес громким голосом, обращаясь к неизвестному лицу (или лицам):

— Смотрите!

И в тот момент, когда шериф раскрыл было рот, чтобы дать сигнал открыть огонь, металлические

пальцы нажали кнопку.

* * *

Точного описания того, что произошло вслед за этим, не существует, несмотря на присутствие семидесяти очевидцев. Все последовавшие затем дни, месяцы и годы ни один из этих семидесяти ни разу не обмолвился ни словом о тех нескольких секундах, которые промелькнули непосредственно после того, как шериф раскрыл рот, чтобы скомандовать: «Огонь!» Когда же их начинали расспрашивать, они просто зеленели и, пошатываясь, уходили прочь.

Однако есть основания полагать, что в общих чертах произошло следующее.

Шериф Сондерс раскрыл рот. ЭЛ-76 нажал кнопку. «Дезинто» сработал — и семьдесят пять деревьев, два сеновала, трех коров и верхние три четверти холма Утиный Клюв как будто ветром сдуло. Так сказать, — туда, где прошлогодний снег.

После этого рот шерифа Сондерса в течение неопределенного промежутка времени оставался открытым, но не издал ни команды открыть огонь, ни какого бы то ни было иного звука. А потом…

А потом засвистел разрезаемый воздух, послышался треск и шорох многих тел, мчавшихся сквозь кусты, и лес прочертила серия лиловых молний, разлетавшихся во все стороны от хижины Рэндольфа Пэйна. От участников облавы не осталось и следа.

В окрестностях поляны валялось огнестрельное оружие самых разнообразных систем, в том числе патентованный, никелированный, сверхскорострельный, безотказный ручной пулемет шерифа. Вперемежку с оружием лежало около пятидесяти шляп, несколько недогрызенных сигар и всякие мелочи, оброненные в суматохе. Но люди исчезли.

За исключением Тощего Джейка, ни об одном из этих людей ничего не было слышно в течение трех дней. Он же стал исключением только потому, что мчаться дальше со скоростью метеора ему помешала встреча с полудюжиной служащих завода в Питерсборо, которые тоже мчались с вполне приличной скоростью, но только не из леса, а в лес.

Тощего Джейка остановил Сэм Тоб, искусно подставив на его пути свой живот. Как только к Сэму вернулось дыхание, он спросил:

— Где живет Рэндольф Пэйн?

Остекленевшие глаза Тощего Джейка на мгновение прояснились.

— Друг! — ответил он. — В противоположном направлении.

И тут же чудесным образом исчез. У самого горизонта между деревьями виднелась все уменьшавшаяся точка, и возможно, что это был Джейк, но Сэм Тоб не решился бы утверждать это под присягой.

Вот и все про облаву; но остается еще Рэндольф Пэйн, на которого события подействовали несколько иначе.

Рэндольф Пэйн абсолютно не помнил, что произошло за тот пятисекундный промежуток времени, который последовал за нажатием кнопки и исчезновением холма Утиный Клюв. Только что он глядел сквозь кусты на поляну, спрятавшись за деревом, и вот уже болтался на его верхней ветви. Тот же самый импульс, который разогнал облаву по горизонтали, заставил его устремиться по вертикали.

Что касается того, как он ухитрился преодолеть сорок пять метров, отделявших подножие дерева от верхушки, — влез он, или прыгнул, или взлетел — этого он не знал, да и знать не хотел.

Знал он одно: робот, временно находившийся

в его владении, уничтожил чужую собственность. Мечты о вознаграждении испарились, сменившись кошмарными видениями, в которых фигурировали возмущенные сограждане, разъяренные толпы линчевателей, судебные иски, арест по обвинению в убийстве и тирады Миранды Пэйн. В основном — тирады Миранды Пэйн.

Он хрипло завопил:

— Эй, ты, робот, разбей эту штуку, слышишь? Разбей ее вдребезги! И забудь, что мы с тобой знакомы! Ты меня не знаешь, ясно? И чтобы ты никому ни слова об этом не говорил! Забудь, все забудь, слышишь?

Он не думал, что от его приказа будет какой-нибудь толк; просто ему надо было высказаться. Но он не знал, что робот всегда выполняет приказания человека, за исключением тех случаев, когда их выполнение связано с опасностью для другого человека.

Поэтому ЭЛ-76 принялся спокойно и методично разносить «Дезинто» вдребезги, превращая его в груду лома.

В тот самый момент, когда он дотаптывал последний кубический дюйм машины, на поляне появился Сэм Тоб со своей командой, а Рэндольф Пэйн, почувствовав, что пришли настоящие

хозяева робота, кубарем свалился с дерева и во все лопатки пустился наутек в неизвестном направлении.

Дожидаться вознаграждения он не стал.

* * *

Инженер-роботехник Остин Уайльд повернулся к Сэму Тобу и спросил:

— Вы чего-нибудь добились от робота?

Тоб покачал головой и басом прорычал:

— Ничего. Ни слова. Он забыл все, что произошло с того момента, как он ушел с завода. Должно быть, ему было приказано забыть — иначе он помнил бы хоть что-нибудь. С какой это кучей лома он возился?

— Вот именно — куча лома. Но ведь это, несомненно, был «Дезинто», который он разбил. Если бы мне попался тот человек, который приказал ему это сделать, он бы у меня умер в страшных мучениях. Вот, взгляните!

Они стояли на склоне бывшего холма Утиный Клюв, точнее говоря, на том месте, где склон обрывался, так как вершина холма была начисто срезана. Уайльд провел рукой по безукоризненно ровной поверхности.

— Какой «Дезинто»! — сказал он. — Сбрил холм

до самого основания!

— Почему он его построил?

Уайльд пожал плечами.

— Не знаю. Какой-то местный фактор — мы так и не узнаем какой — так подействовал на его позитронный мозг лунного образца, что он построил «Дезинто» из лома. У нас есть не больше одного шанса на миллион, что нам удастся когда-нибудь еще наткнуться на этот фактор, раз сам робот все забыл. У нас никогда не будет второго такого «Дезинто».

— Неважно. Главное, мы отыскали робота.

— Как бы не так, — с горечью возразил инженер. — Вы когда-нибудь имели дело с «Дезинто» на Луне? Они жрут энергию, как электрические свиньи, и начинают работать не раньше, чем напряжение дойдет до миллиона вольт. А этот «Дезинто» работал на ином принципе. Я посмотрел все обломки под микроскопом, и знаете, какой единственный источник питания я обнаружил?

— Какой?

— Вот, и больше ничего! И мы никогда не узнаем, как он этого добился.

И Остин Уайльд показал источник питания, позволивший «Дезинто» за полсекунды снести

холм, — две батарейки от карманного фонаря.

МЕЧТЫ — ЛИЧНОЕ ДЕЛО КАЖДОГО (Перевод И. Гуровой)

Джесс Уэйл оторвался от бумаг на своем письменном столе. Его сухощавая старческая фигура, орлиный нос, глубоко посаженные сумрачные глаза и буйная белоснежная шевелюра успели стать своего рода фирменной маркой всемирно известной акционерной компании «Грезы».

Он спросил:

— Мальчуган уже пришел, Джо?

Джо Дули был невысок ростом и коренаст. К его влажной губе ласково прилипла сигара. Теперь он вынул ее изо рта и кивнул.

— И родители тоже. Напугались, понятное дело.

— А вы не ошиблись, Джо? Я ведь занят, — Уэйл взглянул на часы. — В два часа у меня чиновник из министерства.

— Вернее верного, мистер Уэйл, — горячо заявил Джо, и его лицо выразило такую убежденность, что даже толстые щеки задергались. — Я же вам говорил, что высмотрел мальчишку, когда

он играл в баскетбол на школьном дворе. Видели бы его! Мазила, одно слово. Чуть мяч попадал к нему, так свои же торопились его отобрать, а малыш все равно держался звезда-звездой. Понимаете? Тут-то я и взял его на заметку.

— А вы с ним поговорили?

— Ну, а как же! Я подошел к нему, когда они завтракали. Вы же меня знаете, мистер Уэйл, — Дули возбужденно взмахнул сигарой, но успел подхватить в ладонь слетевший пепел. — «Малыш», — сказал я…

— Так из него можно сделать мечтателя?

— Я сказал: «Малыш, я сейчас прямо из Африки и…»

— Хорошо, — Уэйл поднял ладонь. — Вашего мнения для меня достаточно. Не могу понять, как это у вас получается, но если я узнаю, что мальчик выбран вами, я всегда готов рискнуть. Позовите его.

Мальчик вошел в сопровождении родителей. Дули пододвинул им стулья, а Уэйл встал и обменялся с вошедшими любезным рукопожатием. Мальчику он улыбнулся так, что каждая его морщина начала лучиться добродушием.

— Ты ведь Томми Слуцкий?

Томми молча кивнул. Для своих десяти лет он

выглядел, пожалуй, слишком щуплым. Темные волосы были прилизаны с неубедительной аккуратностью, а рожица сияла неестественной чистотой.

— Ты ведь послушный мальчик?

Мать Томми расплылась в улыбке и с материнской нежностью погладила сына по голове (выражение тревоги на лице мальчугана при этом нисколько не смягчилось).

— Он очень послушный и очень хороший мальчик, — сказала она.

Уэйл пропустил это сомнительное утверждение мимо ушей.

— Скажи мне, Томми, — начал он, протягивая леденец, который после некоторых колебаний был все-таки принят, — ты когда-нибудь слушал грезы?

— Случалось, — сказал Томми тонким фальцетом.

Мистер Слуцкий, один из тех широкоплечих, толстопалых чернорабочих, которые в посрамление евгенике оказываются порой отцами мечтателей, откашлялся и пояснил:

— Мы иногда брали для малыша напрокат парочку-другую грез. Настоящих, старинных.

Уэйл кивнул и опять обратился к мальчику:

— А они тебе нравятся, Томми?

— Чепухи в них много.

— Ты ведь для себя придумываешь куда лучше, правда?

Ухмылка, расползшаяся по ребячьей рожице, смягчила неестественность прилизанных волос и чисто вымытых щек и носа.

Уэйл мягко продолжал:

— А ты не хочешь помечтать для меня?

— Да не-ет, — смущенно ответил Томми.

— Это же не трудно, это совсем легко… Джо!

Дули отодвинул ширму и подкатил к ним грезограф. Мальчик в недоумении уставился на аппарат.

Уэйл взял шлем и поднес его к лицу мальчика.

— Ты знаешь, что это такое?

— Нет, — попятившись, ответил Томми.

— Это мысленница. Мы называем ее так потому, что люди в нее думают. Надень ее на голову и думай, о чем хочешь.

— И что тогда будет?

— Ничего не будет. Это даже довольно приятно.

— Нет, — сказал Томми. — Лучше не надо.

Его мать поспешно нагнулась к нему.

— Это не больно, Томми. Делай, что тебе гово-

рят, — истолковать ее тон было нетрудно.

Томми весь напрягся, и секунду казалось, что он вот-вот заплачет. Уэйл надел на него мысленницу.

Сделал он это очень бережно и осторожно и с полминуты молчал, давая мальчику время убедиться, что ничего страшного не произошло, и свыкнуться с ласкающим прикосновением фибрилл к швам его черепа (сквозь кожу они проникали совершенно безболезненно), а главное, с легким жужжанием меняющегося вихревого поля.

Наконец он сказал:

— А теперь ты для нас подумаешь?

— О чем? — из-под шлема были видны только нос и рот мальчика.

— О чем хочешь. Ну, скажем, уроки в школе окончились, и ты можешь делать все, что пожелаешь.

Мальчик немного подумал, а потом возбужденно спросил:

— Можно мне полетать на стратолете?

— Конечно! Сколько угодно. Значит, ты летишь на стратолете. Вот он стартует. — Уэйл сделал незаметный знак, и Дули включил замораживатель.

Сеанс продолжался только пять минут, а потом Дули проводил мальчика и его мать в приемную. Томми был несколько растерян, но в остальном перенесенное испытание никак на него не подействовало.

Когда они вышли, Уэйл повернулся к отцу семейства.

— Так вот, мистер Слуцкий, если проба окажется удачной, мы готовы выплачивать вам пятьсот долларов ежегодно, пока Томми не кончит школу. Взамен мы попросим только о следующем: чтобы он каждую неделю проводил один час в нашем специальном училище.

— Мне надо будет подписать какую-нибудь бумагу? — хриплым голосом спросил Слуцкий.

— Разумеется. Ведь это деловое соглашение, мистер Слуцкий.

— Уж и не знаю, что вам ответить. Я слыхал, что мечтателя отыскать не так-то просто.

— Безусловно, безусловно. Но ведь ваш сын, мистер Слуцкий, еще не мечтатель. И не известно, станет ли он мечтателем. Пятьсот долларов в год для нас — ставка в лотерее. А для вас они верный выигрыш. Когда Томми окончит школу, может оказаться, что он вовсе не мечтатель, но вы на этом ничего не потеряете. Наоборот, получите

примерно четыре тысячи долларов. Ну, а если он все-таки станет мечтателем, он будет неплохо зарабатывать, и уж тогда вы будете в полном выигрыше.

— Ему же надо будет пройти специальное обучение?

— Само собой разумеется, и оно крайне сложно! Но об этом мы поговорим, когда он кончит школу. Тогда в течение двух лет мы его окончательно вытренируем. Положитесь на меня, мистер Слуцкий.

— А вы гарантируете это специальное обучение?

Уэйл, который уже пододвинул контракт к Слуцкому и протягивал ему ручку колпачком вперед, усмехнулся, положил ручку и сказал:

— Нет, не гарантируем. Это невозможно, так как мы не знаем, действительно ли у него есть талант. Однако ежегодные пятьсот долларов останутся у вас.

Слуцкий подумал и покачал головой.

— Я вам честно скажу, мистер Уэйл… Когда ваш агент договорился, что мы придем к вам, я позвонил в «Сны наяву». Они сказали, что у них обучение гарантируется.

Уэйл вздохнул.

— Мистер Слуцкий, не в моих правилах критиковать конкурента. Если они сказали, что гарантируют обучение, значит, они это условие выполнят, однако никакое обучение не сделает из вашего сына мечтателя, если у него нет настоящего таланта. А подвергнуть обыкновенного мальчика специальной тренировке — значит погубить его. Мечтателя из него сделать невозможно, даю вам слово. Но и нормальным человеком он тоже не останется. Не рискуйте так судьбой вашего сына. Компания «Грезы» будет с вами совершенно откровенна. Если он может стать мечтателем, мы сделаем его мечтателем. Если же нет, мы вернем его вам таким, каким он пришел к нам, и скажем: «Пусть он приобретет какую-нибудь обычную специальность». При этом здоровью вашего сына ничто не угрожает, и в конечном счете так будет лучше для него. Послушайте меня, мистер Слуцкий, — у меня есть сыновья, дочери, внуки, и я знаю, о чем говорю, — так вот: я и за миллион долларов не позволил бы моему ребенку начать грезить, если бы он не был к этому подготовлен. И за миллион!

Слуцкий вытер рот ладонью и потянулся за ручкой.

— Что тут сказано-то?

— Это просто расписка. Мы выплачиваем вам немедленно сто долларов наличными. Без каких-либо обязательств для обеих сторон. Мы рассмотрим мечты мальчика. Если нам покажется, что у него есть задатки, мы дадим вам знать и приготовим контракт на пятьсот долларов в год. Положитесь на меня, мистер Слуцкий, и не беспокойтесь. Вы не пожалеете.

Слуцкий подписал.

Оставшись один, Уэйл надел на голову размораживатель и внимательно впитал мечты мальчика. Эта была типичная детская фантазия. «Я» находилось в кабине управления, представлявшей собой смесь образов, почерпнутых из приключенческих кинокниг, которыми еще пользовались те, у кого не было времени, желания или денег, чтобы заменить их цилиндриками грез.

Когда мистер Уэйл снял размораживатель, он увидел перед собой Дули.

— Ну, как он, по-вашему, мистер Уэйл? — спросил Дули с любопытством и гордостью первооткрывателя.

— Может быть, из него и выйдет толк, Джо. Может быть. У него есть обертоны, а для десятилетнего мальчишки, не знающего даже самых

элементарных приемов, это уже немало. Когда самолет пробивался через облака, возникло совершенно четкое ощущение подушек. И пахло крахмальными простынями — забавная деталь. Им стоит заняться, Джо.

— Отлично!

— Но вот что, Джо: нам нужно бы отыскивать их еще раньше. А почему бы и нет? Придет день, Джо, когда каждого младенца будут испытывать в первый же день его жизни. Несомненно, в мозгу должно существовать какое-то отличие, необходимо только установить, в чем именно оно заключается. Тогда мы сможем отбирать мечтателей на самом раннем этапе.

— Черт побери, мистер Уэйл, — обиженно сказал Джо. — Значит, я-то останусь без работы?

— Вам еще рано об этом беспокоиться, Джо, — засмеялся Уэйл. — На нашем веку этого не случится. И уж во всяком случае, на моем. Нам еще много лет будут необходимы хорошие разведчики талантов, вроде вас. Продолжайте искать на школьных площадках и на улицах, — узловатые пальцы Уэйла дружески легли на плечо Дули, — и отыщите нам еще парочку-другую Хиллари и Яновых. И тогда мы оставим «Сны наяву» далеко за флагом… Ну, а теперь идите. Я хотел

бы перекусить до двух часов. Министерство, Джо, министерство! — и он многозначительно подмигнул.

Посетитель, который явился к Джессу Уэйлу в два часа, оказался белобрысым молодым человеком в очках, с румяными щеками и проникновенным выражением лица, свидетельствовавшим о том, что он придает своей миссии огромное значение. Он предъявил удостоверение, из которого следовало, что перед Уэйлом — Джон Дж. Бэрн, уполномоченный Министерства наук и искусств.

— Здравствуйте, мистер Бэрн, — сказал Уэйл. — Чем могу быть полезен?

— Мы здесь одни? — спросил уполномоченный неожиданно густым баритоном.

— Совершенно одни.

— В таком случае с вашего разрешения я хотел бы, чтобы вы впитали вот это, — он протянул Уэйлу потертый цилиндрик, брезгливо держа его двумя пальцами.

Уэйл взял цилиндрик, осмотрел его со всех сторон, взвесил в руке и сказал с улыбкой, обнажившей все его фальшивые зубы:

— Во всяком случае, это не продукция компании «Грезы», мистер Бэрн.

— Я этого и не предполагал, — ответил уполномоченный. — Но все-таки мне хотелось бы, чтобы вы это впитали. Впрочем, на вашем месте я поставил бы аппарат на автоматическое отключение через минуту, не больше.

— Больше вытерпеть невозможно? — Уэйл подтянул приемник к своему столу и вставил цилиндрик в размораживатель, однако тут же вытащил его, протер оба конца носовым платком, и попробовал еще раз. — Скверный контакт, — заметил он. — Любительская работа.

Уэйл нахлобучил мягкий размораживающий шлем, поправил височные контакты и установил стрелку автоматического отключателя. Затем откинулся на спинку кресла, скрестил руки на груди и приступил к впитыванию. Пальцы его напряглись и впились в лацканы пиджака.

Едва автоматический выключатель прервал впитывание, Уэйл снял размораживатель и сказал с заметным раздражением:

— Грубоватая вещичка. К счастью, я уже стар и подобные вещи на меня не действуют.

Бэрн сухо ответил:

— Это еще не самое худшее, что нам попадалось. А увлечение ими растет.

Уэйл пожал плечами.

— Порнографические грезы. Я полагаю, их появления следовало ожидать.

— Следовало или не следовало, но они представляют собой смертельную угрозу для нравственного духа нации, — возразил уполномоченный министерства.

— Нравственный дух, — заметил Уэйл, — штука необыкновенно живучая. А эротика в той или иной форме существовала во все века.

— Но не в подобной, сэр! Непосредственная стимуляция от сознания к сознанию гораздо эффективнее грязных анекдотов или непристойных рисунков, воздействие которых несколько ослабляется в процессе восприятия через органы чувств.

Это было неоспоримо, и Уэйл только спросил:

— Так чего же вы хотите от меня?

— Не могли бы вы подсказать нам, каково происхождение этого цилиндрика?

— Мистер Бэрн, я не полицейский!

— Что вы, что вы! Я вовсе не прошу вас делать за нас нашу работу. Министерство вполне способно проводить собственные расследования. Я только спрашиваю ваше мнение как специалиста. Вы сказали, что это не продукция вашей компании. Так чья же это продукция?

— Во всяком случае, не какой-либо солидной фирмы, изготовляющей грезы, за это я могу поручиться. Слишком скверно сделано.

— Возможно, нарочно. Для маскировки.

— И это не произведение профессионального мечтателя.

— Вы уверены, мистер Уэйл? А не могут профессиональные мечтатели работать и на какое-нибудь тайное предприятие — ради денег… или просто для собственного удовольствия?

— Отчего же? Но во всяком случае, этот цилиндрик — не их работа. Полное отсутствие обертонов. Никакой объемности. Правда, для такого произведения обертоны и не нужны.

— А что такое обертоны?

— Следовательно, вы не увлекаетесь грезами? — мягко усмехнулся Уэйл.

— Я предпочитаю музыку, — ответил Бэрн, тщетно пытаясь не выглядеть самодовольным снобом.

— Это тоже неплохо, — снисходительно заметил Уэйл. — Но в таком случае мне будет труднее объяснить вам сущность обертонов. Даже любители грез не смогли бы сказать вам толком, что это такое. И все-таки они сразу чувствуют, что греза никуда не годится, если ей не хватает

обертонов. Видите ли, когда опытный мечтатель погружается в транс, он ведь не придумывает сюжетов, какие были в ходу в старом телевидении и кинокнигах. Его греза слагается из ряда отдельных видений, и каждое поддается нескольким толкованиям. Если исследовать их внимательно, можно найти пять-шесть таких толкований. При простом впитывании заметить их трудно, но они выявляются при тщательном анализе. Поверьте, мои психологи часами занимаются только этим. И все обертоны, все различные смыслы сливаются в единую массу управляемой эмоции. А без них греза была бы плоской и пресной. Скажем, сегодня утром я пробовал десятилетнего мальчика. У него, несомненно, есть задатки. Облако для него не просто облако, но и подушка. А наделенное сенсуальными свойствами обоих этих предметов, облако становится чем-то большим. Конечно, греза этого мальчика еще крайне примитивна.

Но когда он окончит школу, он пройдет специальный курс и тренировку. Он будет подвергнут ощущениям всех родов. Он накопит опыт. Он будет изучать и анализировать классические грезы прошлого. Он научится контролировать и направлять свои мечты, хотя я всегда утверждаю, что мечтатель хорош, когда он импровизирует.

Уэйл внезапно умолк и после паузы продолжал уже спокойнее:

— Простите, я несколько увлекся. Собственно говоря, я хотел объяснить вам, что у каждого профессионального мечтателя существует свой тип обертонов, который ему не удалось бы скрыть. Для специалиста это словно его подпись на грезе. И мне, мистер Бэрн, известны все эти подписи. Ну, а порнография, которую вы мне принесли, вообще лишена обертонов. Это произведение обыкновенного человека. Может быть, он и не лишен способностей, но думать он умеет не больше, чем вы и я.

— Очень многие люди умеют думать, мистер Уэйл, — возразил Бэрн, краснея. — Даже если они и не создают грез.

— Ах, право же! — Уэйл взмахнул рукой. — Не сердитесь на старика. Я сказал «думать» не в смысле «мыслить», а в смысле «грезить». Мы все немножко умеем грезить, как все немножко умеем бегать. Но сумеем ли мы с вами пробежать милю за четыре минуты? Мы с вами умеем говорить, но ведь это же еще не делает нас составителями толковых словарей? Вот, например, когда я думаю о бифштексе, в моем сознании возникает просто слово. Разве что мелькнет об-

раз сочного бифштекса на тарелке. Возможно, у вас образное восприятие развито больше и вы успеете увидеть и поджаристую корочку, и лук, и румяный картофель. Возможно. Ну, а настоящий мечтатель… Он и видит бифштекс, и обоняет его, и ощущает его вкус и все, что с ним связано, — даже жаровню, даже приятное чувство в желудке, и то, как нож разрезает мясо, и еще сотни всяких подробностей, причем все сразу. Предельно сенсуальное восприятие. Предельно. Ни вы, ни я на это не способны.

— Ну, так! — сказал Бэрн. — Значит, тут мы имеем дело не с произведением профессионального мечтателя. Во всяком случае, это уже что-то, — он спрятал цилиндрик во внутренний карман пиджака. — Надеюсь, мы можем рассчитывать на вашу всемерную помощь, когда примем меры для прекращения подобного тайного производства?

— Разумеется, мистер Бэрн. От всей души.

— Будем надеяться, — сказал Бэрн тоном человека, сознающего свою власть. — Конечно, не мне решать, какие именно меры будут приняты, но подобные штучки, — он похлопал себя по карману, где лежал цилиндрик, — невольно наводят на мысль, что следовало бы ввести действительно строгую цензуру на грезы.

Бэрн встал.

— До свидания, мистер Уэйл.

— До свидания, мистер Бэрн. Я всегда надеюсь на лучшее.

Фрэнсис Беленджер влетел в кабинет Джесса Уэйла, как всегда, в страшном ажиотаже. Его рыжие волосы стояли дыбом, а лицо лоснилось от пота и волнения. Но он тут же замер на месте. Уэйл сидел, уткнувшись головой в сложенные на столе руки, так что виден был только его седой затылок.

Беленджер судорожно выговорил:

— Что с вами, шеф?

Уэйл поднял голову.

— Это вы, Фрэнк?

— Что случилось, шеф? Вы больны?

— В моем возрасте все больны, но я еще держусь на ногах. Пошатываюсь, но держусь. У меня был уполномоченный из министерства.

— Что ему понадобилось?

— Грозил цензурой. Он принес образчик того, что ходит по рукам. Дешевые грезы для пьяных оргий.

— Ах ты черт! — с чувством сказал Беленджер.

— Беда в том, что опасения за нравственность — отличный предлог для разворачивания ши-

рокой кампании. Они будут бить и правых и виноватых. А по правде говоря, Фрэнк, и наша позиция уязвима.

— Как же так? Уж наша продукция абсолютно целомудренна. Приключения и романтические страсти.

Уэйл выпятил нижнюю губу и наморщил лоб.

— Друг перед другом, Фрэнк, нам незачем притворяться. Целомудренна? Все зависит от точки зрения. Конечно, то, что я скажу, не для широкой публики, но мы-то с вами знаем, Фрэнк, что в каждой грезе есть свои фрейдистские ассоциации. От этого никуда не уйдешь.

— Ну, конечно, если их специально выискивать! Скажем, психиатр…

— И средний человек тоже. Обычный потребитель не знает про эту подоплеку и, возможно, не сумеет отличить фаллический символ от символа материнства, даже если ему прямо на них указать. И все-таки его подсознание знает. Успех многих грез и объясняется именно этими подсознательными ассоциациями.

— Ну, допустим. И что же намерено предпринять правительство? Будет оздоровлять подсознание?

— То-то и плохо. Я не знаю, что они предпримут.

У нас есть только один козырь, на который я в основном и возлагаю все надежды: публика любит грезы и не захочет их лишиться… Ну, оставим это. Зачем вы пришли? У вас ведь, вероятно, есть ко мне какое-то дело?

Беленджер бросил на стол перед Уэйлом маленький, похожий на трубочку предмет и заправил поглубже в брюки выбившуюся рубашку.

Уэйл снял блестящую пластмассовую обертку и вынул цилиндрик. На одном конце свивалась в вычурную спираль нежно-голубая надпись: «По гималайской тропе». Рядом стоял фирменный знак «Снов наяву».

— Продукция Конкурента. — Уэйл произнес эти слова так, словно каждое начиналось с большой буквы, и его губы иронически искривились. — Эта греза еще не поступала в широкую продажу. Где вы ее раздобыли, Фрэнк?

— Неважно. Мне нужно только, чтобы вы ее впитали.

— Сегодня всем почему-то нужно, чтобы я впитывал грезы, — вздохнул Уэйл. — Фрэнк, а это не порнография?

— Разумеется, в ней имеются ваши любимые фрейдистские символы, — язвительно сказал Беленджер. — Горные пики, например. Надеюсь,

вам они не опасны.

— Я старик. Для меня они уже много лет не опасны, но та греза была выполнена до того скверно, что было просто мучительно… Ну, ладно, посмотрим, что тут у вас.

Уэйл снова пододвинул к себе аппарат и надел размораживатель на виски. На этот раз он просидел, откинувшись в кресле, больше четверти часа, так что Фрэнсис Беленджер успел торопливо выкурить две папиросы.

Когда Уэйл наконец снял шлем и замигал, привыкая к дневному свету, Беленджер спросил:

— Ну, что скажете, шеф?

Уэйл наморщил лоб.

— Не для меня. Слишком много повторений. При такой конкуренции компания «Грезы» может еще долго жить спокойно.

— Вот тут-то вы и ошибаетесь, шеф. Такая продукция обеспечит «Снам наяву» победу. Нам необходимо что-то предпринять!

— Послушайте, Фрэнк…

— Нет, вы послушайте! За этим — будущее!

— За этим? — Уэйл с добродушно-недоверчивой усмешкой посмотрел на цилиндрик. — Сделано по-любительски. Множество повторений. Обертоны грубоваты. У снега — четкий привкус

лимонного шербета! Ну, кто теперь чувствует в снегу лимонный шербет, Фрэнк? В старину — другое дело. Еще лет двадцать назад. Когда Лаймен Хэррисон создал свои «Снежные симфонии» для продажи на юге, это было великолепной находкой. Шербет, и леденцовые вершины гор, и катание на санках с утесов, глазированных шоколадом. Дешевка, Фрэнк. В наши дни это не годится.

— Все дело в том, шеф, — возразил Беленджер, — что вы отстали от времени. Я должен поговорить с вами откровенно. Когда вы основали грезовое предприятие, скупили основные патенты и начали производство грез, они были предметом роскоши. Сбыт был узкий и индивидуализированный. Вы могли позволить себе выпускать специализированные грезы и продавать их по высокой цене.

— Знаю, — ответил Уэйл. — И мы продолжаем это делать. Но, кроме того, мы открыли прокат грез для широкого потребителя.

— Да, но этого мало. О, конечно, наши грезы сделаны тонко. Их можно впитывать множество раз. И даже при десятом впитывании обнаруживаешь что-то новое и опять получаешь удовольствие. Но много ли есть подлинных знатоков? И еще одно.

Наша продукция крайне индивидуализирована. Все в первом лице.

— И что же?

— А то, что «Сны наяву» открывают грезотеатры. Они уже открыли один в Нашвилле на триста кабинок. Клиент входит, садится в кресло, надевает размораживатель и получает свою грезу. Ту же, что и все остальные вокруг.

— Я слышал об этом, Фрэнк. Ничего нового. Такие попытки уже не раз оканчивались неудачей. То же будет и теперь. Хотите знать почему? Потому что мечты — это личное дело каждого. Неужели вам будет приятно, если ваш сосед узнает, о чем вы грезите? Кроме того, в грезотеатре сеансы должны начинаться по расписанию, не так ли? И, значит, мечтающему придется грезить не тогда, когда он хочет, а когда назначит директор театра. Наконец, греза, которая нравится одному, не понравится другому. Я вам гарантирую, что из трехсот посетителей этих кабинок сто пятьдесят останутся недовольны. А в этом случае они больше туда не пойдут.

Беленджер медленно закатал рукава рубашки и расстегнул воротничок.

— Шеф! — сказал он. — Вы говорите наобум. Какой смысл доказывать, что они потерпят неудачу,

когда они уже имеют успех? Я узнал сегодня, что «Сны наяву» нащупывают почву, чтобы открыть в Сент-Луисе театр на тысячу кабинок. Привыкнуть грезить на людях нетрудно, если все вокруг грезят о том же. И публика легко привыкнет мечтать в указанном месте и в указанный час, если это дешево и удобно. Черт побери, шеф. Это же форма общения. Влюбленная парочка идет в грезотеатр и поглощает какую-нибудь романтическую пошлятину со стереотипными обертонами и избитыми положениями, и все-таки они выйдут из кабинок, шагая по звездам. Ведь они грезили одинаково. Они испытали одинаковые слащавые сантименты. Они… они настроены на один лад, шеф. И, уж конечно, они снова пойдут в грезотеатр и приведут своих друзей.

— А если греза им не понравится?

— В том-то и соль! В том-то все и дело! Она им не может не понравиться. Когда вы готовите утонченные грезы Хиллари с отражениями в отражениях отражений, с хитрейшими поворотами на третьем уровне обертонов, с тонким переходом значений и всеми прочими приемами, которыми мы так гордимся, конечно, подобная вещь оказывается рассчитанной на любителя. Утонченные грезы для утонченного вкуса. А «Сны

наяву» выпускают простенькую продукцию в третьем лице, так что она годится и для мужчин и для женщин. Вроде той, которую вы только что впитали. Простенькие, повторяющиеся, пошловатые. Они рассчитаны на самое примитивное восприятие. Может быть, горячих поклонников у них не будет, но и отвращения они ни у кого не вызовут.

Уэйл долго молчал, и Беленджер не сводил с него испытующего взгляда. Затем Уэйл сказал:

— Фрэнк, я начал с качественной продукции и менять ничего не буду. Возможно, вы правы. Возможно, за грезотеатрами будущее. В таком случае мы их тоже откроем, но будем показывать хорошие вещи. Может быть, «Сны наяву» недооценивают широкую публику. Не будем торопиться и впадать в панику. Я всегда исходил из теории, что качественная продукция обязательно находит сбыт. И, как это ни удивительно, мальчик мой, иногда весьма широкий сбыт.

— Шеф… — начал Беленджер, но тут же умолк, так как раздалось жужжание внутреннего телефона.

— В чем дело, Рут? — спросил Уэйл.

— Мистер Хиллари, сэр, — раздался голос секретарши. — Он хочет немедленно увидеться с вами.

Он говорит, что дело не терпит отлагательства.

— Хиллари? — в голосе Уэйла прозвучало испуганное недоумение. — Подождите пять минут, Рут, потом пошлите его сюда.

Уэйл повернулся к Беленджеру.

— Этот день, Фрэнк, я никак не могу назвать удачным. Место мечтателя — дома, у его мысленницы. А Хиллари — наш лучший мечтатель, и, значит, ему больше чем кому-нибудь другому следует быть дома. Как по-вашему, что произошло?

Беленджер, все еще терзаемый мрачными мыслями о «Снах наяву» и грезотеатрах, в ответ буркнул только:

— Позовите его сюда и все узнаете.

— Немного погодя. Скажите, какова его последняя греза? Я не ознакомился с той, которая вышла на прошлой неделе.

Беленджер наконец очнулся. Он сморщил нос.

— Так себе.

— А почему?

— Слишком рваная. До бессвязности. Я ничего не имею против резких переходов, придающих остроту, но ведь должна же быть хоть какая-то связь, пусть и на самом глубоком уровне.

— Никуда не годится?

— У Хиллари таких не бывает. Но потребовался

значительный монтаж. Мы довольно много выбросили и вставили старые куски — из тех, что он иногда нам присылает. Ну, из разобщенных образов. Получилась, конечно, не первоклассная греза, но вполне терпимая.

— И вы ему об этом сказали, Фрэнк?

— Да что я, псих, шеф? Что я, по-вашему, способен попрекнуть мечтателя качеством?

Но тут дверь открылась и хорошенькая секретарша Уэйла с улыбкой впустила в кабинет Шермана Хиллари.

* * *

Шерману Хиллари был тридцать один год, и даже самый ненаблюдательный человек сразу же распознал бы в нем мечтателя. Он не носил очков, но взгляд его был растерянным, как у очень близоруких людей, когда они снимают очки, или у тех, кто не привык вглядываться в окружающий мир. Он был среднего роста, но очень худ, его черные волосы давно следовало бы подстричь, подбородок казался слишком узким, а кожа — чересчур бледной. Он был чем-то очень расстроен.

— Здравствуйте, мистер Уэйл, — невнятно пробормотал Хиллари и неловко кивнул в сторону

Беленджера.

— Шерман, мальчик мой, — приветливо заговорил Уэйл. — Вы прекрасно выглядите. Что случилось? Греза никак толком не стряпается? И вас это волнует? Ну, садитесь, садитесь же!

Мечтатель сел — на краешек стула, крепко сжав колено, словно собирался вскочить по первому приказу. Он сказал:

— Я пришел сообщить вам, мистер Уэйл, что я ухожу.

— Уходите?

— Я не хочу больше грезить, мистер Уэйл.

Старое лицо Уэйла вдруг стало совсем дряхлым — впервые за этот день.

— Почему же, Шерман?

Губы мечтателя задергались. Он заговорил торопливо:

— Потому что я не живу, мистер Уэйл. Все проходит мимо меня. Сначала было не так. Это было даже почти развлечением. Я грезил по вечерам или в свободные дни, когда мне хотелось. Ну, и в любое другое время. А когда не хотелось — не грезил. Но теперь-то, мистер Уэйл, я уже старый профессионал. Вы мне говорили, что я один из лучших в нашем деле и грезопромышленность ждет от меня новых оттенков, новых вариантов

прежних находок, вроде порхающих фантазий или двойной пародии.

— И лучше вас действительно нет никого, Шерман, — сказал Уэйл. — Ваша миниатюрка, где вы дирижируете оркестром, продолжает расходиться вот уже десятый год.

— Ну и хорошо, мистер Уэйл. Я принес свою пользу. А теперь дошло до того, что я не могу выйти из дому. Я совсем не вижу жены. Моя дочка даже не узнает меня. На той неделе мы пошли в гости — Сара меня заставила, и я совсем этого не помню. Сара говорит, что я целый вечер сидел на кушетке, глядел прямо перед собой и что-то бормотал. Она говорит, что все на меня косились. Она проплакала всю ночь. Я устал от этого, мистер Уэйл. Я хочу быть нормальным человеком и жить в реальном мире. Я обещал Саре, что уйду, и я уйду. И прощайте, мистер Уэйл, — Хиллари встал и неловким движением протянул руку Уэйлу.

Уэйл мягко отвел ее.

— Если вы хотите уйти, Шерман, вы, конечно, уйдете. Но окажите любезность старику, выслушайте меня.

— Я не передумаю, — сказал Хиллари.

— Я и не собираюсь вас уговаривать. Я только хочу вам кое-что объяснить. Я старик и зани-

мался этим делом, когда вы еще не родились, и, естественно, люблю порассуждать о нем. Ну, так доставьте мне это удовольствие, Шерман. Прошу вас.

Хиллари сел. Прикусив нижнюю губу, он угрюмо рассматривал свои ногти.

Уэйл сказал:

— А вы знаете, что такое мечтатель, Шерман? Вы знаете, чем он является для обычных людей? Вы знаете, каково быть такими, как я, как Фрэнк, как ваша жена Сара? Жить с ущербным сознанием, которое не способно воображать, лепить мысли? У обычных людей, вроде меня, порой возникает потребность бежать от этой нашей жизни. Но мы не можем этого сделать. Нам нужна помощь. В старину для этого служили книги, спектакли, радио, кино, телевидение. Они давали нам иллюзии, но важно было даже не это. Важно было то, что на краткий срок стимулировалось наше собственное воображение. Мы начинали мечтать о сказочных принцах и прекрасных принцессах. Мы становились красивыми, остроумными, сильными, талантливыми — такими, какими мы на самом деле не были. Но тогда переход грезы от мечтателя к впитывающему не был совершенным. Ее приходилось тем или иным

способом воплощать в слова. А самый лучший в мире мечтатель порой вообще бывает неспособен выразить свои грезы словами. И самый лучший писатель бывал способен облечь в слова лишь жалкую часть своих грез. Вы понимаете это? Но теперь, когда мечты научились записывать, каждый человек получил возможность грезить. Вы, Шерман, и горстка вам подобных творите грезы непосредственно. Греза из вашего мозга сразу переходит в наш, не утрачивая силы. Когда вы грезите, вы грезите за сотни миллионов людей. Вы создаете разом сотни миллионов грез. Это чудесно, мальчик мой. Благодаря вам эти люди получают возможность испытать то, что самим им испытывать не дано.

— Я свое дело сделал, — пробормотал Хиллари. Он стремительно поднялся со стула. — Я покончил с этим. Мне все равно, что вы там говорите. А если вы намерены подать на меня в суд за нарушение контракта, то подавайте. Мне все равно.

Уэйл тоже встал.

— Намерен ли я подать на вас в суд?.. Рут, — сказал он в телефон, — принесите, пожалуйста, наш экземпляр контракта с мистером Хиллари.

Уэйл молча ждал. И Хиллари. И Беленджер. Уэйл чуть-чуть улыбался и барабанил по столу

пергаментными пальцами.

Секретарша принесла контракт.

Уэйл взял его, показал первую страницу Хиллари и сказал:

— Шерман, мальчик мой, раз вы не хотите оставаться у меня, то вы и не должны у меня оставаться.

Затем, прежде чем ужаснувшийся Беленджер успел хотя бы поднять руку, чтобы остановить его, он разорвал контракт пополам и еще раз пополам и бросил клочки в мусоропоглотитель.

— Вот и все.

Хиллари схватил руку Уэйла.

— Спасибо, мистер Уэйл, — сказал он прерывающимся голосом. — Вы всегда были очень добры ко мне, и я вам очень благодарен. Мне очень грустно, что все так получилось.

— Ладно, ладно, мальчик мой. Все хорошо.

Чуть не плача, продолжая бормотать слова благодарности, Шерман Хиллари вышел из кабинета.

* * *

— Ради всего святого, шеф, почему вы его отпустили? — в отчаянии воскликнул Беленджер. — Разве вы ничего не поняли? Он же отсюда пойдет

прямо в «Сны наяву». Они его сманили, это ясно.

Уэйл поднял ладонь.

— Вы ошибаетесь. Глубоко ошибаетесь. Я его знаю: он так поступить неспособен. А кроме того, — добавил он сухо, — Рут — хорошая секретарша и знает, что нужно принести мне, когда я прошу контракт мечтателя. Я порвал поддельный контракт. А подлинный по-прежнему лежит в нашем сейфе, поверьте мне. Да, прекрасный у меня выдался день! Я с самого утра кого-то убеждаю: несговорчивого папашу — чтобы он дал мне возможность развить новый талант, уполномоченного министерства — чтобы они не ввели цензуру, вас — чтобы вы не втянули нас в гибельное предприятие, и, наконец, моего лучшего мечтателя — чтобы помешать ему уйти. Папашу я, возможно, уговорил. Уполномоченного и вас — не уверен. Может быть, да, а может быть, и нет. Но, во всяком случае, с Шерманом Хиллари все ясно. Он вернется.

— Откуда вы знаете?

Уэйл улыбнулся Беленджеру, и его щеки покрылись сеткой веселых морщин.

— Фрэнк, мальчик мой, вы умеете монтировать грезы, и вам уже кажется, что вы знаете все инструменты и аппараты нашей профессии. Но

разрешите, я вам кое-что скажу. Самым важным инструментом в грезопромышленности является сам мечтатель. Именно его и нужно понимать в первую очередь. И я его понимаю. Слушайте: когда я был мальчишкой — в те времена еще не было грез, — я был знаком с одним телесценаристом. Он часто мне жаловался, что все люди при первом знакомстве непременно его спрашивают: «И как вам только все это в голову приходит?» Они искренне этого не понимали. Ведь никто из них не был в состоянии придумать что-либо подобное. Так что же мог им ответить мой приятель? А со мной он разговаривал об этом и объяснял: «Как я им скажу, что не знаю? Когда я ложусь спать, я не могу уснуть, потому что у меня в голове теснятся идеи. Когда я бреюсь, я непременно где-нибудь порежусь, когда разговариваю, то забываю, о чем говорю, когда я сижу за рулем машины, я ежеминутно рискую жизнью. И все потому, что у меня в мозгу непрерывно формируются идеи, ситуации, диалоги. Я не могу сказать тебе, откуда у меня все это берется. Может быть, наоборот, ты поделишься со мной, каким образом тебе удается этого избежать? И тогда я мог бы немного передохнуть». Видите, Фрэнк, как обстоит дело? Вы можете уйти отсюда

в любое время. И я могу. Это наша работа, но не наша жизнь. Но для Шермана Хиллари все иначе. Куда бы он ни пошел, чем бы он ни занимался, он все равно будет грезить. Пока он живет, он не может не думать, пока он думает, он не может не грезить. Мы не удерживаем его насильно. Наш контракт не железная решетка. Его удерживает его собственный мозг, Фрэнк. Поэтому он вернется. Ничего другого ему не остается.

Беленджер пожал плечами.

— Если то, что вы говорите, правда, мне его жаль.

— Мне жаль их всех, — Уэйл грустно кивнул. — За долгие годы своей жизни я понял одно. Их участь — делать счастливыми других людей. Других.

ПРОФЕССИЯ
(Перевод С. Васильевой)

Джордж Плейтен сказал с плохо скрытой тоской в голосе:

— Завтра первое мая. Начало Олимпиады!

Он перевернулся на живот и через спинку кровати пристально посмотрел на своего товарища по комнате. Неужели он не чувствует того же? Неужели мысль об Олимпиаде совсем его не трогает?

У Джорджа было худое лицо, черты которого еще более обострились за те полтора года, которые он провел в приюте. Он был худощав, но в его синих глазах горел прежний неуемный огонь, а в том, как он сейчас вцепился пальцами в одеяло, было что-то от затравленного зверя.

Его сосед по комнате на мгновение оторвался от книги и заодно отрегулировал силу свечения стены, у которой сидел. Его звали Хали Омани, он был нигерийцем. Темно-коричневая кожа и крупные черты лица Хали Омани, казалось, были созданы для того, чтобы выражать только одно спокойствие, и упоминание об Олимпиаде

нисколько его не взволновало.

— Я знаю, Джордж, — произнес он.

Джордж многим был обязан терпению и доброте Хали; бывали минуты, когда он очень в них нуждался, но даже доброта и терпение могут стать поперек глотки. Разве сейчас можно сидеть с невозмутимым видом идола, вырезанного из дерева теплого, сочного цвета?

Джордж подумал, не станет ли он сам таким же через десять лет жизни в этом месте, и с негодованием отогнал эту мысль. Нет!

— По-моему, ты забыл, что значит май, — вызывающе сказал он.

— Я очень хорошо помню, что он значит, — отозвался его собеседник. — Ровным счетом ничего! Ты забыл об этом, а не я. Май ничего не значит для тебя, Джорджа Плейтена… и для меня, Хали Омани, — негромко добавил он.

— Сейчас на Землю за новыми специалистами прилетают космические корабли, — произнес Джордж. — К июню тысячи и тысячи этих кораблей, неся на борту миллионы мужчин и женщин, отправятся к другим мирам, и все это, по-твоему, ничего не значит?

— Абсолютно ничего. И вообще, какое мне дело до того, что завтра первое мая?

Беззвучно шевеля губами, Омани стал водить пальцем по строчкам книги, которую он читал, — видимо, ему попалось трудное место.

Джордж молча наблюдал за ним. «К черту! — подумал он. — Закричи, завизжи! Это-то ты можешь? Ударь меня, ну, сделай хоть что-нибудь!» Лишь бы не быть одиноким в своем гневе. Лишь бы разделить с кем-нибудь переполнявшее его возмущение, отделаться от мучительного чувства, что только он, он один умирает медленной смертью!

В те первые недели, когда весь мир представлялся ему тесной оболочкой, сотканной из какого-то смутного света и неясных звуков, — тогда было лучше. А потом появился Омани и вернул его к жизни, которая того не стоила.

Омани! Он-то стар! Ему уже по крайней мере тридцать. «Неужели и я в этом возрасте буду таким же? — подумал Джордж. — Стану таким, как он, через каких-нибудь двенадцать лет?»

И оттого, что эта мысль вселила в него панический страх, он заорал на Омани:

— Брось читать эту идиотскую книгу!

Омани перевернул страницу и, прочитав еще несколько слов, поднял голову, покрытую шапкой жестких курчавых волос.

— А? — спросил он.

— Какой толк от твоего чтения? — Джордж решительно шагнул к Омани, презрительно фыркнул: — Опять электроника! — и вышиб книгу из его рук.

Омани неторопливо встал и поднял книгу. Без всякого раздражения он разгладил смятую страницу.

— Можешь считать, что я удовлетворяю свое любопытство, — произнес он. — Сегодня я пойму кое-что, а завтра, быть может, пойму немного больше. Это тоже своего рода победа.

— Победа! Какая там победа? И больше тебе ничего не нужно от жизни? К шестидесяти пяти годам приобрести четверть знаний, которыми располагает дипломированный инженер-электронщик?

— А может быть, не к шестидесяти пяти годам, а к тридцати пяти?

— Кому ты будешь нужен? Кто тебя возьмет? Куда ты пойдешь с этими знаниями?

— Никому. Никто. Никуда. Я останусь здесь и буду читать другие книги.

— И этого тебе достаточно? Рассказывай! Ты заманил меня на занятия. Ты заставил меня читать и заучивать прочитанное. А зачем? Это не

приносит мне никакого удовлетворения.

— Что толку в том, что ты лишаешь себя возможности получать удовлетворение?

— Я решил наконец покончить с этим фарсом. Я сделаю то, что собирался сделать с самого начала, до того как ты умаслил меня и лишил воли к сопротивлению. Я заставлю их… заставлю…

Омани отложил книгу, а когда Джордж, не договорив, умолк, задал вопрос:

— Заставишь, Джордж?

— Заставлю исправить эту вопиющую несправедливость. Все было подстроено. Я доберусь до этого Антонелли и заставлю его признаться, что он… он…

Омани покачал головой.

— Каждый, кто попадает сюда, настаивает на том, что произошла ошибка. Мне казалось, что у тебя этот период уже позади.

— Не называй это периодом, — злобно сказал Джордж. — В отношении меня действительно была допущена ошибка. Я ведь говорил тебе…

— Да, ты говорил, но в глубине души ты прекрасно сознаешь, что в отношении тебя никто не совершил никакой ошибки.

— Не потому ли, что никто не желает в этом сознаваться? Неужели ты думаешь, что кто-нибудь

из них добровольно признает свою ошибку?.. Но я заставлю их сделать это.

Во всем виноват был май, месяц Олимпиады. Это он возродил в Джордже былую ярость, и он ничего не мог с собой поделать. Да и не хотел: ведь ему грозила опасность все забыть.

— Я собирался стать программистом вычислительных машин, и я действительно могу им быть, что бы они там ни говорили, ссылаясь на результаты анализа. — Он стукнул кулаком по матрасу. — Они не правы. И не могут они быть правы.

— В анализах ошибки исключены.

— Значит, не исключены. Ведь ты же не сомневаешься в моих способностях?

— Способности не имеют к этому ровно никакого отношения. Мне кажется, что тебе достаточно часто это объясняли. Почему ты никак не можешь понять?

Джордж отодвинулся от него, лег на спину и угрюмо уставился в потолок.

— А кем ты хотел стать, Хали?

— У меня не было определенных планов. Думаю, что меня вполне устроила бы профессия гидропониста.

— И ты считал, что тебе это удастся?

— Я не был в этом уверен.

Никогда раньше Джордж не расспрашивал Омани о его жизни. Мысль о том, что у других обитателей приюта тоже были свои стремления и надежды, показалась ему не только странной, но даже почти противоестественной. Он был потрясен. Подумать только — гидропонист!

— А тебе не приходило в голову, что ты попадешь сюда?

— Нет, но, как видишь, я все-таки здесь.

— И тебя это удовлетворяет. Ты на самом деле всем доволен. Ты счастлив. Тебе здесь нравится, и ничего другого ты не хочешь.

Омани медленно встал и аккуратно начал разбирать постель.

— Джордж, ты неисправим, — произнес он. — Ты терзаешь себя, потому что отказываешься признать очевидные факты. Ты находишься в заведении, которое называешь приютом, но я ни разу не слышал, чтобы ты произнес его название полностью. Так сделай это теперь, Джордж, сделай! А потом ложись в кровать и проспись.

Джордж скрипнул зубами и ощерился.

— Нет! — сказал он сдавленно.

— Тогда это сделаю я, — сказал Омани, и, отчеканивая каждый слог, он произнес роковые слова.

Джордж слушал, испытывая глубочайший стыд и горечь. Он отвернулся.

* * *

В восемнадцать лет Джордж Плейтен твердо знал, что станет дипломированным программистом, — он стремился к этому с тех пор, как себя помнил. Среди его приятелей одни отстаивали космонавтику, другие — холодильную технику, третьи — организацию перевозок и даже административную деятельность. Но Джордж не колебался.

Он с таким же жаром, как и все остальные, обсуждал преимущества облюбованной профессии. Это было вполне естественно. Впереди их всех ждал День образования — поворотный день их жизни. Он приближался, неизбежный и неотвратимый, — первое ноября того года, когда им исполнится восемнадцать лет.

Когда День образования оставался позади, появлялись новые темы для разговоров: можно было обсуждать различные профессиональные вопросы, хвалить свою жену и детей, рассуждать о шансах любимой космобольной команды или вспоминать Олимпиаду. Но до наступления Дня образования лишь одна тема неизменно

вызывала всеобщий интерес — и это был День образования.

«Кем ты хочешь быть? Думаешь, тебе это удастся? Ничегошеньки у тебя не выйдет. Справься в ведомостях — квоту же урезали. А вот логистика...» Или «а вот гипермеханика...», или «а вот связь...», или «а вот гравитика...» Гравитика была тогда самой модной профессией. За несколько лет до того, как Джорджу исполнилось восемнадцать лет, появился гравитационный двигатель, и все только и говорили, что о гравитике. Любая планета в радиусе десяти световых лет от звезды-карлика отдала бы правую руку, лишь бы заполучить хоть одного дипломированного инженера-гравитационника.

Но Джорджа это не прельщало. Да, конечно, такая планета отдаст все свои правые руки, какие только сумеет наскрести. Однако Джордж слышал и о том, что случалось в других, только что возникших областях техники. Немедленно начнутся рационализация и упрощение. Каждый год будут появляться новые модели, новые типы гравитационных двигателей, новые принципы. А потом все эти баловни судьбы в один прекрасный день обнаружат, что они устарели, их заменят новые специалисты, получившие

образование позже, и им придется заняться неквалифицированным трудом или отправиться на какую-нибудь захудалую планету, которая пока еще не догнала другие миры.

Между тем спрос на программистов оставался неизменным из года в год, из столетия в столетие. Он никогда не возрастал стремительно, не взвинчивался до небес, а просто медленно и неуклонно увеличивался в связи с освоением новых миров и усложнением техники старых.

Эта тема была постоянным предметом споров между Джорджем и Коротышкой Тревельяном. Как все закадычные друзья, они спорили до бесконечности, не скупясь на язвительные насмешки, и в результате оба оставались при своем мнении.

Дело в том, что отец Тревельяна, дипломированный металлург, в свое время работал на одной из дальних планет, а его дед тоже был дипломированным металлургом. Естественно, что сам Коротышка не колеблясь остановил свой выбор на этой профессии, которую считал чуть ли не неотъемлемым правом своей семьи, и был твердо убежден, что все другие специальности не слишком-то респектабельны.

— Металл будет существовать всегда, — заявил

он, — и когда ты создаешь сплав с заданными свойствами и наблюдаешь, как слагается его кристаллическая решетка, ты видишь результат своего труда. А что делает программист? Целый день сидит за кодирующим устройством, пичкая информацией какую-нибудь дурацкую электронную машину длиной в милю.

Но Джордж уже в шестнадцать лет отличался практичностью.

— Между прочим, вместе с тобой будет выпущен еще миллион металлургов, — спокойно указал он.

— Потому что это прекрасная профессия. Самая лучшая.

— Но ведь ты попросту затеряешься в их массе, Коротышка, и можешь оказаться где-то в хвосте. Каждая планета может сама зарядить нужных ей металлургов, а спрос на усовершенствованные земные модели не так уж велик, да и нуждаются в них главным образом малые планеты. Ты ведь знаешь, какой процент общего выпуска дипломированных металлургов получает направление на планеты класса А. Я поинтересовался — всего лишь 13,3 процента. А это означает семь шансов из восьми, что тебя засунут на какую-нибудь третьесортную планету, где в лучшем случае есть

водопровод. А то и вовсе можешь застрять на Земле — такие составляют 2,3 процента.

— Не вижу в этом ничего позорного, — вызывающе заявил Тревельян. — Земле тоже нужны специалисты. И хорошие. Мой дед был земным металлургом. — Подняв руку, Тревельян небрежно провел пальцем по еще не существующим усам.

Джордж знал про дедушку Тревельяна, и, памятуя, что его собственные предки тоже работали на Земле, не стал ехидничать, а, наоборот, дипломатично согласился:

— В этом, безусловно, нет ничего позорного. Конечно, нет. Однако попасть на планету класса А — это вещь, скажешь нет? Теперь возьмем программиста. Только на планетах класса А есть такие вычислительные машины, для которых действительно нужны высококвалифицированные программисты, и поэтому только эти планеты и берут их. К тому же ленты по программированию очень сложны и для них годится далеко не всякий. Планетам класса А нужно больше программистов, чем может дать их собственное население. Это же чистая статистика. На миллион человек приходится в среднем, скажем, один первоклассный программист. И если

на планете живет десять миллионов, а им там требуется двадцать программистов, они вынуждены обращаться к Земле, чтобы получить еще пять, а то и пятнадцать специалистов. Верно? А знаешь, сколько дипломированных программистов отправилось в прошлом году на планеты класса А? Не знаешь? Могу тебе сказать. Все до единого! Если ты программист, можешь считать, что ты уже там. Так-то!

Тревельян нахмурился.

— Если только один человек из миллиона годится в программисты, почему ты думаешь, что у тебя это выйдет?

— Выйдет, можешь быть спокоен, — сдержанно ответил Джордж. Он никогда не осмелился бы рассказать ни Тревельяну, ни даже своим родителям, что именно он делает и почему так уверен в себе. Он был абсолютно спокоен за свое будущее. (Впоследствии, в дни безнадежности и отчаяния, именно это воспоминание стало самым мучительным.) Он был так же непоколебимо уверен в себе, как любой восьмилетний ребенок накануне Дня чтения, этого преддверия следующего за ним через десять лет Дня образования.

* * *

Ну, конечно, День чтения во многом отличался от Дня образования. Во-первых, следует учитывать особенности детской психологии. Ведь восьмилетний ребенок легко воспринимает многие самые необычные явления. И то, что вчера он не умел читать, а сегодня уже умеет, кажется ему само собой разумеющимся. Как солнечный свет, например.

А во-вторых, от этого дня зависело не так уж много. После него толпы вербовщиков не теснились перед списками, с нетерпением ожидая, когда будут объявлены результаты ближайшей Олимпиады. День чтения практически ничего не менял в жизни детей, и они еще десять лет оставались под родительской кровлей, как и все их сверстники. Просто после этого дня они уже умели читать.

И Джордж, готовясь к Дню образования, почти не помнил подробностей того, что произошло с ним в День чтения, десять лет назад.

Он, правда, не забыл, что день выдался пасмурный и моросил сентябрьский дождь. (День чтения — в сентябре. День образования — в ноябре, Олимпиада — в мае. На эту тему сочиняли

даже детские стишки.) Было еще темно, и Джордж одевался при стенном свете. Родители его волновались гораздо больше, чем он сам. Отец Джорджа был дипломированным трубопрокладчиком и работал на Земле, чего втайне стыдился, хотя все понимали, что большая часть каждого поколения неизбежно должна остаться на Земле.

Сама Земля нуждалась в фермерах, шахтерах и даже в инженерах. Для работы на других планетах требовались только самые последние модели высококвалифицированных специалистов, и из восьми миллиардов земного населения туда ежегодно отправлялось всего лишь несколько миллионов человек. Естественно, не каждый житель Земли мог попасть в их число.

Но каждый мог надеяться, что по крайней мере кому-нибудь из его детей доведется работать на другой планете, и Плейтен-старший, конечно, не был исключением. Он видел (как, впрочем, видели и совершенно посторонние люди), что Джордж отличается незаурядными способностями и большой сообразительностью. Значит, его ждет блестящая будущность, тем более, что он единственный ребенок в семье. Если Джордж не попадет на другую планету, то его родителям придется возложить все надежды на внуков, а

когда-то еще у них появятся внуки!

Сам по себе День чтения, конечно, мало что значил, но в то же время только он мог показать хоть что-нибудь до наступления того, другого, знаменательного дня. Когда дети возвращались домой, все родители Земли внимательно слушали, как они читают, стараясь уловить особенную беглость, чтобы истолковать ее как счастливое предзнаменование. Почти в любой семье подрастал такой многообещающий ребенок, на которого со Дня чтения возлагались огромные надежды только потому, что он легко справлялся с трехсложными словами.

Джордж смутно сознавал, отчего так волнуются его родители, и в то дождливое утро его безмятежный детский покой смущал только страх, что радостное выражение на лице отца может угаснуть, когда он вернется домой и покажет, как он научился читать.

Детей собрали в просторном зале городского Дома образования. В этот месяц во всех уголках Земли в миллионах местных Домов образования собирались такие же группы детей. Серые стены и напряженность, с которой держались дети, стеснявшиеся непривычной нарядной одежды, нагнали на Джорджа тоску.

Он инстинктивно поступил так же, как другие: отыскав кучку ребят, живших с ним на одном этаже, он присоединился к ним.

Тревельян, мальчик из соседней квартиры, все еще разгуливал в длинных локонах, а от маленьких бачков и жидких рыжеватых усов, которые ему предстояло отрастить, едва он станет к этому физиологически способен, его отделяли еще многие годы.

Тревельян (для которого Джордж тогда был еще Джорджи) воскликнул:

— Ага! Струсил, струсил!

— Вот и нет! — возразил Джордж и затем доверительно сообщил: — А папа с мамой положили печатный лист на мою тумбочку и, когда я вернусь домой, я прочту им все до последнего словечка. Вот! (В тот момент наибольшее мучение Джорджу причиняли его собственные руки, которые он не знал куда девать. Ему строго-настрого приказали не чесать голову, не тереть уши, не ковырять в носу и не засовывать руки в карманы. Так что же ему было с ними делать?) Зато Тревельян как ни в чем не бывало сунул руки в карманы и заявил:

— А вот мой папа ни чуточки не беспокоится.

Тревельян-старший почти семь лет работал ме-

таллургом на Дипории, и, хотя теперь он вышел на пенсию и жил опять на Земле, соседи смотрели на него снизу вверх.

Возвращение на Землю не очень поощрялось из-за проблемы перенаселенности, но все же кое-кому удавалось вернуться. Прежде всего, жизнь на Земле была дешевле, и пенсия, мизерная в условиях Дипории, на Земле выглядела весьма солидно. Кроме того, некоторым людям особенно приятно демонстрировать свои успехи именно перед друзьями детства и знакомыми, а не перед всей остальной Вселенной.

Свое возвращение Тревельян-старший объяснил еще и тем, что, останься он на Дипории, там пришлось бы остаться и его детям, а Дипория имела сообщение только с Землей. Живя же на Земле, его дети смогут в будущем попасть на любой из миров, даже на Новию.

Коротышка Тревельян рано усвоил эту истину. Еще до Дня чтения он беззаботно верил, что в конце концов будет жить на Новии, и говорил об этом как о деле решенном.

Джордж, подавленный мыслью о будущем величии Тревельяна и сознанием собственного ничтожества, немедленно в целях самозащиты перешел в наступление.

— Мой папа тоже не беспокоится. Ему просто хочется послушать, как я читаю! Ведь он знает, что читать я буду очень хорошо. А твой отец просто не хочет тебя слушать: он знает, что у тебя ничего не выйдет.

— Нет, выйдет! А чтение — это ерунда. Когда я буду жить на Новии, я найму людей, чтобы они мне читали.

— Потому что сам ты читать не научишься! Потому что ты дурак!

— А как же я тогда попаду на Новию?

И Джордж, окончательно выведенный из себя, посягнул на основу основ:

— А кто это тебе сказал, что ты попадешь на Новию?! Никуда ты не попадешь. Вот!

Коротышка Тревельян покраснел.

— Ну, уж трубопрокладчиком, как твой папаша, я не буду! Возьми назад, что сказал, дурак!

— Сам возьми!

Они были готовы броситься друг на друга. Драться им, правда, совсем не хотелось, но возможность заняться чем-то привычным в этом чужом месте сама по себе была уже облегчением. А к тому же Джордж сжал кулаки и встал в боксерскую стойку, так что мучительная проблема — куда девать руки — временно разрешилась.

Остальные дети возбужденно обступили их.

Но тут же все кончилось: по залу внезапно разнесся усиленный громкоговорителями женский голос — и сразу наступила тишина. Джордж разжал кулаки и забыл о Тревельяне.

— Дети, — произнес голос, — сейчас мы будем называть ваши фамилии. Тот, кто услышит свою фамилию, должен тут же подойти к одному из служителей, которые стоят у стен. Вы видите их? Они одеты в красную форму, и вы легко их заметите. Девочки пойдут направо, мальчики — налево. А теперь посмотрите, какой человек в красном стоит к вам ближе всего…

Джордж сразу же увидел своего служителя и стал ждать, когда его вызовут. Он еще не был посвящен в тайну алфавита, и к тому времени, когда дошла очередь до его фамилии, уже начал волноваться.

Толпа детей редела, ручейками растекаясь к красным фигурам.

Когда наконец было произнесено имя «Джордж Плейтен», он испытал невыразимое облегчение и упоительную радость: его уже вызвали, а Коротышку — нет!

Уходя, Джордж бросил ему через плечо:

— Ага, Коротышка! А может, ты им вовсе и не

нужен?

Но его приподнятое настроение быстро улетучилось. Его поставили рядом с незнакомыми детьми и всех повели по коридорам. Они испуганно переглядывались, но заговорить никто не осмеливался, и слышалось только сопение да иногда сдавленный шепот: «Не толкайся!» и «Эй, ты, поосторожней!» Им раздали картонные карточки и велели их не терять. Джордж стал с любопытством рассматривать свою карточку. Он увидел маленькие черные значки разной формы. Он знал, что это называется печатными буквами, но был не в состоянии представить себе, как из них получаются слова.

Его и еще четверых мальчиков отвели в отдельную комнату и велели им раздеться. Они быстро сбросили свою новую одежду и стояли теперь голые и маленькие, дрожа скорее от волнения, чем от холода. Лаборанты быстро, по очереди ощупывали и исследовали их с помощью каких-то странных инструментов, кололи им пальцы, чтобы взять кровь для анализа, а потом каждый брал карточки и черной палочкой торопливо выводил на них аккуратные ряды каких-то значков. Джордж пристально вглядывался в эти новые значки, но они оставались такими же непонят-

ными, как и старые. Затем детям велели одеться.

Они сели на маленькие стулья и снова стали ждать. Их опять начали вызывать по фамилиям, и Джорджа Плейтена вызвали третьим.

Он вошел в большую комнату, заполненную страшными аппаратами с множеством кнопок и прозрачных панелей. В самом центре комнаты стоял письменный стол, за которым, устремив взгляд на кипу лежавших перед ним бумаг, сидел какой-то мужчина.

— Джордж Плейтен? — спросил он.

— Да, сэр, — дрожащим шепотом ответил Джордж, который в результате длительного ожидания и бесконечных переходов из комнаты в комнату начал волноваться. Он уже мечтал о том, чтобы все это поскорее кончилось.

Человек за письменным столом сказал:

— Меня зовут доктор Ллойд. Как ты себя чувствуешь, Джордж?

Произнося эту фразу, доктор не поднял головы. Казалось, он повторял эти слова так часто, что ему уже не нужно было смотреть на того, к кому он обращался.

— Хорошо.

— Ты боишься, Джордж?

— Н-нет, сэр, — ответил Джордж, и даже от него

самого не укрылось, как испуганно прозвучал его голос.

— Вот и прекрасно, — произнес доктор. — Ты же знаешь, что бояться нечего. Ну-ка, Джордж, посмотрим! На твоей карточке написано, что твоего отца зовут Питер и что по профессии он дипломированный трубопрокладчик. Имя твоей матери Эми, и она дипломированный специалист по домоведению. Правильно?

— Д-да, сэр.

— А ты родился 13 февраля и год назад перенес инфекционное заболевание уха. Так?

— Да, сэр.

— А ты знаешь, откуда мне это известно?

— Я думаю, все это есть на карточке.

— Совершенно верно, — доктор в первый раз взглянул на Джорджа и улыбнулся, показав ровные зубы. На вид он был гораздо моложе отца Джорджа — и Джордж несколько успокоился.

Доктор протянул ему карточку.

— Ты знаешь, что означают эти значки?

И хотя Джорджу было отлично известно, что этого он не знает, от неожиданности он взглянул на карточку с таким вниманием, словно по велению судьбы внезапно научился читать. Но значки по-прежнему оставались непонятными,

и он вернул карточку доктору.

— Нет, сэр.

— А почему?

У Джорджа вдруг мелькнуло подозрение: а не сошел ли с ума этот доктор? Разве он этого не знает сам?

— Потому что я не умею читать, сэр.

— А тебе хотелось бы научиться читать?

— Да, сэр.

— А зачем, Джордж?!

Джордж в недоумении вытаращил глаза. Никто никогда не задавал ему такого вопроса, и он растерялся.

— Я не знаю, сэр, — запинаясь, произнес он.

— Печатная информация будет руководить тобой всю твою жизнь. Даже после Дня образования тебе предстоит узнать еще очень многое. И эти знания ты будешь получать из таких вот карточек, из книг, с телевизионных экранов. Печатные тексты расскажут тебе столько полезного и интересного, что не уметь читать было бы так же ужасно, как быть слепым. Тебе это понятно?

— Да, сэр.

— Ты боишься, Джордж?

— Нет, сэр.

— Отлично. Теперь я объясню тебе, с чего мы

начнем. Я приложу вот эти провода к твоему лбу над уголками глаз. Они приклеятся к коже, но не причинят тебе никакой боли. Потом я включу аппарат и раздастся жужжание. Оно покажется тебе непривычным, и, возможно, тебе будет немного щекотно, но это тоже совершенно безболезненно. Впрочем, если тебе все-таки станет больно, ты мне скажешь, и я тут же выключу аппарат. Но больно не будет. Ну, как, договорились?

Судорожно глотнув, Джордж кивнул.

— Ты готов?

Джордж снова кивнул. С закрытыми глазами он ждал, пока доктор готовил аппаратуру. Родители не раз рассказывали ему про все это. Они тоже говорили, что ему не будет больно. Но зато ребята постарше, которым исполнилось десять, а то и двенадцать лет, всегда дразнили ожидавших своего Дня чтения восьмилеток и кричали: «Берегитесь иглы!» А другие, отозвав малыша в какой-нибудь укромный уголок, по секрету сообщали: «Они разрежут тебе голову вот таким большущим ножом с крючком на конце», — и добавляли множество жутких подробностей.

Джордж никогда не принимал это за чистую монету, но тем не менее по ночам его мучили кошмары. И теперь, испытывая непередаваемый

ужас, он закрыл глаза.

Он не почувствовал прикосновения проводов к вискам. Жужжание доносилось откуда-то издалека, и его заглушал звук стучавшей в ушах крови, такой гулкий, словно все происходило в большой пустой пещере. Джордж рискнул медленно открыть глаза.

Доктор стоял к нему спиной. Из одного аппарата ползла узкая лента бумаги, на которой виднелась волнистая фиолетовая линия. Доктор отрывал кусочки этой ленты и вкладывал их в прорезь другой машины. Он снова и снова повторял это, и каждый раз машина выбрасывала небольшой кусочек пленки, который доктор внимательно рассматривал. Наконец, он повернулся к Джорджу, как-то странно нахмурив брови.

Жужжание прекратилось.

— Уже все? — прошептал Джордж.

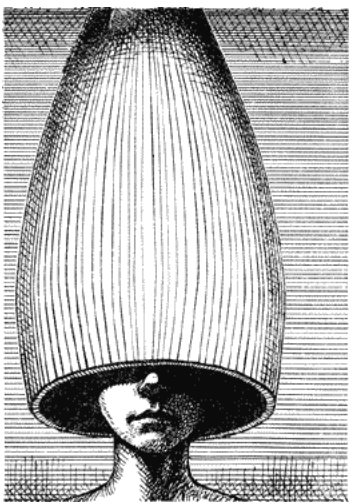
— Да, — не переставая хмуриться, произнес доктор.

— И я уже умею читать? — Джордж не чувствовал в себе никаких изменений.

— Что? — переспросил доктор, и на его губах мелькнула неожиданная улыбка. — Все идет, как надо, Джордж. Читать ты будешь через пятнадцать минут. А теперь мы воспользуемся другой

машиной, и это уже будет немного дольше. Я закрою тебе всю голову, и, когда я включу аппарат, ты на некоторое время перестанешь видеть и слышать, но тебе не будет больно. На всякий случай я дам тебе в руку выключатель. Если ты все-таки почувствуешь боль, нажми вот эту маленькую кнопку, и все прекратится. Хорошо?

Позже Джорджу довелось услышать, что это был не настоящий выключатель и его давали ребенку только для того, чтобы он чувствовал себя спокойнее. Однако он не знал твердо, так ли это, поскольку сам кнопки не нажимал.



Ему надели на голову большой шлем обтекаемой формы, выложенный изнутри резиной. Три-четыре небольшие выпуклости присосались к его черепу, но он ощутил лишь легкое давление, которое тут же исчезло. Боли не было.

Откуда-то глухо донесся голос доктора:

— Ну, как, Джордж, все в порядке?

И тогда, без всякого предупреждения, его как будто окутал толстый слой войлока. Он перестал ощущать собственное тело, исчезли чувства, весь мир, вся Вселенная. Остался лишь он сам и доносившийся из бездонных глубин небытия голос, который что-то шептал ему… шептал… шептал…

Он напряженно старался услышать и понять хоть что-нибудь, но между ним и шепотом лежал толстый войлок.

Потом с него сняли шлем. Яркий свет ударил ему в глаза, а голос доктора отдавался в ушах барабанной дробью.

— Вот твоя карточка, Джордж. Скажи, что на ней написано?

Джордж снова взглянул на карточку — и вскрикнул. Значки обрели смысл! Они слагались в слова, которые он понимал так отчетливо, будто кто-то подсказывал их ему на ухо. Он был уверен, что именно слышал их.

— Так что же на ней написано, Джордж?

— На ней написано… написано… «Плейтен Джордж. Родился 13 февраля 6492 года, родители Питер и Эми Плейтен, место…» — от волнения он не мог продолжать.

— Ты умеешь читать, Джордж, — сказал доктор. — Все уже позади.

— И я никогда не разучусь? Никогда?

— Ну конечно же, нет. — Доктор наклонился и серьезно пожал ему руку. — А сейчас тебя отправят домой.

Прошел не один день, прежде чем Джордж освоился со своей новой, замечательной способностью. Он так бегло читал отцу вслух, что Плейтен-старший не смог сдержать слез умиления и поспешил поделиться этой радостной новостью с родственниками.

Джордж бродил по городу, читая все попадавшиеся ему по пути надписи, и не переставал удивляться тому, что было время, когда он их не понимал.

Он пытался вспомнить, что это такое — не уметь читать, и не мог. Ему казалось, будто он всегда умел читать. Всегда.

* * *

К восемнадцати годам Джордж превратился в смуглого юношу среднего роста, но благодаря худобе он выглядел выше, чем был на самом деле. А коренастый, широкоплечий Тревельян, который был ниже его разве что на дюйм, по-прежнему выглядел настоящим коротышкой. Однако за последний год он стал очень самолюбив и никому не позволял безнаказанно употреблять это прозвище. Впрочем, настоящее имя нравилось ему еще меньше, и его называли просто Тревельяном или каким-нибудь прилично звучавшим сокращением фамилии. А чтобы еще более подчеркнуть свое возмужание, он упорно отращивал баки и жесткие, как щетина, усики.

Сейчас он вспотел от волнения, и Джордж, к тому времени тоже сменивший картавое «Джооджжи» на односложное гортанное «Джордж», глядел на него, посмеиваясь.

Они находились в том же огромном зале, где их однажды уже собирали десять лет назад (и куда они с тех пор ни разу не заходили). Казалось, внезапно воплотилось в действительность туманное сновидение из далекого прошлого. В первые минуты Джордж был очень удивлен, обнаружив,

что все здесь как будто стало меньше и теснее, но потом сообразил, что это вырос он сам.

Собралось их здесь меньше, чем в тот, первый раз, и одни юноши. Для девушек был назначен другой день.

— Не понимаю, почему нас заставляют ждать так долго, — вполголоса сказал Тревельян.

— Обычная волокита, — заметил Джордж. — Без нее не обойдешься.

— И откуда в тебе это идиотское спокойствие? — раздраженно поинтересовался Тревельян.

— А мне не из-за чего волноваться.

— Послушать тебя, так уши вянут! Надеюсь, ты станешь дипломированным возчиком навоза, вот тогда-то я на тебя погляжу. — Он окинул толпу угрюмым, тревожным взглядом.

Джордж тоже посмотрел по сторонам. На этот раз система была иной, чем в День чтения. Все шло гораздо медленнее, а инструкции были розданы сразу в печатном виде — значительное преимущество перед устными инструкциями еще не умеющим читать детям. Фамилии «Плейтен» и «Тревельян» по-прежнему стояли в конце списка, но теперь они уже знали, в чем дело.

Юноши один за другим выходили из проверочных комнат. Нахмурившись и явно испытывая

неловкость, они забирали свою одежду и вещи и отправлялись узнавать результаты.

Каждого окружала с каждым разом все более редевшая кучка тех, кто еще ждал своей очереди. «Ну, как?», «Очень трудно было?», «Как по-твоему, что тебе дали?», «Чувствуешь разницу?» — раздавалось со всех сторон.

Ответы были туманными и уклончивыми.

Джордж, напрягая всю волю, держался в стороне. Такие разговоры — лучший способ вывести человека из равновесия. Все единогласно утверждали, что больше всего шансов у тех, кто сохраняет спокойствие. Но, несмотря ни на что, он чувствовал, как у него постепенно холодеют руки.

Забавно, как с годами приходят новые заботы. Например, высококвалифицированные специалисты отправляются работать на другие планеты только с женами (или мужьями). Ведь на всех планетах необходимо поддерживать правильное соотношение числа мужчин и женщин. А какая девушка откажется выйти за человека, которого посылают на планету класса А? У Джорджа не было на примете никакой определенной девушки, да он и не интересовался ими. Еще не время. Вот когда его мечта осуществится и он получит право

добавлять к своему имени слова «дипломированный программист», вот тогда он, как султан в гареме, сможет выбрать любую. Эта мысль взволновала его, и он постарался тут же выкинуть ее из головы. Необходимо сохранять спокойствие.

— Что же это все-таки может значить? — пробормотал Тревельян. Сначала тебе советуют сохранять спокойствие и хладнокровие, а потом тебя ставят в такое вот положение — тут только и сохранять спокойствие!

— Может быть, это нарочно? Чтобы с самого начала отделить мужчин от мальчиков? Легче, легче, Трев!

— Заткнись!

Наконец вызвали Джорджа, но не по радио, как в тот раз, — его фамилия вспыхнула на световом табло.

Джордж помахал Тревельяну рукой.

— Держись, Трев! Не волнуйся.

Когда он входил в проверочную комнату, он был счастлив. Да, счастлив!

— Джордж Плейтен? — спросил человек, сидевший за столом.

На миг в сознании Джорджа с необыкновенной четкостью возник образ другого человека, который десять лет назад задал такой же вопрос,

и ему вдруг показалось, что перед ним тот же доктор, а он, Джордж, переступив порог, снова превратился в восьмилетнего мальчугана.

Сидевший за столом поднял голову — его лицо конечно, не имело ничего общего с образом, всплывшим из глубин памяти Джорджа. У этого нос был картошкой, волосы жидкие и спутанные, а под подбородком висела складка, словно прежде он был очень толстым, а потом вдруг сразу похудел.

— Ну? — раздраженно произнес он.

Джордж очнулся.

— Да, я Джордж Плейтен, сэр.

— Так и говорите. Я — доктор Зэкери Антонелли. Сейчас мы с вами познакомимся поближе.

Он пристально, по-совиному, разглядывал на свет маленькие кусочки пленки.

Джордж внутренне содрогнулся. Он смутно вспомнил, что тот, другой доктор (он забыл, как его звали) тоже рассматривал такую же пленку. Неужели это та самая? Тот хмурился, а этот взглянул на него сейчас так, как будто его что-то рассердило.

Джордж уже не чувствовал себя счастливым.

Доктор Антонелли раскрыл довольно пухлую папку и осторожно отложил в сторону пленки.

— Тут сказано, что вы хотите стать программистом вычислительных машин.

— Да, доктор.

— Вы не передумали?

— Нет, сэр.

— Это очень ответственная и сложная профессия. Вы уверены, что она вам по силам?

— Да, сэр.

— Большинство людей, еще не получивших образования, не называют никакой конкретной профессии. Видимо, они боятся повредить себе.

— Наверное так, сэр.

— А вас это не пугает?

— Я полагаю, что лучше быть откровенным, сэр.

Доктор Антонелли кивнул, но выражение его лица осталось прежним.

— Почему вы хотите стать программистом?

— Как вы только что сказали, сэр, это ответственная и сложная профессия. Программисты выполняют важную и интересную работу. Мне она нравится, и я думаю, что справлюсь с ней.

Доктор Антонелли отодвинул папку и кисло взглянул на Джорджа.

— Откуда вы знаете, что она вам понравится? Вы, наверное, думаете, что вас тут же подхватит

какая-нибудь планета класса А?

«Он пробует запугать меня, — с тревогой подумал Джордж. — Спокойно, Джордж, говори правду».

— Мне кажется, что у программиста на это бóльшие шансы, — произнес он, — но, даже если бы меня оставили на Земле, работа эта мне все равно нравилась бы, я знаю. («Во всяком случае, это так и я не лгу», — подумал Джордж.)

— Пусть так, но откуда вы это знаете?

Вопрос был задан таким тоном, словно на него нельзя было ответить разумно, и Джордж еле сдержал улыбку. У него-то имелся ответ!

— Я читал о программировании, сэр, — сказал он.

— *Что*?

На лице доктора отразилось неподдельное изумление, и это доставило Джорджу удовольствие.

— Я читал о программировании, сэр, — повторил он. — Я купил книгу на эту тему и изучал ее.

— Книгу, предназначенную для дипломированных программистов?

— Да, сэр.

— Но ведь вы могли не понять то, что там написано.

— Да, вначале. Но я достал другие книги по математике и электронике и разобрался в них, насколько мог. Я, конечно, знаю не так уж много, но все-таки достаточно, чтобы понять, что мне нравится эта профессия и что я могу быть программистом. (Даже его родители ничего не знали о тайнике, где он хранил эти книги, и не догадывались, почему он проводит так много времени в своей комнате и почему не высыпается.)

Доктор оттянул пальцами дряблую складку под подбородком.

— А зачем вы это делали, друг мой?

— Мне хотелось проверить, действительно ли эта профессия интересна.

— Но ведь вам известно, что это не имеет ни малейшего значения. Как бы вас ни привлекала та или иная профессия, вы не получите ее, если физическое устройство вашего мозга делает вас более пригодным для занятий иного рода. Вам ведь это известно?

— Мне говорили об этом, — осторожно ответил Джордж.

— Так поверьте, что это правда.

Джордж промолчал.

— Или вы думаете, что изучение какого-нибудь предмета перестроит мозговые клетки в нужном

направлении? А еще одна теорийка рекомендует беременной женщине чаще слушать прекрасную музыку, если она хочет, чтобы ребенок стал композитором. Вы, значит, верите в это?

Джордж покраснел. Конечно, он думал и об этом. Он полагал, что, постоянно упражняя свой интеллект в избранной области, он получит таким образом дополнительное преимущество. Его уверенность в значительной мере объяснялась именно этим.

— Я никогда… — начал было он, но не нашел, что сказать.

— Ну, так это неверно, молодой человек! К моменту рождения ваш мозг уже окончательно сформирован. Он может быть изменен ударом, достаточно сильным, чтобы повредить его клетки, или разрывом кровеносного сосуда, или опухолью, или тяжелым инфекционным заболеванием — в любом случае обязательно к худшему. Но повлиять на строение мозга, упорно о чем-то думая, попросту невозможно. — Он задумчиво посмотрел на Джорджа и добавил: — Кто вам посоветовал делать это?

Окончательно расстроившись, Джордж судорожно глотнул и ответил:

— Никто, доктор. Это моя собственная идея.

— А кто знал об этих ваших занятиях?

— Никто. Доктор, я не хотел ничего плохого.

— Кто сказал, что это плохо? Бесполезно, только и всего. А почему вы скрывали свои занятия?

— Я… я думал, что надо мной будут смеяться. (Он вдруг вспомнил о недавнем споре с Тревельяном. Очень осторожно, как будто эта мысль только зародилась в самом отдаленном уголке его сознания, Джордж высказал предположение, что, пожалуй, можно кое-чему научиться, черпая знания, так сказать, вручную, постепенно и понемногу. Тревельян оглушительно расхохотался: «Джордж, не хватает еще, чтобы ты начал дубить кожу для своих башмаков и сам ткать материю для своих рубашек». И тогда он обрадовался, что сумел хорошо сохранить свою тайну.)

Погрузившись в мрачное раздумье, доктор Антонелли перекладывал с места на место кусочки пленки, которые рассматривал в начале их разговора. Наконец он произнес:

— Займемся-ка вашим анализом. Так мы ничего не добьемся.

К вискам Джорджа приложили провода. Раздалось жужжание, и снова в его мозгу возникло ясное воспоминание о том, что происходило с ним в этом здании десять лет назад.

Руки Джорджа были липкими от пота, его сердце отчаянно колотилось. Зачем, зачем он сказал доктору, что тайком читает книги?

Всему виной было его проклятое тщеславие. Ему захотелось щегольнуть своей предприимчивостью и самостоятельностью, а вместо этого он продемонстрировал свое суеверие и невежество и восстановил доктора против себя. (Он чувствовал, что Антонелли возненавидел его за самодовольную развязность.) А теперь он довел себя до такого возбуждения, что анализатор, конечно, покажет полную бессмыслицу.

Он не заметил, когда именно с его висков сняли провода. Он только вдруг осознал, что доктор стоит перед ним и задумчиво смотрит на него. А проводов уже не было. Отчаянным усилием воли Джордж взял себя в руки. Он полностью распростился с мечтой стать программистом. За каких-нибудь десять минут она окончательно рассеялась.

— Наверно, нет? — уныло спросил он.

— Что нет?

— Из меня не выйдет программиста?

Доктор потер нос и сказал:

— Одевайтесь, заберите свои вещи и идите в комнату 15-С. Там вас будут ждать ваши бумаги и

мое заключение.

— Разве я уже получил образование? — изумленно спросил Джордж. — Мне казалось, что это только…

Доктор Антонелли внимательно посмотрел на письменный стол.

— Вам все объяснят. Делайте, как я сказал.

Джордж почувствовал смятение. Что от него утаивают? Он годится только для профессии дипломированного чернорабочего, и его хотят подготовить, заставить смириться с этой судьбой?

Он сразу полностью уверовал в правильность своей догадки, и ему пришлось напрячь все силы, чтобы не закричать.

Спотыкаясь, он побрел к своему месту в зале. Тревельяна там не было, и, если бы Джордж в тот момент был способен осмысленно воспринимать окружающее, он обрадовался бы этому обстоятельству. В зале вообще уже почти никого не осталось, а те немногие, которые, судя по их виду, как будто намеревались его порасспросить, были слишком измучены ожиданием своей очереди в конце алфавита, чтобы выдержать его свирепый, полный злобной ненависти взгляд.

По какому праву они будут квалифицирован-

ными специалистами, а он — чернорабочим? Чернорабочим! Он был в этом уверен.

* * *

Служитель в красной форме повел его по коридорам, полным деловой суеты, мимо комнат, в каждой из которых помещалась та или иная группа специалистов — где два, а где пять человек: механики-мотористы, инженеры-строители, агрономы… Существовали сотни различных профессий, и значительная их часть будет представлена в этом году по крайней мере одним или двумя жителями его родного городка.

В эту минуту Джордж ненавидел их всех: статистиков, бухгалтеров, тех, кто поважнее, и тех, кто помельче. Он ненавидел их за то, что они уже получили свои знания и им была ясна их дальнейшая судьба, а его самого, все еще не обученного, ждала какая-то новая волокита.

Наконец он добрался до двери с номером 15-С. Его ввели в пустую комнату и оставили одного. На какой-то миг он воспрянул духом. Ведь, если бы эта комната предназначалась для чернорабочих, тут уже сидело бы много его сверстников.

Дверь в невысокой, в половину человеческого роста, перегородке скользнула в паз, и в комнату

вошел пожилой седовласый мужчина. Он улыбнулся, показав ровные, явно фальшивые зубы, однако на его румяном лице не было морщин, а голос сохранил звучность.

— Добрый вечер, Джордж, — сказал он. — Я вижу, что на этот раз к нам в сектор попал только один из вас.

— Только один? — с недоумением повторил Джордж.

— Ну, по всей Земле таких, как вы, наберется несколько тысяч. Да, тысяч. Вы не одиноки.

Джордж почувствовал раздражение.

— Я ничего не понимаю, сэр, — сказал он. — Какова моя классификация? Что происходит?

— Полегче, друг мой. Ничего страшного. Это могло бы случиться с кем угодно. — Он протянул руку, и Джордж, машинально взяв ее, почувствовал крепкое пожатие. — Садитесь. Меня зовут Сэм Элленфорд.

Джордж нетерпеливо кивнул.

— Я хочу знать, в чем дело, сэр.

— Естественно. Во-первых, Джордж, вы не можете быть программистом. Я думаю, что вы и сами об этом догадались.

— Да, — с горечью согласился Джордж. — Но кем же я тогда буду?

— Это очень трудно объяснить, Джордж. — Он помолчал и затем отчетливо произнес: — Никем.

— Что?!

— Никем!

— Что это значит? Почему вы не можете дать мне профессию?

— Мы тут бессильны, Джордж, у нас нет выбора. За нас решает устройство вашего мозга.

Лицо Джорджа стало землистым, глаза выпучились.

— Мой мозг никуда не годится?

— Да как сказать. Но в отношении профессиональной классификации — можете считать, что он действительно не годится.

— Но почему?

Элленфорд пожал плечами.

— Вам, конечно, известно, как осуществляется на Земле программа образования. Практически любой человек может усвоить любые знания, но каждый индивидуальный мозг лучше подходит для одних видов знаний, чем для других. Мы стараемся по возможности сочетать устройство мозга с соответствующими знаниями в пределах квоты на специалистов каждой профессии.

Джордж кивнул.

— Да, я знаю.

— Но иногда, Джордж, нам попадается молодой человек, чей интеллект не подходит для наложения на него каких бы то ни было знаний.

— Другими словами, я не способен получить образование?

— Вот именно.

— Но это безумие. Ведь я умен. Я могу понять… — Он беспомощно оглянулся, как бы отыскивая какую-нибудь возможность доказать, что его мозг работает нормально.

— Вы неправильно меня поняли, — очень серьезно произнес Элленфорд. — Вы умны. Об этом вопроса не встает. Более того, ваш интеллект даже выше среднего. К сожалению, это не имеет никакого отношения к тому, подходит ли он для наложения знаний. Вообще сюда почти всегда попадают умные люди.

— Вы хотите сказать, что я не могу стать даже дипломированным чернорабочим? — пролепетал Джордж. Внезапно ему показалось, что даже это лучше, чем открывшаяся перед ним пустота. — Что особенного нужно знать, чтобы быть чернорабочим?

— Вы недооцениваете чернорабочих, молодой человек. Существует множество разновидностей этой профессии, и каждая из этих разновидностей

имеет свой комплекс довольно сложных знаний. Вы думаете, не требуется никакого искусства, чтобы правильно поднимать тяжести? Кроме того, для профессии чернорабочего мы должны отбирать не только подходящий тип мозга, но и подходящий тип тела. Вы не годитесь для этого, Джордж. Если бы вы стали чернорабочим, вас хватило бы ненадолго.

Джордж знал, что не обладает крепким телосложением.

— Но я никогда не слышал ни об одном человеке без профессии, — возразил он.

— Таких людей немного, — ответил Элленфорд. — И мы оберегаем их.

— Оберегаете? — Джордж почувствовал, как в его душе растут смятение и страх.

— Вы находитесь под опекой планеты, Джордж. С того момента, как вы вошли в эту дверь, мы приступили к своим обязанностям. — И он улыбнулся.

Это была добрая улыбка. Джорджу она показалась улыбкой собственника, улыбкой взрослого, обращенной к беспомощному ребенку.

— Значит, я попаду в тюрьму? — спросил он.

— Ни в коем случае. Вы просто будете жить с себе подобными.

«С себе подобными!» Эти слова громом отдались в ушах Джорджа.

— Вам нужны особые условия. Мы позаботимся о вас, — сказал Элленфорд.

К своему ужасу, Джордж вдруг залился слезами. Элленфорд отошел в другой конец комнаты и, как бы задумавшись о чем-то, отвернулся.

Джордж напрягал все силы, и судорожные рыдания сменились всхлипываниями, а потом ему удалось подавить и их. Он думал о своем отце, о матери, о друзьях, о Тревельяне, о своем позоре…

— Я же научился читать! — возмущенно сказал он.

— Каждый нормальный человек может научиться этому. Нам никогда не приходилось сталкиваться с исключениями. Но именно на этом этапе мы обнаруживаем… э… э… исключения. Когда вы научились читать, Джордж, мы узнали об особенностях вашего мышления. Дежурный врач уже тогда сообщил о некотором его своеобразии.

— Неужели вы не можете попробовать дать мне образование? Ведь вы даже не пытались сделать это. Весь риск я возьму на себя.

— Закон запрещает нам это, Джордж. Но, послушайте, все будет хорошо. Вашим родителям

мы представим дело в таком свете, что это не огорчит их. А там, куда вас поместят, вы будете пользоваться некоторыми привилегиями. Мы дадим вам книги, и вы сможете изучать все, что пожелаете.

— Собирать знания по зернышку, — горько произнес Джордж. — И к концу жизни я буду знать как раз достаточно, чтобы стать дипломированным младшим клерком в отделе скрепок.

— Однако, если не ошибаюсь, вы уже пробовали учиться по книгам.

Джордж замер. Его мозг пронзила страшная догадка.

— Так вот оно что…

— Что?

— Этот ваш Антонелли! Он хочет погубить меня!

— Нет, Джордж, вы ошибаетесь.

— Не разуверяйте меня. — Джорджа охватила безумная ярость. — Этот поганый ублюдок решил расквитаться со мной за то, что я оказался для него слишком умным. Я читал книги и пытался подготовиться к профессии программиста. Ладно, какого отступного вы хотите? Деньги? Так вы их не получите. Я ухожу, и когда я объявлю об этом…

Он перешел на крик.

Элленфорд покачал головой и нажал кнопку.

В комнату на цыпочках вошли двое мужчин и с двух сторон приблизились к Джорджу. Они прижали его руки к бокам, и один из них поднес к локтевой впадине его правой руки воздушный шприц. Снотворное проникло в вену и подействовало почти мгновенно.

Крики Джорджа тут же оборвались, голова поникла, колени подогнулись, и только служители, поддерживавшие его с обеих сторон, не дали ему, спящему, рухнуть на пол.

* * *

Как и было обещано, о Джордже позаботились. Его окружили вниманием и были к нему неизменно добры — Джорджу казалось, что он сам точно так же обращался бы с больным котенком.

Ему сказали, что он должен взять себя в руки и найти для себя какой-нибудь интерес в жизни. Потом ему объяснили, что большинство тех, кто попадает сюда, вначале всегда предается отчаянию и что со временем у него это пройдет. Но он даже не слышал их.

Джорджа посетил сам доктор Элленфорд и рассказал, что его родителям сообщили, будто он

получил особое назначение.

— А они знают?.. — пробормотал Джордж.

Элленфорд поспешил успокоить его:

— Мы не вдавались в подробности.

Первое время Джордж отказывался есть и ему вводили питание внутривенно. От него спрятали острые предметы и приставили к нему охрану. В его комнате поселился Хали Омани, и флегматичность нигерийца подействовала на Джорджа успокаивающе.

Однажды, снедаемый отчаянной скукой, Джордж попросил какую-нибудь книгу. Омани, который сам постоянно что-то читал, поднял голову и широко улыбнулся. Не желая доставлять им удовольствия, Джордж чуть было не взял назад свою просьбу, но потом подумал: «А не все ли равно?» Он не уточнил, о чем именно хочет читать, и Омани принес ему книгу по химии. Текст был напечатан крупными буквами, составлен из коротких слов и пояснялся множеством картинок. Это была книга для подростков, и Джордж с яростью швырнул ее об стену.

Таким он будет всегда. На всю жизнь он останется подростком, человеком, не получившим образования, и для него будут писать специальные книги. Изнывая от ненависти, он лежал в

кровати и глядел в потолок, однако через час, угрюмо насупившись, встал, поднял книгу и принялся за чтение.

* * *

Через неделю он кончил ее и попросил другую.

— А первую отнести обратно? — спросил Омани.

Джордж нахмурился. Кое-чего он не понял, но он еще не настолько потерял чувство собственного достоинства, чтобы сознаться в этом.

— Впрочем, пусть остается, — сказал Омани. — Книги предназначены для того, чтобы их читали и перечитывали.

Это произошло в тот самый день, когда он наконец принял приглашение Омани посмотреть заведение, в котором они находились. Он плелся за нигерийцем, бросая вокруг быстрые злобные взгляды.

О да, это место не было тюрьмой! Ни запертых дверей, ни решеток, ни охраны. Оно напоминало тюрьму только тем, что его обитатели не могли его покинуть.

И все-таки было приятно увидеть десятки подобных себе людей. Ведь слишком легко могло показаться, что во всем мире только ты один

так… искалечен.

— А сколько здесь живет человек? — пробормотал он.

— Двести пять, Джордж, и это не единственное в мире заведение такого рода. Их тысячи.

Где бы он ни проходил, люди поворачивались в его сторону и провожали его глазами — и в гимнастическом зале, и на теннисных кортах, и в библиотеке. (Никогда в жизни он не представлял себе, что может существовать такое количество книг; ими были битком — именно битком набиты длинные полки.) Все с любопытством рассматривали его, а он бросал в ответ яростные взгляды. Уж они-то ничем не лучше его, как же они смеют глазеть на него, словно на какую-нибудь диковинку!

Всем им, по-видимому, было лет двадцать-двадцать пять.

— А что происходит с теми, кто постарше? — неожиданно спросил Джордж.

— Здесь живут только более молодые, — ответил Омани, а затем, словно вдруг поняв скрытый смысл вопроса Джорджа, укоризненно покачал головой и добавил: — Их не уничтожают, если ты это имеешь в виду. Для старшего возраста существуют другие приюты.

— А впрочем, мне наплевать… — пробормотал Джордж, почувствовав, что проявил к этому слишком большой интерес и ему угрожает опасность сдаться.

— Но почему? Когда ты станешь старше, тебя переведут в приют, предназначенный для лиц обоего пола.

Это почему-то удивило Джорджа.

— И женщин тоже?

— Конечно. Неужели ты считаешь, что женщины не подвержены этому?

И Джордж поймал себя на том, что испытывает такой интерес и волнение, каких не замечал в себе с того дня, когда… Он заставил себя не думать об этом.

Омани остановился на пороге комнаты, где стояли небольшая телевизионная установка и настольная счетная машина. Перед экраном сидели пять-шесть человек.

— Классная комната, — пояснил Омани.

— А что это такое? — спросил Джордж.

— Эти юноши получают образование, — ответил Омани. — Но не обычным способом, — быстро добавил он.

— То есть они получают знания по капле?

— Да. Именно так учились в старину.

С тех пор как он появился в приюте, ему все время твердили об этом. Но что толку? Предположим, было время, когда человечество не знало диатермической печи. Разве из этого следует, что он должен довольствоваться сырым мясом в мире, где все остальные едят его вареным или жареным?

— Что толку от этого крохоборства? — спросил он.

— Нужно же чем-то занять время, Джордж, а кроме того, им интересно.

— А какая им от этого польза?

— Они чувствуют себя счастливее.

Джордж размышлял над этим, даже ложась спать.

На другой день он буркнул, обращаясь к Омани:

— Ты покажешь мне класс, где я смогу узнать что-нибудь о программировании?

— Ну конечно, — охотно согласился Омани.

* * *

Дело продвигалось медленно, и это возмущало Джорджа. Почему кто-то снова и снова объясняет одно и то же? Почему он читает и перечитывает какой-нибудь абзац, а потом, глядя на матема-

тическую формулу, не сразу ее понимает? Ведь людям за стенами приюта все это дается в один присест.

Несколько раз он бросал занятия. Однажды он не посещал классов целую неделю. Но всегда возвращался обратно. Дежурный наставник, который советовал им, что читать, вел телевизионные сеансы и даже объяснял трудные места и понятия, казалось, не замечал его поведения.

В конце концов Джорджу поручили постоянную работу в парке, а кроме того, когда наступала его очередь, он занимался уборкой и помогал на кухне. Ему представили это как шаг вперед, но им не удалось его провести. Ведь тут можно было бы завести куда больше всяческих бытовых приборов, но юношам нарочно давали работу, чтобы создать для них иллюзию полезного существования. Только его, Джорджа, им провести не удалось.

Им даже платили небольшое жалованье. Эти деньги они могли тратить на кое-какие дополнительные блага из числа указанных в списке либо откладывать их для сомнительного использования в столь же сомнительной старости. Джордж держал свои деньги в открытой жестянке, стоявшей на полке стенного шкафа. Он не имел ни

малейшего представления, сколько там накопилось. Ему это было совершенно безразлично.

Он ни с кем по-настоящему не подружился, хотя к этому времени уже вежливо здоровался с обитателями приюта. Он даже перестал (вернее, почти перестал) терзать себя мыслями о роковой ошибке, из-за которой попал сюда. По целым неделям ему уже не снился Антонелли, его толстый нос и дряблая шея, его злобная усмешка, с которой он заталкивал Джорджа в раскаленный зыбучий песок и держал его там до тех пор, пока тот не просыпался с криком, встречая участливый взгляд склонившегося над ним Омани.

Как-то раз в снежный февральский день Омани сказал ему:

— Просто удивительно, как ты приспособился.

Но это было в феврале, точнее, тринадцатого февраля, в день его рождения. Пришел март, за ним апрель, а когда уже не за горами был май, Джордж понял, что ничуть не приспособился.

Год назад он не заметил мая. Тогда, впав в апатию и, потеряв цель в жизни, он целыми днями валялся в постели. Но этот май был иным.

Джордж знал, что повсюду на Земле вскоре начнется Олимпиада и молодые люди будут состязаться друг с другом в профессиональном

искусстве, борясь за места на новых планетах. На всей Земле будет праздничная атмосфера, волнение, нетерпеливое ожидание последних новостей о результатах состязаний. Прибудут важные агенты-вербовщики с далеких планет. Победители будут увенчаны славой, но и потерпевшие поражение найдут чем утешиться.

Сколько было об этом написано книг! Как он сам мальчишкой из года в год увлеченно следил за олимпийскими состязаниями! И сколько с этим было связано его личных планов…

Джордж Плейтен сказал с плохо скрытой тоской в голосе:

— Завтра первое мая. Начало Олимпиады!

И это вызвало его первую ссору с Омани, так что тот, сурово отчеканивая каждое слово, произнес полное название заведения, где находился Джордж.

Пристально глядя на Джорджа, Омани сказал раздельно:

— Приют для слабоумных.

Джордж Плейтен покраснел. Для слабоумных!

Он в отчаянии отогнал эту мысль и глухо сказал:

— Я ухожу.

Он сказал это не думая, и смысл этих слов до-

стиг его сознания, лишь когда они уже сорвались с языка.

Омани, который снова принялся за чтение, поднял голову.

— Что ты сказал?

Но теперь Джордж понимал, что говорит.

— Я ухожу! — яростно повторил он.

— Что за нелепость! Садись, Джордж, и успокойся.

— Ну, нет! Сколько раз повторять тебе, что со мной попросту расправились. Я не понравился этому доктору, Антонелли, а все эти мелкие бюрократишки любят покуражиться. Стоит только с ними не поладить, и они одним росчерком пера на какой-нибудь карточке стирают тебя в порошок.

— Ты опять за старое?

— Да, и не отступлю, пока все не выяснится. Я доберусь до Антонелли и выжму из него правду. — Джордж тяжело дышал, его била нервная дрожь. Наступал месяц Олимпиады, и он не мог допустить, чтобы этот месяц прошел для него безрезультатно. Если он сейчас ничего не предпримет, он окончательно капитулирует и погибнет навсегда.

Омани спустил ноги с кровати и встал. Он был

почти шести футов ростом, и выражение лица придавало ему сходство с озабоченным сенбернаром. Он обнял Джорджа за плечи.

— Если я обидел тебя…

Джордж сбросил его руку.

— Ты просто сказал то, что считаешь правдой, а я докажу, что это ложь, вот и все. А почему бы мне не уйти? Дверь открыта, замков здесь никаких нет. Никто никогда не говорил, что мне запрещено выходить. Я просто возьму и уйду.

— Допустим. Но куда ты отправишься?

— В ближайший аэропорт, а оттуда — в ближайший большой город, где проводится какая-нибудь Олимпиада. У меня есть деньги. — Он схватил жестянку, в которую складывал свой заработок. Несколько монет со звоном упало на пол.

— Этого тебе, возможно, хватит на неделю. А потом?

— К этому времени я все улажу.

— К этому времени ты приползешь обратно, — сказал Омани с силой, — и тебе придется начинать все сначала. Ты сошел с ума, Джордж.

— Только что ты назвал меня слабоумным.

— Ну, извини меня. Останься, хорошо?

— Ты что, попытаешься удержать меня?

Омани сжал толстые губы.

— Нет, не попытаюсь. Это твое личное дело. Если ты образумишься только после того, как столкнешься с внешним миром и вернешься сюда с окровавленной физиономией, так уходи… Да, уходи!

Джордж уже стоял в дверях. Он оглянулся через плечо.

— Я ухожу.

Он вернулся, чтобы взять свой карманный несессер.

— Надеюсь, ты ничего не имеешь против, если я заберу кое-что из моих вещей?

Омани пожал плечами. Он опять улегся в постель и с безразличным видом погрузился в чтение.

Джордж снова помедлил на пороге, но Омани даже не взглянул в его сторону. Скрипнув зубами, Джордж повернулся, быстро зашагал по безлюдному коридору и вышел в окутанный ночной мглой парк.

Он ждал, что его задержат еще в парке, но его никто не остановил. Он зашел в ночную закусочную, чтобы спросить дорогу к аэропорту, и думал, что хозяин тут же вызовет полицию, но этого не случилось. Джордж вызвал скиммер, и водитель повез его в аэропорт, не задав ни одного вопроса.

Однако все это его не радовало. Когда он прибыл в аэропорт, на душе у него было на редкость скверно. Прежде он как-то не задумывался над тем, что его ожидает во внешнем мире. И вот он оказался среди людей, обладающих профессиями. В закусочной над кассой была укреплена пластмассовая пластинка с именем хозяина. Такой-то, дипломированный повар. У человека, управляющего скиммером, были права дипломированного водителя. Джордж остро почувствовал незаконченность своей фамилии и из-за этого ощущал себя как будто голым, даже хуже — ему казалось, что с него содрали кожу. Но он не поймал на себе ни одного подозрительного взгляда. Никто не остановил его, не потребовал у него профессионального удостоверения.

«Кому придет в голову, что есть люди без профессии?» — с горечью подумал Джордж.

Он купил билет до Сан-Франциско на стратоплан, улетавший в 3 часа ночи. Другие стратопланы в крупные центры Олимпиады вылетали только утром, а Джордж боялся ждать. Даже и теперь он устроился в самом укромном уголке зала ожидания и стал высматривать полицейских. Но они не явились.

В Сан-Франциско он прилетел еще до полудня,

и городской шум обрушился на него, подобно удару. Он никогда еще не видел такого большого города, а за последние полтора года привык к тишине и спокойствию.

Да и к тому же это был месяц Олимпиады. Когда Джордж вдруг сообразил, что именно этим объясняются особый шум, возбуждение и суматоха, он почти забыл о собственном отчаянном положении.

Для удобства прибывающих пассажиров в аэропорту были установлены Олимпийские стенды, перед которыми собирались большие толпы. Для каждой основной профессии был отведен особый стенд, на котором значился адрес того Олимпийского зала, где в данный день проводилось состязание по этой профессии, затем перечислялись его участники с указанием места их рождения и называлась планета-заказчик (если таковая была).

Все полностью соответствовало традициям. Джордж достаточно часто читал в газетах описания Олимпийских состязаний, видел их по телевизору и даже однажды присутствовал на небольшой Олимпиаде дипломированных мясников в главном городе своего округа. Даже это состязание, не имевшее никакого отношения к

другим мирам (на нем, конечно, не присутствовало ни одного представителя иной планеты), привлекло множество зрителей.

Отчасти это объяснялось просто самим фактом состязания, отчасти — местным патриотизмом (о, что творилось, когда среди участников оказывался земляк, пусть даже совершенно незнакомый, но за которого можно было болеть!) и, конечно, до некоторой степени — возможностью заключать пари. Бороться с этим было невозможно.

Джордж убедился, что подойти поближе к стенду не так-то просто. Он поймал себя на том, что как-то по-новому смотрит на оживленные лица вокруг.

Ведь было же время, когда эти люди сами участвовали в Олимпиадах. А чего они достигли? Ничего!

Если бы они были победителями, то не сидели бы на Земле, а находились бы где-нибудь далеко в глубинах Галактики. Кем бы они ни были, их профессии с самого начала сделали их добычей Земли. Или, если у них были высокоспециализированные профессии, они стали добычей Земли из-за собственной бездарности.

Теперь эти неудачники, собравшись здесь, взвешивали шансы новых, молодых участников

состязаний. Стервятники!

Как страстно он желал, чтобы они прикидывали сейчас его шансы!

Он машинально шел мимо стендов, держась у самого края толпы. В стратоплане он позавтракал, и ему не хотелось есть. Зато ему было страшно. Он находился в большом городе в самый разгар суматохи, которая сопутствует началу Олимпийских состязаний. Это, конечно, для него выгодно. Город наводнен приезжими. Никто не станет расспрашивать Джорджа. Никому не будет до него никакого дела.

«Никому, даже приюту», — с болью подумал Джордж.

Там за ним ухаживали, как за больным котенком, но если больной котенок возьмет да убежит? Что поделаешь — тем хуже для него!

А теперь, добравшись до Сан-Франциско, что он предпримет? На этот вопрос у него не было ответа. Обратиться к кому-нибудь? К кому именно? Как? Он не знал даже, где ему остановиться. Деньги, которые у него остались, казались жалкими грошами.

Он вдруг со стыдом прикинул, не лучше ли будет вернуться в приют. Ведь можно пойти в полицию... Но тут же яростно замотал головой,

словно споря с реальным противником.

Его взгляд упал на слово «Металлурги», которое ярко светилось на одном из стендов. Рядом, помельче — «Цветные металлы». А под длинным списком фамилий завивались прихотливые буквы: «Заказчик — Новия».

На Джорджа нахлынули мучительные воспоминания: его спор с Тревельяном, когда он был так уверен, что станет программистом, так уверен, что программист намного выше металлурга, так уверен, что идет по правильному пути, так уверен в своих способностях…

Как он расхвастался перед этим мелочным, мстительным Антонелли! Он же был так уверен в себе, когда его вызвали, и он еще постарался ободрить нервничавшего Тревельяна. В себе-то он был уверен!

У Джорджа вырвался всхлипывающий вздох. Какой-то человек обернулся и, взглянув на него, поспешил дальше. Мимо торопливо проходили люди, поминутно толкая его то в одну, то в другую сторону, а он не мог оторвать изумленных глаз от стенда.

Ведь стенд словно откликнулся на его мысли! Он настойчиво думал о Тревельяне, и на мгновение ему показалось, что на стенде в ответ

обязательно возникнет слово «Тревельян».

Но там и в самом деле значился Тревельян. Арманд Тревельян (имя, которое так ненавидел Коротышка, ярко светилось на стенде для всеобщего обозрения), а рядом — название их родного города. Да и к тому же Трев всегда мечтал о Новии, стремился на Новию, ни о чем не думал, кроме Новии. А заказчиком этого состязания была Новия.

Значит, это действительно Трев, старина Трев! Почти машинально он запомнил адрес зала, где проводилось состязание, и стал в очередь на скиммер.

«Трев-таки добился своего! — вдруг угрюмо подумал он. — Он хотел стать металлургом и стал!» Джорджу стало холодно и одиноко, как никогда.

* * *

У входа в зал стояла очередь. Очевидно, Олимпиада металлургов обещала захватывающую и напряженную борьбу. По крайней мере так утверждала горевшая высоко в небе надпись, и так же, казалось, думали теснившиеся у входа люди.

Джордж решил, что, судя по цвету неба, день выдался дождливый, но над всем Сан-Франциско, от залива до океана, натянули прозрачный

защитный купол. Это, конечно, стоило немалых денег, но, когда дело касается удобства представителей других миров, все расходы оправдываются. А на Олимпиаду их съедется сюда немало. Они швыряют деньги направо и налево, а за каждого нанятого специалиста планета-заказчик платила не только Земле, но и местным властям. Так что город, в котором представители других планет проводили месяц Олимпиады с удовольствием, внакладе не оставался. Сан-Франциско знал, что делает.

Джордж так глубоко задумался, что вздрогнул, когда его плеча мягко коснулась чья-то рука и вежливый голос произнес:

— Вы стоите в очереди, молодой человек?

Очередь продвинулась, и теперь Джордж наконец обнаружил, что перед ним образовалось пустое пространство. Он поспешно шагнул вперед и пробормотал:

— Извините, сэр.

Два пальца осторожно взяли его за локоть. Он испуганно оглянулся.

Стоявший за ним человек весело кивнул. В его волосах пробивалась обильная седина, а под пиджаком он носил старомодный свитер, застегивавшийся спереди на пуговицы.

— Я не хотел вас обидеть, — сказал он.

— Ничего.

— Вот и хорошо! — Он, казалось, был расположен благодушно поболтать. — Я подумал, что вы, может быть, случайно остановились тут, задержавшись из-за очереди, и что вы, может быть…

— Кто? — резко спросил Джордж.

— Участник состязания, конечно. Вы же очень молоды.

Джордж отвернулся. Он был не в настроении для благодушной болтовни и испытывал злость ко всем любителям совать нос в чужие дела.

Его внезапно осенила новая мысль. Не разыскивают ли его? Вдруг сюда уже сообщили его приметы или прислали фотографию? Вдруг этот Седой позади него ищет предлога получше рассмотреть его лицо?

Надо бы все-таки узнать последние известия. Задрав голову, Джордж взглянул на движущуюся полосу заголовков и кратких сообщений, которые бежали по одной из секций прозрачного купола, непривычно тусклые на сером фоне затянутого облаками предвечернего неба. Но тут же решил, что это бесполезно, и отвернулся. Для этих сообщений его персона слишком ничтожна. Во время Олимпиады только одни новости заслуживают

упоминания: количество очков, набранных победителями, и призы, завоеванные континентами, нациями и городами.

И так будет продолжаться до конца месяца. Очки будут подсчитываться на душу населения, и каждый город будет изыскивать способ подсчета, который дал бы ему возможность занять почетное место.

Его собственный город однажды занял третье место на Олимпиаде электротехников, третье место во всем штате! В ратуше до сих пор висит мемориальная доска, увековечившая это событие.

Джордж втянул голову в плечи и засунул руки в карманы, но тут же решил, что так скорее привлечет к себе внимание. Он расслабил мышцы и попытался принять безразличный вид, но от страха не избавился. Теперь он находился уже в вестибюле, и до сих пор на его плечо не опустилась властная рука блюстителя порядка. Наконец он вошел в зал и постарался пробраться как можно дальше вперед.

Вдруг он заметил рядом Седого и опять почувствовал страх. Он быстро отвел взгляд и попытался внушить себе, что это вполне естественно. В конце концов, Седой стоял в очереди

прямо за ним.

К тому же Седой, поглядев на него с приветливой вопросительной улыбкой, отвернулся. Олимпиада вот-вот должна была начаться. Джордж приподнялся, высматривая Тревельяна, и на время забыл обо всем остальном.

* * *

Зал был не очень велик и имел форму классического вытянутого овала. Зрители располагались на двух галереях, опоясывавших зал, а участники состязания — внизу, в длинном и узком углублении. Приборы были уже установлены, а на табло над каждым рабочим местом пока светились только фамилии и номера состязающихся. Сами участники были на сцене. Одни читали, другие разговаривали. Кто-то внимательно разглядывал свои ногти. (Хороший тон требовал, чтобы они проявляли полное равнодушие к предстоящему испытанию, пока не будет подан сигнал к началу состязания.) Джордж просмотрел программу, которая появилась из ручки его кресла, когда он нажал кнопку, и отыскал фамилию Тревельяна. Она значилась под номером двенадцать, и, к огорчению Джорджа, место его приятеля находилось в другом конце зала. Он нашел участника

под двенадцатым номером: тот, засунув руки в карманы, стоял спиной к своему прибору и смотрел на галереи, словно пересчитывал зрителей, но лица его Джордж не видел.

И все-таки он сразу узнал Трева.

Джордж откинулся в кресле. Добьется ли Трев успеха? Из чувства долга он желал ему самых лучших результатов, однако в глубине его души нарастал бунт. Он, Джордж, человек без профессии, сидит здесь простым зрителем, а Тревельян, дипломированный металлург, специалист по цветным металлам, участвует в Олимпиаде.

Джордж не знал, выступал ли Тревельян олимпийским соискателем в первый год после получения профессии. Такие смельчаки находились: либо человек был очень уверен в себе, либо очень торопился. В этом крылся определенный риск. Как ни эффективен был процесс обучения, год, проведенный на Земле после получения образования («чтобы смазать неразработавшиеся знания», согласно поговорке), обеспечивал более высокие результаты.

Если Тревельян выступает в состязаниях вторично, он, быть может, не так уж и преуспел. Джордж со стыдом заметил, что эта мысль ему скорее приятна.

Он поглядел по сторонам. Почти все места были заняты. Олимпиада соберет много зрителей, а значит, участники будут больше нервничать, а может быть, и работать с большей энергией — в зависимости от характера.

«Но почему это называется Олимпиадой?» — подумал он вдруг в недоумении. Он не знал. Почему хлеб называют хлебом?

В детстве он как-то спросил отца:

— Папа, а что такое Олимпиада?

И отец ответил:

— Олимпиада — значит состязание.

— А когда мы с Коротышкой боремся, это тоже Олимпиада? — поинтересовался Джордж.

— Нет, — ответил Плейтен-старший. — Олимпиада — это особенное состязание. Не задавай глупых вопросов. Когда получишь образование, узнаешь все, что тебе положено знать.

Джордж глубоко вздохнул, вернулся к действительности и уселся поглубже в кресло.

Все, что тебе положено знать!

Странно, как хорошо он помнит эти слова! «Когда ты получишь образование…» Никто никогда не говорил: «Если ты получишь образование…» Теперь ему казалось, что он всегда задавал глупые вопросы. Как будто его разум инстинктивно

предвидел свою неспособность к образованию и придумывал всяческие расспросы, чтобы хоть по обрывкам собрать побольше знаний.

А в приюте поощряли его любознательность, проповедуя то же, к чему инстинктивно стремился его разум. Единственный открытый ему путь!

Внезапно он выпрямился. Черт возьми, что это он? Чуть было не попался на их удочку! Неужели он сдастся только потому, что там перед ним Трев, получивший образование и участвующий в Олимпиаде?

Нет, он не слабоумный! Нет!!

И, словно в ответ на этот мысленный вопль протеста, зрители вокруг зашумели. Все встали.

В ложу, расположенную в самом центре длинной дуги овала, входили люди, одетые в цвета планеты Новии, и на главном табло над их головами вспыхнуло слово «Новия».

Новия была планетой класса А с большим населением и высокоразвитой цивилизацией, быть может самой лучшей во всей Галактике. Каждый землянин мечтал когда-нибудь поселиться в таком мире, как Новия, или, если ему это не удастся, увидеть там своих детей. Джордж вспомнил, с какой настойчивостью стремился к Новии Тревельян, и вот теперь он состязается за

право уехать туда.

Лампы над головами зрителей погасли, потухли и стены. Поток яркого света хлынул вниз, туда, где находились участники состязания.

Джордж снова попытался рассмотреть Тревельяна. Но тот был слишком далеко.

— Уважаемые новианские заказчики, уважаемые дамы и господа! — раздался отчетливый, хорошо поставленный голос диктора. — Сейчас начнутся Олимпийские состязания металлургов, специалистов по цветным металлам. В состязании принимают участие…

С добросовестной внятностью диктор прочитал список, приведенный в программе. Фамилии, названия городов, откуда прибыли участники, год получения образования. Зрители встречали каждое имя аплодисментами, и самые громкие доставались на долю жителей Сан-Франциско. Когда очередь дошла до Тревельяна, Джордж неожиданно для самого себя бешено завопил и замахал руками. Но еще больше его удивило то, что сидевший рядом с ним седой мужчина повел себя точно так же.

Джордж не мог скрыть своего изумления, и его сосед, наклонившись к нему и напрягая голос, чтобы перекричать шум, произнес:

— У меня здесь нет земляков. Я буду болеть за ваш город. Это ваш знакомый?

Джордж отодвинулся, насколько мог.

— Нет.

— Я заметил, что вы все время смотрите в том направлении. Не хотите ли воспользоваться моим биноклем?

— Нет, благодарю вас. (Почему этот старый дурак сует нос не в свое дело?) Диктор продолжал сообщать другие официальные сведения, касавшиеся номера состязания, метода хронометрирования и подсчитывания очков. Наконец он дошел до самого главного, и публика замерла, обратившись в слух.

— Каждый участник состязания получит по бруску сплава неизвестного для него состава. От него потребуется произвести количественный анализ этого сплава и сообщить все результаты в процентах с точностью до четырех знаков после запятой. Для этого все соревнующиеся будут пользоваться микроспектрографами Бимена, модель MD-2, каждый из которых в настоящее время неисправен.

Зрители одобрительно зашумели.

— Каждый участник должен будет определить неисправность своего прибора и ликвидировать

ее. Для этого им даны инструменты и запасные детали. Среди них может не оказаться нужной детали, и ее надо будет затребовать. Время, которое займет доставка, вычитается из общего времени, затраченного на выполнение задания. Все участники готовы?

На табло над пятым номером вспыхнул тревожный красный сигнал. Номер пять бегом бросился из зала и быстро вернулся. Зрители добродушно рассмеялись.

— Все готовы?

Табло остались темными.

— Есть какие-нибудь вопросы?

По-прежнему ничего.

— Можете начинать!

* * *

Разумеется, ни один из зрителей не имел возможности непосредственно определить, как продвигается работа у каждого участника. Некоторое представление об этом могли дать только надписи, вспыхивавшие на табло. Впрочем, это не имело ни малейшего значения. Среди зрителей только металлург, окажись он здесь, мог бы разобраться в сущности состязания. Но важно было, кто победит, кто займет второе, а кто — третье

место. Для тех, кто ставил на участников (а этому не могли помешать никакие законы), только это было важно. Все прочее их не интересовало.

Джордж следил за состязанием так же жадно, как и остальные, поглядывая то на одного участника, то на другого. Он видел, как вот этот, ловко орудуя каким-то маленьким инструментом, снял крышку со своего микроспектрографа; как тот всматривался в экран аппарата; как спокойно вставлял третий свой брусок сплава в зажим и как четвертый накручивал верньер, причем настолько осторожно, что, казалось, на мгновение застыл в полной неподвижности.

Тревельян, как и все остальные участники, был целиком поглощен своей работой. А как идут его дела, Джордж определить не мог.

На табло над семнадцатым номером вспыхнула надпись: «Сдвинута фокусная пластинка».

Зрители бешено зааплодировали.

Семнадцатый номер мог быть прав, но мог, конечно, и ошибиться. В этом случае ему пришлось бы позже дать другое заключение, потеряв на этом время. А может быть, он не заметил бы ошибки и не сумел бы сделать анализ. Или же, еще хуже, он мог получить совершенно неверные результаты.

Неважно. А пока зрители ликовали.

Зажглись и другие табло. Джордж не спускал глаз с табло номер двенадцать. Наконец оно тоже засветилось:

«Держатель децентрирован. Требуется новый зажим».

К Тревельяну подбежал служитель с новой деталью. Если Трев ошибся, это означает бесполезную задержку, а время, потраченное на ожидание детали, не будет вычтено из общего времени. Джордж невольно затаил дыхание.

На семнадцатом табло начали появляться светящиеся буквы результата анализа: «Алюминий — 41,2649, магний — 22,1914, медь — 10.1001».

И на других табло все чаще вспыхивали цифры.

Зрители бесновались.

Джордж недоумевал, как участники могли работать в таком бедламе, потом ему пришло в голову, что, может быть, это даже хорошо: ведь первоклассный специалист лучше всего работает в напряженной обстановке.

На семнадцатом табло вспыхнула красная рамка, знаменующая окончание работы, и семнадцатый номер поднялся со своего места. Четвертый отстал от него всего лишь на две секунды. Затем

кончил еще один и еще.

Тревельян продолжал работать, определяя последние компоненты своего сплава. Он поднялся, когда почти все состязающиеся уже стояли. Последним встал пятый номер, и публика приветствовала его ироническими возгласами.

Однако это был еще не конец. Заключение жюри, естественно, задерживалось. Время, затраченное на всю операцию, имело определенное значение, но не менее важна была точность результатов. И не все задачи были одинаково трудны. Необходимо было учесть множество факторов.

Наконец раздался голос диктора:

— Победителем состязания, выполнившим задание за четыре минуты двенадцать секунд, правильно определившим неисправность и получившим правильный результат с точностью до семи десятитысячных процента, является участник под номером… семнадцать, Генрих Антон Шмидт из…

Остальное потонуло в бешеном реве. Второе место занял восьмой номер, третье — четвертый, хороший показатель времени которого был испорчен ошибкой в пять сотых процента при определении количественного содержания нио-

бия. Двенадцатый номер даже не был упомянут, если не считать фразы «...а остальные участники...» Джордж протолкался к служебному выходу и обнаружил, что здесь уже собралось множество людей — плачущие (кто от радости, кто от горя) родственники, репортеры, намеренные взять интервью у победителей, земляки, охотники за автографами, любители рекламы и просто любопытные. Были здесь и девушки, надеявшиеся обратить на себя внимание победителя, который почти наверняка отправится на Новию (а может быть, и потерпевшего поражение, который нуждается в утешении и имеет деньги, чтобы позволить себе такую роскошь).

Джордж остановился в сторонке. Он не увидел ни одного знакомого лица. Сан-Франциско был так далеко от их родного города, что вряд ли Трев приехал сюда в сопровождении близких, которые теперь печально поджидали бы его у двери.

Смущенно улыбаясь и кланяясь в ответ на приветствия, появились участники соревнования. Полицейские сдерживали толпу, освобождая им проход. Каждый из набравших большое количество очков увлекал за собой часть людей, подобно магниту, двигающемуся по кучке железных опилок.

Когда вышел Тревельян, у входа уже почти никого не было. (Джордж решил, что он долго выжидал этой минуты.) В его сурово сжатых губах была сигарета. Глядя в землю, он повернулся, чтобы уйти.

Это было первое напоминание о родном доме за без малого полтора года, которые показались Джорджу в десять раз дольше. И он даже удивился, что Тревельян нисколько не постарел и остался все тем же Тревом, каким он видел его в последний раз.

Джордж рванулся вперед.

— Трев!

Тревельян в изумлении обернулся. Он с недоумением взглянул на Джорджа и сразу же протянул ему руку.

— Джордж Плейтен! Вот черт…

Появившееся на его лице радостное выражение тут же угасло, а рука опустилась, прежде чем Джордж успел пожать ее.

— Ты был там? — Тревельян мотнул головой в сторону зала.

— Был.

— Чтобы посмотреть на меня?

— Да.

— Я не слишком блеснул, а?

Он бросил сигарету, раздавил ее ногой, глядя в сторону улицы, где медленно рассасывавшаяся толпа окружала скиммеры и уже стояли новые очереди желающих попасть на следующие состязания.

— Ну и что? — угрюмо буркнул Тревельян. — Я проиграл всего во второй раз. А после сегодняшнего Новия может катиться ко всем чертям. Есть планеты, которые просто вцепятся в меня… Но послушай-ка, ведь я не видел тебя со Дня образования. Где ты пропадал? Твои родные сказали, что ты уехал по специальному заданию, но ничего не объяснили подробно. И ты ни разу мне не написал. А мог бы.

— Да, пожалуй, — неловко произнес Джордж. — Но я пришел сказать, как мне жаль, что сейчас все так обернулось.

— Не жалей, — возразил Тревельян. — Я ведь уже говорил тебе, что Новия может убираться к черту… Да я мог бы знать заранее! Все только и говорили, что использован будет прибор Бимена. Никто и не сомневался. А в проклятых лентах, которыми меня зарядили, был предусмотрен спектрограф Хенслера! Кто же теперь пользуется Хенслером? Разве что планеты вроде Гомона, если их вообще можно назвать планетами. Ловко

это было подстроено, а?

— Но ты ведь можешь подать жалобу в…

— Не будь дураком. Мне скажут, что мой мозг лучше всего подходил для Хенслера. Пойди поспорь. Да и вообще мне не везло. Ты заметил, что мне одному пришлось послать за запасной частью?

— Но потраченное на это время вычиталось?

— Конечно! Только я, когда заметил, что среди запасных частей нет зажима, подумал, что напутал, и не сразу потребовал его. Это-то время не вычиталось! А будь у меня микроспектрограф Хенслера, я бы знал, что не ошибаюсь. Где мне было тягаться с ними? Первое место занял житель Сан-Франциско, и следующие три — тоже. А пятое занял парень из Лос-Анджелеса. Они получили образование с лент, которыми снабжают большие города. С самых лучших, которые только есть. Там и спектрограф Бимена и все, что хочешь! Куда же мне было до них! Я отправился в такую даль потому, что только эту Олимпиаду по моей профессии заказала Новия, и с тем же успехом мог бы остаться дома. Я заранее знал, что так получится! Но теперь все. На Новии космос клином не сошелся. Из всех проклятых…

Он говорил это не для Джорджа. Он вообще ни к

кому не обращался. Джордж понял, что он просто отводит душу.

— Если ты заранее знал, что вам дадут спектрограф Бимена, разве ты не мог ознакомиться с ним? — спросил Джордж.

— Я же говорю тебе, что его не было в моих лентах.

— Ты мог почитать… книги.

Тревельян вдруг так пронзительно взглянул на него, что он еле выговорил последнее слово.

— Ты что, смеешься? — сказал Тревельян. — Остришь? Неужели ты думаешь, что, прочитав какую-то книгу, я запомню достаточно, чтобы сравняться с теми, кто действительно знает?

— Я считал…

— А ты попробуй. Попробуй… Кстати, а ты какую получил профессию? — вдруг злобно спросил Тревельян.

— Видишь ли…

— Ну, выкладывай. Раз уже ты тут передо мной строишь такого умника, давай-ка посмотрим, кем стал ты. Раз ты все еще на Земле, значит, ты не программист и твое специальное задание не такое уж важное.

— Послушай, Трев, — сказал Джордж, — я опаздываю на свидание…

Он попятился, пытаясь улыбнуться.

— Нет, ты не уйдешь. — Тревельян в бешенстве бросился к Джорджу и вцепился в его пиджак. — Отвечай! Почему ты боишься сказать мне? Кто ты такой? Ты мне тычешь в нос мое поражение, а сам? Это у тебя не выйдет, слышишь?

Он неистово тряс Джорджа, тот вырывался. Так, отчаянно борясь и чуть не падая, они двигались через зал, но тут Джордж услышал глас Рока — суровый голос полицейского:

— Довольно! Довольно! Прекратите это!

Сердце Джорджа мучительно сжалось и превратилось в кусок свинца. Сейчас полицейский спросит их имена и потребует удостоверения личности, а у Джорджа нет никаких документов. После первых же вопросов выяснится, что у него нет и профессии. А Тревельян, озлобленный своей неудачей, конечно, поспешит рассказать об этом всем знакомым в родном городке, чтобы утешить собственное уязвленное самолюбие.

Этого Джордж не мог вынести. Он вырвался и бросился было бежать, но ему на плечо легла тяжелая рука полицейского.

— Эй, постойте. Покажите-ка ваше удостоверение.

Тревельян шарил в карманах и говорил отры-

висто и зло:

— Я Арманд Тревельян, металлург по цветным металлам. Я участвовал в Олимпиаде. А вот его проверьте хорошенько, сержант.

Джордж стоял перед ними, не в силах вымолвить ни слова. Губы его пересохли, горло сжалось.

Вдруг раздался еще один голос, спокойный и вежливый:

— Можно вас на минутку, сержант?

Полицейский шагнул назад.

— Что вам угодно, сэр?

— Этот молодой человек — мой гость. Что случилось?

Джордж оглянулся вне себя от изумления. Это был тот самый седой мужчина, который сидел рядом с ним на Олимпиаде. Седой добродушно кивнул Джорджу.

Его гость? Он что, сошел с ума?

— Эти двое затеяли драку, сэр, — объяснил полицейский.

— Вы предъявляете им какое-нибудь обвинение? Нанесен ущерб?

— Нет, сэр.

— В таком случае всю ответственность я беру на себя.

Он показал полицейскому небольшую карточку, и тот сразу отступил.

— Постойте… — возмущенно начал Тревельян, но полицейский свирепо перебил его:

— Ну? У вас есть какие-нибудь претензии?

— Я только…

— Проходите! И вы тоже… Расходитесь, расходитесь!

И собравшаяся вокруг толпа начала с неохотой расходиться.

Джордж покорно пошел с Седым к скиммеру, но вдруг решительно остановился.

— Благодарю вас, — сказал он, — но ведь я не ваш гость. (Может быть, по нелепой случайности его приняли за кого-то другого?)

Но Седой улыбнулся и сказал:

— Теперь вы уже мой гость. Разрешите представиться. Я — Ладислас Инджеческу, дипломированный историк.

— Но…

— С вами ничего дурного не случится, уверяю вас. Я ведь просто хотел избавить вас от неприятного разговора с полицейским.

— А почему?

— Вы хотите знать причину? Ну, ведь мы с вами, так сказать, почетные земляки. Мы же

дружно болели за одного человека. А земляки должны держаться друг друга, даже если они только почетные земляки. Не правда ли?

И Джордж, не доверяя ни Индженеску, ни самому себе, все-таки вошел в скиммер. Они поднялись в воздух, прежде чем он успел передумать.

«Это, наверное, важная птица, — вдруг сообразил он. — Полицейский говорил с ним очень почтительно».

Только теперь он вспомнил, что приехал в Сан-Франциско вовсе не ради Тревельяна, а с целью найти достаточно влиятельного человека, который мог бы добиться переоценки его способностей.

А вдруг этот Индженеску именно тот, кто ему нужен? И его даже не придется искать!

Как знать, не сложилось ли все на редкость удачно… удачно… Но Джордж напрасно убеждал себя. На душе у него было по-прежнему тревожно.

* * *

Во время недолгого полета на скиммере Индженеску поддерживал разговор, любезно указывая на достопримечательности города и рассказывая

о других Олимпиадах, на которых ему доводилось бывать. Джордж слушал его рассеянно, издавал невнятное хмыканье, когда Инджеческу замолкал, а сам с волнением следил за направлением полета.

Вдруг они поднимутся к отверстию в защитном куполе и покинут город?

Но скиммер снижался, и Джордж тихонько вздохнул с облегчением. В городе он чувствовал себя в большей безопасности.

Скиммер опустился на крышу какого-то отеля, прямо у верхней двери, и, когда они вышли, Инджеческу спросил:

— Вы не откажетесь пообедать со мной в моем номере?

— С удовольствием, — ответил Джордж и улыбнулся вполне искренне. Время второго завтрака давно прошло, и у него начало сосать под ложечкой.

Они ели молча. Наступили сумерки, и автоматически засветились стены. («Вот уже почти сутки, как я на свободе», — подумал Джордж.) За кофе Инджеческу наконец заговорил.

— Вы вели себя так, словно подозревали меня в дурных намерениях, — сказал он.

Джордж покраснел и, поставив чашку, по-

пытался что-то возразить, но его собеседник рассмеялся и покачал головой.

— Это так. Я внимательно наблюдал за вами с того момента, как впервые вас увидел, и, мне кажется, теперь я знаю о вас очень многое.

Джордж в ужасе приподнялся с места.

— Сядьте, — сказал Инджеческу. — Я ведь только хочу помочь вам.

Джордж сел, но в его голове вихрем неслись мысли. Если старик знал, кто он, то почему он помешал полицейскому? Да и вообще, с какой стати он решил ему помогать?

— Вам хочется знать, почему я захотел помочь вам? — спросил Инджеческу. — О, не пугайтесь, я не умею читать мысли. Видите ли, просто моя профессия позволяет мне по самой незначительной внешней реакции судить о мыслях человека. Вам это понятно?

Джордж отрицательно покачал головой.

— Представьте себе, каким я увидел вас, — сказал Инджеческу. — Вы стояли в очереди, чтобы посмотреть Олимпиаду, но ваши микрореакции не соответствовали тому, что вы делали. У вас было не то выражение лица, не те движения рук. Отсюда следовало, что у вас какая-то беда, но, что самое интересное, необычная, не лежащая на

поверхности. Быть может, вы сами не сознаете, что с вами, решил я. И, не удержавшись, последовал за вами, даже сел рядом. После окончания состязания я опять пошел за вами и подслушал ваш разговор с вашим знакомым. Ну, а уж к этому времени вы превратились в такой интересный объект для изучения — простите, если это звучит бессердечно, — что я просто не мог допустить, чтобы вас забрали в полицию… Скажите же, что вас тревожит?

Джордж мучился, не зная, на что решиться. Если это ловушка, то зачем нужно действовать таким окольным путем? Ему же действительно нужна помощь. Ради этого он сюда и приехал. А тут помощь ему прямо предлагают. Пожалуй, именно это его и смущало. Что-то все получается уж очень просто.

— Разумеется, то, что вы сообщите мне как социологу, становится профессиональной тайной, — сказал Индженеску. — Вы понимаете, что это значит?

— Нет, сэр.

— Это значит, что с моей стороны будет бесчестным, если я расскажу о том, что узнаю от вас, с какой бы целью я это ни сделал. Более того, никто не имеет права заставить меня рассказать

об этом.

— А я думал, вы историк, — подозрительно сказал Джордж.

— Это верно.

— Но вы же только сейчас сказали, что вы социолог.

Индженеску расхохотался.

— Не сердитесь, молодой человек, — извинился он, когда был в состоянии говорить. — Но право же, я смеялся не над вами. Я смеялся над Землей, над тем, какое большое значение она придает точным наукам, и над некоторыми практическими следствиями этого увлечения. Держу пари, что вы можете перечислить все разделы строительной технологии или прикладной механики и в то же время даже не слышали о социологии.

— Ну, а что же такое социология?

— Социология — это наука, которая занимается изучением человеческого общества и отдельных его ячеек и делится на множество специализированных отраслей, так же как, например, зоология. Так, существуют культурологи, изучающие культуру, ее рост, развитие и упадок. Культура, — добавил он, предупреждая вопрос Джорджа, — это совокупность всех сторон жизни. К культуре относится, например, то, каким

путем мы зарабатываем себе на жизнь, от чего получаем удовольствие, во что верим, наши представления о хорошем и плохом и так далее. Вам это понятно?

— Кажется, да.

— Экономист — не специалист по экономической статистике, а именно экономист — специализируется на изучении того, каким образом культура удовлетворяет физические потребности каждого члена общества. Психолог изучает отдельных членов общества и то влияние, которое это общество на них оказывает. Прогнозист планирует будущий путь развития общества, а историк… Это уже по моей части.

— Да, сэр?

— Историк специализируется на изучении развития нашего общества в прошлом, а также обществ с другими культурами.

Джорджу стало интересно.

— А разве в прошлом что-то было по-другому?

— Еще бы! Тысячу лет назад не было образования, то есть образования, как мы понимаем его теперь.

— Знаю, — произнес Джордж. — Люди учились по книгам, собирая знания по крупицам.

— Откуда вы это знаете?

— Слыхал, — осторожно ответил Джордж и добавил: — А какой смысл думать о том, что происходило в далеком прошлом? Я хочу сказать, что ведь со всем этим уже покончено, не правда ли?

— С прошлым никогда не бывает покончено, мой друг. Оно объясняет настоящее. Почему, например, у нас существует именно такая система образования?

Джордж беспокойно заерзал. Слишком уж настойчиво его собеседник возвращался к этой теме.

— Потому что она самая лучшая, — отрезал он.

— Да. Но почему она самая лучшая? Послушайте меня минутку, и я попытаюсь объяснить. А потом вы мне скажете, есть ли смысл в изучении истории. Даже до того, как начались межзвездные полеты... — Он внезапно умолк, заметив на лице Джорджа выражение глубочайшего изумления. — Неужели вы считали, что так было всегда?

— Я никогда не задумывался над этим, сэр.

— Вполне естественно. Однако четыре-пять тысяч лет назад человечество было приковано к Земле. Но и тогда уже техника достигла высокого уровня развития, а численность населения увеличилась настолько, что любое торможе-

ние техники привело бы к массовому голоду и эпидемиям. Для того чтобы уровень техники не снижался и соответствовал росту населения, нужно было готовить все больше инженеров и ученых. Однако по мере развития науки на их обучение требовалось все больше и больше времени. Когда же впервые были открыты способы межпланетных, а затем и межзвездных полетов, эта проблема стала еще острее. Собственно говоря, из-за недостатка специалистов человечество в течение почти полутора тысяч лет не могло по-настоящему колонизировать планеты, находящиеся за пределами Солнечной системы. Перелом наступил, когда был установлен механизм хранения знаний в человеческом мозгу. Как только это было сделано, появилась возможность создать образовательные ленты на основе этого механизма таким образом, чтобы сразу вкладывать в мозг определенное количество, так сказать, готовых знаний. Впрочем, это-то вы знаете. Это позволило выпускать тысячи и миллионы специалистов, и мы смогли приступить к тому, что впоследствии назвали «заполнением Вселенной». Сейчас в Галактике уже существует полторы тысячи населенных планет, и число их будет возрастать до бесконечности.

Вы понимаете, что из этого следует? Земля экспортирует образовательные ленты, предназначенные для подготовки специалистов низкой квалификации, и это обеспечивает единство культуры для всей Галактики. Так, например, благодаря лентам чтения мы все говорим на одном языке… Не удивляйтесь. Могут быть и иные языки, и в прошлом люди на них говорили. Их были сотни. Земля, кроме того, экспортирует высококвалифицированных специалистов, и численность ее населения не превышает допустимого уровня. Поскольку при вывозе специалистов соблюдается равновесие полов, они образуют самовоспроизводящиеся ячейки, и это способствует росту населения на тех планетах, где в этом есть необходимость. Более того, за ленты и специалистов платят сырьем, в котором мы очень нуждаемся и от которого зависит наша экономика. Теперь вы поняли, почему наша система образования действительно самая лучшая?

— Да, сэр.

— И вам легче понять это, зная, что без нее в течение полутора тысяч лет было невозможно колонизировать планеты других солнечных систем?

— Да, сэр.

— Значит, вы видите, в чем польза истории? — Историк улыбнулся. — А теперь скажите, догадались ли вы, почему я вами интересуюсь?

Джордж мгновенно вернулся из пространства и времени назад к действительности. Видимо, Инженеску неспроста завел этот разговор. Вся его лекция была направлена на то, чтобы атаковать его неожиданно.

— Почему же? — неуверенно спросил он, снова насторожившись.

— Социологи изучают общество, а общество состоит из людей.

— Ясно.

— Но люди не машины. Специалисты в области точных наук работают с машинами. А машина требует строго определенного количества знаний, и эти специалисты знают о ней все. Более того, все машины данного рода почти одинаковы, так что индивидуальные особенности машины не представляют для них интереса. Но люди… О, они так сложны и так отличаются друг от друга, что социолог никогда не знает о них все или хотя бы значительную часть того, что можно о них знать. Чтобы не утратить квалификации, он должен постоянно изучать людей, особенно необычные экземпляры.

— Вроде меня, — глухо произнес Джордж.

— Конечно, называть вас экземпляром невежливо, но вы человек необычный. Вы сто́ите того, чтобы вами заняться, и, если вы разрешите мне это, я в свою очередь по мере моих возможностей помогу вам в вашей беде.

В мозгу Джорджа кружился смерч. Весь этот разговор о людях и о колонизации, ставшей возможной благодаря образованию… Как будто кто-то разбивал и дробил заскорузлую, спекшуюся корку мыслей.

— Дайте мне подумать, — произнес он, зажав руками уши.

Потом он опустил руки и сказал историку:

— Вы можете оказать мне услугу, сэр?

— Если она в моих силах, — любезно ответил историк.

— Все, что я говорю в этой комнате, — профессиональная тайна? Вы так сказали.

— Так оно и есть.

— Тогда устройте мне свидание с каким-нибудь должностным лицом другой планеты, например с… с новианином.

Индженеску был, по-видимому, крайне удивлен.

— Право же…

— Вы можете сделать это, — убежденно произнес Джордж. — Вы ведь важное должностное лицо. Я видел, какой вид был у полицейского, когда вы показали ему свое удостоверение. Если вы откажетесь сделать это, я… я не позволю вам изучать меня.

Самому Джорджу эта угроза показалась глупой и бессильной. Однако на Индженеску она, очевидно, произвела большое впечатление.

— Ваше условие невыполнимо, — сказал он. — Новианин в месяц Олимпиады…

— Ну, хорошо, тогда свяжите меня с каким-нибудь новианином по видеофону, и я сам договорюсь с ним о встрече.

— Вы думаете, вам это удастся?

— Я в этом уверен. Вот увидите.

Индженеску задумчиво посмотрел на Джорджа и протянул руку к видеофону.

Джордж ждал, опьяненный новым осмыслением всей проблемы и тем ощущением силы, которое оно давало. Он не может потерпеть неудачу. Не может. Он все-таки станет новианином. Он покинет Землю победителем вопреки Антонелли и всей компании дураков из приюта (он чуть было не расхохотался вслух) для слабоумных.

* * *

Джордж впился взглядом в засветившийся экран, который должен был распахнуть окно в комнату новиан, окно в перенесенный на Землю уголок Новии. И он добился этого за какие-нибудь сутки!

Когда экран прояснился, раздался взрыв смеха, но на нем не появилось ни одного лица, лишь быстро мелькали тени мужчин и женщин. Послышался чей-то голос, отчетливо прозвучавший на фоне общего гомона.

— Индженеску? Спрашивает меня?

И вот на экране появился он. Новианин. Настоящий новианин. (Джордж ни на секунду не усомнился. В нем было что-то совершенно внеземное, нечто такое, что невозможно было точно определить или хоть на миг спутать с чем-либо иным.) Он был смугл, и его темные волнистые волосы были зачесаны со лба. Он носил танине черные усики и остроконечную бородку, которая только-только закрывала узкий подбородок. Но его щеки были такими гладкими, словно с них навсегда была удалена растительность.

Он улыбался.

— Ладислас, это уже слишком. Мы не протесту-

ем, чтобы за нами, пока мы на Земле, следили — в разумных пределах, конечно. Но чтение мыслей в условие не входит!

— Чтение мыслей, достопочтенный?

— Сознайтесь-ка! Вы ведь знали, что я собирался позвонить вам сегодня. Вы знали, что я думал только допить вот эту рюмку. — На экране появилась его рука, и он посмотрел сквозь рюмку, наполненную бледно-сиреневой жидкостью. — К сожалению, я не могу угостить вас.

Новианин не видел Джорджа, находившегося вне поля зрения видеофона. И Джордж обрадовался передышке. Ему необходимо было время, чтобы прийти в себя. Он словно превратился в сплошные беспокойные пальцы, которые непрерывно отбивали нервную дробь…

Но он все-таки был прав. Он не ошибся. Инджеческу действительно занимает важное положение. Новианин называет его по имени.

Отлично! Все устраивается наилучшим образом. То, что Джордж потерял из-за Антонелли, он возместит с лихвой, используя Инджеческу. И когда-нибудь он, став наконец самостоятельным, вернется на Землю таким же могущественным новианином, как этот, что небрежно шутит с Инджеческу, называя его по имени, а сам оставаясь

«достопочтенным», — вот тогда он сведет счеты с Антонелли. Он отплатит ему за эти полтора года, и он…

Увлекшись этими соблазнительными грезами, он чуть не забыл обо всем на свете, но, внезапно спохватившись, заметил, что перестал следить за происходящим, и вернулся к действительности. — …не убедительно, — говорил новианин. — Новианская цивилизация так же сложна и так же высокоразвита, как цивилизация Земли. Новия — это все-таки не Зестон. И нам приходится прилетать сюда за отдельными специалистами — это же просто смешно!

— О, только за новыми моделями, — примирительным тоном сказал Инджеческу. — А новые модели не всегда находят применение. На приобретение образовательных лент вы потратили бы столько же, сколько вам пришлось бы заплатить за тысячу специалистов, а откуда вы знаете, что вам будет нужно именно такое количество?

Новианин залпом допил свое вино и расхохотался. (Джорджа покоробило легкомыслие новианина. Он смущенно подумал, что тому следовало бы обойтись без этой рюмки и даже без двух или трех предыдущих.) — Это же типичное ханжество, Ладислас, — сказал новианин. — Вы

прекрасно знаете, что у нас найдется дело для всех последних моделей специалистов, которые нам удастся достать. Сегодня я раздобыл пять металлургов…

— Знаю, — сказал Индженеску. — Я был там.

— Следили за мной! Шпионили! — вскричал новианин. — Ну, так слушайте! Эта новая модель металлурга отличается от предыдущих только тем, что умеет обращаться со спектрографом Бимена. Ленты не были модифицированы ни на вот столечко (он показал самый кончик пальца) по сравнению с прошлогодними. Вы выпускаете новые модели только для того, чтобы мы приезжали сюда с протянутой рукой и тратились на их приобретение.

— Мы не заставляем вас их приобретать.

— О, конечно! Только вы продаете специалистов последней модели на Лондонум, а мы ведь не можем отставать. Вы втянули нас в заколдованный круг, вы лицемерные земляне. Но берегитесь, может быть, где-нибудь есть из него выход. — Его смех прозвучал не слишком естественно и резко оборвался.

— От всей души надеюсь, что он существует, — сказал Индженеску. — Ну, а позвонил я потому…

— Да, конечно, ведь это вы мне позвонили.

Что ж, я уже высказал свое мнение. Наверное, в будущем году все равно появится новая модель металлурга, чтобы нам было за что платить. И она будет отличаться от нынешней только умением обращаться с каким-нибудь новым приспособлением для анализа ниобия, а еще через год… Но продолжайте. Почему вы позвонили?

— У меня здесь находится один молодой человек, и я бы хотел, чтобы вы с ним побеседовали.

— Что? — Видимо, новианина это не слишком обрадовало. — На какую тему?

— Не знаю. Он мне не сказал. По правде говоря, он даже не назвал мне ни своего имени, ни профессии.

Новианин нахмурился.

— Тогда зачем же отнимать у меня время?

— Он, по-видимому, не сомневается, что вас заинтересует то, что он собирается сообщить вам.

— О, конечно!

— И этим вы сделаете одолжение мне, — сказал Индженеску.

Новианин пожал плечами.

— Давайте его сюда, но предупредите, чтобы он говорил покороче.

Индженеску отступил в сторону и шепнул Джорджу:

— Называйте его «достопочтенным».

Джордж с трудом проглотил слюну. Вот оно!

Джордж почувствовал, что весь вспотел. Хотя эта мысль пришла ему в голову совсем недавно, он был убежден в своей правоте. Она возникла во время разговора с Тревельяном, потом под болтовню Инджеческу перебродила и оформилась, а теперь слова новианина, казалось, поставили все на свои места.

— Достопочтенный, я хочу показать вам выход из заколдованного круга, — начал Джордж, используя метафору новианина.

Новианин смерил его взглядом.

— Из какого это заколдованного круга?

— Вы сами упомянули о нем, достопочтенный. Из того заколдованного круга, в который попадает Новия, когда вы прилетаете на Землю за… за специалистами. (Он не в силах был справиться со своими зубами, которые стучали, но не от страха, а от волнения.)

— Вы хотите сказать, что знаете способ, как нам обойтись без земного интеллектуального рынка? Я правильно вас понял?

— Да, сэр. Вы можете создать свою собственную систему образования.

— Гм. Без лент?

— Д-да, достопочтенный.

— Индженеску, подойдите, чтобы я видел и вас, — не спуская глаз с Джорджа, позвал новианин.

Историк встал за плечом Джорджа.

— В чем дело? — спросил новианин. — Не понимаю.

— Даю вам слово, достопочтенный, что бы это ни было, молодой человек поступает так по собственной инициативе. Я ему ничего не поручал. Я не имею к этому никакого отношения.

— Тогда кем он вам приходится? Почему вы звоните мне по его просьбе?

— Я его изучаю, достопочтенный. Он представляет для меня определенную ценность, и я исполняю некоторые его прихоти.

— В чем же его ценность?

— Это трудно объяснить. Чисто профессиональный момент.

Новианин усмехнулся.

— Что ж, у каждого своя профессия.

Он кивнул невидимому зрителю или зрителям за экраном.

— Некий молодой человек, по-видимому, протеже Индженеску, собирается объяснить нам, как получать образование, не пользуясь лентами.

Он щелкнул пальцами, и в его руке появилась новая рюмка с бледно-сиреневым напитком.

— Ну, говорите, молодой человек.

На экране теперь появилось множество лиц. Мужчины и женщины отталкивали друг друга, чтобы поглядеть на Джорджа. На их лицах отражались самые разнообразные оттенки веселья и любопытства.

Джордж попытался принять независимый вид. Все они, и новиане, и землянин, каждый по-своему изучали его, словно жука, насаженного на булавку. Инджеческу теперь сидел в углу и не спускал с него пристального взгляда.

«Какие же вы все идиоты», — напряженно подумал он. Но они должны понять. Он заставит их понять.

— Я был сегодня на Олимпиаде металлургов, — сказал он.

— Как, и вы тоже? — вежливо спросил новианин. — По-видимому, там присутствовала вся Земля.

— Нет, достопочтенный, но я там был. В состязании участвовал мой друг, и ему очень не повезло, потому что вы дали участникам состязания прибор Бимена, а он получил специализацию по Хенслеру, — очевидно, уже устаревшая модель.

Вы же сами сказали, что различие очень незначительно. — Джордж показал кончик пальца, повторяя недавний жест своего собеседника. — И мой друг знал заранее, что потребуется знакомство с прибором Бимена.

— И что же из этого следует?

— Мой друг всю жизнь мечтал попасть на Новию. Он уже знал прибор Хенслера. Он знал, что ему нужно ознакомиться с прибором Бимена, чтобы попасть к вам. А для этого ему следовало усвоить всего лишь несколько дополнительных сведений и, быть может, чуточку попрактиковаться. Если учесть, что на чашу весов была поставлена цель всей его жизни, он мог бы с этим справиться…

— А где бы он достал ленту с дополнительной информацией? Или образование здесь, на Земле, превратилось в частное домашнее обучение?

Лица на заднем плане расплылись в улыбках, которых, по-видимому, от них и ожидали.

— Поэтому-то он и не стал доучиваться, достопочтенный. Он считал, что ему для этого нужна лента. А без нее он и не пытался учиться, как ни заманчива была награда. Он и слышать не хотел, что без ленты можно чему-то научиться.

— Да неужели? Так он, пожалуй, даже не за-

хочет летать без скиммера? — Раздался новый взрыв хохота, и новианин слегка улыбнулся. — А он забавен, — сказал он. — Продолжайте. Даю вам еще несколько минут.

— Не думайте, что это шутка, — сказал Джордж горячо. — Ленты попросту вредны. Они учат слишком многому и слишком легко. Человек, который получает знания с их помощью, не представляет, как можно учиться по-другому. Он способен заниматься только той профессией, которой его зарядили. А если бы, вместо того чтобы пичкать человека лентами, его заставили с самого начала учиться, так сказать вручную, он привык бы учиться самостоятельно и продолжал бы учиться дальше. Разве это не разумно? А когда эта привычка достаточно укрепится, человеку можно будет прививать небольшое количество знаний с помощью лент, чтобы заполнить пробелы или закрепить кое-какие детали. После этого он сможет учиться дальше самостоятельно. Таким способом вы могли бы научить металлургов, знающих спектрограф Хенслера, пользоваться спектрографом Бимена, и вам не пришлось бы прилетать на Землю за новыми моделями.

Новианин кивнул и отхлебнул из рюмки.

— А откуда можно получить знания помимо

лент? Из межзвездного пространства?

— Из книг. Непосредственно изучая приборы. Думая.

— Из книг? Как же можно понять книги, не получив образования?

— Книги состоят из слов, а бóльшую часть слов можно понять. Специальные же термины могут объяснить специалисты, которых вы уже имеете.

— А как быть с чтением? Для этого вы допускаете использование лент?

— По-видимому, ими можно пользоваться, хотя не вижу причины, почему нельзя научиться читать и старым способом. По крайней мере частично.

— Чтобы с самого начала выработать хорошие привычки? — спросил новианин.

— Да, да, — подтвердил Джордж, радуясь, что собеседник уже начал понимать его.

— А как быть с математикой?

— Это легче всего, сэр… достопочтенный. Математика отличается от других технических дисциплин. Она начинается с некоторых простых принципов и лишь постепенно усложняется. Можно приступить к изучению математики, ничего о ней не зная. Она практически и

предназначена для этого. А познакомившись с соответствующими разделами математики, уже нетрудно разобраться в книгах по технике. Особенно если начать с легких.

— А разве есть легкие книги?

— Безусловно. Но если бы их и не было, специалисты, которых вы уже имеете, могут написать их. Наверное, некоторые из них сумеют выразить свои знания с помощью слов и символов.

— Боже мой! — сказал новианин, обращаясь к сгрудившимся вокруг него людям. — У этого чертенка на все есть ответ.

— Да, да! — вскричал Джордж. — Спрашивайте!

— А сами-то вы пробовали учиться по книгам? Или это только ваша теория?

Джордж быстро оглянулся на Инженеску, но историк сохранял полную невозмутимость. Его лицо выражало только легкий интерес.

— Да, — сказал Джордж.

— И вы считаете, что из этого что-нибудь получается?

— Да, достопочтенный, — заверил Джордж. — Возьмите меня с собой на Новию. Я могу составить программу и руководить…

— Погодите, у меня есть еще несколько вопро-

сов. Как вы думаете, сколько вам понадобится времени, чтобы стать металлургом, умеющим обращаться со спектрографом Бимена, если предположить, что вы начнете учиться, не имея никаких знаний, и не будете пользоваться образовательными лентами?

Джордж заколебался.

— Ну… может быть, несколько лет.

— Два года? Пять? Десять?

— Еще не знаю, достопочтенный.

— Итак, на самый главный вопрос у вас не нашлось ответа. Ну, скажем, пять лет. Вас устраивает этот срок?

— Думаю, что да.

— Отлично. Итак, в течение пяти лет человек изучает металлургию по вашему методу. Вы не можете не согласиться, что все это время он для нас абсолютно бесполезен, но его нужно кормить, обеспечить жильем и платить ему.

— Но…

— Дайте мне кончить. К тому времени, когда он будет готов и сможет пользоваться спектрографом Бимена, пройдет пять лет. Вам не кажется, что тогда у нас уже появятся усовершенствованные модели этого прибора, с которыми он не сумеет обращаться?

— Но ведь к тому времени он станет опытным учеником и усвоение новых деталей будет для него вопросом дней.

— По-вашему, это так. Ладно, предположим, что этот ваш друг, например, сумел самостоятельно изучить прибор Бимена; сможет ли сравниться его умение с умением участника состязания, который получил его посредством лент?

— Может быть, и нет… — начал Джордж.

— То-то же, — сказал новианин.

— Погодите, дайте кончить мне. Даже если он знает кое-что хуже, чем тот, другой, в данном случае важно то, что он может учиться дальше. Он сможет придумывать новое, на что не способен ни один человек, получивший образование с лент. У вас будет запас людей, способных к самостоятельному мышлению…

— А вы в процессе своей учебы придумали что-нибудь новое? — спросил новианин.

— Нет, но ведь я один, и я не так уж долго учился…

— Да… Ну-с, дамы и господа, мы достаточно позабавились?

— Постойте! — внезапно испугавшись, крикнул Джордж. — Я хочу договориться с вами о личной встрече. Есть вещи, которые я не могу объяснить

по видеофону. Ряд деталей…

Новианин уже не смотрел на Джорджа.

— Индженеску! По-моему, я исполнил вашу просьбу. Право же, завтра у меня очень напряженный день. Всего хорошего.

Экран погас.

Руки Джорджа взметнулись к экрану в бессмысленной попытке вновь его оживить.

— Он не поверил мне! Не поверил!

— Да, Джордж, не поверил. Неужели вы серьезно думали, что он поверит? — сказал Индженеску.

Но Джордж не слушал.

— Почему же? Ведь это правда. Это так для него выгодно. Никакого риска. Только я и еще несколько… Обучение десятка людей в течение даже многих лет обошлось бы дешевле, чем один готовый специалист… Он был пьян! Пьян! Он не был способен понять.

Задыхаясь, Джордж оглянулся.

— Как мне с ним увидеться? Это необходимо. Все получилось не так, как нужно. Я не должен был говорить с ним по видеофону. Мне нужно время. И чтобы лично. Как мне…

— Он откажется принять вас, Джордж, — сказал Индженеску. — А если и согласится, то все равно вам не поверит.

— Нет, поверит, уверяю вас. Когда он будет трезв, он... — Джордж повернулся к историку, и глаза его широко раскрылись. — Почему вы называете меня Джорджем?

— А разве это не ваше имя? Джордж Плейтен?

— Вы знаете, кто я?

— Я знаю о вас все.

Джордж замер, и только его грудь тяжело вздымалась.

— Я хочу помочь вам, Джордж, — сказал Инджеческу. — Я уже говорил вам об этом. Я давно изучаю вас и хочу вам помочь.

— Мне не нужна помощь! — крикнул Джордж. — Я не слабоумный! Весь мир выжил из ума, но не я!

Он стремительно повернулся и бросился к двери.

За ней стояли два полицейских, которые его немедленно схватили.

Как Джордж ни вырывался, шприц коснулся его шеи под подбородком. И все кончилось. Последнее, что осталось в его памяти, было лицо Инджеческу, который с легкой тревогой наблюдал за происходящим.

* * *

Когда Джордж открыл глаза, он увидел белый потолок. Он помнил, что произошло. Но помнил, как сквозь туман, словно это произошло с кем-то другим. Он смотрел на потолок до тех пор, пока не наполнился его белизной, казалось, освобождавшей его мозг для новых идей, для иных путей мышления.

Он не знал, как долго лежал так, прислушиваясь к течению своих мыслей.

— Ты проснулся? — раздался чей-то голос.

И Джордж впервые услышал свой собственный стон. Неужели он стонал? Он попытался повернуть голову.

— Тебе больно, Джордж? — спросил голос.

— Смешно, — прошептал Джордж. — Я так хотел покинуть Землю. Я же ничего не понимал.

— Ты знаешь, где ты?

— Снова в… в приюте. — Джорджу удалось повернуться. Голос принадлежал Омани.

— Смешно, как я ничего не понимал, — сказал Джордж.

Омани ласково улыбнулся.

— Поспи еще…

Джордж заснул.

* * *

И снова проснулся. Сознание его прояснилось.

У кровати сидел Омани и читал, но, как только Джордж открыл глаза, он отложил книгу.

Джордж с трудом сел.

— Привет, — сказал он.

— Хочешь есть?

— Еще бы! — Джордж с любопытством посмотрел на Омани. — За мной следили, когда я ушел отсюда, так?

Омани кивнул.

— Ты все время был под наблюдением. Мы считали, что тебе следует побывать у Антонелли, чтобы ты мог дать выход своим агрессивным эмоциям. Нам казалось, что другого способа нет. Эмоции тормозили твое развитие.

— Я был к нему очень несправедлив, — с легким смущением произнес Джордж.

— Теперь это не имеет значения. Когда в аэропорту ты остановился у стенда металлургов, один из наших агентов сообщил нам список участников. Мы с тобой говорили о твоем прошлом достаточно, для того чтобы я мог понять, как подействует на тебя фамилия Тревельяна. Ты спросил, как попасть на эту Олимпиаду. Это могло

привести к кризису, на который мы надеялись, и мы послали в зал Ладисласа Инджеческу, чтобы он занялся тобой сам.

— Он ведь занимает важный пост в правительстве?

— Да.

— И вы послали его ко мне. Выходит, что я сам много значу.

— Ты действительно много значишь, Джордж.

Принесли дымящееся ароматное жаркое. Джордж улыбнулся и откинул простыню, чтобы освободить руки. Омани помог ему поставить поднос на тумбочку. Некоторое время Джордж молча ел.

— Я уже один раз ненадолго просыпался, — заметил он.

— Знаю, — сказал Омани. — Я был здесь.

— Да, я помню. Ты знаешь, все изменилось. Как будто я так устал, что уже не мог больше чувствовать. Я больше не злился. Я мог только думать. Как будто мне дали наркотик, чтобы уничтожить эмоции.

— Нет, — сказал Омани. — Это было просто успокоительное. И ты хорошо отдохнул.

— Ну, во всяком случае, мне все стало ясно, словно я всегда знал это, но не хотел прислушать-

ся к внутреннему голосу. «Чего я ждал от Новии?» — подумал я. Я хотел отправиться на Новию, чтобы собрать группу юношей, не получивших образования, и учить их по книгам. Я хотел открыть там приют для слабоумных… вроде этого… а на Земле уже есть такие приюты… и много.

Омани улыбнулся, сверкнув зубами.

— Институт высшего образования — вот как точно называются эти заведения.

— Теперь-то я это понимаю, — сказал Джордж, — до того ясно, что только удивляюсь, каким я был слепым. В конце концов, кто изобретает новые модели механизмов, для которых нужны новые модели специалистов? Кто, например, изобрел спектрограф Бимена? По-видимому, человек по имени Бимен. Но он не мог получить образование через зарядку, иначе ему не удалось бы продвинуться вперед.

— Совершенно верно.

— А кто создает образовательные ленты? Специалисты по производству лент? А кто же тогда создает ленты для их обучения? Специалисты более высокой квалификации? А кто создает ленты… Ты понимаешь, что я хочу сказать. Где-то должен быть конец. Где-то должны быть мужчины и женщины, способные к самостоятельному

мышлению.

— Ты прав, Джордж.

Джордж откинулся на подушки и устремил взгляд в пространство. На какой-то миг в его глазах мелькнула тень былого беспокойства.

— Почему мне не сказали об этом с самого начала?

— К сожалению, это невозможно, — ответил Омани. — А так мы были бы избавлены от множества хлопот. Мы умеем анализировать интеллект, Джордж, и определять, что вот этот человек может стать приличным архитектором, а тот — хорошим плотником. Но мы не умеем определять, способен ли человек к творческому мышлению. Это слишком тонкая вещь. У нас есть несколько простейших способов, позволяющих распознавать тех, кто, быть может, обладает такого рода талантом. Об этих индивидах сообщают сразу после Дня чтения, как, например, сообщили о тебе. Их приходится примерно один на десять тысяч. В День образования этих людей проверяют снова, и в девяти случаях из десяти оказывается, что произошла ошибка. Тех, кто остается, посылают в такие заведения, как это.

— Но почему нельзя сказать людям, что один из… из ста тысяч попадает в такое заведение? —

спросил Джордж. — Тогда тем, с кем это случается, было бы легче.

— А как же остальные? Те девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девять человек, которые никогда не попадут сюда? Нельзя, чтобы все эти люди чувствовали себя неудачниками. Они стремятся получить профессии и получают их. Каждый может прибавить к своему имени слова «дипломированный специалист по тому-то или тому-то». Так или иначе каждый индивид находит свое место в обществе. Это необходимо.

— А мы? — спросил Джордж. — Мы, исключения? Один на десять тысяч?

— Вам ничего нельзя объяснить. В том-то и дело. Ведь в этом заключается последнее испытание. Даже после отсева в День образования девять человек из десяти, попавших сюда, оказываются не совсем подходящими для творчества, и нет такого прибора, который помог бы нам выделить из этой десятки того единственного, кто нам нужен. Десятый должен доказать это сам.

— Каким образом?

— Мы помещаем вас сюда, в приют для слабоумных, и тот, кто не желает смириться с этим, и есть человек, которого мы ищем. Быть может, это жестокий метод, но он себя оправдывает. Нельзя

же сказать человеку: «Ты можешь творить. Так давай, твори». Гораздо вернее подождать, пока он сам не скажет: «Я могу творить, и я буду творить, хотите вы этого или нет». Есть около десяти тысяч людей, подобных тебе, Джордж, и от них зависит технический прогресс полутора тысяч миров. Мы не можем позволить себе потерять хотя бы одного из них или тратить усилия на того, кто не вполне отвечает необходимым требованиям.

Джордж отодвинул пустую тарелку и поднес к губам чашку с кофе.

— А как же с теми, которые… не вполне отвечают требованиям?

— В конце концов они проходят зарядку и становятся социологами. Инженеску — один из них. Сам я — дипломированный психолог. Мы, так сказать, составляем второй эшелон.

Джордж допил кофе.

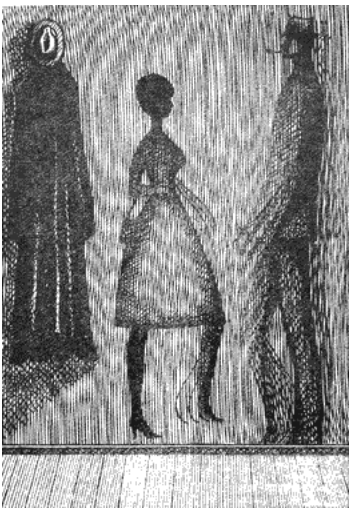
— Мне все еще непонятно одно, — сказал он.

— Что же?

Джордж сбросил простыню и встал.

— Почему эти состязания называются Олимпиадой?

МЕРТВОЕ ПРОШЛОЕ
(Перевод И. Гуровой)



Арнольд Поттерли, доктор философии, преподавал древнюю историю. Занятие, казалось бы, самое безобидное. И мир претерпел неслыханные перемены именно потому, что Арнольд Поттерли выглядел совершенно так, как должен выглядеть профессор, преподающий древнюю историю.

Обладай профессор Поттерли массивным квадратным подбородком, сверкающими глазами, орлиным носом и широкими плечами, Тэддиус Эремен, заведующий отделом хроноскопии, несомненно, принял бы надлежащие меры.

Но Тэддиус Эремен видел перед собой только тихого человечка с курносым носом-пуговкой между выцветшими голубыми глазами, грустно глядевшими на заведующего отделом хроноскопии, — короче говоря, он видел перед собой щуплого, аккуратно одетого историка, который от редеющих каштановых волос на макушке до тщательно вычищенных башмаков, довершавших респектабельный старомодный костюм, казалось, был помечен штампом «разбавленное молоко».

— Чем могу быть вам полезен, профессор Поттерли? — любезно осведомился Эремен.

И профессор Поттерли ответил негромким голосом, который отлично гармонировал с его наружностью:

— Мистер Эремен, я пришел к вам, потому что вы глава всей хроноскопии.

Эремен улыбнулся.

— Ну, это не совсем точно. Я ответствен перед Всемирным комиссаром научных исследований,

а он в свою очередь — перед Генеральным секретарем ООН. А они оба, разумеется, ответственны перед суверенными народами Земли.

Профессор Поттерли покачал головой.

— Они не интересуются хроноскопией. Я пришел к вам, сэр, потому что вот уже два года я пытаюсь получить разрешение на обзор времени — то есть на хроноскопию — в связи с моими изысканиями по истории древнего Карфагена. Однако получить разрешение мне не удалось. Дотацию на исследования мне дали в самом законном порядке. Моя интеллектуальная работа протекает в полном соответствии с правилами, и все же…

— Разумеется, о нарушении правил и речи быть не может, — перебил его Эремен еще более любезным тоном, перебирая тонкие репродукционные листки в папке с фамилией Поттерли. Эти листки были получены с Мультивака, чей обширный аналогический мозг содержал весь архив отдела. После окончания беседы листки можно будет уничтожить, а в случае необходимости репродуцировать вновь за какие-нибудь две-три минуты.

Эремен просматривал листки, а в его ушах продолжал звучать тихий, монотонный голос

профессора Поттерли:

— Мне следует объяснить, что проблема, над которой я работаю, имеет огромное значение. Карфаген знаменовал высший расцвет античной коммерции. Карфаген доримской эпохи во многом можно сравнить с доатомной Америкой. По крайней мере в том отношении, что он придавал огромное значение ремеслу, коммерции и вообще деловой деятельности. Карфагеняне были самыми отважными мореходами и открывателями новых земель до викингов и в этом отношении намного превосходили хваленых греков. Истинная история Карфагена была бы очень поучительной. Однако до сих пор все, что нам известно о нем, извлекалось из письменных памятников его злейших врагов — греков и римлян. Карфаген ничего не написал в собственную защиту или эти труды не сохранились. И вот карфагеняне вошли в историю как кучка архизлодеев, и, возможно, без всякого к тому основания. Обзор времени облегчил бы установление истины.

И так далее и тому подобное.

Продолжая проглядывать репродукционные листки, Эремен заметил:

— Поймите, профессор Поттерли, хроноскопия,

или обзор времени, как вы предпочитаете ее называть, процесс весьма трудный.

Профессор Поттерли, недовольный, что его перебили, нахмурился и сказал:

— Я ведь прошу только сделать отдельный обзор определенных эпох и мест, которые я укажу.

Эремен вздохнул.

— Даже несколько обзоров, даже один… Это же невероятно тонкое искусство. Скажем, наводка на фокус, получение на экране искомой сцены, удержание ее на экране. А синхронизация звука, которая требует абсолютно независимой цепи!

— Но ведь проблема, над которой я работаю, достаточно важна, чтобы оправдать значительную затрату усилий.

— Разумеется, сэр! Несомненно, — сразу ответил Эремен (отрицать важность чьей-то темы было бы непростительной грубостью). — Но поймите, даже самый простой обзор требует длительной подготовки. Список тех, кому необходимо воспользоваться хроноскопом, огромен, а очередь к Мультиваку, снабжающему нас необходимыми предварительными данными, еще больше.

— Но неужели ничего нельзя сделать? — расстроенно спросил Поттерли. Ведь уже два года…

— Вопрос первоочередности, сэр. Мне очень

жаль… Может быть, сигарету?

Историк вздрогнул, его глаза внезапно расширились, и он отпрянул от протянутой ему пачки. Эремен удивленно отодвинул ее, хотел было сам достать сигарету, но передумал.

Когда он убрал пачку, Поттерли вздохнул с откровенным облегчением и сказал:

— А нельзя ли как-нибудь пересмотреть список и поставить меня на самый ранний срок, какой только возможен? Право, не знаю, как объяснить…

Эремен улыбнулся. Некоторые его посетители на этой стадии предлагали деньги, что, конечно, тоже не приносило им никакой пользы.

— Первоочередность тем устанавливает счетно-вычислительная машина, объяснил он. — Самовольно менять ее решения я не имею права.

Поттерли встал. Он был очень небольшого роста — от силы пять с половиной футов.

— В таком случае всего хорошего, сэр, — сухо сказал он.

— Всего хорошего, профессор Поттерли, и, поверьте, я искренне сожалею.

Он протянул руку, и Поттерли вяло ее пожал.

Едва историк вышел, как Эремен позвонил секретарше и, когда она появилась, вручил ей

папку.

— Это можно уничтожить, — сказал он.

Оставшись один, он с горечью улыбнулся. Еще одна услуга из тех, которые он уже четверть века оказывает человечеству. Услуга через отказ. Ну, во всяком случае, с этим чудаком затруднений не было. В иных случаях приходилось оказывать давление по месту работы, а иногда и отбирать дотации. Через пять минут Эремен уже забыл про профессора Поттерли, а когда он впоследствии вспоминал этот день, то неизменно приходил к выводу, что никакие дурные предчувствия его не томили.

* * *

В течение первого года после того, как его впервые постигло это разочарование, Арнольд Поттерли испытывал... только разочарование. Однако на втором году из этого разочарования родилась мысль, которая сперва напугала его, а потом увлекла. Воплотить эту мысль в дело ему мешали два обстоятельства, но к ним не относился тот несомненный факт, что такие действия были бы вопиющим нарушением этики.

Мешала ему, во-первых, еще не угасшая надежда, что власти в конце концов дадут необходимое

разрешение. Но теперь, после беседы с Эременом, эта надежда окончательно угасла.

Вторым препятствием была даже не надежда, а горькое сознание собственной беспомощности. Он не был физиком и не знал ни одного физика, к которому мог бы обратиться за помощью. На физическом факультете его университета работали люди, избалованные дотациями и поглощенные своей специальностью. В лучшем случае они просто не стали бы его слушать, а в худшем доложили бы начальству о его интеллектуальной анархии, а тогда его, пожалуй, вообще лишили бы дотации на изучение Карфагена, от которой зависело все.

Пойти на такой риск он не мог. Но, с другой стороны, продолжать исследования он мог бы только с помощью хроноскопии. Без нее и дотация лишалась всякого смысла.

За неделю до свидания с Эременом перед Поттерли, хотя тогда он этого не осознал, открылась возможность преодолеть второе препятствие. Это произошло на одном из традиционных факультетских чаепитий. Поттерли неизменно являлся на такие официальные сборища, потому что видел в этом свою обязанность, а к своим обязанностям он относился серьезно. Однако,

исполнив этот долг, он уже не считал нужным поддерживать светский разговор или знакомиться с новыми людьми. Всегда воздержанный, он выпивал не больше двух рюмок, обменивался двумя-тремя вежливыми фразами с деканом или заведующими кафедрами, сухо улыбался остальным и уходил домой как мог раньше.

И на этом последнем чаепитии он при обычных обстоятельствах не обратил бы ни малейшего внимания на молодого человека, который одиноко стоял в углу. Ему бы и в голову не пришло заговорить с этим молодым человеком. Но сложное стечение обстоятельств заставило его на этот раз поступить наперекор своим привычкам.

Утром за завтраком миссис Поттерли грустно сказала, что ей опять снилась Лорель, но на этот раз взрослая Лорель, хотя лицо ее оставалось лицом той трехлетней девочки, которая была их дочерью. Поттерли не перебивал жену. В давние времена он пытался бороться с этими ее настроениями, когда она бывала способна думать только о прошлом и о смерти. Ни сны, ни разговоры не вернут им Лорель. И все же, если Кэролайн Поттерли так легче, пусть она грезит и разговаривает.

Однако, отправившись на утреннюю лекцию,

Поттерли вдруг обнаружил, что на этот раз нелепые мысли Кэролайн как-то подействовали на него. Взрослая Лорель! Прошло уже почти двадцать лет со дня ее смерти — смерти их единственного ребенка и тогда и во веки веков. И все это время, вспоминая ее, он вспоминал трехлетнюю девочку.

Но теперь он подумал: будь она жива сейчас, ей было бы не три года, а почти двадцать три!

И против своей воли он попытался вообразить, как Лорель постепенно становилась бы старше, пока наконец ей не исполнилось бы двадцать три года. Это ему не удалось.

И все же он пытался: Лорель красит губы, за Лорель ухаживают, Лорель… выходит замуж!

Вот почему, когда он увидел, как этот молодой человек застенчиво стоит в стороне от равнодушно снующей вокруг группы преподавателей, ему пришла в голову мысль, достойная Дон Кихота: ведь такой вот мальчишка мог жениться на Лорель! А может быть, даже и этот самый мальчишка…

Ведь Лорель могла бы познакомиться с ним — здесь, в университете, или как-нибудь вечером у себя дома, если бы они пригласили этого молодого человека в гости. Они могли бы понравиться

друг другу. Лорель, несомненно, была бы хорошенькой, а этот юноша даже красив — смуглое, худое, сосредоточенное лицо, уверенные, легкие движения.

Эти сны наяву внезапно рассеялись. Однако Поттерли поймал себя на глупом ощущении, что молодой человек уже не посторонний ему, а как бы его возможный зять в стране того, что могло бы быть. И вдруг заметил, что уже подошел к юноше. Это был почти самогипноз. Он протянул руку.

— Я Арнольд Поттерли с исторического факультета. Если не ошибаюсь, вы здесь недавно?

Молодой человек, по-видимому, удивился и неловко перехватил рюмку левой рукой, чтобы освободить правую.

— Меня зовут Джонас Фостер, сэр, — сказал он, пожимая руку Поттерли, я преподаватель физики. Я в университете недавно — первый семестр.

Поттерли кивнул.

— Желаю вам здесь счастья и больших успехов!

На этом тогда все и кончилось. Поттерли опомнился, смутился и отошел. Он было оглянулся, но иллюзия родственной связи полностью рассеялась. Действительность вновь вступила в свои

права, и он рассердился на себя за то, что поддался нелепым рассказам жены про Лорель.

Однако неделю спустя, в тот момент, когда Эремен что-то втолковывал ему, Поттерли вдруг вспомнил про молодого человека. Преподаватель физики! Молодой преподаватель! Неужели в ту минуту он оглох? Неужели произошло короткое замыкание где-то между ухом и мозгом? Или сработала подсознательная самоцензура, так как в ближайшем будущем ему предстояло свидание с заведующим отделом хроноскопии?

Свидание это оказалось бесполезным, но воспоминание о молодом человеке, с которым он обменялся парой ничего не значащих фраз, помешало Поттерли настаивать на своей просьбе. Ему даже захотелось поскорее уйти.

И, возвращаясь в скоростном вертолете в университет, Поттерли чуть не пожалел, что никогда не был суеверным человеком. Ведь тогда он мог бы утешиться мыслью, что это случайное, ненужное знакомство в действительности было делом рук всеведущей и целеустремленной Судьбы.

* * *

Джонас Фостер неплохо знал академическую жизнь. Одна только долгая изнурительная борьба

за первую ученую степень сделала бы ветераном кого угодно, а ему ведь потом был поручен курс лекций, и это окончательно его отполировало.

Однако теперь он стал «преподавателем Джонасом Фостером». Впереди его ждало профессорское звание. И поэтому его отношение к университетским профессорам стало иным.

Во-первых, его дальнейшее повышение зависело от того, отдадут ли они ему свои голоса, а во-вторых, он пробыл на кафедре так недолго, что еще не знал, кто именно из ее членов близок с деканом или даже с ректором. Роль искушенного университетского политика его не привлекала, и он был даже убежден, что интриган из него получится самый посредственный, но какой смысл лягать самого себя, чтобы доказать себе же эту истину?

Вот почему Фостер согласился выслушать этого тихого историка, в котором тем не менее чувствовалось какое-то непонятное напряжение, вместо того чтобы тут же оборвать его и указать ему на дверь. Во всяком случае, именно таково было его первое намерение.

Он хорошо помнил Поттерли. Ведь это Поттерли подошел к нему на факультетском чаепитии (жуткая процедура!). Старичок посмотрел на него

остекленевшими глазами, выдавил из себя две неловкие фразы, а потом как-то сразу опомнился и быстро отошел.

Тогда Фостера это позабавило, но теперь…

А вдруг Поттерли подошел к нему не случайно, вдруг он искал этого знакомства, а вернее, старался внушить ему мысль, что он, Поттерли, чудак, эксцентричный старик, но вполне безобидный? И вот теперь пришел проверить лояльность Фостера, нащупать неортодоксальные убеждения. Разумеется, его проверяли, прежде чем назначить на это место. И все же…

Возможно, конечно, что Поттерли вполне искренен, возможно, он действительно не понимает, что делает. А может быть, превосходно понимает; может быть, он попросту опасный провокатор. Пробормотав: «Ну, что ж…», Фостер, чтобы выиграть время, вытащил пачку сигарет: сейчас он предложит сигарету Поттерли, даст ему огонька, закурит сам — и проделает все это очень медленно, чтобы выиграть время.

Однако Поттерли воскликнул:

— Ради бога, доктор Фостер, уберите сигареты!

— Простите, сэр, — с недоумением сказал Фостер.

— Что вы! Просить извинения следует мне. Но

я не выношу запаха табачного дыма. Идиосинкразия. Еще раз прошу извинения.

Он заметно побледнел, и Фостер поспешил убрать сигареты.

Страдая от невозможности закурить, Фостер решил выйти из положения самым простым образом.

— Я очень польщен, что вы обратились ко мне за советом, профессор Поттерли, но дело в том, что я не занимаюсь нейтриникой. В этой области я не профессионал. С моей стороны неуместно даже высказать какое-либо мнение, и, откровенно говоря, я предпочел бы, чтобы вы не расспрашивали меня об этом.

Чопорное лицо историка стало суровым.

— Я не понял ваших слов о том, что вы не занимаетесь нейтриникой. Вы ведь пока ничем не занимаетесь. Вам еще не дали никакой дотации, не так ли?

— Это же мой первый семестр.

— Я знаю. Вероятно, вы даже еще не подали заявку на дотацию?

Фостер слегка улыбнулся. За три месяца, проведенных в университете, он так и не сумел привести свою заявку о дотации на научно-исследовательскую работу в мало-мальски приличный

вид — ее нельзя было даже вручить для доработки профессиональному писателю при науке, не говоря уже о том, чтобы прямо подать в Комиссию по делам науки. (К счастью, заведующий его кафедрой отнесся к этому вполне терпимо. «Не торопитесь, Фостер, — сказал он, — поразмыслите над темой, убедитесь, что хорошо знаете свой путь и то, куда он приведет. Ведь едва вы получите дотацию, как тем самым официально закрепите за собой область вашей специализации, и, на радость или на горе, не расстанетесь с ней до конца вашей академической карьеры». Этот совет был достаточно банален, однако банальность нередко обладает достоинством истины, и Фостеру это было известно.) — По образованию и по склонности, доктор Поттерли, я гипероптик с уклоном в малую гравитику. Так я охарактеризовал себя, когда подавал заявление на факультет. Официально это пока еще не моя область специализации, но именно ее я собираюсь выбрать. Только ее! А нейтриникой я вообще не занимался.

— Почему? — немедленно спросил Поттерли.

Фостер с недоумением посмотрел на него. Такие бесцеремонные расспросы о чужом профессиональном статусе, естественно, вызывали

раздражение. И он ответил уже менее любезным тоном:

— Там, где я учился, курса нейтриники не читали.

— Бог мой, где же вы учились?

— В Массачусетском технологическом институте, — невозмутимо ответил Фостер.

— И там не преподают нейтринику?

— Нет. — Фостер почувствовал, что краснеет, и начал оправдываться:

— Это же очень узкая тема, не имеющая особого значения. Хроноскопия, пожалуй, обладает некоторой ценностью, но другого практического применения у нейтриники нет, а сама по себе хроноскопия — это тупик.

Историк бросил на него возбужденный взгляд.

— Скажите мне только одно: вы можете назвать специалиста по нейтринике?

— Нет, не могу, — грубо ответил Фостер.

— Ну, в таком случае вы, может быть, знаете учебное заведение, где преподают нейтринику?

— Нет, не знаю.

Поттерли улыбнулся кривой невеселой улыбкой.

Фостеру эта улыбка не понравилась, она показалась ему оскорбительной, и он настолько

рассердился, что даже сказал:

— Позволю себе заметить, сэр, что вы переступаете границы.

— Что?

— Я говорю, что вам, историку, интересоваться какой-либо областью физики, интересоваться профессионально, — это… — он умолк, не решаясь все-таки произнести последнее слово вслух.

— Неэтично?

— Вот именно, профессор Поттерли.

— Меня толкают на это результаты моих исследований, — сказал Поттерли напряженным шепотом.

— В таком случае вам следует обратиться в Комиссию по делам науки. Если Комиссия разрешит…

— Я уже обращался туда, но безрезультатно.

— Тогда вы, разумеется, должны прекратить эти исследования.

Фостер чувствовал, что говорит, как самодовольный педант, гордящийся своей добропорядочностью, но не мог же он допустить, чтобы этот человек спровоцировал его на проявление интеллектуальной анархии! Он ведь только начинает свою научную карьеру и не имеет права рисковать по-глупому.

Но, очевидно, его слова задели Поттерли. Без всякого предупреждения историк разразился бурей слов, каждое из которых свидетельствовало о полной безответственности.

— Ученые, — сказал он, — могут считаться свободными только в том случае, если они свободно следуют своему свободному любопытству. Наука, — сказал он, — силой загнанная в заранее определенную колею теми, в чьих руках сосредоточены деньги и власть, становится рабской и неминуемо загнивает. Никто, — сказал он, — не имеет права распоряжаться интеллектуальными интересами других.

Фостер слушал его с большим недоверием. Ничего нового в этом потоке слов для него не было: студенты любили шокировать своих преподавателей подобными рассуждениями, да и он сам раза два позволил себе поразвлечься таким способом. Вообще каждый человек, изучавший историю науки, прекрасно знал, что в старину многие придерживались подобных взглядов. И все же Фостеру казалось странным, почти противоестественным, что современный ученый может проповедовать столь дикую чепуху! Никому бы и в голову не пришло организовать производственный процесс так, чтобы каждый

рабочий занимался чем хотел и когда хотел, и никто не осмелится повести корабль, руководствуясь противоречивыми мнениями каждого отдельного члена команды. Все считают бесспорным, что и на заводе, и на корабле должно существовать какое-то одно центральное руководство. Так почему же то, что идет на пользу заводу и кораблю, вдруг может оказаться вредным для науки?

Можно, конечно, возразить, что человеческий интеллект обладает качественным отличием от корабля или завода, однако история научно-исследовательских изысканий доказывала обратное.

Быть может, в дни, когда наука была юной и вся или почти вся совокупность человеческих знаний оказывалась доступной индивидуальному человеческому уму, — быть может, в те дни она и не нуждалась в руководстве. Слепое блуждание по обширнейшим областям неведомого порой случайно приводило к удивительным открытиям.

Однако по мере накопления знаний приходилось изучать и суммировать все больше и больше уже известных фактов, для того чтобы путешествие в неведомое оказалось плодотворным.

Ученым пришлось специализироваться. Исследователь уже нуждался в услугах библиотеки, которую сам собрать не мог, а также в приборах, которые сам купить был не в состоянии. Индивидуальный исследователь все больше и больше уступал место группе исследователей, а потом и научно-исследовательскому институту.

Фонды, необходимые для научных исследований, с каждым годом увеличивались, а приборы и инструменты становились все более многочисленными. Где сейчас найдется на Земле настолько захудалый колледж, что в нем не окажется хотя бы одного ядерного микрореактора или хотя бы одной трехступенчатой счетно-вычислительной машины?

Субсидирование научных исследований оказалось не по плечу отдельным частным лицам уже много веков назад. К 1940 году только государство, ведущие отрасли промышленности и наиболее крупные университеты и научные центры имели возможность выделять достаточные средства на научную работу в широких масштабах.

К 1960 году даже крупнейшие университеты уже полностью существовали лишь на государственные дотации, а научные центры держались только на налоговых льготах и средствах,

собиравшихся по подписке. К 2000 году промышленные объединения стали частью всемирного правительства, и с тех пор финансирование научно-исследовательской работы, а значит, и общее руководство ею, естественно, сосредоточились в руках специального государственного органа.

Все сложилось само собой и очень удачно. Каждая отрасль науки была точно приспособлена к нуждам общества, а работы, проводившиеся в различных ее областях, умело координировались. Материальный прогресс, которым была ознаменована последняя половина века, достаточно убедительно свидетельствовал о том, что наука отнюдь не загнивает.

Фостер попытался изложить хоть малую часть этих соображений своему собеседнику, но Поттерли нетерпеливо перебил его:

— Вы, как попугай, повторяете измышления официальной пропаганды. У вас же под самым носом пример, начисто опровергающий официальную точку зрения. Вы верите мне?

— Откровенно говоря, нет.

— Ну, а почему же вы утверждаете, что обзор времени — это тупик? Почему нейтриника не имеет никакого значения? Вы это утверждаете. Вы утверждаете это категорически. А ведь вы ее

не изучали. По вашим же словам, вы не имеете о ней ни малейшего представления. Ее даже не преподавали в вашем учебном заведении…

— Но разве это не является прямым доказательством ее бесполезности?

— А, понимаю! Ее не преподают, потому что она бесполезна. А бесполезна она потому, что ее не преподают. Вам нравится такая логика?

Фостер растерялся.

— Но так говорится в книгах…

— Вот именно. В книгах говорится, что нейтриника не имеет никакого значения. Ваши профессора говорят вам это, почерпнув свои сведения из книг. А в книгах это утверждается потому, что их пишут профессора. Но кто утверждал это, опираясь на собственные знания и опыт? Кто ведет исследовательскую работу в этой области? Вам это известно?

— По-моему, этот спор бесплоден, профессор Поттерли, — сказал Фостер. — А мне необходимо закончить работу…

— Еще минутку! Я хотел бы обратить ваше внимание на одну вещь. Как она вам покажется? Я утверждаю, что правительство активно препятствует работам в области нейтриники и хроноскопии. Оно препятствует практическому

применению хроноскопии.

— Не может быть!

— Почему же? Это вполне в его силах. То самое централизованное руководство наукой, о котором вы говорили. Если правительство отказывает в фондах какой-либо отрасли науки, эта отрасль гибнет. Так оно уничтожило нейтринику. Оно имело возможность это сделать, и оно это сделало.

— Но зачем?

— Не знаю. И хочу, чтобы вы это выяснили. Я бы и сам попробовал, но у меня нет специальных знаний. Я пришел к вам потому, что вы молоды и только что завершили свое образование. Неужели артерии вашего интеллекта уже поддались склерозу? Неужели в вас не осталось ни любознательности, ни любопытства? Неужели вам не хочется просто *знать?* Находить ответы на загадки?

Говоря это, историк впивался взглядом в лицо Фостера. Их носы почти соприкасались, но Фостер до того растерялся, что даже не догадался отступить на шаг.

Ему, разумеется, следовало бы попросту указать Поттерли на дверь. Или даже самому вышвырнуть его.

Удерживало его отнюдь не уважение к возрасту и положению историка. И, уж конечно, Поттерли его ни в чем не убедил. Нет, в нем вдруг заговорила былая студенческая гордость.

В самом деле, почему в МТИ не читался курс нейтриники? И, кстати, насколько он помнил, в институтской библиотеке не было ни единой книги по нейтринике. Во всяком случае, он ни разу не видел там ничего подобного.

Фостер невольно задумался.

И это его погубило.

* * *

Кэролайн Поттерли когда-то была очень привлекательна. И даже теперь в отдельных случаях — на званых обедах, например, или на университетских приемах — ей удавалось отчаянным усилием воли возродить частицу этой привлекательности.

В обычной же обстановке она «обмякала». Именно это слово она употребляла, когда ее охватывало отвращение к себе. С возрастом она располнела, но не только этим объяснялась ее дряблость. Казалось, будто ее мускулы совсем расслабли, так что она еле волочила ноги, когда шла, под глазами набухли мешки, а щеки обвисали

тяжелыми складками. Даже ее седеющие волосы казались не просто прямыми, но бесконечно усталыми. Они не вились как будто только потому, что тупо подчинились силе земного тяготения.

Кэролайн Поттерли поглядела в зеркало и решила, что сегодня она выглядит особенно скверно, — и ей не нужно было догадываться о причине.

Все тот же сон про Лорель. Такой странный — Лорель вдруг стала взрослой. С тех пор Кэролайн не находила себе места. И все-таки напрасно она рассказала об этом Арнольду. Он ничего не сказал — он давно уже ничего не говорит в подобных случаях, — но все-таки это дурно на него повлияло. Несколько дней после ее рассказа он был особенно сдержан. Возможно, он действительно готовился к этому важному разговору с высокопоставленным чиновником (он все время твердил, что не ждет от их беседы ничего хорошего), но возможно также, что все дело было в ее сне.

Уж лучше бы он, как раньше, резко прикрикнул на нее: «Перестань думать о прошлом, Кэролайн! Разговорами ее не вернешь, да и сны помогут не больше».

Им обоим было тяжело тогда. Невыносимо тяжело. Ее постоянно терзало ощущение неиску-

пимой вины: в тот вечер ее не было дома! Если бы она не ушла, если бы она не отправилась за совершенно ненужными покупками, их было бы тогда двое. И вдвоем они спасли бы Лорель.

А бедному Арнольду это не удалось. Он сделал все, что мог, и чуть было сам не погиб. Из горящего дома он выбежал, шатаясь, обнаженный, задыхающийся, полуослепший от жара и дыма — с мертвой Лорель на руках.

И с тех пор длится этот кошмар, никогда до конца не рассеиваясь.

Арнольд постепенно замкнулся в себе. Он говорил теперь тихим голосом, держался мягко и спокойно — и сквозь эту оболочку ничто не вырывалось наружу, ни одной вспышки молнии. Он стал педантичным и поборол свои дурные привычки: бросил курить и перестал ругаться в минуты волнения. Он добился дотации на составление новой истории Карфагена и все подчинил этой цели.

Сначала она пыталась помогать ему: подбирала литературу, перепечатывала его заметки, микрофильмировала их. А потом вдруг все оборвалось.

Как-то вечером она внезапно вскочила из-за письменного стола и едва успела добежать, до ванной, как у нее началась мучительная рвота.

Муж бросился за ней, растерянный и перепуганный.

— Кэролайн, что с тобой?

Он дал ей выпить коньяку, и она постепенно пришла в себя.

— Это правда? То, что они делали?

— Кто?

— Карфагеняне.

Он с недоумением посмотрел на нее, и она кое-как, обиняком, попыталась объяснить ему, в чем дело. Говорить об этом прямо у нее не было сил.

Карфагеняне, по-видимому, поклонялись Молоху — медному, полому внутри идолу, в животе которого была устроена печь. Когда городу грозила опасность, перед идолом собирались жрецы и народ, и после надлежащих церемоний и песнопений опытные руки умело швыряли в печь живых младенцев.

Перед жертвоприношением им давали сласти, чтобы действенность его не ослабела из-за испуганных воплей, оскорбляющих слух бога. Затем раздавался грохот барабанов, заглушавший предсмертные крики детей, — на это требовалось несколько секунд. При церемонии присутствовали родители, которым было положено радоваться: ведь такая жертва угодна богам…

Арнольд Поттерли угрюмо нахмурился. Все это гнуснейшая ложь, сказал он, выдуманная врагами Карфагена. Ему следовало бы предупредить ее заранее. История знает немало примеров такой пропагандистской лжи. Греки утверждали, будто древние евреи в своей святая святых поклонялись ослиной голове. Римляне говорили, будто первые христиане были человеконенавистниками и приносили в катакомбах в жертву детей язычников.

— Так, значит, они этого не делали? — спросила Кэролайн.

— Я убежден, что нет. Хотя у первобытных финикийцев и могло быть что-нибудь подобное. Человеческие жертвоприношения не редкость в первобытных культурах. Но культуру Карфагена в дни его расцвета никак нельзя назвать первобытной. Человеческие жертвоприношения часто перерождаются в определенные символические ритуалы, вроде обрезания. Греки и римляне по невежеству или по злобе могли истолковать символическую карфагенскую церемонию как подлинное жертвоприношение.

— Ты в этом уверен?

— Пока еще нет, Кэролайн. Но когда у меня накопится достаточно материала, я попрошу

разрешения применить хроноскопию, и это даст возможность разрешить вопрос раз и навсегда.

— Хроноскопию?

— Обзор времени. Можно будет настроиться на древний Карфаген в период серьезного национального кризиса, например на 202 год до нашей эры, год высадки Сципиона Африканского, и посмотреть собственными глазами, что происходило. И ты увидишь, что я был прав.

Он ласково погладил ее по руке и ободряюще улыбнулся, но ей вот уже две недели каждую ночь снилась Лорель, и она больше не помогала мужу в его работе над историей Карфагена. И он не обращался к ней за помощью.

А теперь она собиралась с силами, готовясь к его возвращению. Он позвонил ей днем, как только вернулся в город, сказал, что видел главу отдела и что все кончилось, как он и ожидал. Значит — неудачей… И все же в его голосе не проскользнула так много говорящая ей нота отчаяния, а его лицо на телеэкране казалось совсем спокойным. Ему нужно побывать еще в одном месте, объяснил он.

Значит, Арнольд вернется домой поздно. Но это не имело ни малейшего значения. Оба они не придерживались определенных часов еды

и были совершенно равнодушны к тому, когда именно банки извлекались из морозильника, и даже — какие именно банки, и когда приводился в действие саморазогреватель.

Однако когда Поттерли вернулся домой, Кэролайн невольно удивилась. Вел он себя как будто совершенно нормально: поцеловал ее и улыбнулся, снял шляпу и спросил, не случилось ли чего-нибудь за время его отсутствия. Все было почти так же, как всегда. Почти.

Однако Кэролайн научилась подмечать мелочи, а он выполнял привычный ритуал с какой-то торопливостью. И этого оказалось достаточно для ее тренированного глаза: Арнольд был чем-то взволнован.

— Что произошло? — спросила она.

Поттерли сказал:

— Послезавтра у нас к обеду будет гость, Кэролайн. Ты не против?

— Не-ет. Кто-нибудь из знакомых?

— Ты его не знаешь. Молодой преподаватель. Он тут недавно. Я с ним разговаривал сегодня.

Внезапно он повернулся к жене, подхватил ее за локти и несколько секунд продержал так, а потом вдруг смущенно отпустил, словно стыдясь проявления своих чувств.

— С каким трудом я пробился сквозь его скорлупу, — сказал он. — Подумать только! Ужасно, ужасно, как все мы склонились под ярмо и с какой нежностью относимся к собственной сбруе.

Миссис Поттерли не совсем поняла, что он имел в виду, но она не зря в течение года наблюдала, как под его спокойствием нарастал бунт, как мало-помалу он начинал все смелее критиковать правительство. И она сказала:

— Надеюсь, ты был с ним осмотрителен?

— Как так — осмотрителен? Он обещал заняться для меня нейтриникой.

«Нейтриника» была для миссис Поттерли всего лишь звонкой бессмыслицей, однако она не сомневалась, что к истории это, во всяком случае, никакого касательства не имеет.

— Арнольд, — тихо произнесла она. — Зачем ты это делаешь? Ты лишишься своего места. Это же…

— Это же интеллектуальный анархизм, дорогая моя, — перебил он. — Вот выражение, которое ты искала. Прекрасно, значит, я анархист. Если государство не позволяет мне продолжать мои исследования, я продолжу их на собственный страх и риск. А когда я проложу путь, за мной последуют другие… А если и не последуют, какая

разница? Карфаген — вот что важно! И расширение человеческих познаний, а не ты и не я.

— Но ты же не знаешь этого молодого человека! Что, если он агент комиссара по делам науки?

— Вряд ли. И я готов рискнуть. — Сжав правую руку в кулак, Поттерли легонько потер им левую ладонь. — Он теперь на моей стороне. В этом я уверен. Хочет он того или не хочет, но это так. Я умею распознавать интеллектуальное любопытство в глазах, в лице, в поведении, а это смертельное заболевание для прирученного ученого. Даже в наше время выбить такое любопытство из индивида оказывается не так-то просто, а молодежь особенно легко заражается… И почему, черт возьми, мы должны перед чем-то останавливаться? Нет, мы построим собственный хроноскоп, и пусть государство отправляется к…

Он внезапно умолк, покачал головой и отвернулся.

— Будем надеяться, что все кончится хорошо, — сказала миссис Поттерли, в беспомощном ужасе чувствуя, что все кончится очень плохо и придется забыть о дальнейшей карьере мужа и об обеспеченной старости.

Только она из них всех томилась предчувствием беды. И, конечно, совсем не той беды.

* * *

Джонас Фостер явился в дом Поттерли, расположенный за пределами университетского городка, с опозданием на полчаса. До самого конца он не был уверен, что пойдет. Затем в последний момент он почувствовал, что не может нарушить правила вежливости, не явившись на обед, как обещал, и даже не предупредив хозяев заранее. А кроме того, его разбирало любопытство.

Обед тянулся бесконечно. Фостер ел без всякого аппетита. Миссис Поттерли была рассеянна и молчалива — она только однажды вышла из своего транса, чтобы спросить, женат ли он, и, узнав, что нет, неодобрительно хмыкнула. Профессор Поттерли задавал ему нейтральные вопросы о его академической карьере и чопорно кивал головой.

Трудно было придумать что-нибудь более пресное, тягучее и нудное.

Фостер подумал:

«Он кажется таким безвредным…» Последние два дня Фостер изучал труды профессора Поттерли. Разумеется, между делом, почти исподтишка. Ему не слишком-то хотелось показываться в Библиотеке социальных наук. Правда, история

принадлежала к числу смежных дисциплин, а широкая публика нередко развлекалась чтением исторических трудов — иногда даже в образовательных целях.

Однако физик — это все-таки не «широкая публика». Стоит Фостеру заняться чтением исторической литературы, и его сочтут чудаком — это ясно, как закон относительности, а там заведующий кафедрой, пожалуй, задумается, насколько его новый преподаватель «подходит для них».

Вот почему Фостер действовал крайне осторожно. Он сидел в самых уединенных нишах, а входя и выходя, старался низко опускать голову.

Он выяснил, что профессор Поттерли написал три книги и несколько десятков статей о государствах древнего Средиземноморья, причем все статьи последних лет (напечатанные в «Историческом вестнике») были посвящены доримскому Карфагену и написаны в весьма сочувственном тоне.

Это, во всяком случае, подтверждало объяснения историка, и подозрения Фостера несколько рассеялись… И все же он чувствовал, что правильнее и благоразумнее всего было бы отказаться наотрез с самого начала.

Ученому вредно излишнее любопытство, думал

он, сердясь на себя. Оно чревато опасностями.

Когда обед закончился, Поттерли провел гостя к себе в кабинет, и Фостер в изумлении остановился на пороге: стены были буквально скрыты книгами.

И не только микропленочными! Разумеется, здесь были и такие, но их число значительно уступало печатным книгам — книгам, напечатанным на бумаге! Просто не верилось, что существует столько старинных книг, еще годных для употребления.

И Фостеру стало не по себе. С какой стати человеку вдруг понадобилось держать дома столько книг? Ведь все они наверняка есть в университетской библиотеке или, на худой конец, в Библиотеке конгресса — нужно только побеспокоиться и заказать микрофильм.

Домашняя библиотека отдавала чем-то недозволенным. Она была пропитана духом интеллектуальной анархии. Но, как ни странно, именно это последнее соображение успокоило Фостера. Уж лучше пусть Поттерли будет подлинным анархистом, чем провокатором.

И с этой минуты время помчалось на всех парах, принося с собой много удивительного.

— Видите ли, — начал Поттерли ясным, невоз-

мутимым голосом, — я попробовал отыскать кого-нибудь, кто пользовался бы в своей работе хроноскопией. Разумеется, задавать такой вопрос прямо я не мог — это значило бы предпринять самочинные изыскания.

— Конечно, — сухо заметил Фостер, удивляясь про себя, что подобное пустячное соображение могло остановить его собеседника.

— Я наводил справки косвенно…

И он их наводил! Фостер был потрясен объемом переписки, посвященной мелким спорным вопросам культуры древнего Средиземноморья, в процессе которой профессору Поттерли удавалось добиться от своих корреспондентов случайных упоминаний, вроде: «Разумеется, ни разу не воспользовавшись хроноскопией…» или «Ожидая ответа на мою просьбу применить хроноскоп, на что в настоящий момент вряд ли можно рассчитывать…»

— И я адресовал эти вопросы отнюдь не наугад, — объяснил Поттерли. — Институт хроноскопии издает ежемесячный бюллетень, в котором печатаются исторические сведения, полученные путем обзора времени. Обычно бюллетень включает одно-два таких сообщения. Меня сразу поразила тривиальность сведений,

добытых таким образом, их незначительность. Так почему же подобные изыскания считаются первоочередными, а мое исследование нет? Тогда я начал писать тем, кто, скорее всего, мог заниматься работами, упоминавшимися в бюллетене. И, как я вам только что показал, никто из этих ученых не пользовался хроноскопом. Ну, а теперь давайте рассмотрим все по пунктам…

Наконец Фостер, у которого голова шла кругом от множества свидетельств, трудолюбиво собранных Поттерли, растерянно спросил:

— Но для чего же все это делается?

— Не знаю, — ответил Поттерли. — Но у меня есть своя теория. Когда Стербинский изобрел хроноскоп, — как видите, это мне известно, — о его изобретении много писали. Затем правительство конфисковало аппарат и решило прекратить дальнейшие исследования в этой области и воспрепятствовать дальнейшему использованию уже готового хроноскопа. Но в этом случае людям непременно захотелось бы узнать, почему он не используется. Любопытство — ужасный порок, доктор Фостер.

Физик внутренне согласился с ним.

— Так вообразите, — продолжал Поттерли, — насколько умнее было бы сделать вид, будто

хроноскоп используется. Прибор потерял бы всякий элемент таинственности и перестал бы служить предлогом для законного любопытства или приманкой для любопытства противозаконного.

— Но вы-то полюбопытствовали, — заметил Фостер.

Поттерли, казалось, смутился.

— Со мной дело обстоит иначе, — сердито сказал он. — Моя работа действительно важна, а их проволочки и отказы граничат с издевательством, и я не намерен с этим мириться.

«Почти мания преследования, помимо всего прочего», — уныло подумал Фостер.

И тем не менее историк, страдал он манией преследования или нет, сумел кое-что обнаружить: Фостер не мог уже больше отрицать, что с нейтриникой дело обстоит действительно как-то странно.

Но чего добивается Поттерли? Это по-прежнему тревожило Фостера. Если Поттерли затеял все это не для того, чтобы проверить этические принципы Фостера, так чего же он все-таки добивается?

Фостер старался рассуждать логично. Если интеллектуальный анархист, страдающий легкой формой мании преследования, хочет воспользо-

ваться хроноскопом и твердо верит, что власти предержащие сознательно ему препятствуют, что он предпримет?

«Будь я на его месте, — подумал он, — что сделал бы я?» Он сказал размеренным голосом:

— Но, может быть, хроноскопа вообще не существует.

Поттерли вздрогнул. Его неизменное спокойствие чуть не разлетелось вдребезги. На мгновение Фостер уловил в его взгляде нечто менее всего похожее на спокойствие.

Однако историк все же не утратил власти над собой. Он сказал:

— О нет! Хроноскоп, несомненно, должен существовать.

— Но почему? Вы видели его? А я? Может быть, именно этим все и объясняется? Может быть, они вовсе не прячут имеющийся у них хроноскоп, а его у них вовсе нет?

— Но ведь Стербинский действительно жил! Он же построил хроноскоп! Это факты.

— Так говорится в книгах, — холодно возразил Фостер.

— Послушайте! — Поттерли забылся настолько, что схватил Фостера за рукав. — Мне необходим хроноскоп. Я должен его получить. И не говорите

мне, что его вообще нет. Нам просто нужно разобраться в нейтринике настолько, чтобы…

Поттерли вдруг умолк.

Фостер выдернул свой рукав из его пальцев. Он знал, как собирался историк докончить эту фразу, и докончил ее сам: — …чтобы самим его построить?

Поттерли насупился, словно ему не хотелось говорить об этом прямо, но все же отозвался:

— А почему бы и нет?

— Потому что об этом не может быть и речи, — отрезал Фостер. — Если то, что я читал, соответствует истине, значит, Стербинскому потребовалось двадцать лет, чтобы построить свой аппарат, и двадцать миллионов в разного рода дотациях. И вы полагаете, что нам с вами удастся проделать то же нелегально? Предположим даже, у нас было бы время (а его у нас нет) и я мог бы почерпнуть достаточно сведений из книг (в чем я сомневаюсь), — где мы раздобыли бы оборудование и деньги? Ведь хроноскоп, как утверждают, занимает пятиэтажное здание! Поймите же это наконец!

— Так вы отказываетесь помочь мне?

— Ну, вот что: у меня есть возможность кое-что выяснить…

— Какая возможность? — тотчас осведомился Поттерли.

— Неважно. Но мне, может быть, удастся узнать достаточно, чтобы сказать вам, правда ли, что правительство сознательно не допускает работы с хроноскопом. Я могу либо подтвердить собранные вами данные, либо доказать их ошибочность. Не берусь судить, что это вам даст как в том, так и в другом случае, но это все, что я могу сделать. Это мой предел.

И вот наконец Поттерли проводил своего гостя. Он досадовал на самого себя. Проявить такую неосторожность — позволить мальчишке догадаться, что он думает именно о собственном хроноскопе! Это было преждевременно.

Но как смел этот молокосос предположить, что хроноскопа вовсе не существует?

Он должен существовать! Должен! Какой же смысл отрицать это?

И почему нельзя построить еще один? За пятьдесят лет, истекших со смерти Стербинского, наука ушла далеко вперед. Нужно только узнать основные принципы.

И пусть этим займется Фостер. Пусть он думает, что ограничится какими-то крохами. Если он не увлечется, то даже этот шаг явится достаточно

серьезным проступком, который вынудит его продолжать. В крайнем случае придется прибегнуть к шантажу.

Поттерли помахал уходящему гостю и посмотрел на небо. Начинал накрапывать дождь.

Да-да! Пусть шантаж, если другого способа не будет, но он добьется своего!

* * *

Фостер вел машину по угрюмой городской окраине, не замечая дождя.

Конечно, он дурак, но остановиться теперь он уже не в состоянии. Ему необходимо узнать, в чем же тут дело. Проклятое любопытство, ругал он себя. И все-таки он должен узнать!

Однако в своих розысках он ограничится дядей Ральфом. И Фостер дал себе страшную клятву, что больше ничего предпринимать не станет. Таким образом, против него нельзя будет найти явных улик. Дядя Ральф — сама осмотрительность.

В глубине души он немного стыдился дяди Ральфа. И не сказал про него Поттерли отчасти из осторожности, а отчасти и потому, что опасался увидеть поднятые брови и неизбежную иронической улыбочку. Профессиональные писатели при науке считались людьми не слишком со-

лидными, достойными лишь снисходительного презрения, хотя никто не отрицал пользы их занятия. Тот факт, что в среднем они зарабатывали больше настоящих ученых, разумеется, ничуть не улучшал положения.

И все-таки в определенных ситуациях иметь такого родственника весьма полезно. Ведь писатели не получали настоящего образования и не были обязаны специализироваться. В результате хороший писатель при науке был сведущ практически во всех вопросах… А дядя Ральф, подумал Фостер, безусловно, принадлежит к одним из лучших.

Ральф Ниммо не имел специализированного университетского диплома и гордился этим.

«Специализированный диплом, — объяснил он как-то Джонасу Фостеру, в дни, когда оба они были значительно моложе, — это первый шаг по пути к гибели. Человеку жалко не воспользоваться полученной привилегией, и вот он уже готовит магистерскую, а затем и докторскую диссертацию. И в конце концов ты оказываешься глубочайшим невеждой во всех областях знания, кроме крохотного кусочка выеденного яйца.

С другой стороны, если ты будешь оберегать свой ум и не загромождать его единообразными

сведениями, пока не достигнешь зрелости, а вместо этого тренировать его в логическом мышлении и снабжать широкими представлениями, то ты получишь в свое распоряжение могучее орудие и сможешь стать писателем при науке».

Первое задание Ниммо выполнил в двадцатипятилетнем возрасте, всего лишь через три месяца после того, как получил право на самостоятельную работу. Ему была поручена пухлая рукопись, язык которой даже самый квалифицированный читатель мог бы постигнуть только после тщательнейшего изучения и вдохновенных догадок. Ниммо разъял ее на составные части и воссоздал заново (после пяти длительных и выматывающих душу бесед с авторами — биофизиками по специальности), придав ее языку емкость и точность, а также до блеска отполировав стиль.

«И что тут такого? — снисходительно спрашивал он племянника, который парировал его нападки на специализацию насмешками в адрес тех, кто предпочитает цепляться за бахрому науки. — Бахрома тоже важна. Твои ученые писать не умеют. И не обязаны уметь. Никто же не требует, чтобы они были шахматистами-гроссмейстерами или скрипачами-виртуозами, так с

какой стати требовать, чтобы они владели, даром слова? Почему бы не предоставить эту область специалистам? Бог мой, Джонас! Почитай, что писали твои собратья сто лет назад. Не обращай внимания на то, что научная сторона устарела, а некоторые выражения больше не употребляются. Просто почитай и попробуй понять, о чем там говорится. И ты убедишься, что это безнадежно дилетантское зубодробительное крошево. Целые страницы печатались зря, и многие статьи поражают своей ненужностью или неудобопонятностью, а то и тем и другим».

«Но вы же не добьетесь признания, дядя Ральф, — спорил юный Фостер (на пороге своей университетской карьеры он был полон самых радужных надежд и иллюзий). — А ведь из вас мог бы выйти потрясающий ученый!» «Ну, признания мне более чем достаточно, — ответил Ниммо, — можешь мне поверить. Конечно, какой-нибудь биохимик или стратометеоролог смотрят на меня сверху вниз, но зато прекрасно мне платят. Знаешь, что происходит, когда какой-нибудь ведущий химик узнает, что комиссия урезала его ежегодную дотацию на обработку материала? Да он будет драться за то, чтобы иметь средства платить мне или кому-нибудь

вроде меня куда яростнее, чем добиваться нового ионографа».

Он ухмыльнулся, и Фостер улыбнулся ему в ответ. По правде говоря, он гордился своим круглолицым толстеющим дядюшкой с короткими толстыми пальцами и оголенной макушкой, которую тот, движимый тщеславием, тщетно старался скрыть под жиденькими прядями волос, зачесанных с висков. И то же тщеславие заставляло его одеваться так, что он вечно вызывал мысль о неплотно уложенном стоге, так как неряшество было его фирменной маркой. Да, Фостер, хоть и стыдился своего дяди, очень гордился им.

Но на этот раз, войдя в захламленную квартиру дядюшки, Фостер менее всего был склонен обмениваться улыбками. С того времени он постарел на девять лет, как, впрочем, и дядя Ральф. И в течение этих девяти лет дядя Ральф продолжал полировать статьи и книги, посвященные самым различным вопросам науки, и каждая из них оставила что-то в его обширной памяти.

Ниммо с наслаждением ел виноград без косточек, бросая в рот ягоду за ягодой. Он тут же кинул гроздь Фостеру, который в последнюю секунду успел-таки ее поймать, а затем наклонился и принялся подбирать с пола упавшие виноградинки.

— Пусть их валяются. Не хлопочи, — равнодушно заметил Ниммо. — Раз в неделю кто-то является сюда для уборки. Что случилось? Не получается заявка на дотацию?

— У меня до этого никак не доходят руки.

— Да? Поторопись, мой милый. Может быть, ты ждешь, чтобы за нее взялся я?

— Вы мне не по карману, дядя Ральф.

— Ну, брось! Это же дело семейное. Предоставь мне исключительное право на популярное издание, и мы обойдемся без денег.

Фостер кивнул.

— Идет! Если, конечно, вы не шутите.

— Договорились.

Разумеется, в этом был известный риск, но Фостер достаточно хорошо знал, как высока квалификация Ниммо, и понимал, что сделка может оказаться выгодной. Умело сыграв на интересе широкой публики к первобытному человеку, или к новой хирургической методике, или к любой отрасли космонавтики, можно было весьма выгодно продать статью любому массовому издательству или студии.

Например, именно Ниммо написал рассчитанную на сугубо научные круги серию статей Брайса и сотрудников, которая детально осве-

щала вопрос об особенностях структуры двух вирусов рака, причем потребовал за эти статьи предельно мизерную плату — всего полторы тысячи долларов при условии, что ему будет предоставлено исключительное право на популярные издания. Затем он обработал ту же тему, придав ей более драматическую форму, для стереовидения, и получил единовременно двадцать тысяч долларов плюс проценты с каждой передачи, которые продолжали поступать еще и теперь, пять лет спустя.

Фостер без обиняков приступил к делу:

— Что вы знаете о нейтринике, дядя Ральф?

— О нейтринике? — Ниммо изумленно вытаращил маленькие глазки. — С каких пор ты занимаешься нейтриникой? Мне почему-то казалось, что ты выбрал псевдогравитационную оптику.

— Правильно. А про нейтринику я просто навожу справки.

— Опасное занятие! Ты переходишь демаркационную линию. Это тебе известно?

— Ну, не думаю, чтобы вы сообщили в комиссию, что я интересуюсь чем-то посторонним.

— Может быть, и следует сообщить, пока ты еще не натворил серьезных бед. Любопытство

— профессиональная болезнь ученых, нередко приводящая к роковому исходу. Я-то видел, как она протекает. Какой-нибудь ученый работает себе тихонько над своей проблемой, но вот любопытство уводит его далеко в сторону, и, глядишь, собственная работа уже настолько запущена, что на следующий год его дотация не возобновляется. Я мог бы назвать столько…

— Меня интересует только одно, — перебил Фостер. — Много ли материалов по нейтринике проходило через ваши руки за последнее время?

Ниммо откинулся на спинку кресла, задумчиво посасывая виноградину.

— Никаких. И не только за последнее время, но и вообще. Насколько я помню, мне ни разу не приходилось обрабатывать материалы, связанные с нейтриникой.

— Как же так? — Фостер искренне изумился. — Кому в таком случае их поручают?

— Право, не знаю, — задумчиво ответил Ниммо. — На наших ежегодных конференциях, насколько помнится, об этом никогда не говорилось. По-моему, в области нейтриники фундаментальных работ не ведется.

— А почему?

— Ну-ну, не рычи на меня. Я же ни в чем не

виноват. Я бы сказал…

— Следовательно, вы твердо не знаете? — нетерпеливо перебил его Фостер.

— Ну-у-у… Я могу сказать тебе, что именно я знаю о нейтринике. Нейтриника — это наука об использовании движения нейтрино и связанных с этим сил…

— Ну, разумеется. А электроника — наука о применении движения электронов и связанных с этим сил, а псевдогравитика — наука о применении полей искусственной гравитации. Я пришел к вам не для этого. Больше вам ничего не известно?

— А кроме того, — невозмутимо докончил дядюшка, — нейтриника *лежит* в основе обзора времени. Но больше мне действительно ничего не известно.

Фостер откинулся на спинку стула и принялся с ожесточением массировать худую щеку. Он испытывал злость и разочарование. Сам того не сознавая, он пришел сюда в надежде, что Ниммо сообщит ему самые последние данные, укажет на наиболее интересные аспекты современной нейтриники, и он получит возможность вернуться к Поттерли и доказать историку, что тот ошибся, что его факты — чистейшее недоразумение, а

выводы из них неверны.

И тогда он мог бы спокойно вернуться к своей работе.

Но теперь…

Он сердито убеждал себя: «Хорошо, пусть в этой области не ведется больших исследований. Это же еще не означает сознательной обструкции. А что, если нейтриника — бесплодная наука? Может быть, так оно и есть. Я же не знаю. И Поттерли не знает. Зачем расходовать интеллектуальные ресурсы человечества на погоню за пустотой? А возможно, работа засекречена по какой-то вполне законной причине. Может быть…» Беда заключалась в том, что он хотел знать правду, и теперь уже не может махнуть на все рукой. Не может — и конец!

— Существует ли какое-нибудь пособие по нейтринике, дядя Ральф? Что-нибудь простое и ясное? Какой-нибудь элементарный курс?

Ниммо задумался, тяжко вздыхая, так что его толстые щеки задергались.

— Ты задаешь сумасшедшие вопросы. Единственное пособие, о котором я слышал, было написано Стербинским и еще кем-то. Сам я его не видел, но один раз мне попалось упоминание о нем… Да, да, Стербинский и Ламарр. Теперь я

вспомнил.

— Тот самый Стербинский, который изобрел хроноскоп?

— По-моему, да. Значит, книга должна быть хорошей.

— Существует ли какое-нибудь переиздание?. Ведь Стербинский умер пятьдесят лет назад.

Ниммо только пожал плечами.

— Вы не могли бы узнать?

Несколько минут длилась тишина, и только кресло Ниммо ритмически поскрипывало — писатель беспокойно ерзал на сиденье. Затем он медленно произнес:

— Может быть, ты все-таки объяснишь мне, в чем дело?

— Не могу. Но вы мне поможете, дядя Ральф? Достанете экземпляр этой книги?

— Разумеется, все, что я знаю о псевдогравитике, я знаю от тебя и должен как-то доказать свою благодарность. Вот что: я помогу тебе, но с одним условием.

— С каким же?

Лицо писателя вдруг стало очень серьезным.

— С условием, что ты будешь осторожен, Джонас. Чем бы ты ни занимался, ясно одно — это не имеет никакого отношения к твоей работе.

Не губи свою карьеру только потому, что тебя заинтересовала проблема, которая тебе не была поручена, которая тебя вообще не касается. Договорились?

Фостер кивнул, но он не слышал, что говорил ему дядя. Его мысль бешено работала.

* * *

Ровно через неделю кругленькая фигура Ральфа Ниммо осторожно проскользнула в двухкомнатную квартиру Джонаса Фостера в университетском городке.

— Я кое-что достал, — хриплым шепотом сказал писатель.

— Что? — Фостер сразу оживился.

— Экземпляр Стербинского и Ламарра. — И Ниммо извлек книгу из-под своего широкого пальто, вернее, показал ее уголок.

Фостер почти машинально оглянулся, проверяя, хорошо ли закрыта дверь и плотно ли занавешены окна, а затем протянул руку.

Футляр потрескался от старости, а когда Фостер извлек пленку, он увидел, что она выцвела и стала очень хрупкой.

— И это все? — довольно грубо спросил он.

— В таких случаях следует говорить спасибо,

мой милый. — Ниммо, крякнув, опустился в кресло и извлек из кармана яблоко.

— Спасибо, спасибо. Только пленка такая старая…

— И тебе еще очень повезло, что ты можешь получить хотя бы такую. Я пробовал заказать микрокопию в Библиотеке конгресса. Ничего не получилось. Эта книга выдается только по особому разрешению.

— Как же вам удалось ее достать?

— Я ее украл. — Ниммо сочно захрустел яблоком. — Из нью-йоркской публички.

— Как?

— А очень просто. Как ты понимаешь, у меня есть доступ к полкам. Ну, я и улучил минуту, когда никто на меня не смотрел, перешагнул через барьер, отыскал ее и унес. Персонал там очень доверчив. Да и хватятся-то они пропажи разве что через несколько лет… Только ты уж лучше никому не показывай ее, племянничек.

Фостер смотрел на катушку с пленкой так, словно она могла сию минуту взорваться.

Ниммо бросил огрызок в пепельницу и вытащил второе яблоко.

— А знаешь, странно: ничего новее этого в нейтринике не появлялось. Ни единой монографии,

ни единой статьи или хотя бы краткого отчета. Абсолютно ничего со времени изобретения хроноскопа.

— Угу, — рассеянно ответил Фостер.

Теперь Фостер по вечерам работал в подвале у Поттерли. Его собственная квартира в университетском городке была слишком опасна. И эта вечерняя работа настолько его захватила, что он совсем махнул рукой на свою заявку для получения дотации. Сначала это его тревожило, но вскоре он перестал даже тревожиться.

Первое время он просто вновь и вновь читал в аппарате пленку. Потом начал думать, и тогда случалось, что пленка, заложенная в карманный проектор, долгое время прокручивалась впустую.

Иногда к нему в подвал спускался Поттерли и долго сидел, внимательно глядя на него, словно ожидая, что мыслительные процессы овеществятся и он сможет зримо наблюдать весь их сложный ход. Он не мешал бы Фостеру, если бы только позволил ему курить и не говорил так много.

Правда, говоря сам, он не требовал ответа. Он, казалось, тихо произносил монолог и даже не ждал, что его будут слушать. Скорее всего, это

было для него разрядкой.

Карфаген, вечно Карфаген!

Карфаген, Нью-Йорк древнего Средиземноморья. Карфаген, коммерческая империя и властелин морей. Карфаген, бывший всем тем, на что Сиракузы и Александрия только претендовали. Карфаген, оклеветанный своими врагами и не сказавший ни слова в свою защиту.

Рим нанес ему поражение и вытеснил его из Сицилии и Сардинии. Но Карфаген с лихвой возместил свои потери, покорив Испанию и взрастив Ганнибала, шестнадцать лет державшего Рим в страхе.

В конце концов Карфаген потерпел второе поражение, смирился с судьбой и кое-как наладил жизнь на жалких остатках былой территории — и так преуспел в этом, что завистливый Рим поспешил навязать ему третью войну. И тогда Карфаген, у которого не оставалось ничего, кроме упорства и рук его граждан, начал ковать оружие и два года отчаянно сопротивлялся Риму, пока наконец война не кончилась полным разрушением города, — и жители предпочитали бросаться в пламя, пожиравшее их дома, лишь бы не попасть в плен.

— Неужели люди стали бы так отчаянно за-

щищать город и образ жизни, действительно настолько скверные, какими рисовали их античные писатели? Ни один римский полководец не мог сравниться с Ганнибалом, и его солдаты были абсолютно ему преданны. Даже самые ожесточенные враги хвалили Ганнибала. А ведь он был карфагенянином! Очень модно утверждать, будто он был нетипичным карфагенянином, неизмеримо превосходившим своих сограждан, бриллиантом, брошенным в мусорную кучу. Но почему же в таком случае он хранил столь нерушимую верность Карфагену до самой своей смерти после долголетнего изгнания? Ну, конечно, все эти россказни о Молохе…

Фостер не всегда прислушивался к бормотанию историка, но порой голос Поттерли все же проникал в его сознание, и страшный рассказ о принесении детей в жертву вызывал у него физическую тошноту.

Однако Поттерли продолжал с неколебимым убеждением:

— И все-таки это ложь. Утка, пущенная греками и римлянами свыше двух с половиной тысяч лет назад. У них у самих были рабы, казни на кресте, пытки и гладиаторские бои. Их никак не назовешь святыми. Эта басня про Молоха в более

позднюю эпоху получила бы название военной пропаганды, беспардонной лжи. Я могу доказать, что это была ложь. Я могу доказать это, и богом клянусь, что докажу… Докажу… — И он увлеченно повторял и повторял это обещание.

Миссис Поттерли также спускалась в подвал, но гораздо реже, обычно по вторникам и четвергам, когда профессор читал лекции вечером и возвращался домой поздно.

Она тихонько сидела в углу, не произнося ни слова. Ее глаза ничего не выражали, лицо как-то все обвисало, и вид у нее был рассеянный и отсутствующий.

Когда она пришла в первый раз, Фостер неловко намекнул, что ей лучше было бы уйти.

— Я вам мешаю? — спросила она глухо.

— Нет, что вы, — раздраженно солгал Фостер. — Я только потому… потому… — И он не сумел закончить фразы.

Миссис Поттерли кивнула, словно принимая приглашение остаться. Затем она открыла рабочий мешочек, который принесла с собой, вынула моток витроновых полосок и принялась сплетать их с помощью пары изящно мелькающих тонких четырехгранных деполяризаторов, подсоединенных тонкими проволочками к батарейке, так

что казалось, будто она держит в руке большого паука.

Как-то вечером она сказала негромко:

— Моя дочь Лорель — ваша ровесница.

Фостер вздрогнул — так неожиданно она заговорила. Он пробормотал:

— Я и не знал, что у вас есть дочь, миссис Поттерли.

— Она умерла много лет назад.

Ее умелые движения превращали витрон в рукав какой-то одежды — какой именно, Фостер еще не мог отгадать. Ему оставалось только глупо пробормотать:

— Я очень сожалею.

— Она мне часто снится, — со вздохом сказала миссис Поттерли и подняла на него рассеянные голубые глаза.

Фостер вздрогнул и отвел взгляд.

В следующий раз она спросила, осторожно отклеивая полоску витрона, прилипшую к ее платью:

— А что, собственно, это означает — обзор времени?

Ее слова нарушили чрезвычайно сложный ход мысли, и Фостер почти огрызнулся:

— Спросите у профессора Поттерли.

— Я пробовала. Да, да, пробовала. Но, по-моему, его раздражает моя непонятливость. И он почти все время называет это хроноскопией. Что, действительно можно видеть образы прошлого, как в стереовизоре? Или аппарат пробивает маленькие дырочки, как эта ваша счетная машинка?

Фостер с отвращением посмотрел на свою портативную счетную машинку. Работала она неплохо, но каждую операцию приходилось проводить вручную, и ответы выдавались в закодированном виде. Эх, если бы он мог воспользоваться университетскими машинами… Пустые мечты! И так уж, наверное, окружающие недоумевают, почему он теперь каждый вечер уносит свою машинку из кабинета домой. Он ответил:

— Я лично никогда не видел хроноскопа, но, кажется, он дает возможность видеть образы и слышать звуки.

— Можно услышать, как люди разговаривают?

— Кажется, да… — И, не выдержав, он продолжал в отчаянии: — Послушайте, миссис Поттерли, вам же здесь, должно быть, невероятно скучно! Я понимаю, вам неприятно бросать гостя в одиночестве, но, право же, миссис Поттерли, не считайте себя обязанной…

— Я и не считаю себя обязанной, — сказала

она. — Я сижу здесь и жду.

— Ждете? Чего?

— Я подслушала, о чем вы говорили в тот первый вечер, — невозмутимо ответила она, — когда вы в первый раз разговаривали с Арнольдом. Я подслушивала у дверей.

— Да? — сказал он.

— Я знаю, что так поступать не следовало бы, но меня очень тревожил Арнольд. Я подозревала, что он намерен заняться чем-то, чем он не имеет права заниматься. И я хотела все узнать. А потом, когда я услышала… Она умолкла и, наклонив голову, стала внимательно рассматривать нитроновое плетение.

— Услышали что, миссис Поттерли?

— Что вы не хотите строить хроноскоп.

— Конечно, не хочу.

— Я подумала, что вы, может быть, передумаете.

Фостер бросил на нее свирепый взгляд.

— Так, значит, вы приходите сюда, надеясь, что я построю хроноскоп, рассчитывая, что я его построю?

— Да, да, доктор Фостер. Я так хочу, чтобы вы его построили!

С ее лица словно упало мохнатое покрывало

— оно вдруг приобрело мягкую четкость очертаний, щеки порозовели, глаза оживились, а голос почти зазвенел от волнения.

— Как это было бы чудесно! — шепнула она. — Вновь ожили бы люди из прошлого — фараоны, короли и… и просто люди. Я очень надеюсь, что вы построите хроноскоп, доктор Фостер. Очень…

Миссис Поттерли умолкла, словно не выдержав напряжения собственных слов, и даже не заметила, что витроновые полоски соскользнули с ее колен на пол. Она вскочила и бросилась вверх по лестнице, а Фостер следил за неуклюже движущейся фигурой в полной растерянности.

Теперь Фостер почти не спал по ночам, напряженно и мучительно думая. Это напоминало какое-то несварение мысли.

Его заявка на дотацию в конце концов отправилась к Ральфу Ниммо. Он больше на нее не рассчитывал и только подумал тупо: «Одобрения я не получу».

В таком случае не миновать скандала на кафедре и, возможно, в конце академического года его не утвердят в занимаемой должности.

Но Фостера это почти не трогало. Сейчас для него существовал нейтрино, нейтрино, только нейтрино! След частицы прихотливо извивался

и уводил его все дальше по неведомым путям, неизвестным даже Стербинскому и Ламарру. Он позвонил Ниммо.

— Дядя Ральф, мне кое-что нужно. Я звоню не из городка.

Лицо Ниммо на экране, как всегда, излучало добродушие, но голос был отрывист.

— Я знаю, что тебе нужно: пройти курс по ясному формулированию собственных мыслей. Я совсем измотался, пытаясь привести твою заявку в божеский вид. Если ты звонишь из-за нее…

— Нет, не из-за нее, — нетерпеливо замотал головой Фостер. — Мне нужно вот что… — Он быстро нацарапал на листке бумаги несколько слов и поднес листок к приемнику.

Ниммо испустил короткий вопль.

— Ты что, думаешь, мои возможности ничем не ограничены?

— Это вы можете достать, дядя, можете!

Ниммо еще раз прочел список, беззвучно шевеля пухлыми губами и все больше хмурясь.

— И что получится, когда ты соберешь все это воедино? — спросил он.

Фостер только покачал головой.

— Что бы из этого ни получилось, исключительное право на популярное издание будет при-

надлежать вам, как всегда. Только, пожалуйста, пока больше меня ни о чем не расспрашивайте.

— Видишь ли, я не умею творить чудеса.

— Ну, а на этот раз сотворите! Обязательно! Вы же писатель, а не ученый. Вам не приходится ни перед кем отчитываться. У вас есть связи, друзья. Наверно, они согласятся на минутку отвернуться, чтобы ваш следующий публикационный срок мог сослужить им службу?

— Твоя вера, племянничек, меня умиляет. Я попытаюсь.

* * *

Попытка Ниммо увенчалась полным успехом. Как-то вечером, заняв у приятеля машину, он привез материалы и оборудование. Вместе с Фостером они втащили их в дом, громко пыхтя, как люди, не привыкшие к физическому труду.

Когда Ниммо ушел, в подвал спустился Поттерли и вполголоса спросил:

— Для чего все это?

Фостер откинул прядь со лба и принялся осторожно растирать ушибленную руку.

— Мне нужно провести несколько простых экспериментов, — ответил он.

— Правда? — Глаза историка вспыхнули от

волнения.

Фостер почувствовал, что его безбожно эксплуатируют. Словно кто-то ухватил его за нос и повел по опасной тропинке, а он, хоть и ясно видел зиявшую впереди пропасть, продвигался охотно и решительно. И хуже всего было то, что его нос сжимали его же собственные пальцы!

И все это заварил Поттерли. А сейчас Поттерли стоит в дверях и торжествует. Но принудил себя идти по этой дорожке он сам.

Фостер сказал злобно:

— С этих пор, Поттерли, я хотел бы, чтобы сюда никто не входил. Я не могу работать, когда вы и ваша жена то и дело врываетесь сюда и мешаете мне.

Он подумал: «Пусть-ка обидится и выгонит меня отсюда. Пусть сам все и кончает».

Однако в глубине души он отлично понимал, что с его изгнанием не кончится ровно ничего.

Но до этого не дошло. Поттерли, казалось, вовсе не обиделся. Кроткое выражение его лица не изменилось.

— Ну, конечно, доктор Фостер, конечно, вам никто не будет мешать.

Фостер угрюмо посмотрел ему вслед. Значит, он и дальше пойдет по тропе, самым гнусным

образом радуясь этому и ненавидя себя за свою радость.

Теперь он ночевал у Поттерли на раскладушке все в том же подвале и проводил там все свое свободное время.

Примерно в это время ему сообщили, что его заявка (отшлифованная Ниммо) получила одобрение. Об этом ему сказал сам заведующий кафедрой и поздравил его.

Фостер посмотрел на него невидящими глазами и промямлил:

— Прекрасно… Я очень рад.

Но эти слова прозвучали так неубедительно, что профессор нахмурился и молча повернулся к нему спиной.

А Фостер тут же забыл об этом эпизоде. Это был пустяк, не заслуживавший внимания. Ему надо было думать о другом, о самом важном: в этот вечер предстояло решающее испытание.

Вечер, и еще вечер, и еще — и вот, измученный, вне себя от волнения, он позвал Поттерли. Поттерли спустился по лестнице и взглянул на самодельные приборы. Он сказал обычным мягким тоном:

— Расход электричества очень повысился. Меня смущает не денежная сторона вопроса, а то,

что городские власти могут заинтересоваться причиной. Нельзя ли что-нибудь сделать?

Вечер был жаркий, но на Поттерли была рубашка с крахмальным воротничком и пиджак. Фостер, работавший в одной рубашке, поднял на него покрасневшие глаза и хрипло сказал:

— Об этом можно больше не беспокоиться, профессор Поттерли. Но я позвал вас сюда, чтобы сказать вам кое-что. Хроноскоп построить можно. Небольшой, правда, но можно.

Поттерли ухватился за перила. Его ноги подкосились, и он с трудом прошептал:

— Его можно построить здесь?

— Да, здесь, в вашем подвале, — устало ответил Фостер.

— Боже мой, но вы же говорили…

— Я знаю, что я говорил! — раздраженно крикнул Фостер. — Я сказал, что это сделать невозможно. Но тогда я ничего не знал. Даже Стербинский ничего не знал.

Поттерли покачал головой.

— Вы уверены? Вы не ошибаетесь, доктор Фостер? Я не вынесу, если…

— Я не ошибаюсь, — ответил Фостер. — Черт побери, сэр! Если бы можно было обойтись одной теорией, то обозреватель времени был бы по-

строен более ста лет назад, когда только открыли нейтрино. Беда заключалась в том, что первые его исследователи видели в нем только таинственную частицу без массы и заряда, которую невозможно обнаружить. Она служила только для бухгалтерии — для того чтобы спасти уравнение «энергия-масса».

Он подумал, что Поттерли, пожалуй, его не понимает, но ему было все равно. Он должен высказаться, должен как-то привести в порядок свои непослушные мысли… А кроме того, ему нужно было подготовиться к тому, что он скажет Поттерли после. И Фостер продолжал:

— Стербинский первым открыл, что нейтрино прорывается сквозь барьер, разделяющий пространство и время, что эта частица движется не только в пространстве, но и во времени, и Стербинский первым разработал методику остановки нейтрино. Он изобрел аппарат, записывающий движение нейтрино, и научился интерпретировать след, оставляемый потоком нейтрино. Естественно, что этот поток отклонялся и менял направление под влиянием всех тех материальных тел, через которые он проходил в своем движении во времени. И эти отклонения можно было проанализировать и превратить в образы

того, что послужило причиной отклонения. Так стал возможен обзор времени. Этот способ дает возможность улавливать даже вибрацию воздуха и превращать ее в звук.

Но Поттерли его не слушал.

— Да, да, — сказал он. — Но когда вы сможете построить хроноскоп?

— Погодите! — потребовал Фостер. — Все зависит от того, как улавливать и анализировать поток нейтрино. Метод Стербинского был крайне сложным и окольным. Он требовал чудовищного количества энергии. Но я изучал псевдогравитацию, профессор Поттерли, науку об искусственных гравитационных полях. Я специализировался на изучении поведения света в подобных полях. Это новая наука. Стербинский о ней ничего не знал. Иначе он — как и любой другой человек — легко нашел бы гораздо более надежный и эффективный метод улавливания нейтрино с помощью псевдогравитационного поля. Если бы я прежде хоть немного сталкивался с нейтриникой, я сразу это понял бы.

Поттерли заметно приободрился.

— Я так и знал, — сказал он. — Хотя правительство и прекратило дальнейшие работы в области нейтриники, оно не могло воспрепятствовать то-

му, чтобы в других областях науки совершались открытия, как-то связанные с нейтриникой. Вот оно — централизованное руководство наукой! Я сообразил это давным-давно, доктор Фостер, задолго до того, как вы появились в университете.

— С чем вас и поздравляю, — огрызнулся Фостер. — Но надо учитывать одно…

— Ах, все это неважно! Ответьте же мне, будьте так добры, когда вы можете изготовить хроноскоп?

— Я же и стараюсь вам объяснить, профессор Поттерли: хроноскоп вам совершенно не нужен. («Ну, вот это и сказано», — подумал Фостер.) Поттерли медленно спустился со ступенек и остановился в двух шагах от Фостера.

— То есть как? Почему он мне не нужен?

— Вы не увидите Карфагена. Я обязан вас предупредить. Именно потому я и позвал вас. Карфагена вы никогда не увидите.

Поттерли покачал головой.

— О нет, вы ошибаетесь. Когда у нас будет хроноскоп, его надо будет настроить как следует…

— Нет, профессор, дело не в настройке. На поток нейтрино, как и на все элементарные частицы, влияет фактор случайности, то, что мы называем принципом неопределенности. При записи

и интерпретации потока фактор случайности проявляется как затуманивание, или шум, по выражению радиоспециалистов. Чем дальше в прошлое вы проникаете, тем сильнее затуманивание, тем выше уровень помех. Через некоторое время помехи забивают изображение. Вам понятно?

— Надо увеличить мощность, — сказал Поттерли безжизненным голосом.

— Это не поможет. Когда помехи смазывают детали, увеличение этих деталей увеличивает и помехи. Ведь, как ни увеличивай засвеченную пленку, ничего увидеть не удастся. Не так ли? Постарайтесь это понять. Физическая природа Вселенной ставит на пути исследователей непреодолимые барьеры. Хаотическое тепловое движение молекул воздуха определяет порог звуковой чувствительности любого прибора. Длина световой или электронной волны определяет минимальные размеры предмета, который мы можем увидеть посредством приборов. То же наблюдается и в хроноскопии. Обозревать время можно только до определенного предела.

— До какого же? До какого?

Фостер перевел дух и ответил:

— Максимально — сто двадцать пять лет.

— Но ведь в ежемесячном бюллетене Института хроноскопии указываются события, относящиеся почти исключительно к древней истории! — Профессор хрипло засмеялся. — Значит, вы ошибаетесь. Правительство располагает сведениями, восходящими к трехтысячному году до нашей эры.

— С каких это пор вы стали верить сообщениям правительства? — презрительно спросил Фостер. — Не вы ли доказывали, что правительство лжет и еще ни один историк не пользовался хроноскопом? Так неужели вы теперь не понимаете, в чем здесь причина? Хроноскоп мог бы пригодиться только ученому, занимающемуся новейшей историей. Ни один хроноскоп ни при каких условиях не в состоянии заглянуть дальше 1920 года.

— Вы ошибаетесь. Вы не можете знать всего, — упрямо твердил Поттерли.

— Однако истина не станет приспосабливаться к вашим желаниям! Взгляните правде в глаза: правительство стремится только к одному — продолжить обман.

— Но зачем?

— Этого я не знаю.

Курносый нос Поттерли дернулся, глаза нали-

лись кровью. Он сказал умоляюще:

— Это же только теория, доктор Фостер. Попробуйте построить хроноскоп. Постройте и испытайте его.

Неожиданно Фостер злобно схватил Поттерли за плечи.

— А вы думаете, что я его не построил? Вы думаете, что я сказал бы вам подобную вещь, не проверив своего вывода всеми возможными способами? Я построил хроноскоп! Он вокруг вас. Глядите!

Фостер бросился к выключателям и по очереди включил их. Он сдвинул ручку реостата, нажал какие-то кнопки и погасил свет.

— Погодите, дайте ему прогреться.

В центре одной из стен засветилось небольшое пятно. Поттерли, захлебываясь, что-то бормотал, но Фостер не слушал его и только повторил:

— Глядите!

Пятно стало более четким и распалось на черно-белый узор. Люди! Как в тумане. Лица смазаны. Вместо рук и ног — дрожащие полоски. Промелькнул старинный наземный автомобиль, очень нечеткий, — и все же, несомненно, одна из тех машин, в которых применялись двигатели внутреннего сгорания, работавшие на бензине.

— Примерно середина двадцатого века, — сказал Фостер. — Сконструировать звукоприемник я пока еще не могу. Со временем можно будет получить и звук. Но, как бы то ни было, середина двадцатого века — это практически предел. Поверьте мне, лучшей фокусировки добиться невозможно.

— Постройте большой аппарат, более мощный, — сказал Поттерли. Усовершенствуйте его питание.

— Да послушайте же! Принцип неопределенности обойти невозможно, так же как невозможно поселиться на Солнце. Всему есть свой физический предел.

— Вы лжете, я вам не верю! Я…

Его перебил новый голос, пронзительный и настойчивый:

— Арнольд! Доктор Фостер!

Физик сразу обернулся. Поттерли замер и через несколько секунд сказал, не повернув головы:

— В чем дело, Кэролайн? Пожалуйста, не мешай нам.

— Нет! — Миссис Поттерли торопливо спускалась по лестнице. — Я все слышала. Вы так кричали. У вас правда есть обозреватель времени, доктор Фостер, здесь, в нашем подвале?

— Да, миссис Поттерли. Примерно. Хотя аппарат и не очень хорош. Я еще не могу получить звука, а изображение чертовски смазанное. Но аппарат все-таки работает.

Миссис Поттерли прижала к груди стиснутые руки.

— Замечательно! Как замечательно!

— Ничего замечательного, — рявкнул Поттерли. — Этот молокосос не может заглянуть дальше чем…

— Послушайте… — начал Фостер, выйдя из себя.

— Погодите! — воскликнула миссис Поттерли. — Послушайте меня. Арнольд, разве ты не понимаешь, что аппарат работает на двадцать лет назад и, значит, мы можем вновь увидеть Лорель? К чему нам Карфаген и всякая древность? Мы же можем увидеть Лорель! Она оживет для нас! Оставьте аппарат здесь, доктор Фостер. Покажите нам, как с ним обращаться.

Фостер переводил взгляд с миссис Поттерли на ее мужа. Лицо профессора побелело, и его голос, по-прежнему тихий и ровный, утратил обычную невозмутимость.

— Идиотка!

Кэролайн растерянно ахнула.

— Арнольд, как ты можешь!

— Я сказал, что ты идиотка. Что ты увидишь? Прошлое. Мертвое прошлое. Лорель будет повторять только то, что она делала прежде. Ты не увидишь ничего, кроме того, что ты уже видела. Значит, ты хочешь вновь и вновь переживать одни и те же три года, следя за младенцем, который никогда не вырастет, сколько бы ты ни смотрела?

Казалось, его голос вот-вот сорвется. Профессор подошел к жене, схватил ее за плечо и грубо дернул.

— Ты понимаешь, чем это может тебе грозить, если ты попробуешь сделать это? Тебя заберут, потому что ты сойдешь с ума. Да, сойдешь с ума. Неужели ты хочешь попасть в приют для душевнобольных? Чтобы тебя заперли, подвергли психической проверке?

Миссис Поттерли вырвалась из его рук. От прежней кроткой рассеянности не осталось и следа. Она мгновенно превратилась в разъяренную фурию.

— Я хочу увидеть мою девочку, Арнольд! Она спрятана в этой машине, и она мне нужна!

— Ее нет в машине. Только образ. Пойми же наконец! Образ! Иллюзия, а не реальность.

— Мне нужна моя дочь! Слышишь? — Она набросилась на мужа с кулаками, и ее голос перешел в визг. — Мне нужна моя дочь!

Историк, вскрикнув, отступил перед обезумевшей женщиной. Фостер кинулся между ними, но тут миссис Поттерли, бурно зарыдав, упала на пол.

Поттерли обернулся, озираясь, как затравленный зверь. Внезапно резким движением он вырвал из подставки какой-то стержень и отскочил, прежде чем Фостер, оглушенный всем происходящим, успел его остановить.

— Назад, — прохрипел Поттерли, — или я вас убью! Слышите?

Он размахнулся, и Фостер отступил.

Поттерли с яростью набросился на аппаратуру. Раздался звон бьющегося стекла, и Фостер замер на месте, тупо наблюдая за историком.

Наконец ярость Поттерли угасла, и он остановился среди хаоса обломков и осколков, сжимая в руке согнувшийся стержень.

— Убирайтесь, — сказал он Фостеру сдавленным шепотом, — и не смейте возвращаться. Если вы потратили на это свои деньги, пришлите мне счет, и я заплачу. Я заплачу вдвойне.

Фостер пожал плечами, взял свою куртку и на-

правился к лестнице. До него доносились громкие рыдания миссис Поттерли. На площадке он оглянулся и увидел, что доктор Поттерли склонился над женой и на его лице написано мучительное страдание.

* * *

Два дня спустя, когда занятия кончились и Фостер устало осматривал свой кабинет, проверяя, не забыл ли он еще каких-нибудь материалов, относящихся к его одобренной теме, на пороге открытой двери вновь появился профессор Поттерли.

Историк был одет с обычной тщательностью. Он поднял руку — этот жест был слишком неопределенным для приветствия и слишком кратким для просьбы. Фостер смотрел на своего нежданного гостя ледяным взглядом.

— Я подождал пяти часов, чтобы вы… — сказал Поттерли. — Разрешите войти?

Фостер кивнул.

Поттерли продолжал:

— Мне, конечно, следует извиниться за мое поведение. Меня постигло страшное разочарование, я не владел собой, но тем не менее оно было непростительным.

— Я принимаю ваши извинения, — отозвался Фостер. — Это все?

— Если не ошибаюсь, вам звонила моя жена?

— Да.

— У нее непрерывная истерика. Она сказала мне, что звонила вам, но я не знал, можно ли поверить…

— Да, она мне звонила.

— Не могли бы вы сказать мне… Будьте так добры, скажите, что ей было нужно.

— Ей был нужен хроноскоп. Она сказала, что у нее есть собственные деньги и она готова заплатить.

— А вы… что-нибудь обещали?

— Я сказал, что я не приборостроитель.

— Прекрасно. — Поттерли с облегчением вздохнул. — Будьте добры, не отвечайте на ее звонки. Она не… не вполне…

— Послушайте, профессор Поттерли, — сказал Фостер, — я не намерен вмешиваться в супружеские споры, но вы должны твердо усвоить: хроноскоп может построить любой человек. Стоит только приобрести несколько простых деталей, которые продаются в магазинах оборудования, и его можно построить в любой домашней мастерской. Во всяком случае, ту его часть, кото-

рая связана с телевидением.

— Но ведь об этом же никто не знает, кроме вас. Ведь никто же еще до этого не додумался!

— Я не собираюсь держать это в секрете.

— Но вы не можете опубликовать свое открытие. Вы сделали его нелегально.

— Это больше не имеет значения, профессор Поттерли. Если я потеряю мою дотацию, значит, я ее потеряю. Если университет будет недоволен, я уйду. Все это просто не имеет значения.

— Нет, нет, вы не должны!

— До сих пор, — заметил Фостер, — вас не слишком заботило, что я рискую лишиться дотации и места. Так почему же вы вдруг принимаете это так близко к сердцу? А теперь разрешите, я вам кое-что объясню. Когда вы пришли ко мне впервые, я верил в строго централизованную научную работу, другими словами, в существующее положение вещей. Вас, профессор Поттерли, я считал интеллектуальным анархистом, и притом весьма опасным. Однако случилось так, что я сам за последние месяцы превратился в анархиста и при этом сумел добиться великолепных результатов. Добился я их не потому, что я блестящий ученый. Вовсе нет. Просто научной работой руководили сверху, и остались пробелы, которые

может восполнить кто угодно, лишь бы он догадался взглянуть в правильном направлении. И это случилось бы уже давно, если бы государство активно этому не препятствовало. Поймите меня правильно: я по-прежнему убежден, что организованная научная работа полезна. Я вовсе не сторонник возвращения к полной анархии. Но должен существовать какой-то средний путь, научные исследования должны сохранять определенную гибкость. Ученым следует разрешить удовлетворять свою любознательность, хотя бы в свободное время.

Поттерли сел и сказал вкрадчиво:

— Давайте обсудим это, Фостер. Я понимаю ваш идеализм. Вы молоды, вам хочется получить луну с неба. Но вы не должны губить себя из-за каких-то фантастических представлений о том, как следует вести научную работу. Я втянул вас в это. Вся ответственность лежит на мне. Я горько упрекаю себя за собственную неосторожность. Я слишком поддался своим эмоциям. Интерес к Карфагену настолько меня ослепил, что я поступил, как последний идиот.

— Вы хотите сказать, что полностью отказались от своих убеждений за последние два дня? — перебил его Фостер. — Карфаген — это пустяк? Как

и то, что правительство препятствует научной работе?

— Даже последний идиот, вроде меня, может кое-что уразуметь, Фостер. Жена кое-чему меня научила. Теперь я знаю, почему правительство практически запретило нейтринику. Два дня назад я этого не понимал, а теперь понимаю и одобряю. Вы же сами видели, как подействовало на мою жену известие, что у нас в подвале стоит хроноскоп. Я мечтал о хроноскопе как о приборе для научных исследований. Для нее же он стал бы только средством истерического наслаждения, возможностью вновь пережить собственное, давно исчезнувшее прошлое. А настоящих исследователей, Фостер, слишком мало. Мы затеряемся среди таких людей, как моя жена. Если бы государство разрешило хроноскопию, оно тем самым сделало бы явным прошлое всех нас до единого. Лица, занимающие ответственные должности, стали бы жертвой шантажа и незаконного нажима — ведь кто на Земле может похвастаться абсолютно незапятнанным прошлым? Таким образом, вся государственная система рассыпалась бы в прах.

Фостер облизнул губы и ответил:

— Возможно, что и так. Возможно, что в глазах

правительства его действия оправданны. Но, как бы то ни было, здесь задет важнейший принцип. Кто знает, какие еще достижения науки остались неосуществленными только потому, что ученых силой загоняют на узенькие тропки? Если хроноскоп станет кошмаром для кучки политиканов, то эту цену им придется заплатить. Люди должны понять, что науку нельзя обрекать на рабство, и трудно придумать более эффективный способ открыть им глаза, чем сделать мое изобретение достоянием гласности, легальным или нелегальным путем — все равно.

На лбу Поттерли блестели капельки пота, но голос его был по-прежнему ровен.

— О нет, речь идет не просто о кучке политиканов, доктор Фостер. Не думайте этого. Хроноскоп станет и моим кошмаром. Моя жена с этих пор будет жить только нашей умершей дочерью. Она совершенно утратит ощущение действительности и сойдет с ума, вновь и вновь переживая одни и те же сцены. И таким кошмаром хроноскоп станет не только для меня. Разве мало людей, подобных ей? Люди будут искать своих умерших родителей или собственную юность. Весь мир станет жить в прошлом. Это будет повальное безумие.

— Соображения нравственного порядка ничего не решают, — ответил Фостер. — Человечество умудрялось искажать практически каждое научное достижение, какие только знала история. Человечеству пора научиться предохранять себя от этого. Что же касается хроноскопа, то любителям возвращаться к мертвому прошлому вскоре надоест это занятие. Они застигнут своих возлюбленных родителей за какими-нибудь неблаговидными делишками, и это поубавит их энтузиазм. Впрочем, все это мелочи. Меня же интересует важнейший принцип.

— К черту ваш принцип! — воскликнул Поттерли. — Попробуйте подумать не только о принципах, но и о людях. Как вы не понимаете, что моя жена захочет увидеть пожар, который убил нашу девочку! Это неизбежно, я ее знаю. Она будет впивать каждую подробность, пытаясь помешать ему. Она будет вновь и вновь переживать этот пожар, каждый раз надеясь, что он не вспыхнет. Сколько раз вы хотите убить Лорель? — голос историка внезапно осип.

И Фостер вдруг понял.

— Чего вы на самом деле боитесь, профессор Поттерли? Что может узнать ваша жена? Что произошло в ночь пожара?

Историк закрыл лицо руками, и его плечи задергались от беззвучных рыданий. Фостер смущенно отвернулся и уставился в окно.

Через несколько минут Поттерли произнес:

— Я давно отучил себя вспоминать об этом. Кэролайн отправилась за покупками, а я остался с Лорель. Вечером я заглянул в детскую проверить, не сползло ли — с девочки одеяло. У меня в руках была сигарета. В те дин я курил. Я, несомненно, погасил ее, прежде чем бросить в пепельницу на комоде, — я всегда следил за этим. Девочка спокойно спала. Я вернулся в гостиную и задремал перед телевизором. Я проснулся, задыхаясь от дыма, среди пламени. Как начался пожар, я не знаю.

— Но вы подозреваете, что причиной его была сигарета, не так ли? — спросил Фостер. — Сигарета, которую на этот раз вы забыли погасить?

— Не знаю. Я пытался спасти девочку, но она умерла, прежде чем я успел вынести ее из дому.

— И, наверное, вы никогда не рассказывали своей жене об этой сигарете?

Поттерли покачал головой.

— Но все это время я помнил о ней.

— А теперь с помощью хроноскопа ваша жена узнает все. Но вдруг дело было не в сигарете?

Может быть, вы ее все-таки погасили? Разве это невозможно?

Редкие слезы уже высохли на лице Поттерли. Покрасневшие глаза стали почти нормальными.

— Я не имею права рисковать, — сказал он. — Но ведь дело не только во мне, Фостер. Для большинства людей прошлое таит в себе ужасы. Спасите же от них человечество.

Фостер молча расхаживал по комнате. Теперь он понял, чем объяснялось страстное, иррациональное желание Поттерли во что бы то ни стало возвеличить карфагенян, обожествить их, а главное, опровергнуть рассказ об огненных жертвоприношениях Молоху. Снимая с них жуткое обвинение в детоубийстве посредством огня, он тем самым символически очищал себя от той же вины.

И вот пожар, благодаря которому историк стал причиной создания хроноскопа, теперь обрекал его же на гибель. Фостер грустно поглядел на старика.

— Я понимаю вас, профессор Поттерли, но это важнее личных чувств. Я обязан сорвать удавку с горла науки.

— Другими словами, вам нужны слава и деньги, которые обещает такое открытие! — в бешенстве

крикнул Поттерли.

— Оно может и не принести никакого богатства. Однако и это соображение, вероятно, играет не последнюю роль. Я ведь всего только человек.

— Значит, вы отказываетесь утаить свое открытие?

— Наотрез.

— Ну, в таком случае… — Историк вскочил и свирепо уставился на Фостера, и тот на мгновение испугался.

Поттерли был старше его, меньше ростом, слабее и, по-видимому, безоружен, но все же…

Фостер сказал:

— Если вы намерены убить меня или совершить еще какую-нибудь глупость в том же роде, то учтите, что все мои материалы находятся в сейфе и в случае моего исчезновения или смерти попадут в надлежащие руки.

— Не говорите ерунды, — сказал Поттерли и выбежал из комнаты.

Фостер поспешно закрыл за ним дверь, сел и задумался. Глупейшая ситуация. Конечно, никаких материалов в сейфе у него не было. При обычных обстоятельствах подобная мелодраматичная ерунда никогда не пришла бы ему в голову. Но обстоятельства были необычными.

И, чувствуя себя еще более глупо, он целый час записывал формулы применения псевдогравитационной оптики к хроноскопии и набрасывал общую схему приборов. Кончив, он запечатал все в конверт, на котором написал адрес Ральфа Ниммо.

Всю ночь он проворочался с боку на бок, а утром, по дороге в университет, занес конверт в банк и отдал соответствующее распоряжение контролеру, который предложил ему подписать разрешение на вскрытие сейфа в случае его смерти.

После этого Фостер позвонил дяде и сообщил ему про конверт, сердито отказавшись объяснить, что именно в нем содержится.

Никогда в жизни он еще не чувствовал себя в таком глупом положении.

* * *

Следующие две ночи Фостер почти не спал, пытаясь найти решение весьма практической задачи — каким способом опубликовать материал, полученный благодаря вопиющему нарушению этики.

Журнал «Сообщения псевдогравитационного общества», который был знаком ему лучше

других, разумеется, отвергнет любую статью, лишенную магического примечания: «Исследование, изложенное в этой статье, оказалось возможным благодаря дотации N... Комиссии по делам науки при ООН». И, несомненно, так же поступит «Физический журнал».

Конечно, всегда имеется возможность обратиться к второстепенным журналам, которые в погоне за сенсацией не стали бы слишком придираться к источнику статьи, но для этого требовалось совершить небольшую финансовую операцию, крайне для него неприятную. В конце концов он решил оплатить издание небольшой брошюры, предназначенной для распространения среди ученых. В этом случае можно будет даже пожертвовать тонкостями стиля ради быстроты и обойтись без услуг писателя. Придется поискать надежного типографа. Впрочем, дядя Ральф, наверное, сможет ему кого-нибудь порекомендовать.

Он направлялся к своему кабинету, тревожно раздумывая, стоит ли медлить, и собираясь с духом, чтобы позвонить Ральфу по служебному телефону и тем самым отрезать себе пути к отступлению. Он был так поглощен этими мрачными размышлениями, что, только сняв пальто

и подойдя к своему письменному столу, заметил наконец, что в кабинете он не один.

На него смотрели профессор Поттерли и какой-то незнакомец.

Фостер смерил их удивленным взглядом.

— В чем дело?

— Мне очень жаль, — сказал Поттерли, — но я вынужден был найти способ остановить вас.

Фостер продолжал недоуменно смотреть на него.

— О чем вы говорите?

Неизвестный человек сказал:

— По-видимому, я должен представиться. — И улыбнулся, показав крупные, слегка неровные зубы. — Мое имя Тэддиус Эремен, заведующий отделом хроноскопии. Я пришел побеседовать с вами относительно сведений, которые мне сообщил профессор Арнольд Поттерли и которые подтверждены нашими собственными источниками…

— Я взял всю вину на себя, доктор Фостер, — поспешно сказал Поттерли. Я рассказал, что именно я толкнул вас против вашей воли на неэтичный поступок. Я готов принять на себя всю полноту ответственности и понести наказание. Мне бы не хотелось ничем вам повредить, но появления

хроноскопии допускать нельзя.

Эремен кивнул.

— Он действительно взял всю вину на себя, доктор Фостер. Но дальнейшее от него не зависит.

— Ах, вот как! — сказал Фостер. — Так что ж вы собираетесь предпринять? Внести меня в черный список и лишить права на получение дотации?

— Я могу это сделать, — ответил Эремен.

— Приказать университету уволить меня?

— И это я тоже могу.

— Ну ладно, валяйте! Считайте, что это уже сделано. Я уйду из кабинета теперь же, вместе с вами, а за книгами пришлю позднее. Если вы требуете, я вообще могу оставить книги здесь. Теперь все?

— Не совсем, — ответил Эремен. — Вы должны дать обязательство прекратить дальнейшие работы в области хроноскопии, не публиковать сведений о ваших открытиях в этом направлении и, разумеется, не собирать хроноскопов. Вы навсегда останетесь под наблюдением, которое помешает вам нарушить это обещание.

— Ну, а если я откажусь дать такое обещание? Как вы меня заставите? Занимаясь не тем, чем я должен заниматься, я, возможно, нарушаю этику, но это же не преступление.

— Когда речь идет о хроноскопе, мой юный друг, — терпеливо объяснил Эремен, — это именно преступление. Если понадобится, вас посадят в тюрьму, и навсегда.

— Но почему? — вскричал Фостер. — Чем хроноскопия так замечательна?

— Как бы то ни было, — продолжал Эремен, — мы не можем допустить дальнейших исследований в этой области. Моя работа в основном сводится именно к тому, чтобы препятствовать им. И я намерен выполнить мой служебный долг. К несчастью, ни я, ни сотрудники моего отдела не подозревали, что оптические свойства псевдогравитационных полей имеют столь прямое отношение к хроноскопии. Одно очко в пользу всеобщего невежества, но с этих пор научная работа будет регулироваться соответствующим образом и в этом направлении.

— Ничего не выйдет, — ответил Фостер. — Найдется еще какой-нибудь смежный принцип, не известный ни вам, ни мне. Все области в науке тесно связаны между собой. Это единое целое. Если вам нужно остановить какой-то один ее процесс, вы вынуждены будете остановить их все.

— Несомненно, это справедливо, — сказал Эремен, — но только теоретически. На практике же

нам прекрасно удавалось в течение пятидесяти лет удерживать хроноскопию на уровне первых открытий Стербинского. И, вовремя остановив вас, доктор Фостер, мы надеемся и впредь справляться с этой проблемой не менее успешно. Должен вам заметить, что на грани катастрофы мы сейчас оказались только потому, что я имел неосторожность судить о профессоре Поттерли по его внешности.

Он повернулся к историку и поднял брови, словно посмеиваясь над собой.

— Боюсь, сэр, во время нашей первой беседы я счел вас всего лишь обыкновенным профессором истории. Будь я более добросовестным и проверь вас повнимательнее, этого не случилось бы.

— Но кому-то разрешается пользоваться государственным хроноскопом? — отрывисто спросил Фостер.

— Вне нашего отдела — никому и ни под каким предлогом. Я говорю об этом только потому, что вы, как я вижу, уже сами об этом догадались. Но должен предостеречь вас, что оглашение этого факта будет уже не нарушением этики, а уголовным преступлением.

— И ваш хроноскоп проникает не дальше ста двадцати пяти лет, не так ли?

— Вот именно.

— Значит, ваш бюллетень и сообщения о хроноскопировании античности сплошное надувательство?

Эремен невозмутимо ответил:

— Собранные вами данные доказывают это с достаточной неопровержимостью. Тем не менее я готов подтвердить ваши слова. Этот ежемесячник надувательство.

— В таком случае, — заявил Фостер, — я не намерен давать обещания скрывать то, что мне известно о хроноскопии. Если вы решили меня арестовать, — что ж, это ваше право. Моей защитительной речи на суде будет достаточно, чтобы раз и навсегда сокрушить вредоносный карточный домик руководства наукой. Руководить наукой — это одно, а тормозить ее и лишать человечество ее достижений — это совсем другое.

— Боюсь, вы не вполне понимаете положение, доктор Фостер, — сказал Эремен. — В случае отказа сотрудничать с нами вы отправитесь в тюрьму немедленно. И к вам не будет допущен адвокат. Вам не будет предъявлено обвинение. Вас не будут судить. Вы просто останетесь в тюрьме.

— Ну, нет, — ответил Фостер. — Вы стараетесь меня запугать. Сейчас ведь не двадцатый век.

За дверью кабинета раздался шум, послышался топот и визгливый вопль, который показался Фостеру знакомым. Заскрежетал замок, дверь распахнулась, и в комнату влетел клубок из трех тел.

В тот же момент один из боровшихся поднял свой бластер и изо всех сил ударил противника по голове. Послышался глухой стон, и тот, кого ударили, весь обмяк.

— Дядя Ральф! — крикнул Фостер.

— Посадите его в это кресло, — нахмурившись, приказал Эремен, — и принесите воды.

Ральф Ниммо, осторожно потирая затылок, заметил с легкой брезгливостью:

— Право же, Эремен, прибегать к физическому насилию не было никакой надобности.

— Жаль, что охрана прибегла к физическому насилию слишком поздно и вы все-таки ворвались сюда, Ниммо, — ответил Эремен. — Ну, тем хуже для вас.

— Вы знакомы? — спросил Фостер.

— Я уже имел дело с этим человеком, — вздохнул Ниммо, продолжая потирать затылок. — Уж если он явился к тебе собственной персоной, племянничек, значит, беды тебе не миновать.

— И вам тоже, — сердито сказал Эремен. — Мне

известно, что доктор Фостер консультировался у вас относительно литературы по нейтринике.

Ниммо было нахмурился, но тут же вздрогнул от боли и поспешил разгладить морщины на лбу.

— Вот как? — сказал он. — А что еще вам про меня известно?

— В ближайшее время мы узнаем о вас все. А пока достаточно и этого. Зачем вы сюда явились?

— Дражайший доктор Эремен, — сказал Ниммо, к которому отчасти вернулась его обычная легкомысленная манера держаться. — Позавчера мой осел племянник позвонил мне. Он поместил какие-то таинственные документы…

— Молчите, не говорите ему ничего! — воскликнул Фостер.

Эремен холодно взглянул на молодого физика.

— Нам все известно, доктор Фостер. Ваш сейф вскрыт, и его содержимое конфисковано.

— Но откуда вы узнали… — Фостер умолк, задохнувшись от ярости и разочарования.

— Как бы то ни было, — продолжал Ниммо, — я решил, что кольцо вокруг него уже замыкается и, приняв кое-какие меры, явился сюда, намереваясь убедить его бросить заниматься тем, чем он занимается. Ради этого ему не стоило губить

свою карьеру.

— Из этого следует, что вы знали, чем он занимается? — спросил Эремен.

— Он мне ничего не рассказывал, — ответил Ниммо, — но я же писатель при науке с чертовски большим опытом! Я ведь знаю, почем фунт электронов. Мой племянничек специализируется по псевдогравитационной оптике и сам же втолковал мне ее основные принципы. Он уговорил меня достать ему учебник по нейтринике, и, прежде чем отдать ему пленку, я сам быстренько ее просмотрел. А помножить два на два я умею. Он попросил меня достать ему определенное физическое оборудование, что также о многом говорило. Думаю, я не ошибусь, сказав, что мой племянник построил полупортативный хроноскоп малой мощности. Да или… Да?

— Да. — Эремен задумчиво достал сигарету, не обратив ни малейшего внимания на то, что профессор Поттерли, который наблюдал за происходящим как во сне, со стоном отшатнулся от белой трубочки. — Еще одна моя ошибка. Мне следует подать в отставку. Я должен был бы присматривать и за вами, Ниммо, а не заниматься исключительно Поттерли и Фостером. Правда, у меня было мало времени. Вы сами благополуч-

но сюда явились. Но это не может служить мне оправданием. Вы арестованы, Ниммо.

— За что? — возмущенно спросил писатель.

— За нелегальные научные исследования.

— Я их не вел. И к тому же я не принадлежу к категории зарегистрированных ученых, и значит, подобное определение ко мне не подходит. Да и в любом случае — это не уголовное преступление.

— Бесполезно, дядя Ральф, — свирепо перебил его Фостер. — Этот бюрократ вводит собственные законы.

— Например? — спросил Ниммо.

— Например, пожизненное заключение без суда.

— Чушь! — воскликнул Ниммо. — Сейчас же не двадца…

— Я уже это говорил, — пояснил Фостер. — Ему все равно.

— И все-таки это чушь, — Ниммо уже кричал. — Слушайте, Эремен! К вашему сведению, у меня и моего племянника есть родственники, которые поддерживают с нами связь. Да и у профессора, наверное, тоже. Вам не удастся убрать нас без шума. Начнется расследование, и разразится скандал. Сейчас не двадцатый век, что бы вы ни говорили. Так что не пробуйте нас запугать.

Сигарета в пальцах Эремена лопнула, и он с яростью отшвырнул ее в сторону.

— Черт возьми! Не знаю, что и делать, — сказал он. — Впервые встречаюсь с подобным случаем... Ну, вот что: вы, трое идиотов, не имеете ни малейшего представления, что именно вы затеяли. Вы ничего не понимаете. Будете вы меня слушать?

— Отчего же, — мрачно сказал Ниммо. (Фостер молчал, крепко сжав губы. Глаза его сердито сверкали. Руки Поттерли извивались, как две змеи.) — Для вас прошлое — мертвое прошлое, — сказал Эремен. — Если вы обсуждали этот вопрос, так уж, наверное, пустили в ход это выражение. Мертвое прошлое! Если бы вы знали, сколько раз я слышал эти два слова, то вам бы они тоже стали поперек глотки. Когда люди думают о прошлом, они считают его мертвым, давно прошедшим, исчезнувшим навсегда. И мы стараемся укрепить их в этом мнении. Сообщая об обзоре времени, мы каждый раз называли давно прошедшее столетие, хотя вам, господа, известно, что заглянуть в прошлое больше чем на сто лет вообще невозможно. И всем это кажется естественным. Прошлое для широкой публики означает Грецию, Рим, Карфаген, Египет, каменный век. Чем мертвее, тем лучше. Но вы-то знаете, что пределом

является столетие. Так что же в таком случае для вас прошлое? Ваша юность. Ваша первая любовь. Ваша покойная мать. Двадцать лет назад. Тридцать лет назад. Пятьдесят лет назад. Чем мертвее, тем лучше… Но когда же все-таки начинается прошлое?

Он задохнулся от гнева. Его слушатели не сводили с него завороженных глаз, а Ниммо беспокойно заерзал в кресле.

— Ну, так когда же оно начинается? — сказал Эремен. — Год назад, пять минут назад? Секунду назад? Разве не очевидно, что прошлое начинается сразу за настоящим? Мертвое прошлое — это лишь другое название живого настоящего. Если вы наведете хроноскоп на одну сотую секунды тому назад? Ведь вы же будете наблюдать прошлое! Ну, как, проясняется?

— Черт побери! — сказал Ниммо.

— Черт побери! — передразнил Эремен. — После того как Поттерли пришел ко мне позавчера вечером, каким образом, по-вашему, я собрал сведения о вас обоих? Да с помощью хроноскопа! Просмотрев все важнейшие моменты по самую последнюю секунду.

— И таким образом вы узнали про сейф? — спросил Фостер.

— И про все остальное. А теперь скажите, что, по-вашему, произойдет, если мы допустим, чтобы про домашний хроноскоп узнала широкая публика? Разумеется, сперва люди начнут с обзора своей юности, захотят увидеть вновь своих родителей и прочее, но вскоре они сообразят, какие потенциальные возможности таятся в этом аппарате. Домашняя хозяйка забудет про свою бедную покойную мамочку и примется следить, что делает ее соседка дома, а ее супруг у себя в конторе. Делец будет шпионить за своим конкурентом, хозяин — за своими служащими. Личная жизнь станет невозможной. Подслушивание по телефону, наблюдение через замочную скважину покажутся детскими игрушками по сравнению с этим. Публика будет любоваться каждой минутой жизни кинозвезд, и никому не удастся укрыться от любопытных глаз. Даже темнота не явится спасением, потому что хроноскоп можно настроить на инфракрасные лучи и человеческие тела будут видны благодаря излучаемому ими теплу. Разумеется, это будут только смутные силуэты на черном фоне. Но пикантность от этого только возрастет… Техники, обслуживающие хроноскоп, проделывают подобные эксперименты, несмотря на все запрещения.

Ниммо сказал, словно борясь с тошнотой:

— Но ведь можно же запретить частное пользование…

— Конечно, можно. Но что толку? — яростно набросился на него Эремен. — Удается ли вам с помощью законов уничтожить пьянство, курение, разврат или сплетни? А такая смесь грязного любопытства и щекотания нервов окажется куда более сильной приманкой, чем все это. Да ведь за тысячу лет нам не удалось покончить даже с употреблением наркотиков! А вы говорите о том, чтобы в законодательном порядке запретить аппарат, который позволит наблюдать за кем угодно и когда угодно, аппарат, который можно построить у себя дома!

— Я ничего не опубликую! — внезапно воскликнул Фостер.

Поттерли сказал с рыданием в голосе:

— Мы все будем молчать. Я глубоко сожалею…

Но тут его перебил Ниммо:

— Вы сказали, что не проверили меня хроноскопом, Эремен?

— У меня не было времени, — устало ответил Эремен. — События в хроноскопе занимают столько же времени, сколько в реальной жизни. Этот процесс нельзя ускорить, как, например,

прокручивание пленки в микрофильме. Нам понадобились целые сутки, чтобы установить наиболее важные моменты в деятельности Поттерли и Фостера за последние шесть месяцев. Ни на что другое у нас не хватило времени. Но и этого было достаточно.

— Нет, — сказал Ниммо.

— Что вы хотите этим сказать? — лицо Эремена исказилось от мучительной тревоги.

— Я же объяснил вам, что мой племянник Джонас позвонил мне и сообщил, что спрятал в сейф важнейшие материалы. Он вел себя так, словно ему грозила опасность. Он же мой племянник, черт побери! Я должен был как-то ему помочь. На это потребовалось время. А потом я пришел сюда, чтобы рассказать ему о том, что сделал. Я же сказал вам, когда ваш охранник хлопнул меня по голове, что принял кое-какие меры.

— Что?! Ради бога…

— Я всего только послал подробное сообщение о портативном хроноскопе в десяток периодических изданий, которые меня печатают.

Ни слова. Ни звука. Ни вздоха. У них уже не осталось сил.

— Да не глядите на меня так! — воскликнул Ниммо. — Неужели вы не можете понять, как

обстояло дело! Право популярного издания принадлежало мне. Джонас не будет этого отрицать. Я знал, что легальным путем он не сможет опубликовать свои материалы ни в одном научном журнале. Мне было ясно, что он собирается издать свои материалы нелегально и для этого поместил их в сейф. Я решил сразу опубликовать детали, чтобы вся ответственность пала на меня. Его карьера была бы спасена. А если бы меня лишили права обрабатывать научные материалы, я все равно был бы обеспечен до конца своих дней, так как только я мог бы писать о хроноскопии. Я знал, что Джонас рассердится, но собирался все ему объяснить, а доходы поделить пополам… Да не глядите же на меня так! Откуда я знал…

— Никто ничего не знал, — с горечью сказал Эремен, — однако вы все считали само собой разумеющимся, что правительство состоит из глупых бюрократов, злобных тиранов, запрещающих научные изыскания ради собственного удовольствия. Вам и в голову не пришло, что мы по мере наших сил старались оградить человечество от катастрофы.

— Да не тратьте же время на пустые разговоры! — вскричал Поттерли. Пусть он назовет тех, кому сообщил…

— Слишком поздно, — ответил Ниммо, пожимая плечами. — В их распоряжении было больше суток. За это время новость успела распространиться. Мои издатели, несомненно, обратились к различным физикам, чтобы проверить материалы, прежде чем подписать их в печать, ну, а те, конечно, сообщили об этом открытии всем остальным. А стоит физику соединить нейтринику и псевдогравитику, как создание домашнего хроноскопа станет очевидным. До конца недели по меньшей мере пятьсот человек будут знать, как собрать портативный хроноскоп, и проверить их всех невозможно. — Пухлые щеки Ниммо вдруг обвисли. — По-моему, не существует способа загнать грибовидное облако в симпатичный блестящий шар из урана.

Эремен встал.

— Конечно, мы попробуем, Поттерли, но я согласен с Ниммо. Слишком поздно. Я не знаю, в каком мире мы будем жить с этих пор, но наш прежний мир уничтожен безвозвратно. До сих пор каждый обычай, каждая привычка, каждая крохотная деталь жизни всегда опиралась на тот факт, что человек может остаться наедине с собой, но теперь это кончилось.

Он поклонился им с изысканной любезностью.

— Вы втроем создали новый мир. Поздравляю вас. Счастливо плескаться в аквариуме! И вам, и мне, и всем. И пусть каждый из вас во веки веков горит в адском огне! Арест отменяется.

ВЫБОРЫ
(Перевод Н. Гвоздаревой, Н. Явно)

Из всей семьи только одна десятилетняя Линда, казалось, была рада, что наконец наступило утро.

Норман Маллер слышал ее беготню сквозь дурман тяжелой дремы. (Ему наконец удалось заснуть час назад, но это был не столько сон, сколько мучительное забытье.)

Девочка вбежала в спальню и принялась его расталкивать.

— Папа, папочка, проснись! Ну, проснись же!

Он с трудом удержался от стона.

— Оставь меня в покое, Линда.

— Папочка, ты бы посмотрел, сколько кругом полицейских! И полицейских машин понаехало!

Норман Маллер понял, что сопротивляться бесполезно, и, тупо мигая, приподнялся на локте. Занимался день. За окном едва брезжил серый и унылый рассвет, и так же серо и уныло было у Маллера на душе. Он слышал, как Сара, его жена, возится в кухне, готовя завтрак. Его тесть, Мэтью,

яростно полоскал горло в ванной. Конечно, агент Хэндли уже дожидается его.

Ведь наступил знаменательный день.

День Выборов!

Поначалу этот год был таким же, как и все предыдущие. Может быть, чуть-чуть похуже, так как предстояли выборы президента, но, во всяком случае, не хуже любого другого года, на который приходились выборы президента.

Политические деятели разглагольствовали о сувер-р-ренных избирателях и мощном электр-р-ронном мозге, который им служит. Газеты оценивали положение с помощью промышленных вычислительных машин (у «Нью-Йорк таймс» и «Сент-Луис пост диспатч» имелись собственные машины) и не скупились на туманные намеки относительно исхода выборов. Комментаторы и обозреватели состязались в определении штата и графства, давая самые противоречивые оценки.

Впервые Маллер почувствовал, что этот год все-таки не будет таким же, как все предыдущие, вечером четвертого октября (ровно за месяц до выборов), когда его жена Сара Маллер сказала:

— Кэнтуэлл Джонсон говорит, что штатом на этот раз будет Индиана. Я от него четвертого это слышу. Только подумать, на этот раз наш штат!

Из-за газеты выглянуло мясистое лицо Мэтью Хортенвейлера. Посмотрев на дочь с кислой миной, он проворчал:

— Этим типам платят за вранье. Нечего их слушать.

— Но ведь уже четверо называют Индиану, папа, — кротко ответила Сара.

— Индиана — действительно ключевой штат, Мэтью, — также кротко вставил Норман, — из-за закона Хоукинса-Смита и скандала в Индианаполисе. Значит…

Мэтью грозно нахмурился и проскрипел:

— Никто пока еще не называл Блумингтон или графство Монро, верно?

— Да ведь… — начал Маллер.

Линда, чье острое личико поворачивалось от одного собеседника к другому, спросила тоненьким голоском:

— В этом году ты будешь выбирать, папочка?

Норман ласково улыбнулся.

— Вряд ли, детка.

Но все-таки это был год президентских выборов и октябрь, когда страсти разгораются все сильнее, а Сара вела тихую жизнь, пробуждающую мечтательность.

— Но ведь это было бы замечательно!

— Если бы я голосовал?

Норман Маллер носил светлые усики; когда-то их элегантность покорила сердце Сары, но теперь, тронутые сединой, они лишь подчеркивали заурядность его лица. Лоб изрезали морщины, порожденные неуверенностью, да и, вообще говоря, его душе старательного приказчика была совершенно чужда мысль, что он рожден великим или волей обстоятельств еще может достигнуть величия. У него была жена, работа и дочка, и, кроме редких минут радостного возбуждения или глубокого уныния, он был склонен считать, что его жизнь сложилась вполне удачно.

Поэтому его смутила и даже встревожила идея, которой загорелась Сара.

— Милая моя, — сказал он, — у нас в стране живет двести миллионов человек. При таких шансах стоит ли тратить время на пустые выдумки?

— Послушай, Норман, двести миллионов здесь ни при чем, и ты это прекрасно знаешь, — ответила Сара. — Во-первых, речь идет только о людях от двадцати до шестидесяти лет, к тому же это всегда мужчины, и, значит, остается уже около пятидесяти миллионов против одного. А в случае если это и в самом деле будет Индиана…

— В таком случае останется приблизительно

миллион с четвертью против одного. Вряд ли бы ты обрадовалась, если бы я начал играть на скачках при таких шансах, а? Давайте-ка лучше ужинать.

Из-за газеты донеслось ворчанье Мэтью:

— Дурацкие выдумки…

Линда задала свой вопрос еще раз:

— В этом году ты будешь выбирать, папочка?

Норман отрицательно покачал головой, и все пошли в столовую.

* * *

К двадцатому октября волнение Сары достигло предела. За кофе она объявила, что мисс Шульц — а ее двоюродная сестра служит секретарем у одного члена Ассамблеи — сказала, что «Индиана — дело верное».

— Она говорит, президент Виллерс даже собирается выступить в Индианаполисе с речью.

Норман Маллер, у которого в магазине выдался нелегкий день, только поднял брови в ответ на эту новость.

— Если Виллерс будет выступать в Индиане, значит, он думает, что Мультивак выберет Аризону. У этого болвана Виллерса духу не хватит сунуться куда-нибудь поближе, — высказался

Мэтью Хортенвейлер, хронически недовольный Вашингтоном.

Сара, обычно предпочитавшая, когда это не походило на прямую грубость, пропускать замечания отца мимо ушей, сказала, продолжая развивать свою мысль:

— Не понимаю, почему нельзя сразу объявить штат, потом графство и так далее. И все, кого это не касается, были бы спокойны.

— Сделай они так, — заметил Норман, — и политики налетят туда как воронье. А едва объявили бы город, как там уже на каждом углу торчало бы по конгрессмену, а то и по два.

Мэтью сощурился и в сердцах провел рукой по жидким седым волосам.

— Да они и так настоящее воронье. Вот послушайте…

Сара поспешила вмешаться:

— Право же, папа…

Но Мэтью продолжал свою тираду, не обратив на дочь ни малейшего внимания:

— Я ведь помню, как устанавливали Мультивак. Он положит конец борьбе партий, говорили тогда. Предвыборные кампании больше не будут пожирать деньги избирателей. Ни одно ухмыляющееся ничтожество не пролезет больше в

конгресс или в Белый дом, так как с политическим давлением и рекламной шумихой будет покончено. А что получилось? Шумихи еще больше, только действуют вслепую. Посылают людей в Индиану из-за закона Хоукинса-Смита, а других — в Калифорнию, на случай если положение с Джо Хэммером окажется более важным. А я говорю — долой всю эту чепуху! Назад к доброму старому…

Линда неожиданно перебила его:

— Разве ты не хочешь, дедушка, чтобы папа голосовал в этом году?

Мэтью сердито поглядел на внучку.

— Не в этом дело. — Он снова повернулся к Норману и Саре. — Было время, когда я голосовал. Входил прямо в кабину, брался за рычаг и голосовал. Ничего особенного. Я просто говорил: этот кандидат мне по душе, и я голосую за него. Вот как нужно!

Линда спросила с восторгом:

— Ты голосовал, дедушка? Ты и вправду голосовал?

Сара поспешила прекратить этот диалог, из которого легко могла родиться нелепая сплетня:

— Ты не поняла, Линда. Дедушка вовсе не хочет сказать, будто он голосовал, как сейчас. Когда

дедушка был маленький, все голосовали, и твой дедушка тоже, только это было не настоящее голосование.

Мэтью взревел:

— Вовсе я тогда был не маленький! Мне уже исполнилось двадцать два года, и я голосовал за Лэнгли, и голосовал по-настоящему. Может, мой голос не очень-то много значил, но был не хуже всех прочих. Да, всех прочих. И никакие Мультиваки не…

Тут вмешался Норман:

— Хорошо, хорошо, Линда, пора спать. И перестань расспрашивать о голосовании. Вырастешь, сама все поймешь.

Он поцеловал ее нежно, по всем правилам антисептики, и девочка неохотно ушла, после того как мать пригрозила ей наказанием и позволила смотреть вечернюю видеопрограмму до четверти десятого с условием, что она умоется быстро и хорошо.

* * *

— Дедушка, — позвала Линда.

Она стояла, упрямо опустив голову и заложив руки за спину, и ждала, пока газета не опустилась и из-за нее не показались косматые брови и глаза

в сетке тонких морщин. Была пятница, тридцать первое октября.

— Ну?

Линда подошла поближе и оперлась локтями о колено деда, так что он вынужден был отложить газету.

— Дедушка, ты правда голосовал? — спросила она.

— Ты ведь слышала, как я это сказал, так? Или, по-твоему, я вру? — последовал ответ.

— Н-нет, но мама говорит, тогда все голосовали.

— Правильно.

— А как же это? Как же могли голосовать все?

Мэтью мрачно посмотрел на внучку, потом поднял ее, посадил к себе на колени и даже заговорил несколько тише, чем обычно:

— Понимаешь, Линда, раньше все голосовали, и это кончилось только лет сорок назад. Скажем, хотели мы решить, кто будет новым президентом Соединенных Штатов. Демократы и республиканцы выдвигали своих кандидатов, и каждый человек говорил, кого он хочет выбрать президентом. Когда выборы заканчивались, подсчитывали, сколько народа хочет, чтобы президент был от демократов, и сколько — от

республиканцев. За кого подали больше голосов, тот и считался избранным. Поняла?

Линда кивнула и спросила:

— А откуда все знали, за кого голосовать? Им Мультивак говорил?

Мэтью свирепо сдвинул брови.

— Они решали это сами!

Линда отодвинулась от него, и он опять понизил голос:

— Я не сержусь на тебя, Линда. Ты понимаешь, порою нужна была целая ночь, чтобы подсчитать голоса, а люди не хотели ждать. И тогда изобрели специальные машины — они смотрели на первые несколько бюллетеней и сравнивали их с бюллетенями из тех же мест за прошлые годы. Так машина могла подсчитать, какой будет общий итог и кого выберут. Понятно?

Она кивнула:

— Как Мультивак.

— Первые вычислительные машины были намного меньше Мультивака. Но они становились все больше и больше и могли определить, как пройдут выборы, по все меньшему и меньшему числу голосов. А потом в конце концов построили Мультивак, который способен абсолютно все решить по одному голосу.

Линда улыбнулась, потому что это ей было понятно, и сказала:

— Вот и хорошо.

Мэтью нахмурился и возразил:

— Ничего хорошего. Я не желаю, чтобы какая-то машина мне говорила, за кого я должен голосовать, потому, дескать, что какой-то зубоскал в Милуоки высказался против повышения тарифов. Может, я хочу проголосовать не за того, за кого надо, коли мне так нравится, может, я вообще не хочу голосовать. Может…

Но Линда уже сползла с его колен и побежала к двери.

На пороге она столкнулась с матерью. Сара, не сняв ни пальто, ни шляпу, проговорила, еле переводя дыхание:

— Беги играть, Линда. Не путайся у мамы под ногами.

Потом, сняв шляпу и приглаживая рукой волосы, она обратилась к Мэтью:

— Я была у Агаты.

Мэтью окинул ее сердитым взглядом и, не удостоив это сообщение даже обычным хмыканьем, потянулся за газетой.

Сара добавила, расстегивая пальто:

— И знаешь, что она мне сказала?

Мэтью с треском расправил газету, собираясь вновь погрузиться в чтение, и ответил:

— Не интересуюсь.

Сара начала было: «Все-таки, отец...», — но сердиться было некогда. Новость жгла ей язык, а слушателя под рукой, кроме Мэтью, не оказалось, и она продолжала:

— Ведь Джо, муж Агаты, — полицейский, и он говорит, что вчера вечером в Блумингтон прикатил целый грузовик с агентами секретной службы.

— Это не за мной.

— Как ты не понимаешь, отец! Агенты секретной службы, а выборы совсем на носу. В Блумингтон!

— Может, кто-нибудь ограбил банк.

— Да у нас в городе уже сто лет никто банков не грабит. Отец, с тобой бесполезно разговаривать.

И она сердито вышла из комнаты.

* * *

И Норман Маллер не слишком взволновался, узнав эти новости.

— Скажи, пожалуйста, Сара, откуда Джо знает, что это агенты секретной службы? — спросил он невозмутимо. — Вряд ли они расхаживают по

городу, приклеив удостоверения на лоб.

Однако на следующий вечер, первого ноября, Сара торжествующе заявила:

— Все до одного в Блумингтоне считают, что избирателем будет кто-то из местных. «Блумингтон ньюс» почти прямо сообщила об этом по видео.

Норман поежился. Жена говорила правду, и сердце у него упало. Если Мультивак и в самом деле обрушит свою молнию на Блумингтон, это означает несметные толпы репортеров, туристов, особые видеопрограммы — всякую непривычную суету.

Норман дорожил тихой и спокойной жизнью, и его пугал все нарастающий гул политических событий.

Он заметил:

— Все это пока только слухи.

— А ты подожди, подожди немножко.

Ждать пришлось недолго. Раздался настойчивый звонок, и, когда Норман открыл дверь со словами: «Что вам угодно?», высокий человек с хмурым лицом спросил его:

— Вы Норман Маллер?

Норман растерянным, замирающим голосом ответил:

— Да.

По тому, как себя держал незнакомец, можно было легко догадаться, что он лицо, облеченное властью, а цель его прихода вдруг стала настолько же очевидной, неизбежной, насколько за мгновение до того она казалась невероятной, немыслимой.

Незнакомец предъявил свое удостоверение, вошел, закрыл за собой дверь и произнес ритуальные слова:

— Мистер Норман Маллер, от имени президента Соединенных Штатов я уполномочен сообщить вам, что на вас пал выбор представлять американских избирателей во вторник, четвертого ноября 2008 года.

* * *

Норман Маллер с трудом сумел добраться без посторонней помощи до стула. Так он и сидел — бледный как полотно, еле сознавая, что происходит, а Сара поила его водой, в смятении растирала руки и бормотала сквозь стиснутые зубы:

— Не заболей, Норман. Только не заболей. А то найдут кого-нибудь еще.

Когда к Норману вернулся дар речи, он прошептал:

— Прошу прощения, сэр.

Агент секретной службы уже снял пальто и, расстегнув пиджак, непринужденно расположился на диване.

— Ничего, — сказал он. (Он оставил официальный тон, как только покончил с формальностями, и теперь это был просто рослый и весьма доброжелательный человек.) Я уже шестой раз делаю это объявление — видел всякого рода реакции. Но только не ту, которую показывают по видео. Ну, вы и сами знаете: человек самоотверженно, с энтузиазмом восклицает: «Служить своей родине — великая честь!» Или что-то в таком же духе и не менее патетически. — Агент добродушно и дружелюбно засмеялся.

Сара вторила ему, но в ее смехе слышались истерически-визгливые нотки.

Агент продолжал:

— А теперь придется вам некоторое время потерпеть меня в доме. Меня зовут Фил Хэндли. Называйте меня просто Фил. До Дня Выборов мистеру Маллеру нельзя будет выходить из дому. Вам придется сообщить в магазин, миссис Маллер, что он заболел. Сами вы можете пока что заниматься обычными делами, но никому ни о чем ни слова. Я надеюсь, вы меня поняли и мы

договорились, миссис Маллер?

Сара энергично закивала.

— Да, сэр. Ни слова.

— Прекрасно. Но, миссис Маллер, — лицо Хэндли стало очень серьезным, — это не шутки. Выходите из дому только в случае необходимости, и за вами будут следить. Мне очень неприятно, но так у нас положено.

— Следить?

— Никто этого не заметит. Не волнуйтесь. К тому же это всего на два дня, до официального объявления. Ваша дочь…

— Она уже легла, — поспешно вставила Сара.

— Прекрасно. Ей нужно будет сказать, что я ваш родственник или знакомый и приехал к вам погостить. Если же она узнает правду, придется не выпускать ее из дому. А вашему отцу не следует выходить в любом случае.

— Он рассердится, — сказала Сара.

— Ничего не поделаешь. Итак, значит, со всеми членами вашей семьи мы разобрались и теперь…

— Похоже, вы знаете про нас все, — еле слышно сказал Норман.

— Немало, — согласился Хэндли. — Как бы то ни было, пока у меня для вас инструкций больше

нет. Я постараюсь быть полезным чем могу и не слишком надоедать вам. Правительство оплачивает расходы по моему содержанию, так что у вас не будет лишних затрат. Каждый вечер меня будет сменять другой агент, который будет дежурить в этой комнате. Значит, лишняя постель не нужна. И вот что, мистер Маллер…

— Да, сэр?

— Зовите меня просто Фил, — повторил агент. — Эти два дня до официального сообщения вам дают для того, чтобы вы успели привыкнуть к своей роли и предстали перед Мультиваком в нормальном душевном состоянии. Не волнуйтесь и постарайтесь себя убедить, что ничего особенного не случилось. Хорошо?

— Хорошо, — сказал Норман и вдруг яростно замотал головой. — Но я не хочу брать на себя такую ответственность. Почему непременно я?

— Ладно, — сказал Хэндли. — Давайте сразу во всем разберемся. Мультивак обрабатывает самые различные факторы, миллиарды факторов. Один фактор, однако, неизвестен и будет неизвестен еще долго. Это умонастроение личности. Все американцы подвергаются воздействию слов и поступков других американцев. Мультивак может оценить настроение любого американца.

И это дает возможность проанализировать настроение всех граждан страны. В зависимости от событий года одни американцы больше подходят для этой цели, другие меньше. Мультивак выбрал вас как самого типичного представителя страны для этого года. Не как самого умного, сильного или удачливого, а просто как самого типичного. А выводы Мультивака сомнению не подлежат, не так ли?

— А разве он не может ошибиться? — спросил Норман.

Сара нетерпеливо прервала мужа:

— Не слушайте его, сэр. Он просто нервничает. Вообще-то он человек начитанный и всегда следит за политикой.

Хэндли сказал:

— Решения принимает Мультивак, миссис Маллер. Он выбрал вашего мужа.

— Но разве ему все известно? — упрямо настаивал Норман. — Разве он не может ошибиться?

— Может. Я буду с вами вполне откровенным. В 1993 году избиратель скончался от удара за два часа до того, как его должны были предупредить о назначении. Мультивак этого не предсказал — не мог предсказать. У избирателя может быть неустойчивая психика, невысокие моральные

правила, или, если уж на то пошло, он может быть вообще нелояльным. Мультивак не в состоянии знать все о каждом человеке, пока он не получил о нем всех сведений, какие только имеются. Поэтому всегда наготове запасные кандидатуры. Но вряд ли на этот раз они нам понадобятся. Вы вполне здоровы, мистер Маллер, и вы прошли тщательную заочную проверку. Вы подходите.

Норман закрыл лицо руками и замер в неподвижности.

— Завтра к утру, сэр, — сказала Сара, — он придет в себя. Ему только надо свыкнуться с этой мыслью, вот и все.

— Разумеется, — согласился Хэндли.

Когда они остались наедине в спальне, Сара Маллер выразила свою точку зрения по-другому и гораздо энергичнее. Смысл ее нотаций был таков: «Возьми себя в руки, Норман. Ты ведь изо всех сил стараешься упустить возможность, которая выпадает раз в жизни».

Норман прошептал в отчаянии:

— Я боюсь, Сара. Боюсь всего этого.

— Господи, почему? Неужели так страшно ответить на один-два вопроса?

— Слишком большая ответственность. Она мне не по силам.

— Ответственность? Никакой ответственности нет. Тебя выбрал Мультивак. Вся ответственность лежит на Мультиваке. Это знает каждый.

Норман сел в кровати, охваченный внезапным приступом гнева и тоски:

— Считается, что знает каждый. А никто ничего знать не хочет. Никто…

— Тише, — злобно прошипела Сара. — Тебя на другом конце города слышно. — …ничего знать не хочет, — повторил Норман, сразу понизив голос до шепота. — Когда говорят о правительстве Риджли 1988 года, разве кто-нибудь скажет, что он победил на выборах потому, что наобещал золотые горы и плел расистский вздор? Ничего подобного! Нет, они говорят «выбор сволочи Маккомбера», словно только Хамфри Маккомбер приложил к этому руку, а он-то отвечал на вопросы Мультивака и больше ничего. Я и сам так говорил, а вот теперь я понимаю, что бедняга был всего-навсего простым фермером и не просил назначать его избирателем. Так почему же он виноват больше других? А теперь его имя стало ругательством.

— Рассуждаешь, как ребенок, — сказала Сара.

— Рассуждаю, как взрослый человек. Вот что, Сара, я откажусь. Они меня не могут заставить,

если я не хочу. Скажу, что я болен. Скажу…

Но Саре это уже надоело.

— А теперь послушай меня, — прошептала она в холодной ярости. — Ты не имеешь права думать только о себе. Ты сам знаешь, что такое избиратель года. Да еще в год президентских выборов. Реклама, и слава, и, может быть, куча денег…

— А потом опять становись к прилавку.

— Никаких прилавков! Тебя назначат по крайней мере управляющим одного из филиалов, если будешь все делать по-умному, а уж это я беру на себя. Если ты правильно разыграешь свои карты, то «Универсальным магазинам Кеннелла» придется заключить с тобой выгодный для нас контракт — с пунктом о регулярном увеличении твоего жалованья и обязательством выплачивать тебе приличную пенсию.

— Избирателя, Сара, назначают вовсе не для этого.

— А тебя — как раз для этого. Если ты не желаешь думать о себе или обо мне — я же прошу не для себя! — то о Линде ты подумать обязан.

Норман застонал.

— Обязан или нет? — грозно спросила Сара.

— Да, милочка, — прошептал Норман.

* * *

Третьего ноября последовало официальное сообщение, и теперь Норман уже не мог бы отказаться, даже если бы у него хватило на это мужества.

Они были полностью изолированы от внешнего мира. Агенты секретной службы, уже не скрываясь, преграждали всякий доступ в дом.

Сначала беспрерывно звонил телефон, но на все звонки с чарующе-виноватой улыбкой Филип Хэндли отвечал сам. В конце концов станция попросту переключила телефон на полицейский участок.

Норман полагал, что так его спасают не только от захлебывающихся от поздравлений (и зависти) друзей, но и от бессовестных приставаний коммивояжеров, чующих возможную прибыль, от расчетливой вкрадчивости политиканов со всей страны… А может, и от полоумных фанатиков, готовых разделаться с ним.

В дом запретили приносить газеты, чтобы оградить Нормана от их воздействия, а телевизор отключили — деликатно, но решительно, и громкие протесты Линды не помогли.

Мэтью ворчал и не покидал своей комнаты;

Линда, когда первые восторги улеглись, начала дуться и капризничать, потому что ей не позволяли выходить из дому; Сара делила время между стряпней и планами на будущее; а настроение Нормана становилось все более и более угнетенным под влиянием одних и тех же мыслей.

И вот наконец настало утро четвертого ноября 2008 года, наступил День Выборов.

Завтракать сели рано, но ел один только Норман Маллер, да и то по привычке. Ни ванна, ни бритье не смогли вернуть его к действительности или избавить от чувства, что и вид у него такой же скверный, как душевное состояние.

Хэндли изо всех сил старался разрядить напряжение, но даже его дружеский голос не мог смягчить враждебности серого рассвета. (В прогнозе погоды было сказано: облачность, в первую половину дня возможен дождь.) Хэндли предупредил:

— До возвращения мистера Маллера дом останется по-прежнему под охраной, а потом мы избавим вас от своего присутствия.

Агент секретной службы на этот раз был в полной парадной форме, включая окованную медью кобуру на боку.

— Вы же совсем не были нам в тягость, мистер

Хэндли, — сладко улыбнулась Сара.

Норман выпил две чашки кофе, вытер губы салфеткой, встал и произнес каким-то страдальческим голосом:

— Я готов.

Хэндли тоже поднялся.

— Прекрасно, сэр. И благодарю вас, миссис Маллер, за любезное гостеприимство.

* * *

Бронированный автомобиль урча несся по пустынным улицам. Даже для такого раннего часа на улицах было слишком пусто.

Хэндли обратил на это внимание Нормана и добавил:

— На улицах, по которым пролегает наш маршрут, теперь всегда закрывается движение — это правило было введено после того, как покушение террориста в девяносто втором году чуть не сорвало выборы Леверетта.

Когда машина остановилась, Хэндли, предупредительный, как всегда, помог Маллеру выйти. Они оказались в подземном коридоре, вдоль стен которого шеренги солдат замерли по стойке «смирно».

Маллера проводили в ярко освещенную комна-

ту, где три человека в белых халатах встретили его приветливыми улыбками.

Норман сказал резко:

— Но ведь это же больница!

— Неважно, — тотчас же ответил Хэндли. — Просто в больнице есть все необходимое оборудование.

— Ну, так что же я должен делать?

Хэндли кивнул. Один из трех людей в белых халатах шагнул к ним и сказал:

— Вы передаете его мне.

Хэндли небрежно козырнул и вышел из комнаты.

Человек в белом халате проговорил:

— Не угодно ли вам сесть, мистер Маллер? Я Джон Полсон, старший вычислитель. Это Самсон Левин и Питер Дорогобуж, мои помощники.

Норман тупо пожал всем руки. Полсон был невысок, его лицо с расплывчатыми чертами, казалось, привыкло вечно улыбаться. Он носил очки в старомодной пластиковой оправе и накладку, плохо маскировавшую плешь. Разговаривая, Полсон закурил сигарету. (Он протянул пачку и Норману, но тот отказался.) Полсон сказал:

— Прежде всего, мистер Маллер, я хочу преду-

предить вас, что мы никуда не торопимся. Если понадобится, вы можете пробыть здесь с нами хоть целый день, чтобы привыкнуть к обстановке и избавиться от ощущения, будто в этом есть что-то необычное, какая-то клиническая сторона, если можно так выразиться.

— Это мне ясно, — сказал Норман. — Но я предпочел бы, чтобы это кончилось поскорее.

— Я вас понимаю. И тем не менее нужно, чтобы вы ясно представляли себе, что происходит. Прежде всего, Мультивак находится не здесь.

— Не здесь? — Все это время, как он ни был подавлен, Норман таил надежду увидеть Мультивак. По слухам, он достигал полумили в длину и был в три этажа высотой, а в коридорах внутри его — подумать только! — постоянно дежурят пятьдесят специалистов. Это было одно из чудес света.

Полсон улыбнулся.

— Вот именно. Видите ли, он не совсем портативен. Говоря серьезно, он помещается под землей, и мало кому известно, где именно. Это и понятно, ведь Мультивак — наше величайшее богатство. Поверьте мне, выборы не единственное, для чего используют Мультивак.

Норман подумал, что разговорчивость его собе-

седника не случайна, но все-таки его разбирало любопытство.

— А я думал, что увижу его. Мне бы этого очень хотелось.

— Разумеется. Но для этого нужно распоряжение президента, и даже в таком случае требуется виза Службы безопасности. Однако мы соединены с Мультиваком прямой связью. То, что сообщает Мультивак, можно расшифровать здесь, а то, что мы говорим, передается прямо Мультиваку; таким образом, мы как бы находимся в его присутствии.

Норман огляделся. Кругом стояли непонятные машины.

— А теперь разрешите мне объяснить вам процедуру, мистер Маллер, — продолжал Полсон. — Мультивак уже получил почти всю информацию, которая ему требуется для определения кандидатов, — в органы власти всей страны, отдельных штатов и местные. Ему нужно только свериться с не поддающимся выведению умонастроением личности, и вот тут-то ему и нужны вы. Мы не в состоянии сказать, какие он задаст вопросы, но они и вам, и даже нам, возможно, покажутся почти бессмысленными. Он, скажем, спросит вас, как, на ваш взгляд, поставлена очистка улиц

вашего города и как вы относитесь к централизованным мусоросжигателям. А может быть, он спросит, лечитесь ли вы у своего постоянного врача или пользуетесь услугами Национальной медицинской компании. Вы понимаете?

— Да, сэр.

— Что бы он ни спросил, отвечайте своими словами, как вам угодно. Если вам покажется, что объяснять нужно многое, не стесняйтесь. Говорите хоть час, если понадобится.

— Понимаю, сэр.

— И еще одно. Нам потребуется использовать кое-какую несложную аппаратуру. Пока вы говорите, она будет автоматически записывать ваше давление, работу сердца, проводимость кожи, биотоки мозга. Аппараты могут испугать вас, но все это совершенно безболезненно. Вы даже не почувствуете, что они включены.

Его помощники уже хлопотали около мягко поблескивающего агрегата на хорошо смазанных колесах.

Норман спросил:

— Это чтобы проверить, говорю ли я правду?

— Вовсе нет, мистер Маллер. Дело не во лжи. Речь идет только об эмоциональном напряжении. Если машина спросит ваше мнение о школе,

где учится ваша дочь, вы, возможно, ответите: «По-моему, классы в ней переполнены». Это только слова. По тому, как работает ваш мозг, сердце, железы внутренней секреции и потовые железы, Мультивак может точно определить, насколько вас волнует этот вопрос. Он поймет, что вы испытываете, лучше, чем вы сами.

— Я об этом ничего не знал, — сказал Норман.

— Конечно! Ведь большинство сведений о методах работы Мультивака являются государственной тайной. И, когда вы будете уходить, вас попросят дать подписку, что вы не будете разглашать, какого рода вопросы вам задавались, что вы на них ответили, что здесь происходило и как. Чем меньше известно о Мультиваке, тем меньше шансов, что кто-то посторонний попытается повлиять на тех, кто с ним работает. — Он мрачно улыбнулся. — У нас и без того жизнь нелегкая.

Норман кивнул.

— Понимаю.

— А теперь, быть может, вы хотите есть или пить?

— Нет. Пока что нет.

— У вас есть вопросы?

Норман покачал головой.

— В таком случае скажите нам, когда вы будете

готовы.

— Я уже готов.

— Вы уверены?

— Вполне.

Полсон кивнул и дал знак своим помощникам начинать.

Они двинулись к Норману с устрашающими аппаратами, и он почувствовал, как у него участилось дыхание.

* * *

Мучительная процедура длилась почти три часа и прерывалась всего на несколько минут, чтобы Норман мог выпить чашку кофе и, к величайшему его смущению, воспользоваться ночным горшком. Все это время он был прикован к машинам. Под конец он смертельно устал.

Он подумал с иронией, что выполнить обещание ничего не разглашать будет очень легко. У него уже от вопросов была полная каша в голове.

Почему-то раньше Норман думал, что Мультивак будет говорить загробным, нечеловеческим голосом, звучным и рокочущим; очевидно, это представление ему навеяли бесконечные телевизионные передачи, решил он теперь. Действительность оказалась до обидного неро-

мантичной. Вопросы поступали на полосках какой-то металлической фольги, испещренных множеством проколов. Вторая машина превращала проколы в слова, и Полсон читал эти слова Норману, а затем передавал ему вопрос, чтобы он прочел его сам.

Ответы Нормана записывались на магнитофонную пленку, их проигрывали, а Норман слушал, все ли верно, и его поправки и добавления тут же записывались.

Затем пленка заправлялась в перфорационный аппарат и результаты передавались Мультиваку.

Единственный вопрос, запомнившийся Норману, был словно выхвачен из болтовни двух кумушек и совсем не вязался с торжественностью момента: «Что вы думаете о ценах на яйца?» И вот все позади: с его тела осторожно сняли многочисленные электроды, распустили пульсирующую повязку на предплечье, убрали аппаратуру.

Норман встал, глубоко и судорожно вздохнул и спросил:

— Все? Я свободен?

— Не совсем. — Полсон спешил к нему с ободряющей улыбкой. — Мы бы просили вас задержаться еще на часок.

— Зачем? — встревожился Норман.

— Приблизительно такой срок нужен Мультиваку, чтобы увязать полученные новые данные с миллиардами уже имеющихся у него сведений. Видите ли, он должен учитывать тысячи других выборов. Дело очень сложное. И может оказаться, что какое-нибудь назначение окажется неувязанным, скажем, санитарного инспектора в городе Феникс, штат Аризона, или же муниципального советника в Уилксборо, штат Северная Каролина. В таком случае Мультивак будет вынужден задать вам еще несколько решающих вопросов.

— Нет, — сказал Норман. — Я ни за что больше не соглашусь.

— Возможно, этого и не потребуется, — уверил его Полсон. — Такое положение возникает крайне редко. Но просто на всякий случай вам придется подождать. — В его голосе зазвучали еле заметные стальные нотки. — Ваши желания тут ничего не решают. Вы обязаны.

Норман устало опустился на стул и пожал плечами.

Полсон продолжал:

— Читать газеты вам не разрешается, но, если детективные романы, или партия в шахматы, или еще что-нибудь в этом роде помогут вам

скоротать время, вам достаточно только сказать.

— Ничего не надо. Я просто посижу.

Его провели в маленькую комнату рядом с той, где он отвечал на вопросы. Он сел в кресло, обтянутое пластиком, и закрыл глаза.

Хочешь не хочешь, а нужно ждать, пока истечет этот последний час.

* * *

Он сидел не двигаясь, и постепенно напряжение спало. Дыхание стало не таким прерывистым, и дрожь в пальцах уже не мешала сжимать руки.

Может, вопросов больше и не будет. Может, все кончилось.

Если это так, то дальше его ждут факельные шествия и выступления на всевозможных приемах и собраниях. Избиратель этого года!

Он, Норман Маллер, обыкновенный продавец из маленького универмага в Блумингтоне, штат Индиана, не рожденный великим, не добившийся величия собственными заслугами, попал в необычайное положение: его вынудили стать великим.

Историки будут торжественно упоминать Выборы Маллера в 2008 году. Ведь эти выборы будут

называться именно так — Выборы Маллера.

Слава, повышение в должности, сверкающий денежный поток — все то, что было так важно для Сары, почти не занимало его. Конечно, это очень приятно, и он не собирается отказываться от подобных благ. Но в эту минуту его занимало совершенно Другое.

В нем вдруг проснулся патриотизм. Что ни говори, а он представляет здесь всех избирателей страны. Их чаяния собраны в нем, как в фокусе. На этот единственный день он стал воплощением всей Америки!

Дверь открылась, и Норман весь обратился в слух. На мгновение он внутренне сжался. Неужели опять вопросы?

Но Полсон улыбался.

— Все, мистер Маллер.

— И больше никаких вопросов, сэр?

— Ни единого. Прошло без всяких осложнений. Вас отвезут домой, и вы снова станете частным лицом, конечно, насколько вам позволит широкая публика.

— Спасибо, спасибо. — Норман покраснел и спросил: — Интересно, а кто избран?

Полсон покачал головой.

— Придется ждать официального сообщения.

Правила очень строгие. Мы даже вам не имеем права сказать. Я думаю, вы понимаете.

— Конечно. Ну, конечно, — смущенно ответил Норман.

— Агент Службы безопасности даст вам подписать необходимые документы.

— Хорошо.

И вдруг Норман ощутил гордость. Неимоверную гордость. Он гордился собой.

В этом несовершенном мире суверенные граждане первой в мире и величайшей Электронной Демократии через Нормана Маллера (да, через *него*!) вновь осуществили принадлежащее им свободное, ничем не ограниченное право выбирать свое правительство!

* * *

Айзек Азимов
Путь марсиан
Издательство «МИР»
Москва
1966
Художник Ю. И. Соостер

